

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
THE DEPARTMENT OF CULTURE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»
LLC “SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY-1”

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO “INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

THE DEPARTMENT OF CULTURE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
LLC “SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY-1”
ANO “INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

Materials and research relating to the history of the north of Western Siberia
Issue V

Oleg Victorovich KARDASH
Georgy Petrovich VIZGALOV

THE TOWN OF MONKYS`URI:
to the history of the population of Bolshoy Yugan River
in XVI-XVII centuries

(according to the results of a comprehensive archaeological research)

Vol. II

Yekaterinburg – Nefteyugansk
2015

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»
АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
Выпуск V

Олег Викторович КАРДАШ
Георгий Петрович ВИЗГАЛОВ

ГОРОДОК МОНКЫСЬ УРИЙ:
к истории населения Большого Югана
в XVI-XVII веках

(по результатам комплексного археологического исследования)

Том II

Екатеринбург – Нефтеюганск
2015

УДК 902.2(571.122)
ББК 63.4(253.3)
К219

Кардаш О. В., Визгалов Г. П.

К 219 Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования) [Текст] : в 2-х т. / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. – Екатеринбург : Издательская группа Караван, 2015. – Том II. – Источники и специальные исследования. – 208 с. : ил. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири ; вып. V). – Выходные сведения, резюме, список прил. и ил., огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-9907155-1-6

Монография посвящена результатам комплексного изучения археологического памятника «Городок Монкысь урий». Данный объект находится в центре таежного Приобья, на реке Большой Юган и представляет собой остатки исторического населенного пункта XVI – начала XVII века. Его раскопки проводились краеведами и археологами с 80-х годов прошлого века. Наиболее полно памятник был изучен под руководством авторов данной книги в 2011–2013 годах. Материалы полевых работ хранятся в шести городах и пяти музеях России. В результате исследования были воссозданы некоторые реалии истории Сибири рубежа XVI–XVII веков. Установлено, что городок служил резиденцией общинного вождя Тонемы (Тоньи) – потомка князя Бардака, возглавлявшего аборигенное население инородческих волостей Сургутского уезда Тобольского разряда в период административного закрепления региона в составе Московского царства. В 1616–1619 годах Тонема поднял мятеж против воеводской власти и русского населения, занимался грабежами торговцев, промышленников и служилых людей. В 1619 году отряд казаков, посланный из города Сургута на подавление мятежа, провел военную операцию, в результате которой крепость была взята штурмом. На сегодняшний день городок Монкысь урий – это единственный практически полностью изученный раскопками археологический памятник Сургутского Приобья последнего этапа освоения Западной Сибири Московским государством, связанный с историей коренного населения реки Большой Юган.

Во втором томе представлены документальные и фольклорные источники, результаты их анализа, а также специальные исследования различных археологических материалов, проведенные как историками, так и специалистами других областей знания с применением естественнонаучных методов исследований.

Книга предназначена для историков, археологов, этнологов, как российских, так и зарубежных, преподавателей учебных заведений, работников культуры и средств массовой информации, студентов, учащихся, а также для всех тех, кто интересуется культурным наследием коренных угорских народов Западной Сибири.

УДК 902.2(571.122)
ББК 63.4(253.3)

Серия основана в 2002 году

Монография прошла обсуждение на секторе «Славяно-финской археологии» ИИМК РАН и рекомендована к изданию Ученым советом Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Рецензенты:

д-р ист. наук В. А. Лапшин, д-р ист. наук А. Н. Кирпичников
канд. ист. наук А. В. Курбатов, д-р ист. наук С. В. Белецкий,

Автор идеи, руководитель научно-исследовательского коллектива канд. ист. наук О. В. Кардаш
Научный редактор: канд. ист. наук В. А. Борзунов

Полевые исследования финансировались
в 1990 году Тюменским краеведческим музеем, в 2011–2013 годах ООО «РН – Юганскнефтегаз».

Монографическое исследование подготовлено на средства гранта в форме субсидий из бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, профинансированного Департаментом культуры Ханты-Мансийского автономного округа, а также на собственные средства АНО «Институт археологии Севера» и ООО «НПО “Северная археология-1”».

Издание осуществлено на собственные средства ООО «НПО “Северная археология-1”».

ISBN 978-5-9907155-1-6

© Кардаш О. В., 2015
© Визгалов Г. П., 2015
© АНО «Институт археологии Севера», 2015
© ООО «НПО “Северная археология-1”», 2015
© ООО «Издательская группа Караван», оформление, 2015

Территория хозяйственного освоения
ООО «РН – Юганскнефтегаз»

Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI-XVII веках

Источники и специальные исследования

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ**1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ РГАДА**

- 1.1. Царская грамота сургутскому воеводе О. Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И. И. Колемина. 1596 г., августа 31.
- 1.2. Из наказа сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому об отправке остяков князя Бардака в поход на пуровских самоедов. 1597 г., января 31.
- 1.3. Царская грамота о походе сургутского атамана Зубакина и Кинемы Бардакова на Пур для сбора ясака с самоедов. 1602 г., сентября 6.
- 1.4. Воеводская отписка из Нарыма в Кетск об антирусских действиях остяков Кинемы Бардакова. 1616 г., не ранее сентября 7.
- 1.5. Отписка тобольского воеводы И. С. Куракина пелымским воеводам об «измене» сургутских остяков. 1618 г., не ранее сентября 1 – не позднее декабря 2.
- 1.6. Из отписки из Маковского острога П. Албычева и Ч. Рукина кетскому воеводе Ч. Челищеву об оказании содействия посланным ими гонцов в Тобольск. 1619 г., не ранее февраля 11.
- 1.7. Царская грамота о награждении сургутского подьячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7.
- 1.8. Донос сургутского воеводы Н. Е. Пушкина на второго воеводу Б. И. Белкина 1626 г., не ранее марта 25 – не позднее сентября 1.
- 1.9. Копии царских грамот и их фрагментов. Конец XVI – начало XVII века.

2. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- 2.1. *Дунин-Горкавич А. А.* Предание. [Остяцкий князь Танга]. 1904 г.
- 2.2. *Покачёв С. Ф., Силин А. И.* Предание о Танье. Монти Танья: Повесть о таежном герое Танье (фрагмент). 1954 г. / 1987–1988 гг.
- 2.3. *Каюков П. Т., Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Предание. Тонья-богатырь. 1974 г. / 1990 г.
- 2.4. *Когончин И. А., Семёнова В. И.* Предание о Тонье. 1990 г.
- 2.5. *Немпилов Я. Н., Кардаш О. В.* Предание о Тонье. 1994 г.
- 2.6. *Курломкин П. В., Карачаров К. Г.* Предание о Тонье. 1999 г.
- 2.7. *Усанов И. П., Карачаров К. Г.* Предание о Тонье (фрагмент). 1999 г.
- 2.8. *Бисаркин Е. Н., Карачаров К. Г.* Предание о Тонье (фрагмент). 1999 г.
- 2.9. *Ачимов Н. П., Карачаров К. Г.* Предание о Тонье. 2000 г.
- 2.10. *Каюков П. Т., Мартынова Е. П.* Предание о Танье. 2001 г.
- 2.11. *Мултанов В. С., Мартынова Е. П.* Предание о Танье. 2001 г.
- 2.12. *Каюкова В. В., Каюков Л. Н., Визгалов Г. П.* Предание о Танье. 2003 г.

3. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 3.1. *Вершинин Е. В.* Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках. 2002.
- 3.2. *Двуреченский О. В.* Боеприпасы и огнестрельное оружие городка Монкысь урий (Частухинский урий) по результатам археологических исследований. 1990, 2011–2013 годов.
- 3.3. *Травкин С. Н.* Нумизматическая коллекция из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.

4. МАТЕРИАЛЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 4.1. *Ражев Д. Н., Слеченко С. М., Пошехонова О. Е., Алексеева Е. А.* Антропологическое исследование косных останков из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.
- 4.2. *Лобанова Т. В., Косинцев П. А.* Археозоологическое исследование костных останков животных из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.
- 4.3. *Аськеев И. В.* Археозоологическое исследование чешуи рыб из раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий) 2012 года.
- 4.4. *Бачура О. П.* Определение сезона смерти и возраста особей животных по спилам зубов из раскопок городка Монкысь урий (Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы.
- 4.5. *Кулькова М. А., Нестеров Е. М., Нестерова Л. А., Синай М. Ю.* Определение возраста органических образцов (кость, дерево) из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий). 2011–2013 годы.

LIST OF APPENDICES**1. THE DOCUMENTARY SOURCES FROM THE FUNDS OF RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT DOCUMENTS (RSAAD)**

- 1.1. Tsar's letter to governor of Surgut O.T. Pleshcheyev about organizing the campaign against the Pegaya Horde led by its head I.I. Kolemin. 1596, August 31.
- 1.2. From the instruction to Surgut governor Prince S. M. Lobanov-Rostovsky and mayor I.N. Rzhhevsky about setting the Prince Bardak's Ostyaks out on a campaign against Purovskie Samoyeds. 1597, January 31.
- 1.3. The royal letter about Ataman of Surgut Zubakin and Kinema Bardakov's ride on Pur to collect tribute from the Samoyeds. 1602, September 6th.
- 1.4. Provincial letter from Narym to Ketsk about anti-Russian actions of Kinema Bardakov's Ostyaks. In 1616, not before September 7.
- 1.5. The letter of Tobolsk voivode I. S. Kurakin to Pelymsky warbosses about «treason» of Surgut Ostyaks. 1618, not earlier than September 1 – not later than 2 December.
- 1.6. From the letter of P. Albychev and Ch. Rukin from Makovsky prison to Ket governor Chelishchev for assistance to the messengers sent by them to Tobolsk. In 1619, not before 11 February.
- 1.7. The royal charter to award Surgut clerk I. Afanasyev for the defeat of the Kinema and Sueta Bardakov's military detachment in 1619. 1624, March 7.
- 1.8. Denunciation by Surgut voivode N. E. Pushkin on the second voivode (governor) B. I. Belkin 1626, not earlier than March 25 – no later than 1 September.
- 1.9. Copies of royal charter and fragments. XVI-XVII centuries

2. FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC SOURCES

- 2.1. *Dunin-Gorkavich A.A.* Legend. [Ostyak Duke Tanga]. 1904
- 2.2. *Pokachëv S.F., Silin A.I.* Legend of Tanie. Monti Tanya: A Tale of taiga character Tanya [original archive version]. 1954 / 1987–1988
- 2.3. *Kayukov P. T., Kulemzin V. M., Lukina N. V.* Legend. Tonya-hero. 1974/1990
- 2.4. *Kogonchin I. A., Semenova V. I.* Legend about Tonya. 1990
- 2.5. *Nempirov Y. N., Kardash O. V.* Legend of Tonya. 1994
- 2.6. *Kurlomkin P. V., Karacharov K. G.* Legend about Tonya. 1999
- 2.7. *Usanov I. P., Karacharov K. G.* Legend of Tonya (fragment). 1999
- 2.8. *Bisarkin E. N., Karacharov K. G.* Legend of Tonya (fragment). 1999
- 2.9. *Achimov N. P., Karacharov K. G.* Legend of Tonya. 2000
- 2.10. *Kayukov P. T., Martynova E. P.* legend of Tanie. 2001
- 2.11. *Multanov V. S., Martynova E. P.* Legend of Tanie. 2001
- 2.12. *Kayukova V. V., Kayukov L. N., Vizfalov G. P.* Legend of Tanie. 2003

3. MATERIALS OF HISTORICAL RESEARCHES

- 3.1. *Vershinin E.V.* Rise of Tonya-Kinema in the written and folklore sources. 2002.
- 3.2. *Dvurechensky O.V.* Ammunition and firearms of Monkys' Uri town (Chastuhinsky Uri) based on the results of archaeological investigations. 1990, 2011–2013.
- 3.3. *Travkin S. N.* Numismatic collection from the excavations of Monkys' Uri settlement (Chastuhinsky Uri). 1990, 2011–2013.

4. MATERIALS OF NATURAL SCIENCES

- 4.1. *Razhev D. N., Slepchenko S. M., Poshekhonova O. E., Alekseeva E. A.* Anthropological study of skeletal remains from the excavation in Monkys' Uri (Chastuhinsky Uri) settlement. 1990, 2011–2013.
- 4.2. *Lobanova T. V., Kosintsev P. A.* Archaeozoological study of the animal bone remains from the excavations of Monkys' Uri (Chastuhinsky Uri) settlement. 1990, 2011–2013.
- 4.3. *Askeev I. V.* Archaeozoological study of fish scales from the excavations of Monkys' Uri (settlement Chastuhinsky Uri) town. 2012.
- 4.4. *Bachura O. P.* Determination of the season of death and age of the animal species on saw cut of teeth from excavations of the Monkys' Uri town (Chastuhinsky Uri). 1990, 2011–2013.
- 4.5. *Kulkova M. A., Nesterov E. M., Nesterova, L. A., Sinai M. Y.* Determining the age of organic samples (bone, wood) from the excavations of the Monkys' Uri settlement (Chastuhinsky Uri). 2011–2013.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ РГАДА

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.1

Царская грамота сургутскому воеводе О. Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И. И. Колемина. 1596 г., августа 31

От царя и великого князя Федора Ивановича Всеа Русии в Сибирь в новой город в Сургут воеводе нашему Осипу Тимофеевичю Плещееву с товарищи. Писали есте к нам с сургуцкими казаки с Первушею Лукиным да Якушом Матфеевым, что в нынешнем в 104 году посылали вы в Пегую орду князю к Воне нашего ясаку собирать на нынешней на 104 год и на прошлой на 103 год ясачиков стрельца Ивана Беляева да казаков Ваську Черкаса да Тимоху Вячанина, а к Быковым детем посылали стрельца Иванка Ясыря да казака Савку Корелу. И Воня князь в Пегую орду наших ясачиков к себе не пустил, а взял к себе одново ясачика Иванка Ясыря, да, взяв его к себе, ясаку ему на нынешней на 104 год и на прошлой на 103 год с собя и с людей своих не дал и к Быковым детем его не пропустил и ему отказал, что ясак с себя и своих людей не дает.

Да вы ж к нам писали, что писано к вам от нас в нашей грамоте с атаманом с Митию Гизниным: которых воинских людей посылати в дальние посылки на наших изменников в Пегую орду и тех было людей к вам присылати по зиме, и тех к вам людей не присылавали. А только на Пегую орду войны не будет, и с Пегой орды и с иных волостей нашего ясаку николи сполна им не давывать. А как будут на Пегую орду воинские люди, и в Пегой бы орде поставити острог на одну осень, покамест приведут волости под нашу под царскую руку и ясак возьмут сполна, и у них бы поимати заклады лучших людей изо всех волостей и кому мочно было вперед верить. А заклады бы у них поймав в город в Сургут привезть. А острогу бы в Пегой орде вперед и нашим людям не быти, потому что место дальнее, вода верховая, запасы провадить великою нужею, а малым людям быти в Пегой орде в остроге нельзя, что у Воня князя с братьею и з детьми збираетца 400 человек, а все около ево ходом во днище, а иные де волости подошли к Воне блиско ж.

Да вы ж писали к нам, что вы город Сургут и острог укрепили и чеснок круг города и острогу поставили всеми служилыми людьми и живете в новом городе в Сургуте с великим бережением. Да приехал де к вам в город в Сургут маия в 14 день **Бордоков сын Тонем**, а в розпросе вам сказал: слышал де он от ваховского остяка от Тадыбина сына от Нона, а ходил де он в Лунпукол вверх и слышел он от лунпуколских остяков, что Воня князь нашего ясаку дати не хочет, а хочет де, собрався с своими людьми и з дальними волостями, приходит к городу к Сургуту. Да вы ж писали к нам, что сказывал вам Бордак, что Кучюм царь подкочевал к Пегой Орде и с Вонею князем ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходит. И нам бы вам о том о всем велети указ свой учинити.

И вы то зделали гораздо, что город Сургут и острог укрепили и чеснок круг города и острогу поставили. А что вы писали про Пегую орду про Воню князя: только на Пегую орду на Воню князя посылки не будет, и Воне князю ясаку нам не давывать, потому что Воня князь нашим ясачиком отказал и ясаку с собя не дал да к

Быковым детем наших ясачиков по ясак не пропустил; да Воня же князь ссылаетца с Кучюмом царем, а хочет на весну приходит к городу к Сургуту и на нашу казну и на запасы – и мы ныне по тем вестям велели послати в Пегую орду в поход войною.

А ратных людей в поход велели есмь послать к сургуцким людям в прибавку ис Тобольского да з Березова. Из Тобольского велено послати с сыном боярским с Романом с Нееловым казаков з двема атаманы 50 человек с оружием, выбрав лучших людей, а запасу им велено дать в поход по осьмине муки ржаной, по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна – итого 25 чети муки, 12 чети с осьминою круп, 12 с осьминою толокна. Да им ж велено в поход дати по 2 фунта зелья, по 2 фунта свинцу человеку – итого полтретья пуда зелья, полтретья свинцу. Да ис Тобольского ж велено послати тобольских юртовских тотар с сыном боярским с Максимом или с Фуником з Быкасовым да с атаманом с Черкасом с Олександровым, выбрав лучших тотар з Бйбахтою да с Кызылбаем 100 человек. А запасу им велено дати 50 чети муки ржаной, по осьмине человеку. И всего из Тобольского велено послати з детьми боярскими с Романом Нееловым да з Быкасом Максимовым или с Фуником казаков и юртовских тотар 150 человек.

Да з Березова велено послати, только будет Югорская земля умиралася и на мере стало и шатости и измены в них некоторые не почаят, з детьми боярскими с Прокофьем с Воейковым да с Иваном с Пешневым казаков з двема атаманы 50 человек, выбрав лучших людей. А запасу им велено дати по осьмине муки ржаной человеку да по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна – итого 25 чети муки, 12 чети с осьминою круп, 12 чети толокна с осьминою. Да им же велено в поход дати по 2 фунта зелья, по 2 фунта свинцу человеку – итого полтретья пуда зелья да полтретья пуда свинцу. Да з Березова ж велено послати со князем Игичеем или с его братьею людей его остяков, выбрав лучших, 100 человек. А запасов им велено дати 50 чети муки ржаной, по осьмине человеку. Да з Березова ж велено послати к вам в Сургут наряду для походу 5 пищалей полковых нового дела с станки с колесы, а к ним велено послати по 100 ядер железных, итого 500 ядер, да 4 пуды зелья; а те пищали, сходяв в поход, велено оставить в Сургуте впредь для походов. И всего з Березова велено послати з детьми боярскими и атаманы донских и волских казаков со князем Игичеем или с его братьею тотар людей его 150 человек, только будет Югорская земля умиралася и на мере стала и шатости и измены некоторые не почаят. А только будет Югорская земля не умиралася и на мере не стала и почаят от них какие дурные шатости и измены – и з Березова тех ратных людей посылати к вам в Сургут не велено. И всего из Тобольского и з Березова велено послати казаков и тотар з детьми боярскими 300 человек, и в Тобольской и на Березов о том указ наш к воеводам послан.

Да и к тому велели есмь послати ис сургутцких казаков и ис стрельцов, выбрав лучших, 100 человек, а в городе оставить 55 человек. А только будет в городе тех людей оставить мало, с теми будет людьми в городе жить и от остяков страшно – ино велено в поход отпустить вам 80 человек, а в городе оставити 70 человек. А запасу им дати в поход, как мошно сходить, смотря по тамошнему делу. А с теми со всеми ратными людьми велели есмь в поход итти тебе Ивану Колемину. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы до походу зимою жили в городе в Сургуте со всеми служилыми людьми с великим бережением, и сторожи и караулы у вас были крепкие, чтобы Воня князь со своими людьми и с иными волостями сложася к городу к Сургуту не пришел и над городом какие порухи не зделал. А про поход о прибыльных людех тотчас по сей нашей грамоте отписали в Тобольской и на Березов к воеводам, чтобы они по нашему указу тех ратных людей к вам в Сургут прислали по весне тотчас, как лед вскрыетца. Да и о вестях бы естя к ним отписали про вести подлинно, чтобы им про то было ведомо. О они, смотря по вестем, ранее ратных людей пришлют. Да и впредь бы есте в Тобольской и про вести писали потому, чтобы в Тобольском про всякие вести было ведомо, а указ наш в Тобольском городе есть. Будет где вести объявятца не тихи и чаяти к городу от изменников приступу или которые волости изменят, а без прибыльных людей повоевати их не мошно, и ис Тобольского велено на помочь ратных людей посылати в те города. И которые наши ратные люди казаки и тотаровя з детьми боярскими из Тобольского или з Березова к вам в Сургут наперед приедут, и вы бы тем людям велели дожидатися в Сургуте: будет березовские наперед приедут, и вы бы велели дожидатися тобольских ратных людей, а будет тобольские ратные люди приедут к вам в Сургут наперед, и вы бы велели дожидатися березовских ратных людей.

Да как по нашему указу ис Тобольского и з Березова наши ратные люди все сполна к вам в Сургут приедут, и вы бы велели дати сургуцким ратным людям, которым итти в поход запасу, как им мошно в поход сходить. А будет тобольским и березовским ратным людям нашего запасу дано мало в Тобольском и на Березове, тем

будет запасом в Пегую орду в поход не сходить, и вы бы тем нашим ратным людем тобольским и березовским велели дати запасу в Сургуте из наших житниц из запасного хлеба, смотря по тамошнему делу, как им мошно в поход сходить, чтобы людей з голоду не поморити. Запасу бы им дати побольше, потому что итти в поход в судех, а вода верховая. А суды бы естя под сургуцких ратных людей велели дати добрые и лехкие, чтобы ити было Обью рекою лехко. А у березовских и у тобольских ратных людей готовы суды, в которых они судех ис Тобольского и з Березова ... (текст испорчен) А будет у которых наших у ратных людей у тобольских или у березовских суды в поход ити худы, а в Сургуте будет таковские суды есть, и вы бы велели тем людем дати в Сургуте суды в обмену в поход до тех мест, до коих мест в поход сходят. А как ис походу сходят. Свои сургуцкие суды велели у них взяти назад, а им велели отдати их старые суды, только будет им назад в Тобольской и на Березов до заморозов мошно итти.

А собрався со всеми ратными людьми до по сеи наши грамоты ты, Иван, взял у воеводы у Осипа тобольских и березовских ратных людей: тобольских ратных людей с детьми боярскими с Романом Нееловым... казаков и тотар 150 человек, а березовских ратных людей с детьми боярскими с Прокофьем с Воейковым да с Иваном Спешневым казаков да со князем Игичеем или с его братьею людей его тотар всего 150 же человек, да сургуцких стрельцов и казаков, выбрав лучших людей, 100 человек, а в Сургуте оставити 55 человек (а будет в Сургуте теми людьми остатися от остяков страшно будет, ино взяти в поход 80 человек), да с ними детей боярских Кулюпановых одного Луку или Семена, которой из них лутчи, да наряд пищали полковые и ядра и зелья, которой наряд и ядра и зелье пришлют к вам в Сургут з Березова – взяв с собою шел на нашу службу в поход в Пегую орду. А вожей бы взял с собою трех или четырех, выбрав лучших, которые тамошние места знают гораздо и которые по тамошнему языки толмачить умеют, и запасу дал, как им мочно в поход ходити в Пегую орду. А что с Пегой орды по нашему указу велено ясаку имати и что на них доведетца взяти погромныя рухляди и которые городки и волости стоят по Обе реке едучи к Пегой орде, а нам не послушны и в город в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не дают, и что с них велено по нашему указу взяти ясаку и погромные рухляди – тому бы еси всему у Осипа взял ты, Иван, роспись подлинно порознь по статьям, чтобы тебе про то было ведомо, что с них ясаку и погромные рухляди собрати.

А только будет з Березова ратных людей казаков и тотар з детьми боярскими и со князем Игичеем или с его братьею не пришлют для того, нешто будет Югорская земля не умиралась и на мере не стала и почаят в них шатости и измены и о том к вам з Березова воеводы отпишут – и ты бы, Осип, взял и послал с Иваном в поход сургуцких остяков, которые волости вниз по Обе к устью Иртыскому, и вверх, которые остяки нам служат и прямят и от которых не чаеи измены, и Бордаковых людей всего послал 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясаках им велим польготити. И запасу им в поход из наших житниц дал, сколько будет пригоже.

А ты, Иван, взяв тех сургуцких и тобольских людей и наряд и зелье и ядра, по тому же шел на нашу службу в Пегую орду в судех. А будет того наряду много, и ты бы взял три пищали, что з Березова пришлют, и ты бы Иван к тому наряду по тому и зелья из Сургута имал, то бы естя зделал, смотря по тамошнему делу. А ты, Осип, отпусая Ивана в поход жил в городе в Сургуте со всеми служивыми людьми бережно и сторожи бы и караулы были крепкие, чтобы Воня князь, собрався со своими людьми и с иными волостми, которые нам не послушны, безвестно к городу не пришли и над городом какие порухи не учинили. А ты, Иван, шел бы еси в поход в Пегую орду Обью рекою бережно и устороживо и по станом бы сторожи и караулы были крепкие, чтобы остяки, которые нам не послушны, безвестно на тебя не пришли и порухи которые не зделали. А которые к Пегой орде идучи волости по Обе реке стоят, а нам не послушны, в город в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не платят, и ты бы тех волостей к Пегой орде идучи не воевал потому, чтобы в Пегую орду притти тебе безвестно. А едучи бы тебе Обью к Пегой орде в тех волостях, которые нам не послушны, однолично не объявится, чтобы они в Пегую орду вести не подали. А притить бы тебе в Пегую орду безвестно, а пришед в Пегую орду первое велел добывать языки, а добыв языки, спрашивал и пыткую их крепкою пытал, сколько у Вони князя людей и в собраньи ли он стоит или не в собраньи, и есть ли про наших служилых людей про поход у Вони князя весть или нет, и нет ли у Вони князя с кучюмом царем ссылки и где Кучюм царь кочует, сколь далече от Пегой орды. А добыв языки и роспрошав и допытався прямых вестей и смотря по тамошнему делу и по вестям, будет скажут, что Воня князь стоит со всеми людьми в собраньи и только будет лучитца Воню князя сперва приходити всеми людьми, не поставя острогу, и ты бы всеми людьми приходил на Воню князя, чтобы ево извовать – то бы еси зделал, смотря по тамошнему делу и по вестям, как

нашему делу прибыльнее, чтобы Воню князя и волости ево все повоевати, а себя бы уберечь. А то все бы естя допряма проведывал, сколько у Вони князя людей и где в собраньи стоят и есть ли у Вони князя ссылка с Кучюмом царем и где Кучюм царь кочует и нет ли у Вони князя кучюмовых людей, и по тем бы естя вестям над Воню князем промышлял, сколько Бог помощи подаст, смотря по тамошнему делу и по вестям, как нашему делу прибыльнее, чтобы Воню князя однолично извовать и ясак с нево и людей ево собрати весь сполна и погромная рухлядь и заклады поимать и к шерти привести, что ему впредь быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну платить по вся годы сполна безпереводно. А будет Воня князь станет к тебе присылати и за вину свою станет нам бити челом и ясак сполна заплатит и заклады даст тотар добрых и шертует на том, что ему со всеми людьми своими вперед быти под нашею царскою рукою неотступно, и ты бы Воню князя волости и ево не воевал, а собрав ясак с Воню князя и с людей ево весь сполна и погромную рухлядь и поймав заклады лутчих тотар и к шерти привел Воню князя и всех его лучших тотар на том, что им вперед быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно.

А собрав с Пегой орды с Воню князя и с ево людей ясак весь сполна и заклады поймав, ис Пегие орды шел назад в Сургут, разоря острог или зжогши. А острогу бы в Пегой орде однолично не разоря и не зжегши не оставил для того, чтобы Воня князь того острогу не занял. А которые волости ис Пегой орды идучи на Обе реки стоят, а нам не послушны и в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не дают, и ты бы те волости идучи ис Пегие орды воевал и ясак с них собрал весь сполна и заклады у них поймав лутчих тотар и к шерти их привел, чтобы им вперед быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно.

А как ис походу в Сургут придешь, и ты бы Осип и Иван тех тобольских и березовских ратных людей всех распустил назад по городом: тобольских в Тобольской, а березовских на Березов, а сургуцким велел быти по прежнему в Сургуте. Да о том о всем подлинно про поход отписали к нам к Москве в четверть дьяка нашего Ивана Вахрамеева. А будет в Пегую орду итти невозможно, что будет людей мало, з Березова не пришлют, ино бы волости повоевати. Однолично бы еси ты, Иван, нашим делом в походе промышлял с великим радением, тем бы еси нам послужил, чтобы тебе Пегая орда извовать, над Воню князем промыслить и ясак с Воню и с людей ево собрати весь сполна и заклады поимать и к шерти их привести, Воню князя и всех лутчих тотар, что быти им под нашею под царскою рукою неотступным и ясак по вся годы платить в нашу казну весь сполна безпереводно. И которые волости стоят по Обе реки, а на не послушны, по тому ж извовать и ясак с них собрать весь сполна и заклады поимать, и о всем бы еси промышлял, смотря по тамошнему делу, как нашему делу прибыльнее. А о всяких о тамошних делех в походе ты, Иван, спрашивал князя Игичея Алачева, только будет в походе князь Игичей, да атамана Черкаса Олександрова, потому что им тамошние сибирские всякие дела и походы за обычей.

*Писан на Москве лета 7104 [1596]г. августа в 31 день.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 7 об.–23 об.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.2

Из наказа сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому об отправке остяков князя Бардака в поход на пуровских самоедов. 1597 г., января 31

Да память воеводе князю Семену Михайловичю Лобанову-Ростовскому да голове Ивану Микитичю Ржевскому. В Сургуцком уезде вверх Пуру реки живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больши, а государева ясаку не плотят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе. И воеводе князю Семену и голове Ивану Бордаку говорити: то люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно,

полно Бордаку и тово, что ему своими людьми владети. И он бы Бордак однолично государю тем послужил, тое кунную и асицкую самоедь под государеву под царскую руку привел и ясак с них собрал по государеву указу сполна и заклады у них поимал и в город в Сургут привел, и государь его за его службу пожалует своим великим жалованьем. А только будет Бордак станет на тое кунную и асицкую самоедь прошати государевых ратных людей к своим людем в прибавку, и воеводе князю Семену и голове Ивану Бордаку дати сургутских ратных людей и детей боярских и казаков и стрельцов, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу. И велети тое кунную и асицкую самоедь з Бордаковыми братьею и с людьми повоевать и ясак с них собрать и заклады у них поимать и к шерти их привести, что им вперед быти под государевою под царскою рукою неотступным и государев ясак платити по вся годы безпереводно. **А велети Бордаку послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих, а самому Бордаку в поход ходити не велети, потому что еще Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну ево лучему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж для тово, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не сделал.**

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 44 об.–45 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.3

Царская грамота о походе сургутского атамана Зубакина и Кинемы Бардакова на Пур для сбора ясака с самоедов. 1602 г., сентября 6

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Сибирь в Сургутской город воеводе нашему князю Якову Петровичю Борятинскому да голове Володимеру Васильевичю Пивову. Писали есте к нам, что посылали вы в кузнецкую самоедь на Пур-Юган реку атамана Богдана Зубакина да Бордокова сына князя Кинему к самоецким князьком к Акубе да х Комге да к Салыме с нашим с жалованным словом и приводити их к шерти, чтоб они были вперед под нашею царскою рукою неотступно и ясак с себя и с своих людей сполна платили и приезжали б в город в Сургут. И ноября в 24 день приехал из кузнецкой самоеди атаман Богдан Зубакин с товарищи, а в роспросе вам сказали: наехали де они кунемскую самоедь Акубу князя с товарищи на Пур-Югане реке и наше царское жалованное слово сказывали и ясаку на 110 год прошали и в город их в Сургут звали. И Акуб и с товарищи им отказали, что емлют де в новой в Монгазейской острог ясатчики нашего ясаку по 5 соболей с человека и они де хотят платить наш ясак в новой Монгазейской острог. И водили де они Богдана Зубакина с товарищи в Зырянской городок к ясатчиком на Таз реку и в том деи Зырянском городке из Монгазейского острогу от князь Василья Масальского да от Савлука Пушкина ясатчики – тобольской казак Андрюшка Архипов да березовский казак Федька Князев. А собирают наш ясак в Мангазею с монгазейцев по 5 соболей с человека. И те деи князцы Акуба да Комла да Салыма с товарищи дали наш ясак Ондрюшке Архипову с товарищи, да и вперед деи они ясак платить хотят в Монгазейский острог.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б с кунемской самоеди с князцов Акубы да с Комлы да с Салыма с товарищи имали нашего ясаку по 5 соболей лутчих ценою против 11 соболей и велели им наш ясак платить в Сургут по-прежнему. А буде им ясак платить ближе в Монгазейский острог, и вы б им велели ясак платить в Монгазейский острог и о том в Мангазею отписали, чтоб нашего ясаку имали по 5 соболей с человека ценою против 11 соболей. И береженье б есте к далным волостям держали, чтоб им нужи и тесноты никоторые не было.

Писан на Москве лета 7111 [1602] сентября в 6 день.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 113–115.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.4

Воеводская отписка из Нарыма в Кетск об антирусских действиях остяков Кинемы Бардакова. 1616 г., не ранее сентября 7

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Хомяков-Языков челом бьет. В нынешнем во 125 году сентября в 7 день писали ко мне из Сургута Гаврило Вельяминов да Иван Зубатого с сургутским казаком с Юшкою Буйдышем: прошлого 124 года августа в 17 день Сургутского уезда Бардаковы волости **Кинема** с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати. И те остяки остереглись, и те воры Кинема с товарищи от Сургутского города вверх по Оби за 2 днища на усть Турунганки речки и в Солоковых юртах в Ваху побили торговых людей дощаник Третьяка Огородника с братьею и с товарищи девяти человек да промышленных людей 6 каюков. Да после того на 3-й день побили сургутских служивых людей Ивана Кайдалова, Василья Хохла да Ивана Зубатого дву человек; и всех побили 30 человек и, животы их пограбя, побежали.

И из Сургута Гаврило Вельяминов да Иван Зубатого по первым вестям посылали за ними в посылку тот час атамана Богдана Зубакина с товарищи, а с ним служивых людей и остяков 50 человек, и их не догнали, побежали безвестно. А которые остяки государю прямят и от них утекли, и они де в распросе сказали, что им украдом на Оби и в лесу русских людей побити и в волости с смутой посылати. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 64 об.–65.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.5

Отписка тобольского воеводы И. С. Куракина пелымским воеводам об «измене» сургутских остяков. 1618 г., не ранее сентября 1 – не позднее декабря 2

Господам Ивану Яковлевичю, Григорью Никитичю Иван Куракин челом бьет. Писали вы в Тоболеск, что присылал к вам из Конды ясачной мурза Артюка Агаев вагулетина Кулаха, что ходил де он, Кулах, в Березовский уезд и съехал де его на Иртыше березовский казак, а говорил ему: поедь де ты на Пелым, скажи: заворовались де государевы сургутские остяки ясачные, казымцы и нарымской князек Дона со всеми своими людьми, а убили де на Обе выше Сургута воеводу, которой ехал в Томской город, и многих де служивых людей побили. Да того ж де числа были на Пелыме Малые Конды вагуличи Дылей Коромод и сказывал де вам те ж вести, что побили на Обе русских людей человек с 60, и стоят де ныне в собрание 1900 человек и хотят итти к Сургуту, а им де те вести ведомы с Оби. И нам бы о том к вам отписати, есть ли в Тобольску те вести ведомы.

И в Тобольску, господа, про сургутских остяков про измену ведомо, что сее осень заворовали сургутские остяки Бардакова родня немногие люди, побили русских людей немногих, а Федор Боборькин в Томск проехал, а никакого погрому над ним не было. А заворовали остяки за то, что от воевод была обида и насильство, да и за то, что посылали на них войною сургутских служивых людей до их же воровства, и служивые люди их не дошли, а жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут, и они для того и заворовали. А заворовали немногие люди на Оби выше Сургута, низовых волостей все большие люди по-прежнему государю служат и прямят и, приходя в Тоболеск, бьют челом, что им и всем от воевод была обида и насильство великое, а воровать они не хотят. А тех де остяков, которые заворовали, он под государеву царскую высокую руку по-прежнему приведут же или на них пойдут войною.

И мы, господине, чаем того, что остяки, которые было заворовали, государю добьют челом вскоре. А что у нас вперед про те вести объявитца, и мы о том к вам отпишем.

ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 377 об.–378 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.6

Из отписки из Маковского острога П. Албычева и Ч. Рукина кетскому воеводе Ч. Челищеву об оказании содействия посланным ими гонцов в Тобольск. 1619 г., не ранее февраля 11

Господину Чеботаю Федоровичю Петр Албычев, Черкас Рукин челом бьют. В нынешнем, господине, во 127 году февраля в 11 день писал ты к нам в Макытцкой острог, что **заворовали на Оби бардачники Кинема с товарищи и хотят итти под Нарым**. А мы до твоего письма послали в Тоболеск к боярину сургуцкого литвина Якова Сергунова, нарымского новокрещена Олешку Санбычеева с службою и с иными делами. И буде только им Обью в Тоболеск проити немочно, и тебе бы, господине, велеть им итти, куды мочно в Тоболеск наскоро, чтоб за тем государева служба не стала и служилые б люди голодною смертию не померли.

... А куды Сергуна и Алешку отпустишь, и тебе бы к нам отписать.

ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 67 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.7

Царская грамота о награждении сургутского подьячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Сургуцкой город воеводам нашим Ивану Романовичю Безобразову да Федору Григорьевичю Шишкину. В прошлом во 131 году ноября в 16 день писали к нам из Сибири из Сургуцково города воеводы Иван Кутузов да Григорей Фефилатьев: в прошлом де во 130 году угонял в Сургуте на конех подьячей Иван Офонасьев лисицу ... (край документа оторван) лисицу принес к ним в прошлом же ... году декабря в 30 день. И они тое лисицу прислали к нам к Москве с сургуцкими служилыми людьми с Ромашком Немчином да с Онисимком Яковлевым. А московская цена той лисице 30 рублей. Да в нынешнем 132 году сентября в 19 день писали к нам ис Сибири Сургуцково же города воеводы Иван Кутузов да Григорей Фефилатьев: в прошлом де во 131 году угонял на конех сургуцкой подьячей Иван Офонасьев сам третей с людьми своими да сургуцкой новокрещен Ивашко Порабельской лисицу черну. И они тое лисицу ... к нам к Москве с подьячим же с Иваном Офонасьевым. А московская цена той лисице 80 рублей.

Да в прошлом во 128 году генваря в ... (край документа оторван) писал к нам из Сибири из Сургута Иван Зубатой: в прошлом де во 127 году июня в 15 день посылал он из Сургута на наших изменников на сургуцких остяков на Кинему да на Суету Бардаковых с товарищи Ивана Офонасьева да Ивашка Порабельсково да с ними сургуцких служилых людей. И Божию де милостью и нашим счастьем тех наших

изменников Суету с товарищи побили и Кинемина сына болшово и жену в полон взяли, и нашу денежную казну 400 рублей, которую погром[или у том]ских служилых людей во 12 [6 – 1618] году, сыскали и привезли в Сургут.

И подьячей Иван Офонасьев бил нам челом, чтоб нам ево пожаловати за лисицы черные, что присланы из Сургута к нам к Москве, и за сургуцкую службу, как нам Бог известит. А новокрещен Ивашко Порабельской бил нам челом, чтоб нам его пожаловати, велети ему быти в Сургуте в городских остяцких толмачех и велеть быти ему наше денежное и хлебное жалованье давать старой его оклад. И мы подьячево Ивана Офонасьева пожаловали за лисицы его черные и за сургуцкую службу, велели ему придать нашего денежного жалованья к прежнему ево окладу к 10 рублем денег 7 рублей, а к хлебному жалованью к осьми четям с полуосьминою муки шесть чети муки; да к четверти круп, к чети толокна – осьмина круп, осьмина толокна. А новокрещена Ивашка Порабельсково пожаловали мы за лисицу черну, что он угонял с подьячим с Иваном Офонасьевым и за сургуцкую службу, велели ему быти в Сургуцком городе в городских остяцких толмачах на Лучкино место Иванова; а нашего ему годового денежного и хлебного жалованья велели давати прежней его оклад, что было ему в казаках.

... Писан на Москве лета 7132 года [1619] марта в 7 день.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 247–250.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.8

Донос сургутского воеводы Н. Е. Пушкина на второго воеводу Б. И. Белкина. 1626 г., не ранее марта 25 – не позднее сентября 1

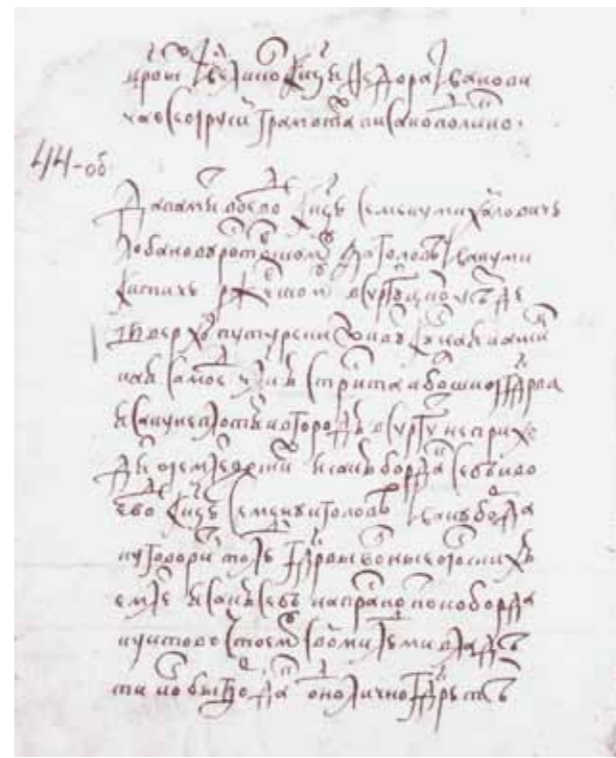
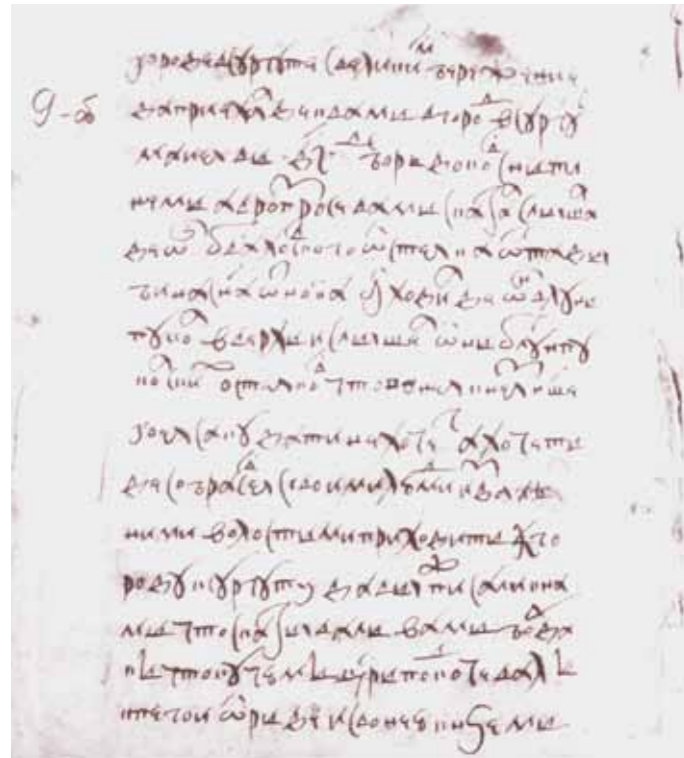
Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 134 году марта в 25 день пришел в город в караульную избу пьян казак Мишка Леонтьев сын и десятников и казаков, которые стоят на карауле, лаял матерно и хотел бить. И я тово Мишку велел посадить в тюрьму. И того же, государь, числа Богдан Белкин, идучи от вечерни пьян, ис тюрьмы тово Мишку взял к себе на двор, и **тюремных сидельцов остяков, которые сидят в твоём государеве изменном деле, ис тюрьмы мало не ропущал**. И я к нему на двор посылал с караулу десятника Третьяка Вершинина, а велел ему говорить: для он чего ис тюрьмы выймал казака Мишку и к себе на двор взял? А тот казак посажен был в тюрьму за воровство.

И тот, государь, десятник пришед мне, холопу твоему, сказал: велел де его Богдан з двора збить. И что, государь, вперед учинитца от него, Богдана, какое дурно, и мне б, холопу твоему, в его воровстве от тебя государя в опале не быть. А наперед сево о том я, холоп твой, писал к тебе государю.

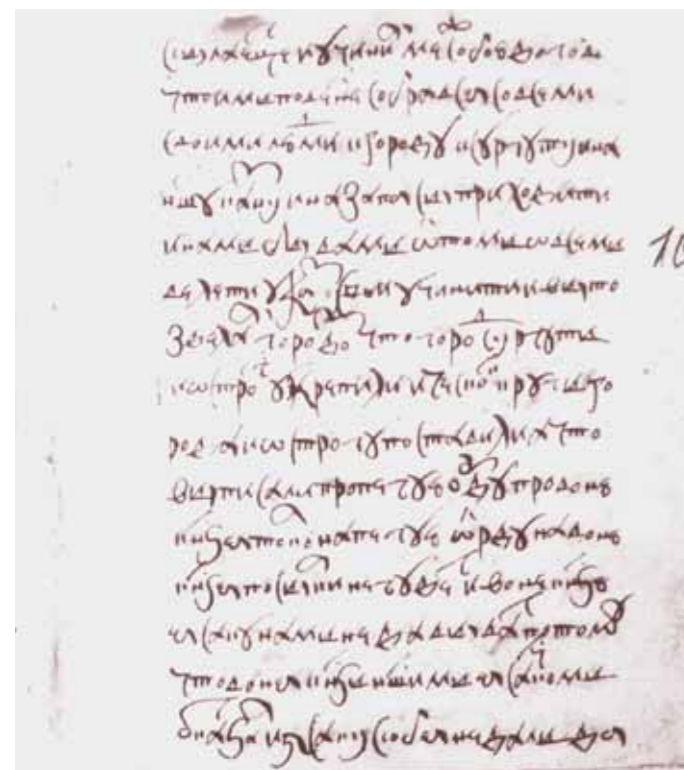
РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 80–81.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.9

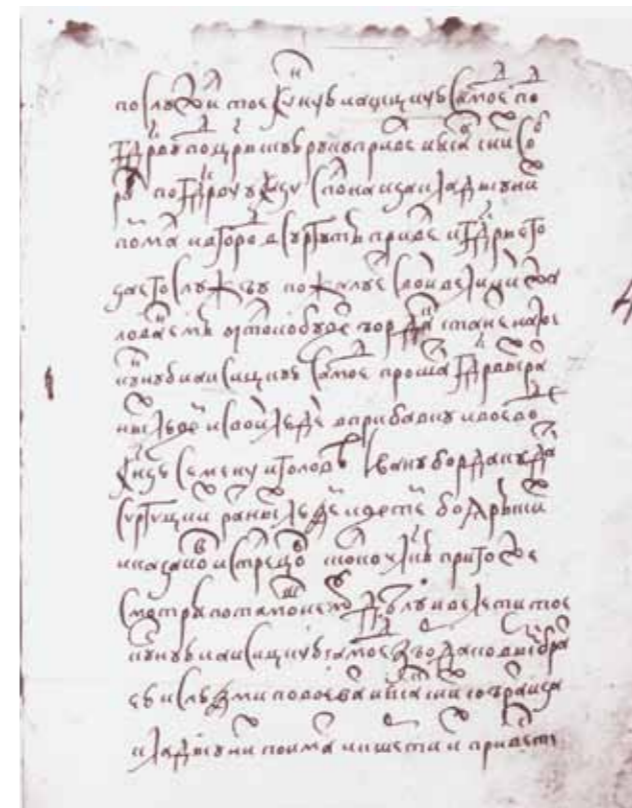
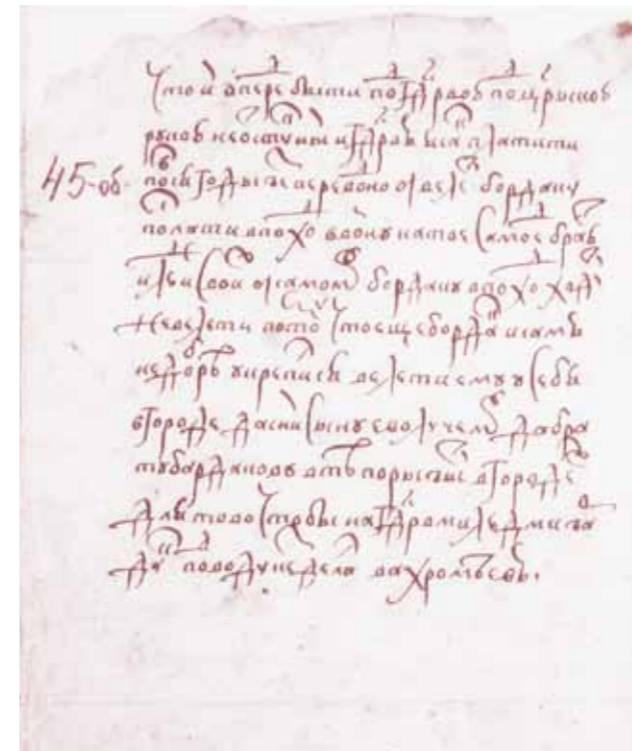
Копии царских грамот и их фрагментов

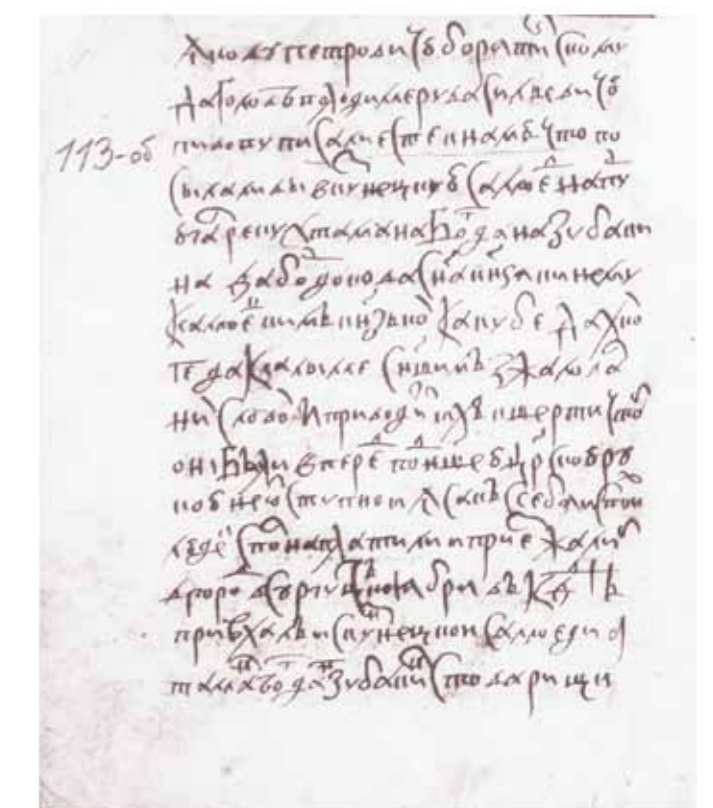
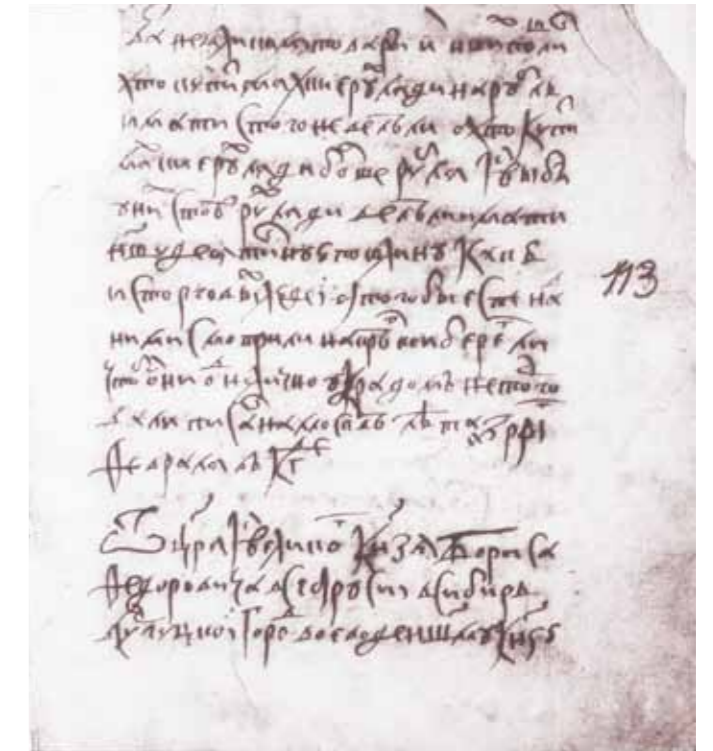
Фрагмент царской грамоты сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Рязжскому, 1597 г., января 31. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 44. об.

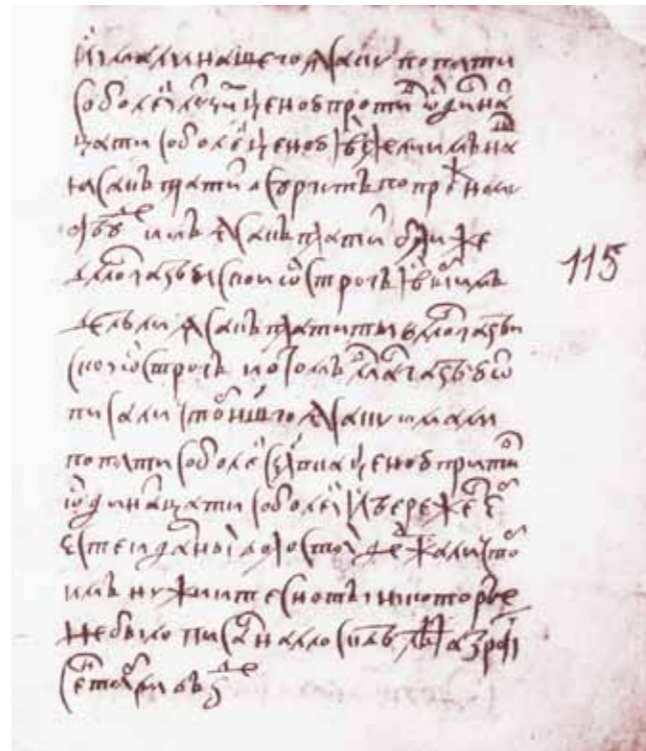
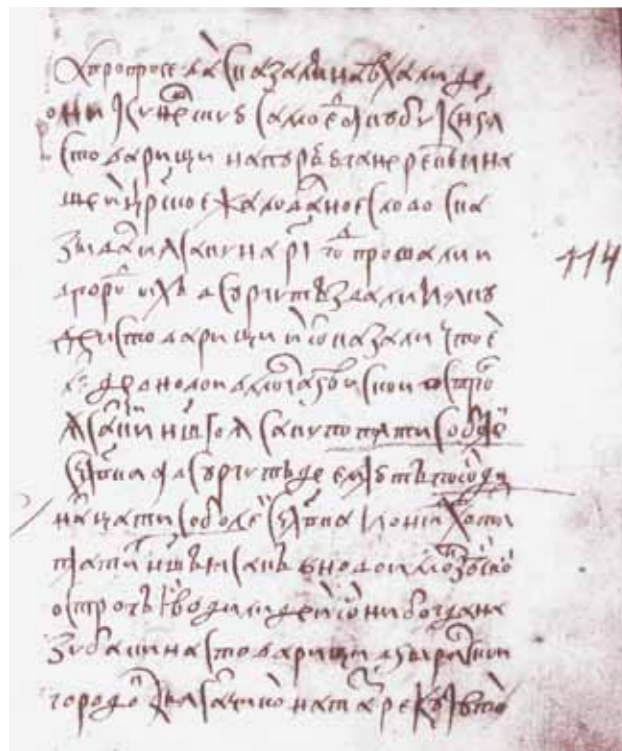
Фрагмент царской грамоты сургутскому воеводе О. Т. Плещееву, 1596 г., августа 31. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 9. об., 10

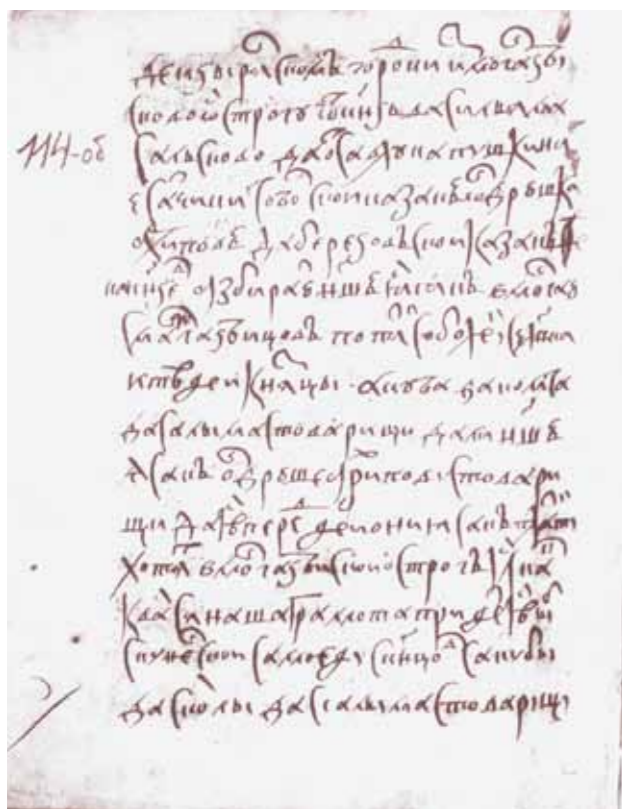
Фрагмент царской грамоты сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Рязжскому, 1597 г., января 31. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 45

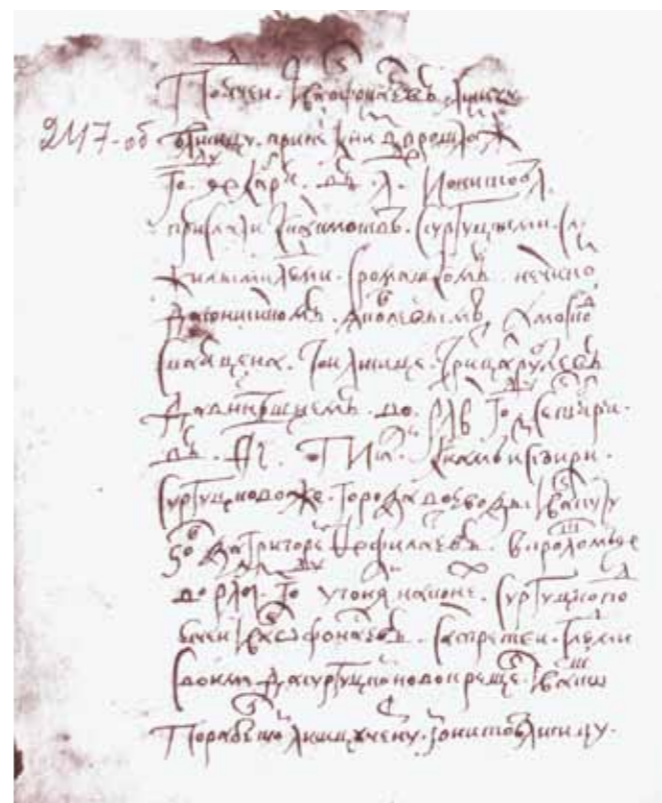
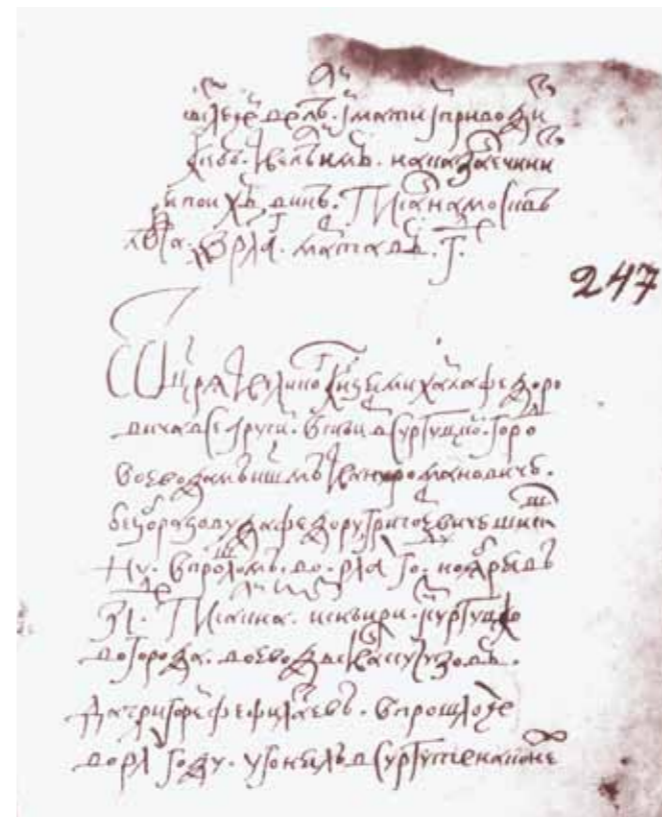
Царская грамота сургутскому воеводе князю Я. П. Борятинскому и голове В. В. Пивову, 1602 г., сентября 6. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 113

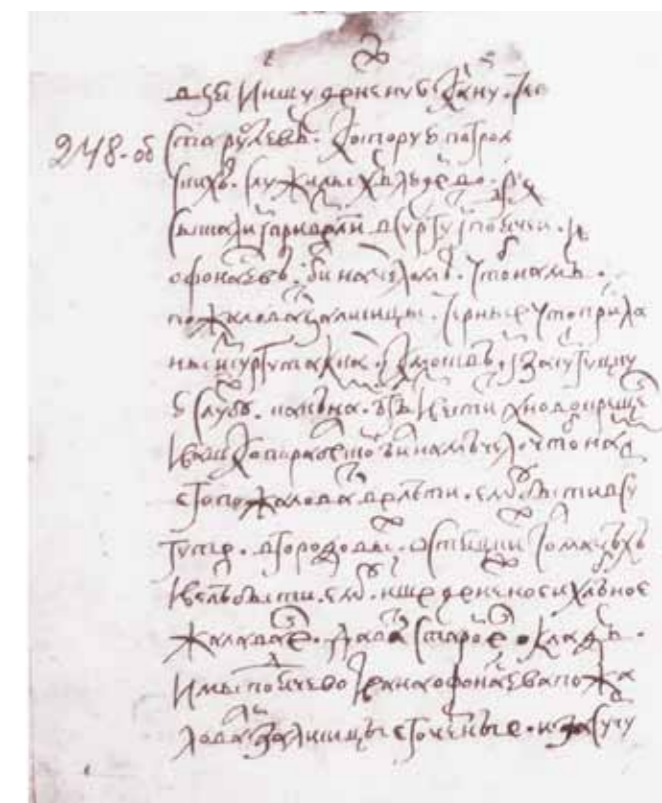
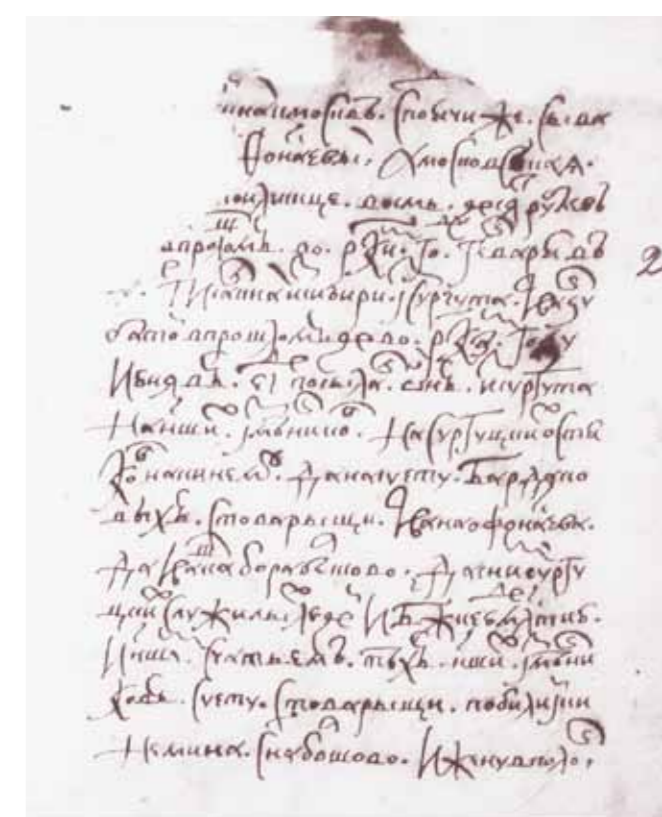
Царская грамота сургутскому воеводе князю Я. П. Борятинскому и голове В. В. Пивову, 1602 г., сентября 6. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 115

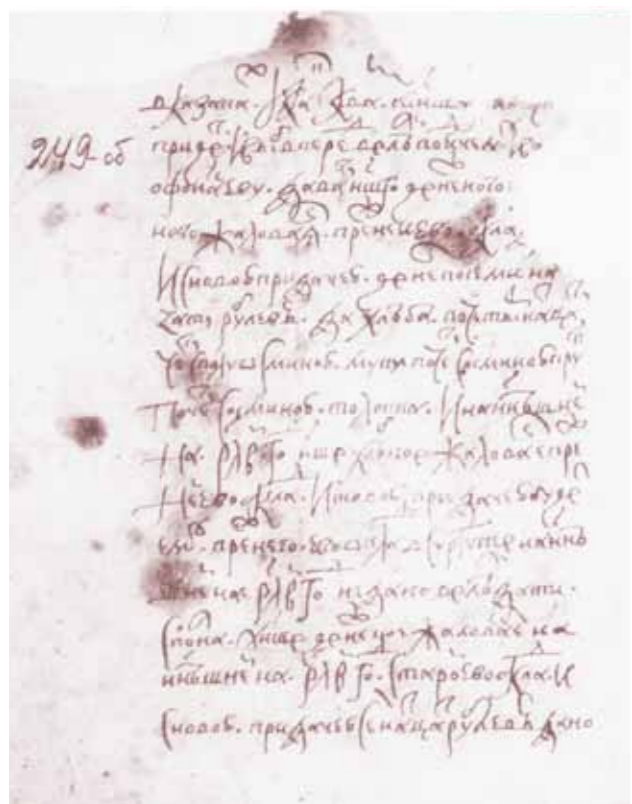
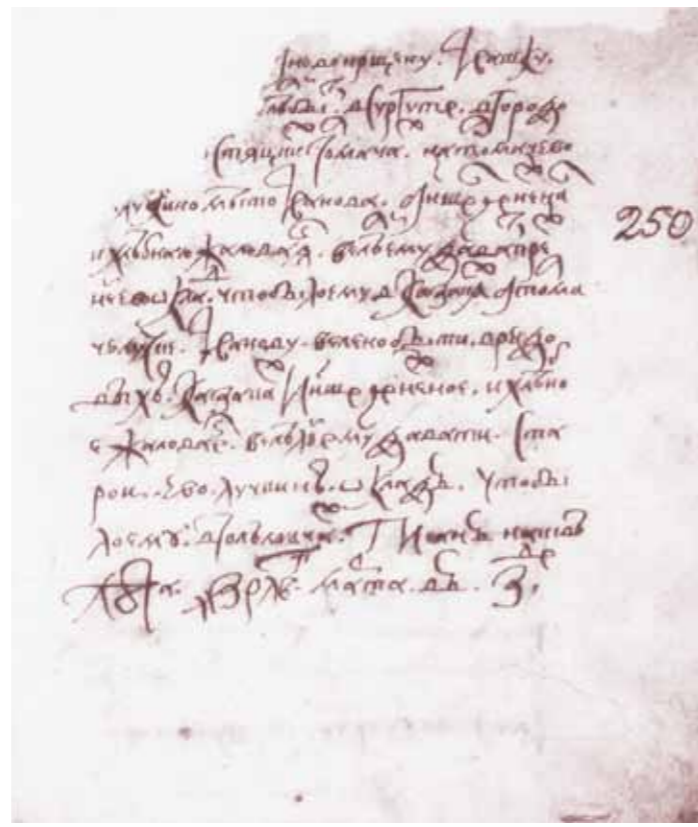
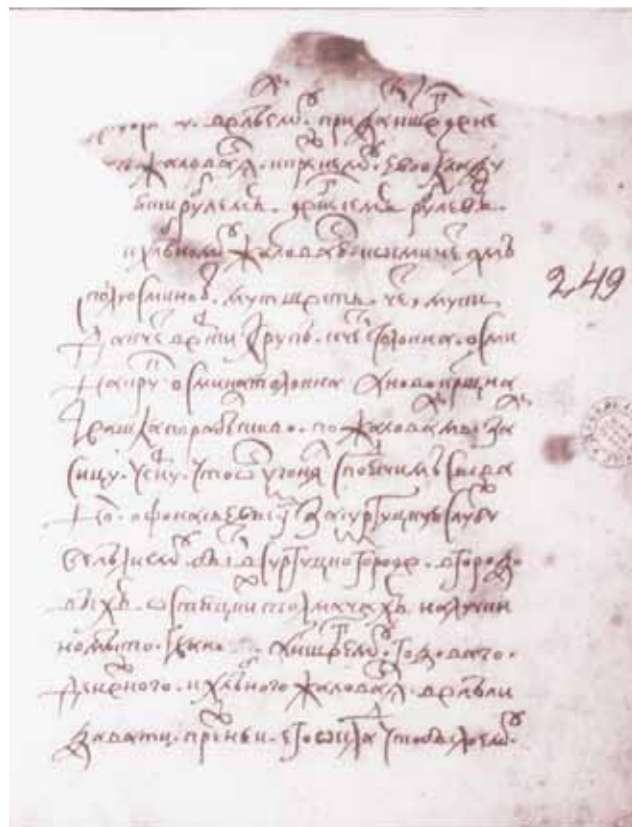
Царская грамота сургутскому воеводе князю Я. П. Борятинскому и голове В. В. Пивову, 1602 г., сентября 6. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 114

Царская грамота о награждении сургутского подьячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 247

Царская грамота о награждении сургутского подьячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 248

Царская грамота о награждении сургутского подъячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 250

Царская грамота о награждении сургутского подъячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 249

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.1

А. А. Дунин-Горкавич

Предание. [Остяцкий князь Танга]

По историческим данным, балыкские и салымские остяки до покорения Ермаком Сибири жили по берегам р. Иртыша. С приходом Ермака, остяки бежали в места своего настоящего кочевья, на рр. Салым, Балык и их притоки. Сургутскими остяками по р. Оби управлял князь Танга, который подчинил себе выселившихся балыкских и салымских, а также и ваховских остяков, но был убит в улусе Пиму пимскими остяками, которых он хотел подчинить себе. Об этом князе среди остяков сохранилось следующее предание.

Остяцкий князь Танга, по сообщению юганских остяков, жил в 7 верстах от нынешних юрт Уотских, при урье Монкол, на возвышенной (до 5 сажень) сопке, расположенной выше устья этого урья на 1 версту. Остяки юрт Уотских передают, что князь Танга вначале проживал по Большому Балыку, в третьих юртах от устья этой реки. Имени отца Танги предание не сохранило; относительно его матери остяки передают, что она в то время, к которому относится предание, была жива. С реки Балыка Танга перешел в бассейн р. Югана, где занимался промыслом зверя. Здесь он облюбил себе вышеуказанную местность при урье Монкол, где и поселился, вместе с своей матерью и братом, на постоянное жительство. В это время юганские остяки платили уже дань русскому царю. С Танги стали также требовать определенной дани. Но Танга не только отказался сам платить дань, но даже стал уговаривать окружающих остяков, чтобы и они сделали тоже. Остяки согласились и вокруг Танги собрались недовольные. Когда об этом узнал русский царь, то он послал отряд, которому было приказано схватить Тангу вместе с его братом. Посланные остановились на ночевку вблизи жилища Танги. Здесь, на берегу реки, Танга увидел одного из русских воинов и приказал своим людям его убить. Это озлобило посланных и они решили взять Тангу силой. Дождавшись рассвета, посланные стали стрелять из ружей в его жилище. Предвидя гибель, князь Танга со своей дружиной спрятался в другое свое жилище, стоявшее на сопке. Последнюю Танга приказал облить водой, от чего она обледенела и стала недоступной. Посланные обложили сопку и требовали выдачи Танги. Мать, видя, что гибель Танги неминуема, стала уговаривать его сдаться добровольно, и тем спасти жизнь остальным осажденным. Танга оделся в лучшие собольи одежды и вместе с своим братом, имя которого также не сохранилось преданием, сошел к русским. Те окружили его и повели к русскому царю. На пути отряд остановился переночевать на Егутской горе. Здесь воины от сильного утомления крепко заснули, а Танга вместе со своим братом бежал и успел скрыться. Один из воинов увидел бегущего Тангу, но преследовать его было бесполезно, потому что он, по словам предания, бежал так быстро, что его нельзя было бы догнать даже на самой лучшей лошади. Танга бежал в верховья р. Б. Югана и здесь скрывался долгое время. Когда смута,

произведенная Тангой, улеглась, и о Танге забыли, он пришел на р. Пим, где и женился. Родственники его жены еще ранее слышали, что русский царь искал Тангу и обещал за него большие деньги; они решили его убить и положили ему в пищу пангу (сушеный мухомор). Когда Танга опьянел, ему отрубили голову и увезли ее русскому царю. Русский царь, получив голову Танги, остался очень недоволен случившимся и сожалел об убитом князе, который мог бы ему оказать большую пользу.

[Дунин-Горкавич, 1904. – Т. 3. – С. 29–30]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.2

С. Ф. Покачёв
информант, рассказчик

А. И. Силин
запись и перевод текста

**Предание о Танье. Монти Танья:
Повесть о таяжном герое Танье
[первоначальный архивный вариант: фрагмент]¹
1954 / 1987–1988 гг.**

Вечер двенадцатый. СРАЖЕНИЕ НА СОПКЕ КОМАРИНОЙ

Танья близко к сердцу принял зов своего народа и перекочевал к тем, кто его знал. Он, несмотря на молодость, имел светлый ум, не страдал личной гордостью, не выпячивал себя из среды людей, с которыми стал жить, уважительно относился к советам старших и мудрых, умело выполнял большие и малые дела. Эти качества высоко ценили. Не прошло и одной луны, как все люди, к которым он пришел, полюбили его.

Остатки зимы и лета готовились люди к встрече с врагом, ходили в разведку, проникали в стан врага. Танья знал, что происходит в городище Вач.

Для встречи выбрали сопку Комариною – место очень удобное для обороны и последующего преследования врага. Все проходило в глубокой тайне, обсуждалось на собрании старейшин, на котором Танья занимал особое место, как всеми признанный предводитель.

Танье очень пригодилась наука отца. Он с большим терпением обучал не только молодых, но и зрелых по возрасту охотников приемам борьбы, метанию копий, меткой стрельбе из тяжелого лука. На такое обучение всегда собирались почти все жители большого становища.

Шло время. Через лазутчиков в стане врага стало известно, что с начала следующей зимы начнется наступление темного войска во главе с самим нойоном Батхуном. Пройдет это темное войско по первому снегу по всей пойме Ягуна, уничтожая все живое на своем пути. Поклялся нойон Батхун большой силой найти и

¹Из текста повествования представлен только один фрагмент, посвященный осаде и штурму городка. Остальные части текста не приводятся, поскольку были ранее опубликованы и содержат большой объем авторской доработки, явно отсутствовавшей в фольклорном оригинале, а также комментарии А. И. Силина. Удаление авторских дополнений А. И. Силина и вычленение фольклорной основы – предмет отдельного литературно-лингвистического исследования. Мы предприняли попытку такой структуризации текста на основе данной части предания, где явные авторские дополнения выделены цветом шрифта. Также в фрагменте исправлены некоторые слова, орфография и синтаксис текста оригинала, в квадратных скобках даны предполагаемые пропущенные слова, добавлено примечание из литературного варианта сказания [Монти Танья..., 2008].

пленив непокорного и гордого Орла. Рассчитывал нойон закончить поход до наступления сильных морозов и глубокого снега.

Сопка Комариная стояла на пути большого войска, перегораживая почти всю ягунскую пойму. С одной стороны, с левой руки, сопку срезали воды Ягуна, образовав отвесный высокий яр, высотой со старую ель, с другой к подножью сопки подступало большое и топкое болото, почти не замерзающее зимой.

Защитники сопки построили такую оборону, при которой враг волей или неволей атаковать должен в лоб. Обходы справа и слева исключались. Лобовую (центральную) часть сопки защитники укрепили по-своему, по-таяжному.

Лобовая часть сопки, обращенная к полудню, была голой. Здесь, кроме кустарников, значительной растительности не было, – это являлось хорошим условием для защиты.

Нижнюю подножную часть поверхности довольно крутого склона защитники залили водой. Образовалась очень скользкая поверхность – ледяной пояс – шириной не менее десяти заячьих прыжков. Выше ледяного пояса в несколько рядов уложили тяжелые стволы каменного дерева – лиственниц, которые без особых усилий могли быть спущены по склону вниз. Это был второй пояс – деревянный. Выше деревянного пояса в многочисленных ячейках-ямках приготовили для сбрасывания множество увесистых камней. Потрудились защитники и на стороне, где река Ягун подступала к высокому яру. Здесь приготовили много *майн*², закидали их снегом, чтобы [река] не торопилась замерзнуть. Это – на случай, если враги попытаются обойти сопку с левой стороны. С правой сама природа позаботилась о [ее] неприступности. Не забыли защитники и о запасе питания: значительная группа охотников успешно выполнила эту задачу.

Закончив все приготовления для встречи врага, Танья и его товарищи построили временные хижинки, в которых разместили свои семьи и часть отдыхающих мужчин. На самой сопке в направлении, по которому должен был двигаться враг, затаились посты наблюдения – глаза и уши защитников.

Танья следил за всем зорко, то там, то тут появляясь неожиданно. Отдыхающие не лежали, не теряли зря времени – пополняли запасы стрел и луков. Все понимали, что встреча с врагом будет нелегкой, будет жестоким испытанием стойкости, смелости и отваги. Так прошло несколько дней.

В южной части поймы показалось войско противника, черным поясом охватывая всю ширь поймы. Затаились защитники в своих укрытиях. Танья велел [им] ждать условного сигнала – крика филина, а до сигнала сидеть неподвижно и молча. Сам Танья в окружении своих помощников расположился на самом высоком месте сопки, за корнями поваленного ветром дерева.

Враги подходили осторожно: видели они не простую сопку, а хорошо укрепленную оборону. Смущало их отсутствие людей, защитников сопки. Ни дымка, ни звука, ни людей! Словно вымерли люди, построившие эту оборону, или искусно прятались? Надо узнать. Но как?

Нойон, восседавший на маленькой гривастой лошадке, следовавший во главе пешего войска, подал знак остановиться. Сразу же его окружили сотники и замерли в ожидании повелений.

Видели защитники, как нойон указал плеткой на правую и левую сторону сопки. Сразу же направились в этих направлениях небольшие отряды воинов. Войско стояло в ожидании. Через некоторое время отряды вернулись и доложили, вероятно, о том, что обойти сопку невозможно. Нойон спешил. Воины стали перестраиваться, готовиться к наступлению, – так понял их перестроения Танья. Но время подходило к вечеру, и предположение Таньи не оправдалось. Враг начал готовиться к ночлегу: разбивать шатры, собирать сухостой для костров, готовить пищу. Ночь опустилась на тайгу. Только многочисленные огни костров да редкие крики постовых в стане врага будоражили морозную тишину. На сопке – ни звука, ни шевеления. Танья строго-настроено наказал: мест не покидать, соблюдать тишину, огнем не играть, терпеть укусы мороза, гнать сон.

Наступило ясное морозное утро. После утренней молитвы и еды воины хана построились в боевые порядки для наступления на сопку. Вперед двинулся отряд, вооруженный мечами и копьями.

Ледяной пояс встал на пути наступающих. Сколько они ни пытались его преодолеть – ничего не получалось: выше двух-трех шагов подняться не могли. Сотник кричал и бранился, бил кулаками по спинам, пинал своих воинов, которые пытались с разбега преодолеть пояс. Кто-то начал рубить мечом ледяную поверхность, но и этот труд оказался напрасным – ледяной пояс не пускал наступающих на сопку. Защитники, взиравшие на эту картину, тихо посмеивались.

²*Майна* – большая прорубь.

Нойон Батхун отозвал первый отряд, заменив его другим – вооруженным мечами и топорами. Двинулся второй отряд на ледяной пояс. Засверкали в солнечных лучах топоры, полетели во все стороны мелкие осколки крепкого льда, росли ступени все выше и выше, создавая проходную дорогу на сопку.

Закричал филин. Как потревоженные шмели запели стрелы защитников, пущенные из укрытий. Закувыркались воины к подножью сопки. Много воинов! Неожиданный удар свалил всех, кто не успел воспользоваться щитами, а таких была большая часть. Уцелевшие сползли, прикрываясь щитами, и залегли, кто где мог.

Нойон Батхун, вскочив на коня, подскакал к отступавшим и начал стегать всех подряд плеткой, изрыгая проклятия. Сотник Сакмар бросился к нойону, схватил за узду лошадь и постепенно отвел ее от опасного места. Стрелы продолжали смертельно кусаться.

Нойон после ярости пришел в себя и велел Сакмару вести третий, самый многочисленный и закаленный отряд воинов на штурм этой проклятой сопки.

Вооруженные крепкими щитами, мечами и копьями, двинулись на приступ воины во главе с Сакмаром. Шаг за шагом поднимались они по ступеням. Стрелы, пущенные защитниками, отскакивали от их щитов или ломались. Вот они миновали ледяной пояс и стали двигаться большой волной на последнее укрепление. Совсем немного осталось до лиственницы, когда филин крикнул второй раз.

Лиственницы ожили и страшной грохочущей лавиной ринулись на воинов Сакмара, сокрушая все на пути. К грохоту падающих тяжелых деревьев прибавились истошные крики, визг и стон нападающих. Поднимая тучи белой пыли, тяжелые деревья давили, терзали, разрывали в клочья тела людей. При виде этой страшной и невиданной картины поражения, нойона Батхуна охватил потрясающий суеверный страх, и он бросился в паническое бегство. Опомился только тогда, когда свалился с лошади, павшей от загона. Нашли его люди бывшего темного войска сидящим на мертвом коне, не способного мыслить и говорить.

Так закончилось это сражение у сопки Комариной, принесшее славу Танье на многие поколения таежных людей и позор для чужеземных захватчиков, которые долгие десятилетия боялись соваться в вольную тайгу Ягуна.

Победа над врагом у сопки Комариной не остановила молодого Орла от мести. Не нашел он еще своего самого заклятого врага, Айко, не видел звериные глаза кровожадного нойона Батхуна. Думал, долго думал Танья, как выполнить до конца заветы отца и деда, и надумал...

*Записано со слов ханты Покачева Семена Федоровича
в юртах Урьевых (ныне – Сургутский район ХМАО – Югры) в 1954 году.
Запись восстановлена в 1987–1988 годах в городе Миасс Челябинской области.*

Научный архив МБУК СКМ. Ф. 1. Д. 18.01.01. – 80 с.

*Впоследствии сотрудниками Сургутского краеведческого музея был подготовлен
и опубликован исправленный литературный вариант этого сказания:*

[Монти Танья..., 2008]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.3

П. Т. Каюков
информант, рассказчик

В. М. Кулемзин
Н. В. Лукина
запись и перевод текста

Предание. Тонья-богатырь

Тонья – царь хантов. Один раз женщины пошли черемуху собирать и позвали одну девочку. Она отстала. Над ней кто-то пролетел на белом коне.

– Ну-ка, девушка, открой рот, я тебе туда камешек спущу.

– Как спустишь?

– Так, спущу маленький камень.

– Кто ты такой?

– После узнаешь, рот открой.

Она открыла. Это был Кон-ики.

– У тебя родится сын. Родится не по-человечески. Назови его Тонья. Он будет хантами командовать.

Она послушала и так сделала. Через некоторое время родился мальчик. Она назвала его Тонья. Он рос не по дням, а по часам. Он так жил, женился на Малом Югане. Ушел раз на охоту, с братом пошел. Приходит с охоты – ни жены, ни матери. Мать у него в Малом Югане была. Ко-уры – длинная урья, они там жили. Он с братом был. Давай искать. Искали, искали – нету.

Его казаки нашли. Тонья был царь хантов. Он в Сургуте, ему ханты по белке отдавали. Казак его попросил, он не дал, говорит:

– Сам удерживаю со своих, пусть он с казаков удерживает.

Он удерживал перья от орла на стрелы.

– Если со мной спорить хочет, пусть войско придет. Я людей не пущу, я хозяин.

Казаков послали сто человек. Тонья на урье построил город, на Мункул-уры, возле Угута, там рядом высокий бугор есть. Войско пришло, казаки говорят:

– Тонья, подойди. Все уместимся, будем вместе воевать.

Тонья в стене дыру сделал, чтобы стрелять. У Тоньи пять человек и брат, а казаков – сто. Как казак стреляет, Тонья топором дыру закроет, казачьи стрелы обратно улетают. У казаков ружья были такие: одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает. Тонья в это время переднего и заднего, обоих, одной стрелой пробивает. Казаков осталось пятеро. Тонья говорит:

– Идите к вашему хозяину, пусть еще войско посылает.

Послали семьсот человек. Тонья опять всех кончил, его никак не могут кончить. У него стрелы кончились, они собралась удирать. Тонья стрелял стрелой с оперением из беличьих хвостов. Он говорит:

– Последнюю стрелил.

И вернулись.

Тонья от казаков удрал, в юрты Рыскины пришел с братом. Сестра им поставила варку. Ели, ели, последний остаток варки брат Тоньи взял.

– А, браток мой младший, мне надо было оставить.

Ударил брата, тот умер на месте. Тонья зятю говорит:

– Ну-ка, оленей мне самых хороших приведи.

– Откуда у меня олени?

– Приведи, а то тебе достанется.

Сестра говорит:

– Приведи лучше. Его казаки не могли взять.

Привели ему оленей, он запряг нарту, поехал. Между Мултановыми и Ярсомовыми юртами заметку сделал, на кедре ветку срубил, несколько веток оставил.

– Вот, молодое поколение будет жить. Половина между Каюковыми и Мултановыми здесь будет.

Теперь экспедиция там мерила – там точно середина.

Тонья удрал в Пим, там женился. Родители жены хотели его убить. Кололи его ножами, стреляли его, никак не могут убить. Хорошо.

– Ну-ка, тесть с тещей, что вам нужно? Я вам все хозяйство выделил.

Он взял нож (саблю по-русски) и все головы пересек. Жене сказал:

– Вот, жена, я умру. Уже мне бог наказал. Через пять дней приедешь на мое кладбище, постоишь там. Овод вылетит из могилы, значит, у меня и лес ушел к Торуму.

Бог потому его наказал, что он когда с казаками воевал, то их головы через урью ставил. На три ряда двух голов не хватило, он две собаки убил и головы поставил, за это его бог наказал.

Жена подходит к могиле, овод улетел. Перед смертью он так и сказал:

– Если овод улетит с могилы, тогда на поминки лучше не ходите.

*Легенда записана В. М. Кулемзиным и Н. В. Лукиной в 1974 году
в селении Каюково (юртах Каюковых, река Большой Юган)
от ханты П. Т. Каюкова, 66 лет.
[Мифы, предания..., 1990. С. 177–178]*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.4

И. А. Когончин
информант, рассказчик

В. И. Семенова
запись текста

Предание о Тонье

Тонье стало известно, что скоро будет война. Он собрал самых сильных людей, один из них был из Рыскиных, чтобы стреляли из луков. Они построили дом без окон, в крыше была дыра, а в стенах были отверстия для стрельбы. Враги стреляли пулями. Стреляло 3 человека – один метил, второй держал, третий зажигал.

После выстрелов, отверстия в стенах закрывали топорами. Зимой обливали склоны водой и подвешивали бревна. Осталось два брата, железа (наконечников стрел) не стало. Делали их в стороне, а это место захватили.

У русских один ханты был, он им про Тонью все рассказал. Стали русские лезть по льду и цепляться за бревна, а их обрубали (на веревках были), потом палками стреляли.

Сидят двое в доме и ждут, палкой Тонья выстрелил.

Тонью с братом поймали, связали, повезли на лошадях. Стали ночевать. Вокруг поставили сани в три ряда и натянули веревку с колокольчиками. Тонья ночью перескочил, но задел за веревку. Верхом за ним гнались, не могли догнать. Он быстро бегал, палки к косам привязывал, они прямо летели. Перед побегом Тонья узнал, что и его брат бежал (посмотрел на палку, которой стрелял, а ее нет, значит, бежал). Оказались на разных берегах. Тот крикнул: «Брат, это я». Но поздно. Тонья выстрелил, а тот успел нагнуться.

Тонья пошел ночевать в Рыскины и потребовал оленей. Там его сестра замужем была. Хозяин не хотел их давать. Сестра сказала, что Тонья сильный, все равно отберет и все кончит. Отдал, Тонья утром уехал.

За Мултановыми (юртами) еще старики видели кедр с одним сучком. Это Тонья на нарту стал и все обрубил. Потом его вином опоили.

Родился Тонья на Оби в юртах Люкципул.

*Рассказ записан В. И. Семеновой в 1990 году
в юртах Когончиных на реке Большой Юган
со слов ханты Ивана Арсеньевича Когончина,
1927 года рождения.*

*Впервые опубликован В. И. Семеновой в 2005 году
[Семенова, 2005. С. 160].*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.5

Я. Н. Немпиров
информант, рассказчик

О. В. Кардаш
запись текста

Предание о Тонье

Жил Тонья на Оби. Мать его была салымской женщиной. Однажды, выйдя в сени, она услышала человеческий голос, что дадут (подарят) ей сына – хантыйского князя (*кантых кон*), охраняющего обских людей: «Соболью шапку и шубу для него положу тебе на руки. Если подол коснется земли, то родится у тебя сын. Долго ли, коротко ли вы проживете, сын будет говорить, что он будет смертным. Если подол не коснется земли, то в какие-то веки твой сын будет подобен богу».

Когда шапку и шубу из соболя положили ей на руки, то рукав шубы коснулся земли. Долго ли, коротко ли прожили, – родился у нее сын. Он у нее вырос очень быстро. Сразу же после рождения ханты сделали его князем.

Когда был он (Тонья) князем, к себе на службу не брал хантов и иноземцев (*на кон ях* «другого княжества /государства людей»), проезжавших по Оби. Взял он только русских, которые спускались с верховьев Оби (*нум ас чон*). Ехали эти русские, не имея при себе никакого оружия. Только везли небольшую полоску медвежьей шкуры, чтобы вести переговоры.

Тонья слишком много знал, не пропускал на север татар (*котань*). И за это балыкские люди (*полэк ях*) накормили его целым коробом (*кучим*) мухоморов. После того, как его накормили мухоморами, Тонья крепко уснул. Пока он спал, ему проткнули живот 12 копьями на медведя. Когда он поднялся, внутренности у него вывалились. В бреду, под воздействием мухоморов, Тонья сказал, что людей на Бальке не будет.

Если бы они с ним так не поступили, то, может быть, еще сейчас там люди жили.

*Рассказ записан О. В. Кардашем в 1994 году
в юртах Немпировых на реке Ай-Пим
со слов ханты Я. Н. Немпирова.
[Кардаш, А–2005. С. 37].*

*Впервые опубликован в 2000 году.
[Салымский край..., 2000. С. 68–69].*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.6

П. В. Курломкин
информант, рассказчик

К. Г. Карачаров
запись текста

Предание о Тонье

Тонья был на Югане, в городище Мынкыс-урий. Когда пришли русские воевать с ним, он заперся в городке и стрелял из лука. Тонья был хороший стрелок – ставил шишку на голову матери и сбивал ее стрелой. Русские стреляли из ружья втроем: одному клали ружье на плечо, второй – держал, а третий – поджигал. Тонья их одной стрелой убивал – на одну стрелу насаживал. Казаки захватили кузницу Тоньи, и подвоз стрел прекратился. Так захватили его. Повезли, остановились у одной старицы недалеко от Сургута. Поставили по кругу сани друг на друга – 7 саней в высоту, а сверху натянули веревку с колокольчиками.

Тонья очень хорошо играл на *наркас-юхе* – его развязали. Он играл, играл – все уснули. Тонья перепрыгнул через 7 нарт, только задел веревку с колокольчиками. Русские проснулись, бросились было за ним, но один знающий человек сказал, что он быстрее лошади и оленя бегаёт: привяжет к косе хорей и бежит так, что хорей по воздуху летит. Не стали его догонять.

Тонья убежал на [реку] Пим и там женился. Узнали пимские, что Тонью русские ищут. Накормили его мухоморами. Стали в него стрелять, а он не умирает. Сказал он, что это его бог наказывает, а иначе они не смогли бы его взять. Схватил он детский лук и стрелу без наконечника, выстрелил в одного и пробил его насквозь. Пошел Тонья в урман, упал и умер. Из головы у него вылетела пчела ('инд'и'). Тонье отрезали голову и послали русскому царю. Пока везли – голова порозовела, как у живого. Когда царь получил голову, царица-дочь царя (царевна) сказала: «Зачем такого красивого человека убили?».

Царь не хотел убивать Тонью, а только покорить, чтобы он служил ему.

Рассказ записан К. Г. Карачаровым 26 июня 1999 года в юртах Курломкиных на реке Большой Юган со слов ханты Петра Васильевича Курломкина. [Карачаров, А–2000. Прил. 2. С. 93–94].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.7

И. П. Усанов
информант, рассказчик

К. Г. Карачаров
запись текста

Предание о Тонье (фрагмент)

Выше Угута – *Мынкыл'-урей*. Пришли ненцы, стали стрелять. А у него (Тоньи) сак был из бобровой шубы. Стреляли, стреляли, не могли пробить. Сказал тогда Тонья, чтобы 300 человек встали друг за другом. Они встали, и он их прострелил всех (одной стрелой). Стал он перегораживать старицу головами – ставил на лед. Двух голов не хватило. Поймал он двух собак, отрубил им головы и поставил на лед. За то, что он двум безвинным собакам головы отрубил, бог его и наказал.

Рассказ записан К. Г. Карачаровым 1 июля 1999 года в юртах Усановых 2 на реке Большой Юган со слов ханты Ивана Петровича Усанова.

[Карачаров, А–2000. Прил. 2. С. 96–98].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.8

Е. Н. Бисаркин
информант, рассказчик

К. Г. Карачаров
запись текста

Предание о Тонье (фрагмент)

Когда пришли казаки.

Тонья воевал в лунную ночь. Привяжет веревку к пню и дергает за нее. Они в тот пень стреляют, а он тем временем на них с боевого лука и всех перестрелял. Все головы пообрубал и через урий поставил. Одной не хватило. Собачью голову срубил и поставил.

Из-за этого его бог и наказал.

[К. Г. Карачаров]: Зачем казаки приходили?

– Ему наверно хотели отомстить.

[К. Г. Карачаров]: За что?

– А кто его знает, чем не поделились. Он же метко стрелял через урий. Прутик поставит, так он с боевого лука ка-ак стрелит, и напополам. Кто его знает, правда или неправда. Может быть, и вранье.

Тонья очень быстро бегал. Как побегит, трехсаженевый жердь, – видимо, у него волосы длинные были, – к волосам привяжет, до того быстро бежит, что горизонтально поднимутся трехсаженные жерди.

Вроде так рассказывают...

*Записано К. Г. Карачаровым 7 июля 1999 года
в поселке Угут на реке Большой Юган
со слов ханты Егора Николаевича Бисаркина.*

[Карачаров, А–2000. Прил. 2. С. 104–105].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.9

Н. П. Ачимов
информант, рассказчик

К. Г. Карачаров
запись текста

Предание о Тонье

Он родился в [юртах] Люкси-пууль. Люкси-пууль – я не знаю, где это. Ниже, где-то, где Нефтеюганск.

Там женщины пошли черемуху собирать. Женщина там одна собирает черемуху. Потом слышит голос, чтобы в рот ей как бы бусину (положить). Она ее проглотила. Потом соболиные рукава от сака: «Вот это, мол, сын родится, их чтобы никому пока не показывала. Родится сын, а деревенские бабы будут над тобой смеяться: такая-растакая, сына родила одна. Чем будет одевать-то? – Тогда ты их достань, сделаешь *сак* потом, чтобы охотится, такой сделаешь». Потом, недолго думая, (вырастет) беспупый: пупа-то нету.

Долго ли, коротко ли, вырос-то быстро. Потом у него брат какой-то был, старший что ли..., – я легонько так совру. Потом они пошли, поднялись туда, по [реке] Югану, на устье, что ли. Женатые уже – жена его (Тонья), потом брата жена и их мать. Потом остановились они на устье Югана. Потом они пошли в лес «*Емль-ях*». Охотиться. Долго ли, коротко ли ходили, пришли домой. А жены-то *ихние* плачут. Так и так, татары на плотах, когда сверху плыли, они пристали и жен-то *ихних* изнасиловали.

Брат говорит: «Давай догоним их». Они их догнали. Плывут, подошли ближе, Тонья-то говорит: «Брат, у меня шашка (сабля) докрасна накалилась – красная стала. Они вскочили, всех там перерезали. Одного или двух оставили, в наказание (назидание) молодым: «Идите, передайте вашему главарю-хану, что, если вы хотите воевать с нами, хантами, надо более мощное (войско)».

Ну и это, они пошли, значит, поднялись до Угута. *Мункысь-урий* – там недалеко. С одной стороны там высокий бугорок, с этой стороны – тоже через урий. И он, Тонья, собрал войско. В Каймысовых тоже богатырь был *Няммль* («*Скользкий*»). Потом в Рыскиных был – *Рыскин-ко* («*Рыскинский мужик*»). Потом в вершине [реки] Большого Югана тоже был богатырь – *Топтых*. Еще *Ас-ко* был – обской какой-то, тоже приходил. И они эту крепость делали. Потом, чтобы стрелять, такой профиль (вырубили).

Потом осенью, когда подморозило все, вот и войско татар является. Ну, они тоже крепость сделали там.

Другие-то (богатыри) пришли. А на [реку] Малый Юган он послал одного человека, чтобы *Няммль* пришел помогать ему. Он тоже сильный богатырь был. Он говорил, что если *Няммль* не придет, то он всех людей на Малом Югане уничтожит. *Няммль* подумал: «Что он (Тонья) сильнее меня? Ну ладно схожу». Пошел, а тут в лесу недалеко (от Ачимовых) *ёом* (бор) есть, переночевали, а потом думает: «Неужели сильнее меня?» – и не захотел идти. Взял, обтесал сосну на треугольник. Потом луком стрелой выстрелил, и насквозь ее. И сказал, чтобы передали Тонье: «Что пускай посмотрит это дерево. Если он сильнее меня, то пускай стреляет в него.

Если сможет, значит, он сильнее меня и уничтожит всех на Малом Югане. А если нет, то пусть идет дальше». (Передали это Тонье). Решил Тонья попробовать, стреляет, а стрелы у него только до половины идут, а дальше то не идут. Голову почесал и обратно пошел. Но потом *Няммль* добровольно пришел помогать ему.

У татар было такое ружье, трехметровое: один его поднимает; второй куженьку подает, порошу насыпать. Один держит, второй целится, третий механизм нажимает. Пока они там возятся, Тонья по войскам по просеке с лука стрелой всех помаленечку. Потом Рыскин-ко, когда стрелять начали, на профиль стрельнул из лука и говорит: «Ну-ка как тебе, гляну, как татарин упадет». Взглянул только на профиль, а ему в глаз пуля попала. Только пикнуть успел, вскрикнул, тут пуля ему в рот попала. Ну и все (погиб).

Всех они (богатыри) перебили. Татары пошли заново войско собирать.

Пока они ходили, Тонья головы всех их убитых отрезал. Урий широкий был, (выстроил) головы в три ряда через урий. На третий ряд ему не хватило. Там собачонка бегала, он взял собачке и отрезал голову. Голова-то у нее вверх торчит. За это его боженька немножко наказал.

Потом опять пришли. Опять начали стрелять. У Тоньи избушка есть, там стрелы, лук для него делают и все такое.

Стреляли, стреляли. Татары уже выдохлись, мало их осталось, начали уже они отходить. А у Тоньи тоже стрелы на исходе. Выстрелил стрелой с беличьим хвостом. Впереди она упала, а у татар был переводчик-хант, он посмотрел и говорит: «Давайте вернемся обратно, у Тоньи – последняя стрела – больше у него нету». Вот они вернулись обратно. Тонья склон облил водой. Эти (татары) залезают, а он бревна рубит и кидает – они (татары) катятся обратно, калечатся. (Бревна у него кончились). Шуба у него была соболиная, он под нары залез, а кончики (шубы) видать. Они (татары) зашли и там обнаружили его. Связали руки, ноги. Арестовали его и брата, и мать. Повезли на Сургут. Не доходя Сургута, где-то переночевать надо было. Сани в кольцо поставили, а сверху веревку, колокольчики повесили. А брат-то его вперед ушел что ли, каким-то образом.

Тонья перепрыгнул через (сани), но задел за веревку с колокольчиками. Кинулись было догонять его, но он очень быстро бегал. Бегал так быстро, что когда привязывал к косам олений шест (*хорей*) и как побегит быстро, олений шест поднимается, вот до того быстро он идет. Потом мать его тоже убежала. У него (Тонья) маленький щенок был. Он скулит, тянет его за собой. Там островок такой небольшой, туда пришла собака. Это место сейчас называется «*Ами-вэнтын-пай*». А у него (Тонья) там запас был: стрелы, лук... там под березой прятал. На это надеялся, побежал туда. Подходит близко. Брат его вперед его ушел. Брат его там встретил...

Не знаю, куда брат его и мать делись... Он (Тонья) пошел по Большому Югану. Где-то там, в Утер-пууль, Купландеевы были у него – сестра и зять. Пришел туда, чаю попил, говорит... У зятя нарты и два быка (оленя) были. (Тонья говорит): «Чтобы мне пешком не ходить отдай мне (их)». А зять-то говорит: «Зачем я буду тебе отдавать, когда они мне самому нужны будут». Потом Тонья вышел на улицу. А сестра мужу говорит: «Зачем ты ему отказал? Он с тобой так поговорит, с тобой потом. Он оленей твоих заберет и тебя уничтожит». И он (зять) говорит (Тонье): «Возьми, мол, оленей»...

На болоте у невысокой сосенки обрубил (Тонья) все ветки, одну только оставил, чтобы будущие поколения знали, кто такой Тонья.

Потом впоследствии на [реку] Пим перебрался. Там женился на пимской женщине. А пимские то знают, что он воевал с татарами. Они взяли мухоморы, высушили много мухоморов и дали ему – отравили. И начал он песни петь всякие, а умирать не умирает. Потом эти пимские начали в него с луков стрелять.

Всего его истыкали, а он все мухоморные песни поет: «...Меня больше не будет, я буду мучиться». Пошел в лес, навалился, упал и умер. Жене сказал, чтобы она три раза через шею перешла. Жена так и сделала: три раза его перешагнула. Потом у него (из головы) выскочил *паут* [овод] и полетел вверх. И он скончался.

Что его уничтожили, (пимские) письмо написали царю. Они похоронили его что ли. Царь сказал: «Пусть голову хоть привезут». Они выкопали, голову отрезали. Потом простому пимскому ханту тоже голову (отрезали). Ну, две головы (отослали).

У царя дочь была. Когда она увидела его (голову Тоньи), а тот-то простой (голова простого ханта) пахнет там (испортилась). А голова Тоньи вообще свеженькая. Царевна-то заплакала: «Почему такого хорошего человека убили. Если бы он живой был, я бы за него замуж вышла».

Вот и царь этот письмо написал, чтобы тех, кто его убил – всех наказать. Вместо того чтобы их (пимских хантов) наградить, всех их уничтожили...

Длинная (песня была) – час где-то пели.

*Записано К. Г. Карачаровым в 2000 году
в юртах Ачимовых на реке Малый Юган
со слов ханты Николая Петровича Ачимова.*

[Карачаров, А–2001. Прил. 2. С. 68–70]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.10

В. Г. Каюков
информант, рассказчик

Е. П. Мартынова
запись текста

Предание о Танье

Танья родился в юртах Люкси пуутль на Юганской Оби. Его мать овдовела. От мужа у нее были дочь и сын. Однажды женщины позвали вдову собирать черемуху. Она отошла ото всех, вдруг слышит, что кто-то с ней разговаривает. Это человек сверху в белых одеждах на белом коне ей говорит: «У тебя родится сын». Человек дал ей от своего белого сахара рукав и кусочек сукна, предупредив: «Чтобы ни один край земли не коснулся». Но сброшенная одежда коснулась земли. Тогда человек на белом коне сказал: «Поэтому ребенок твой долго жить не будет».

Родился у женщины Танья. Начал быстро расти. Волосы ему не стригли. Он носил косы длинные. Бегал Танья очень быстро. Когда бежал, Танья привязывал хорей за концы кос, так во время бега хорей земли не касался – приподнимался над землей.

Танья женился. Жил он сначала на Малом Югане со старшим братом недалеко от устья реки. Однажды казаки (*кошекаты*) спускались на плотках. Танья с братом не было дома. Казаки зашли в дом и напугали жен, что-то им сделали. Танья вернулся домой, увидел это и сильно рассердился на казаков. Решил отомстить. Сел с братом на облас и поплыл. Догнали казаков у *Пысл кыт* (пос. Каменный). Сначала казаков рубил только Танья, брату он сказал: «Когда рукоятка моего меча станет красной – помоги мне». Увидел брат, что рукоятка стала красной, начал помогать. В живых осталось только несколько казаков. Танья сказал: «Если русский царь (*руть хон*) хочет со мной воевать, пусть готовит новое войско. Казаки передали это царю.

Танья начал готовиться к войне. Около Угута укрепил свой городок. Построил из бревен избушку с бойницами – как крепость. Сверху кедровым корнем бревна привязал. Облил все водой, избушка замерзла. Танья на помощь позвал и других сильных (*топтых*) людей. Один из них жил в юртах Рыскиных (*Рыскин ко*), другой – в вершине Малого Югана (*Немль*). В вершину Малого Югана Танья отправил посыльного, через которого передал: «Если Немль не поможет, то по Малому Югану только вода будет течь. В живых никого не останется». Немль согласился и поехал на подмогу Танье. Доехал он до бора *Канджа урулем*, остановился, чтобы дать передохнуть оленям. Думает: «Зачем еду. Вдруг Танья слабее меня». Выстрелил Немль из лука в дерево – насквозь прошиб стрелой ствол толщиной в три пальца. Отправил после этого к Танье посыльного, через которого передал: «Пусть Танья придет сюда. Посмотрю, какой он силач. Буду ему помогать, если он окажется сильнее меня». Приехал Танья. Выстрелил из лука. Его стрела наполовину в дерево вошла. Но Танья уговорил Немля помогать ему.

Собрались все в городке Таньи. Идут русские казаки. *Рыскин ко* выстрелил – хотел посмотреть, как упадет русской женщиной рожденный человек. Но ему самому пуля попала в рот.

У русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит. А Танья из лука быстро стрелял. Танья побил казаков. Те побежали за помощью. Танья убитым казакам головы отрубил и перегородил ими урий. Не хватило до берега немного. Тогда он головы собачьи отрезал. Наказал его бог за это – лишил силы.

Тем временем второе казачье войско пришло. Поймали Танью в его крепости. Убили его, а голову отправили к русскому царю в Москву.

*Записано Е. П. Мартыновой в 2001 году
в юртах Каюковых на реке Большой Юган
со слов ханты П. Т. Каюкова.*

[Мартынова, 2002. С. 89–90].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.11

В. Г. Каюков
информант, рассказчик

Е. П. Мартынова
запись текста

Предание о Танье

Танья родился в селении Люкси пуутль на Юганской Оби (ниже сел. Каркатеево). Он был без пупа (*пуклинных ко* – «беспупый»). Танья – богатырь, он «самый сильный начальник». Про него такой рассказ есть.

Жила девочка со стариком. Старик обижал ее. Однажды пошла девушка по ягоды. Вдруг видит – сверху на белом коне всадник спустился. Человек на коне ей со своей шубы бросил кусок соболиного сахара и сказал: «У тебя будет сын. Назови его Танья».

Девушка вернулась к дедушке. Через некоторое время у нее родился сын. Она назвала его Танья. Он начал очень быстро расти. Однажды старик добыл большую щуку, весом около 10 кг. Танья говорит: «Хорошая щука. Можно одному съесть». Тогда старик разделал щуку и сказал: «Ешь. Если все не съешь, я тебе голову отрублю».

Танья ест щуку, не может всю осилить. А его мать, закрывшись платком, говорит: «Вместо воды ешь сырой щучий хребет». Танья так и сделал. Съел всю щуку. Сказал старику: «Я тебе могу голову отрубить». Но не стал этого делать. Ушел он с матерью от старика. Старик тем временем сообщил в Сургут, что Танья вырос и убежал. Казаки из Сургута поехали его искать.

А Танья с матерью поехал к юртам Еутским (они находились ниже пос. Угут), где жила родня его матери. Там есть высокая гора Еутунвонт, прямо у реки Юган. Танья сказал родственникам матери: «Дайте мне лук». Родня не дала. Тогда Танья попросил их из лука выстрелить. Родня разрешила. Выстрелил Танья и пробил насквозь мерзлое дерево.

После этого пошел Танья выше по р. Юган. Между юртами Когончиными и Угутом есть Мукут-урий. Танья там с матерью обосновался. Построил там избушку. Тем временем казаки его ищут. Сообщил им кто-то, что Танья в своем городке у Мукут-урий. Казаки туда и поехали. Родные начали помогать Танье луками и стрелами, делали их для него. Человек сто казаков подъехали к городку. Танья начал по ним из лука стрелять, а казаки в него из ружей. У казаков из ружья три человека стреляет: один заряжает, другой целится, а третий поджигает. А Танья их из лука бьет – за один раз троих убивает. Стрелял он из окна в доме. Поубивал всех. После этого он начал головы врагам рубить и укладывать их через урий. Не хватило одной головы. Тогда Танья отрубил собачью голову и поставил.

Таня свою избушку водой облил. Замерзли стены, льдом покрылись. Тем временем другие казаки подошли. Начал Таня отбиваться. Стрелы у него кончились, нечем стрелять. А казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Таня сверху на них бревна скатил. Кончились бревна. Казаки проникли вовнутрь. Таня в яму сел, а шубы кусок наружу выглядывает. Увидели его казаки и поймали. Повезли его в Сургут. По дороге остановились ночевать. Загородили Таню лошадиными телегами и колокольчики повесили, чтобы слышно было, если бежать надумает. А Таня под снегом ход вырыл и убежал.

Пришел Таня к юртам Рыскиным, что по Большому Югану. Там жила сестра Тани с мужем. Таня говорит зятю: «Дай мне два добрых оленя-быка». Зять сначала отказал. Тогда сестра сказала мужу: «Если не дашь, он тебе голову отрубит». Дал зять ему двух оленей. Поехал Таня вверх по Югану. Остановился за юртами Ярсомовыми, чтобы олени отдохнули. Там кедр рос посреди болота. Таня с него сучки срезал и метку (*валькум юх*) сделал. Сказал: «Когда дерево без сучков упадет, то век переменится». Сейчас этот кедр еще стоит.

Таня дальше поехал. Остановился он в вершине Большого Югана. Хотели его там поймать. Казаки объявили: «Кто Таню поймает, тому благодарность будет». Где-то на Демьянке Таню мухоморами накормили. Он начал дурачиться. Песни поет, пляшет. Начали люди его копьями тыкать. Кишки выползли, а он все пляшет. Потом умер Таня.

Сообщили люди казакам, что Таня умер. Приехали казаки на Демьянку. Смотрят – лежит Таня как живой. Приехал начальник казаков и говорит: «Зачем Таню убили. Он должен век жить. Вместо боженки быть».

Бог наказал Таню, потому что он собачью голову срубил. Это грех. Если бы Таня собачью голову не срубил, то был бы начальником (президентом) у всех хантов.

*Записано Е. П. Мартыновой в 2001 году
в юртах Рыскиных на реке Большой Юган
со слов ханты В. С. Мултанова.*

[Мартынова, 2002. С. 88–89].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.12

В.В. Каюкова
Л.Н. Каюков
информанты, рассказчики

Г. П. Визгалов
запись текста

Предание о Тонье

Мать Тоньи жила у чужих людей, которые ее обижали (*была дальней родственницей, сиротой*). Однажды в семье делали поры – угощение духов, совершили обряд на священном месте, покормили тонхов и ушли пировать в деревню. Но хозяевам показалось, что еды маловато, и они отправили девушку, когда уже стемнело на святилище взять мясо, оставленное для богов (*что было скверным взять ночью у духов приношение, да еще женщине*). Девушка не решилась это сделать и боялась вернуться обратно домой, поэтому пошла пешком через лес. В лесу ее остановил с большого кедра дух – посланник верховного бога – Санки, который приказал ей открыть рот. Когда она это сделала, он плюнул ей в рот. После этого она забеременела. Она ушла на Балык, где ее приютили добрые люди – дальние родственники. Там она родила Тонью.

С юности подросток Тонья являл примеры необыкновенных качеств – бегал быстрее всех так, что хорей, привязанный к волосам, держался горизонтально и не падал. Лук у него никто не мог согнуть, даже взрослые.

Потом Тонья стал воевать с врагами, стал известным и сильным, что это не понравилось русскому царю и он отправил войско для поимки Тоньи. Но Тонья удачно воевал, все отряды разбил. Он отрубал своим врагам головы и вешал их на колья запора, который перегородивал реку Юган. Однажды он повесил последние головы, но на один кол не хватило головы, и он для красоты повесил голову собаки, чем разгневал бога, так как поставил на одно место человека и собаку. Бог перестал оказывать Тонье поддержку.

Потом враги – русские казаки окружили Тонью, который спрятался в высоком городке. С ним были товарищи – с правой руки на стенах городка сидел воин из рода Рыскиных, который был очень хорошим стрелком из лука и поражал врагов. Второй слева товарищ из рода (*Сарантеевых, то ли сами Сарантеевы в родстве с Тонией*). Стены и склоны горы Тонья облил водой, они заледенели и казаки не могли залезть на стены. Потом на них кидали бревна и казаки падали. По городку стреляли из огромных ружей втроем – один держит, другой целится, третий поджигает. Но это не помогло, тогда притащили пушку, разрушили городок и захватили Тонью, чтобы привести к царю, но Тонья ночью перебил охрану и сбежал.

Через какое-то время враги нашли и окружили Тонью, он сражался, но силы у него кончались. Враги сделали огромный лук, который натянули втроем и большой стрелой попали в Тонью, пробили кольчугу. Тонья зашатался, но боялся упасть и коснуться косою земли. Тогда он лег на березу, которая согнулась под его весом. Враги подбежали к Тонье, чтобы срезать волосы с кожей, но в это время душа Тоньи из головы в виде черного косача взлетела в небо и не досталась врагам. Голову Тоньи привезли к царю, тот заплакал и сказал, что зря убили такого воина, он бы служил у меня, я ему много бы золота дал. А согнутая береза до недавнего времени еще стояла и ее видно было (*это место до сих пор есть*).

*Рассказ записан Г. П. Визгаловым в 2003 году
в юртах Пунси 2 на реке Большой Салым
со слов ханты Варвары Васильевны Каюковой
и Лазаря Николаевича Каюкова*

(Полевые материалы автора)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.1.

Е. В. Вершинин,

канд. ист. наук, ООО «НПО «Северная археология-1»»,
г. Екатеринбург, e-mail: u5830@yandex.ru

Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках

Среди разных групп хантов Средней Оби в течение нескольких столетий бытовали схожие исторические предания, героем которых является богатырь Тонья (другие варианты имени – Танья, Танга). Впервые легенду об остяцком князе Танге изложил, со слов юганских хантов, в начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич. Согласно этому варианту предания, князь Танга сначала проживал по Большому Балыку, затем переселился на Большой Юган [Дунин-Горкавич, 1911. С. 29–30]. Приходится только сожалеть, что легенды о Танге не были собраны от балыкских хантов в первые десятилетия XX в., пока эта группа сохраняла традиционный образ жизни и этнографические особенности. Однако вплоть до наших дней предания о Тонье живут в устной традиции юганских и пимских хантов.

К настоящему времени опубликованы 3 варианта сказаний о Тонье. Авторы двух первых публикаций – А. А. Дунин-Горкавич (1911 г.) и Н. В. Лукина (1990 г.) – не ставили вопрос о соотношении легендарного остяцкого богатыря с каким-либо реальным историческим лицом. О. В. Кардаш, записавший на Ай-Пиме еще один вариант сказания, провел сопоставление фольклорного персонажа Тоньи с историческим остяцким князем, известным по русским письменным источникам начала XVII в. [Салымский край, 2000. С. 68–69, 283–284]. В свое время выдающийся сибиревед С. В. Бахрушин кратко изложил по архивным источникам события, связанные с антирусским движением остяков Средней Оби во втором десятилетии XVII в. Во главе этого движения стоял сын местного князька Бардака Тонема, или Кинема [Бахрушин, 1955. С. 141–142]. Поскольку в русских источниках чаще употреблялся последний вариант имени этого бунтаря (Кинема), то до С. В. Бахрушина исследователи на имя Тонема не обращали внимания. Таким образом, выстраивается цепочка сопоставлений: С. В. Бахрушин показал, что Тонема и Кинема в письменных источниках – одно и то же лицо; современные историки отождествили Тонему с героем хантыйских исторических преданий Тоньей. Однако первый из них не знал фольклорных преданий, а вторые – не обращались к сохранившимся архивным документам, на которые опирался С. В. Бахрушин. Все это приводит к необходимости продолжить исследование данной темы, учитывая как письменные, так и фольклорные источники.

Поиски в исторических преданиях хантов реальной событийной основы и прототипов – явление в науке мало разработанное. Можно, конечно, указать на традицию, идущую от исследователя фольклора хантов С. К. Патканова, который использовал остяцкий героический эпос для реконструкции жизни хантыйского общества в дорусский период. В настоящее время эта традиция поддержана А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым, которые, отталкиваясь от сказания о богатырях остяцкого городка Эмдера, произвели детальные

археологические раскопки данного городка [Зыков, Кокшаров, 2001]. Однако речь в этом случае идет о дорусском бесписьменном периоде истории хантов, а только археологические материалы не способны подтвердить достоверность конкретных лиц и событий, обрисованных в героическом сказании. Попытка отождествления пришедшего из устной традиции Тоньи с Кинемой письменных источников является на сегодняшний день уникальной темой, открывающей новый аспект в изучении культурного наследия хантов.

Восстание Кинемы Бардакова до сих пор по-разному интерпретируется в научной литературе. Например, существует путаница в хронологии действий восставших. Так, первый историк Сибири Г. Ф. Миллер относил разбойные действия сургутских остяков к 1616 г. А. И. Андреев, один из издателей труда Миллера, с ним не согласился и выдвинул другую датировку – осень 1618 г. [Миллер, 2000. С. 43, 664]. П. Н. Буцинский (его труд впервые был опубликован в 1893 г.) писал об одном нападении остяков Бардаковой волости – в 1617 г. на воеводу Бобарыкина, который следовал по Оби в Томск [Буцинский, 1999. С. 95]. С. В. Бахрушин акцентировал внимание на разгроме отряда Кинемы и Суеты Бардаковых, который, согласно документам, имел место в 1619 г. Сами антирусские действия остяков историк относил тоже к этому году [Бахрушин, 1955. С. 141]. А. Т. Шашков высказал мнение, что мятеж сыновей Бардака начался в 1616 г., продолжился нападением на воеводу Бобарыкина в 1617 г. и был подавлен к 1619 г. [Очерки Югры, 2000. С. 147]. В интерпретациях указанных историков, за исключением А. Т. Шашкова, можно отметить очевидный недостаток: все они почему-то искали только одну достоверную дату выступления Кинемы Бардакова и отдавали предпочтение какому-либо одному свидетельству, игнорируя другие документы. Между тем, анализ сохранившихся документов позволяет создать непротиворечивую хронологию бунтарских действий Кинемы, которые, как будет показано ниже, относятся к 1616–1619 гг.

Представляется целесообразным сначала воссоздать, опираясь на письменные источники, историческую основу событий, а уже затем «наложить» на получившуюся картину фольклорный материал. Нами просмотрены наиболее ранние письменные источники, в которых могли бы содержаться сведения о князе Бардаке, его сыне Тонеме – Кинеме и судьбе Бардакова княжества в целом в условиях подчинения русской власти.

В 1585 г. русским отрядом во главе с воеводой И. А. Мансуровым на правом берегу Оби, приблизительно напротив устья Иртыша, был основан Обской (Мансуровский) городок. Известно, что городок существовал до 1594 г., являясь в это время опорной базой для продвижения русской колонизации в районы Среднего Приобья. К сожалению, нам неизвестно, как и когда состоялись первые разведочные походы из Мансуровского городка вверх по Оби, поскольку за 1587–1592 гг. письменных свидетельств почти не осталось. На основании более поздних документов можно утверждать, что около 1592 г. вверх по Оби «на государевых же изменников на остяков войною» были посланы кодыские остяки (200 человек) во главе с князем Игичеем Алачевым. Русское правительство к этому времени уже настолько доверяло остякам Коды, что они совершили поход самостоятельно, без русских служилых людей [РГАДА, ф. 214, стб. 203, л. 46]. В 1595 г. у кодыских остяков обнаруживается нарымский и тымский «полон», из чего можно сделать вывод, что князь Игичей прошел в 1592 г. по Оби до устьев Тыма и Кети. Как указывает «Книга Большому чертежу», область Нарым, расположенная в районе слияния Кети и Оби, называлась русскими в конце XVI в. «Пегой ордой». Во главе Пегой орды – политического объединения нарымских остяков (селькупов) – стоял князь Воня (в специальной этнографической литературе нам не удалось обнаружить этимологического объяснения имени этого князя-вождя; но следует обратить внимание на схожесть словообразования имен Воня – Тонья). Именно во время этого похода в русский плен попал сын Вони Урунк (возможно и другое прочтение – Урнук).

В начале 1590-х гг. представления русской администрации о географических названиях районов Средней Оби были достаточно смутными. Об этом свидетельствует наказ от 19 февраля 1594 г. воеводам Борятинскому и Оничкову, которым предстояло заложить город Сургут. Им было указано поставить город «вверх по Оби в Сургуте или в Безекове волости в Лунпекех». После постройки острожных укреплений воеводам указывалось «волости все и городки, которые пошли от Обского городка от устья Иртыша к новому городу – Сургут и Соमारовская волость – и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой орде и выше Пегие орды ведати судом и управою...» [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 24, 28].

Из данного наказа ясно, что словом «Сургут» обозначалась тогда целая местность, название которой воспринял вновь построенный русский город. В специальной литературе утвердилось мнение, что г. Сургут был заложен на территории так называемого «Бардакова княжества». Нам не известно, когда сам Бардак принял

русское подданство – в том же 1594 г. или это случилось немного ранее. Неясными остаются и более важные вопросы: о территориальных границах и этнической принадлежности населения Бардакова княжества, которое в условиях формирования русской административно-территориальной системы превратилось в отдельную волость Сургутского уезда. По вопросу об этническом составе Бардаковой волости высказано два мнения. Большая часть исследователей считает его хантыйским. Г. И. Пелих привела аргументы в пользу того, что сам Бардак и подчинявшееся ему население были селькупками, представляя к концу XVI в. наиболее северный район расселения этого самодийского народа [Пелих, 1981. С. 19–23]. На сегодняшний день этот вопрос остается открытым, поскольку русские источники XVII в. для его разрешения почти бесполезны. На протяжении всего столетия и ханты, и селькупы выступают в русских документах под общим названием остяков. Только в XIX в. селькупов стали отличать от хантов и выделять названием «остяко-самоеды». Нам представляется вероятным, что если не все население Бардаковой волости, то ее княжеская верхушка (Бардак и его род) могли являться самодийцами.

В науке не решен вопрос и о территориальной локализации Бардаковой волости. Например, известный исследователь сибирских народов Б.О. Долгих уверенно писал: «Известно, что центром остяцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам город Сургут был основан на территории этого княжества» [Долгих, 1960. С. 81]. Утверждение о нахождении резиденции Бардака в устье Тром-югана, в 30 верстах выше Сургута, содержится и в некоторых других работах. Между тем, не совсем ясно, на чем основывается это мнение. В своих детальных путевых записках Г. Ф. Миллер, говоря о Тром-югане, ни словом не упоминает Бардака и его городок на этой реке, зато фиксирует речку Бардаковку вблизи Сургута [Сибирь XVIII века, 1996. С. 207–208]. В 1675 г. о «речке Бордака» рядом с Сургутом писал Николай Спафарий [Спафарий, 1960. С. 48]. Возможно, что локализация Бардаковой волости на Тром-югане восходит к карте конца XVII в. С. У. Ремезова «Чертеж земли Сургутского города», где выше устья р. Тор-юган буквами обозначена «волость Барданкова». В то же время речка Бардаковка расположена на этой карте недалеко от Сургута.

Нами обнаружен документ, который может указать (хотя бы частично) на географическое положение Бардаковой волости. В 1626 г. остяк Матокиных юрт Бардаковой волости Тырмаско Калыдалов подал в Сургуте воеводе Н. Е. Пушкину челобитную с жалобой на действия людей второго воеводы, Богдана Белкина. Суть жалобы Калыдалова состояла в следующем. Зимой этого года к нему в юрты остяк Салымской волости Милко Пунсеев привез двух дворовых людей упомянутого воеводы Белкина. Эти двое русских ехали из Тобольска, требуя, чтобы остяки выполняли подводную службу (т.е. перевозили их на собачьих упряжках). К Пунсееву их доставил остяк тоже Салымской волости. Применив насилие, люди Белкина заставили Калыдалова довести их до Сургута [РГАДА, ф. 214, стб. 8, л. 62–63]. Между Салымской волостью и Сургутом, если следовать с юго-запада, лежит бассейн р. Б. Балык. Именно здесь мы бы искали Матокины юрты Бардаковой волости. По крайней мере, свидетельство данного документа имеет не меньший вес, чем указания карты Ремезова о «Барданковой» волости на Тром-югане.

Таким образом, можно предположить, что первоначально территория дорусского «Бардакова княжества» простиралась от устья Тром-югана вниз до района собственно Сургута и далее по Оби (и/или Юганской Оби), захватывая часть бассейна Балыка. Наше предположение стало бы убедительней, если бы удалось точно локализовать упоминаемые в документе юрты Матокины. Однако среди остяцких юртов Сургутского уезда второй половины XVIII – XIX в. поселения с таким названием обнаружить не удалось. Впрочем, еще С.К. Патканов обращал внимание на то, что некоторые из «остяцких юрт Сургутского округа» имеют «от двух до трех названий». Вероятно, юрты Матокины позднее сменили свое первоначальное название.

Итак, что же известно о Бардаке и его сыновьях по достоверным письменным источникам? Впервые имя князя Бардака появляется в царской грамоте, составленной в Москве 31 августа 1596 г. и адресованной сургутскому воеводе. Сама грамота, как это было принято в управленческой практике, являлась ответом на сообщения воеводы Сургута о местных делах. Из грамоты ясно, что в 1596 г. Бардак весьма лояльно относился к русской власти. Именно он лично сообщил воеводе О. Т. Плещееву о том, что «Кучум царь подкочевал к Пегой орде» и договаривается с нарымским князем Воней о совместном нападении на Сургут. Плещеев сообщал в Москву, что 14 мая 1596 г. в Сургут приехал «Бордоков сын Тонем» и поведал схожие новости, которые передали ему лунпуколские и ваховские остяки: что князь Воня отказывается платить ясак и намеревается идти на Сургут войной. В Москве было решено организовать большой поход в Нарымское Приобье, соединив отряды из Тобольска, Березова и Сургута. Интересно отметить, что присоединение к этому войску остяков

Бардакова княжества было, с точки зрения Москвы, нежелательным. Предполагалось участие кодских остяков князя Игичея Алачева, и только в случае их отсутствия Москва рекомендовала сформировать отряд из уже приведенных в подданство остяков Сургутского уезда, в том числе и «Бордаковых людей» [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 7 об. – 23 об.].

Есть все основания согласиться с мнением Св. Бахрушина, что первоначально, после подчинения русской власти, «княжество Бардака» находилось на особом положении по сравнению с другими ясачными волостями Сургутского уезда. Как и князя Коды Алачевы, Бардак владел своей «вотчиной» и считался, видимо, не князьком ясачной волости, а служилым князем. С людей, подвластных ему, взимался не ясак, а так называемые поминки (тоже пушшиной), которые были меньше окладного ясака и подчеркивали особый статус «Бардаковых людей».

В начале 1597 г. в Москве стало известно, что в верховьях реки Пура «живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больши, а государева ясаку не плотят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе». У нас вызывает сомнение тот факт, что во времена самостоятельного существования Бардак взимал регулярную дань со столь отдаленных от него самоедов (предков лесных ненцев и энцев). Скорее всего, речь идет о периодических набегах «Бардаковых людей» на промысловые владения пуровских самоедов, во время которых могли иметь место военные столкновения и сбор дани с последних. В 1740 г. Миллер записал, что сургутские остяки по Тром-югану и Агану «ходят на Пур, в особенности ради бобровой охоты» [Сибирь XVIII века, 1996. С. 208]. В ясачной книге 1625 г. было отмечено, что с остяков Бардаковой волости недобран ясак по цене 120 соболей, потому что «они отошли для бобрового промыслу в дальние места» [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 284 об.]. Возможно, именно поэтому в более позднее время Тром-юган и Аган связывался с людьми Бардака.

Скорее всего, Бардак, прикрываясь именем далекого русского царя, сделал попытку собирать ясак с пуровских самоедов в свою пользу. Как бы то ни было, сургутский воевода должен был заявить Бардаку насчет самоедов: «То люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и тово, что ему своими людьми владети». Опыт походов «бардаковцев» на Пур русское правительство решило использовать к своей выгоде. Бардак должен был «послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих», привести самоедов в ясачное состояние, взять у них заложников и доставить в Сургут. При необходимости воеводе указывалось добавить к отряду Бардака сургутских казаков. Вместе с тем самому Бардаку было запрещено возглавлять поход, «потому что еще Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну его лучшему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж (т. е. в Сургуте – Е. В.) для того, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не сделал» [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 44об.–5об.]. Как видим, в первые годы после основания Сургута правительство еще не вполне доверяло бывшему самостоятельному правителю.

Указание Москвы об организации похода на Пур было выполнено только в 1601 г. До этого, в 1597 г., произошёл разгром Пегой орды, и Нарымское Приобье было включено в состав России. Мы достоверно не знаем, участвовал ли Бардак со своими остяками в этом знаменательном деянии. И не известно, был ли он еще жив к 1601 г. В научной литературе поход из Сургута на Пур неверно датируется 1602 г. Между тем, в царской грамоте (от 6 сентября 1602 г.) совершенно определенно говорится, что участники похода вернулись в Сургут 24 ноября (разумеется, не этого, а предыдущего года). Отряд состоял из сургутских казаков под предводительством атамана Богдана Сидоровича Зубакина и остяков во главе с сыном Бардака князем Кинемой [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 113–115]. Однако сургутская инициатива с объяснением далеких самоедов опоздала. В 1601 г. на р. Таз был основан центр нового уезда – Мангазея, служилые люди из которой уже успели собрать ясак с населения Пура и Таза. Заметим, что, начиная с изложенного документа, сын Бардака выступает под именем Кинема, а не как «Тонем». Думаем, что эту фонетическую трансформацию имени следует объяснять, исходя из смешанного самодийско-хантыйского населения Бардакова княжества.

За 1603–1615 гг. в сохранившихся русских источниках нет никаких сведений о Бардаковой волости и ее князьях. Сама же Россия в эти годы пережила целую эпоху, заполненную тяжелыми и кровавыми событиями Смуты. Гражданская война и интервенция в центре России отразились на темпах освоения Сибири. Русская колонизация в восточном направлении приостановилась на 15 лет. В эти годы контроль за воеводами Сибири со стороны центра значительно ослаб, что открывало для них широкие возможности для злоупотреблений. С другой стороны, новое правительство Михаила Романова (с 1613 г.) находилось в тяжелом положении и

отчаянно нуждалось в финансовых средствах. В таких условиях воеводы Сургутского уезда могли по своему почину пойти на ликвидацию привилегированного положения Бардакова княжества и наследников Бардака. К этому времени все другие князцы и «лучшие люди» волостей Сургутского уезда лично платили ясак, наравне с остальным населением. Как нам представляется, ликвидация служилого статуса наследников Бардака и могла поднять последних на своего рода восстание.

Осенью 1616 г. сургутские воеводы Вельяминов и Зубатой отправили в Кетский острог сообщение, что 17 августа «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати» [Миллер, 2000. С. 273]. К сожалению, процитированный документ дошел до нас в копии XVIII в., поэтому в тексте возможны мелкие неточности. Но в данном случае даже малые искажения имеют большое значение. На кого напал Кинема со своими сторонниками? На остяков Бардаковой волости, которая включала аганских, аслыпских и юганских остяков? Или после «Бардаковой волости» первоначально стоял союз «и», который исключает перечисленных остяков из ее состава? В принципе допустимо и то, и другое.

Если Кинема хотел начать военные действия против населения своей же волости, то возникает вопрос о причинах конфликта. В истории Западной Сибири первой половины XVII в. легко обнаружить сходную ситуацию. В 1636 г. кодские ханты «вотчины» князя Дмитрия Алачева отказались ему подчиняться и платить оброк. Как ни странно, они просили русское правительство перевести их на обычное ясачное положение с уплатой ясака в государеву казну, мотивируя просьбу «насильствами и налогами» со стороны князя Дмитрия Алачева [Бахрушин, 1955. С. 130–131]. Другими словами, подчинение непосредственно русской власти представлялось кодским хантам более предпочтительным, чем быть «вотчинными» людьми своего князя. Последний статус означал как уплату поминков в государственную казну, так и содержание князя с его ближайшими воинами-дружинниками. Сходные причины могли лежать и в основе конфликта Кинемы с остяками Бардаковой волости.

Однако и против русской власти Кинема Бардаков тоже имел зуб. Поскольку остяки «остереглись», то он начал громить проходившие по Оби русские суда. В устье р. Турунганки (Тром-юган?) Кинема напал на дощаник Третьяка Огородника и убил 9 человек. На Вахе нападению подверглись 6 каюков промышленных людей; было убито 17 человек. Помимо этого, погибли 2 казака сургутского гарнизона и 2 холопа воеводы Ивана Зубатого. Разбойные действия Кинемы сопровождалось грабежом товаров и имущества. Остяки, которые избежали набегов Кинемы, донесли о его намерениях в Сургут: мятежный вождь будто бы собирался «украдом на Оби и в лесу русских людей» побивать, а в ясачные волости «с смутою посылати». Получив об этом известия, сургутские воеводы выслали против Кинемы отряд казаков и верных русской власти остяков, всего 50 человек. Возглавлял отряд старый знакомый Кинемы атаман Богдан Зубакин. Преследование, однако, было неудачным, поскольку Кинема и его сторонники «побежали безвестно» [Миллер, 2000. С. 273]. Видимо, «подвиги» Кинемы на Средней Оби продолжались дальше и стали широко известны. Так, в конце 1616 – начале 1617 г. казаки гарнизона Томска направили в Москву челобитную с просьбой о присылке положенного им жалованья. Описывая свою нищету и дефицит в одежде, они, в частности, указали: «Торговые люди не заежжают, место дальнее, а от Сургута, государь, и до Нарыма обские остяки торговых людей не пропускают в Томской город, грабят и побивают» [Миллер, 1999. С. 439]. Нет сомнений, что здесь имелись ввиду действия Кинемы «с товарищи».

Центральным эпизодом антирусских действий Кинемы в научной литературе считается нападение на воеводу Федора Бобарыкина, который направлялся к месту своего назначения в Томск. При этом почему-то игнорируется утверждение тобольского воеводы И. С. Куракина из его отписки в Пелым, датированной 2 декабря 1618 г.: «А Федор Бобарыкин в Томск проехал, а никакого погрому над ним не было». В данной отписке говорится о том, что «сее осень (т. е. 1618 г. – Е. В.) заворовали сургуцкие остяки Бардакова родня немногие люди, побили русских людей немногих» [Миллер, 2000. С. 289]. Обращение к документам показывает, что Федор Васильевич Бобарыкин еще в июне 1616 г. являлся воеводой Тюмени, а к концу этого года находился уже в Томске, где и воеводствовал до лета 1620 г. [Вершинин, 1998. С. 176]. Томск Бобарыкин не покидал, поскольку воеводам это было запрещено. Таким образом, Бобарыкин проследовал вверх по Оби где-то во второй половине лета 1616 г. Именно тогда он имел единственный шанс встретиться с отрядом Кинемы, однако о нападении на него в это время ничего не известно.

Вообще, источником сведений о «погроме» Бобарыкина являлись только слухи, ходившие в 1618 г. среди иртышских остяков и вогулов притоков Иртыша. По этим слухам, восстание подняли «казымцы и нарымской

князек Дона со всеми своими людьми, а убили де на Обе выше Сургута воеводу, которой ехал в Томской город». Заметим, что конкретно имя якобы убитого воеводы не называлось; тобольский же воевода Куракин отлично знал, что последним по времени томским воеводой, пльвшим по Оби и благополучно прибывшим в Томск, был Бобарыкин.

Совершенно невероятными были слухи, ходившие среди кондинских вогулов, о том, что число восставших достигает 1900 человек, которые собираются осадить Сургут. И все-таки данные слухи представляют определенный интерес. Во-первых, действия Кинемы получили широкий резонанс среди аборигенного населения Оби и низовьев Иртыша, стали предметом толков и преувеличений. Во-вторых, в «нарымском князьке Доне» легко узнается Тонем, ставший фольклорным героем Тоньей. Обозначение его как «нарымского князька» заставляет вспомнить рассуждения Г. И. Пелих о широком распространении топонима «Нарым» («болотистое место») в Западной Сибири. Г. И. Пелих была уверена, что, помимо того Нарыма при устье Кети, где возник одноименный русский острог, местность «Нарым» существовала и в районе Сургута [Пелих, 1981. С. 15]. В этом ряду ассоциаций можно вспомнить, что в 1626 г. остяки Бардаковой волости заявили, «что де они живут на болоте» [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 316]. Таким образом, именование Тонема нарымским князьком имеет под собой основания.

Итак, мы имеем сведения о выступлении Тонемы-Кинемы в августе 1616 г. и осенью 1618 г. Говоря о причинах «измены» наследника Бардака, тот же осведомленный Куракин указал, во-первых, на обиды и насильства от воевод (каких – неясно); во-вторых, «что посылали на них войною сургутских служивых людей до их же воровства, и служивые люди их не дошли, а жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поймали и повезли в Сургут, и они для того и заворовали». Здесь речь идет, очевидно, о карательной экспедиции атамана Зубакина, который осенью 1616 г. самого Кинему не нашел, а захватил семьи повстанцев. Как развивались события в 1617 г., нам неизвестно. Ясно только, что движение Кинемы широкой реальной поддержки среди аборигенного населения Средней Оби не получило. По сведениям Куракина, «большие люди» ясачных волостей, идущих от Сургута вниз по Оби, заявили о том, что они «государю служат и прямят». Кинема же со своими немногочисленными сторонниками, начиная с 1616 г., от русских властей скрывался.

В чем конкретно проявилось «воровство» Кинемы летом–осенью 1618 г., нам почти неизвестно. Можно только с уверенностью утверждать об одном факте: нападении на томских служилых людей, которые везли «денежную казну» для гарнизона своего города. Хотя часть документа, где говорится об этом, испорчена [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 247–250], год нападения восстанавливается как 7126 (1 сентября 1617 г. – 31 августа 1618 г.). Как говорилось выше, незадолго до того казаки Томска жаловались в Москву на задержку в выдаче им жалованья. За денежным жалованьем в XVII в. сибирские служилые люди сами, с разрешения воевод, ездили в Москву. Подобные станицы были немногочисленными и состояли из 6–8 человек. Именно такую томскую станицу «погромил» Кинема летом 1618 г. и захватил 400 руб. – сумму по тем временам весьма значительную (поскольку самой большой монетой в XVII в. была копейка, то 400 руб. представляли 40 000 тыс. коп. в нескольких мешках). Видимо, убийство нескольких томских казаков и послужило источником преувеличенных слухов, ходивших среди аборигенов Средней Оби, о нападении на томского воеводу. Выше было показано, что в 1618 г. никакой томский воевода по Оби следовать не мог.

Действия Кинемы Бардакова необычны уже тем, что примириться с русской властью он не хотел. В Сургуте продолжал воеводствовать Иван Зубатый, при котором и начались разбои Кинемы. Воевода наконец сделал решительный ход. 15 июня 1619 г. из Сургута вышел отряд казаков во главе с местным подьячим Иваном Афанасьевым и толмачом Иваном Парабельским. Выбор подьячего (чьей обязанностью было сидеть в приказной избе и составлять документы) в качестве командира военного отряда довольно необычен. Однако Афанасьев не был типичным служителем канцелярии. Известно, например, о его пристрастии к конной охоте на чернобурых лисиц. Воевода Зубатой имел, очевидно, серьезные основания для своего выбора. Толмач Иван Парабельский принял крещение и служил в составе сургутского гарнизона; как указывает его прозвище, он происходил из аборигенов Нарымского уезда и, возможно, был селькупом.

К сожалению, сведения о финале антирусского движения Кинемы тоже кратки; они содержатся в грамоте 1624 г. о награждении Афанасьева и Парабельского за их заслуги [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 247–250]. Из данного документа мы узнаем, что вместе с Кинемой в «измене» участвовал и Суета Бардаков, очевидно, его брат. Возможно, что Афанасьев располагал точными сведениями о местонахождении мятежников. Казаки «тех наших изменников Суету с товарищи побили и Кинемину сына болшово и жену в полон взяли»; кроме того,

удалось отыскать 400 руб., отобранных в свое время Кинемой у томских казаков. И так, Суета Бардаков был убит, жена и старший сын Кинемы попали в плен и были увезены в Сургут. Документы молчат о дальнейшей судьбе самого Кинемы. Очевидно, что ему удалось избежать и гибели, и плена, иначе эти факты отразились бы в документе. Возможно, что потерявший свое небольшое войско вождь был убит в какой-нибудь ясачной волости самими остяками, как об этом говорят фольклорные предания.

Разгром мятежных потомков Бардака был полным, поскольку сведения о нападениях на русские суда в районах Средней Оби с этого времени прекращаются. Трудно сказать, сколько остяков содержалось в сургутской тюрьме по «делу Кинемы». В одном из просмотренных нами документов мимоходом упоминается, что еще в марте 1626 г. в Сургуте находились «тюремные сидельцы остяки, которые сидят в твоём государеве изменном деле» [РГАДА, ф. 214, стб. 8, л. 80–81]. Видимо, это были родственники и сторонники Кинемы, захваченные во время похода Афанасьева в 1619 г. До нас дошел перечень отписок, которые были посланы из Тобольска в Москву в августе 1634 г. Среди прочего там находился и такой документ: «Отписка о сургутских остяках тюремных сидельцах, а под отпискою их челобитная, Бардаковы волости ясачных людей Капалчейка Олчикова да Ослопейка Чичеева» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, ч. 2, л. 435]. Если челобитчики были сподвижниками Кинемы, то к этому времени они уже 15 лет находились в тюремном заключении. Впрочем, Капалчи Олчиков был прощен и получил свободу. В 1646 и 1655 гг. мы встречаем его среди «лучших людей» Бардаковой волости [РГАДА, ф. 214, стб. 282, л. 79; стб. 501, л. 86].

В первой из дошедших до нашего времени ясачных книг Сургутского уезда (1624/25 г.) для Бардаковой волости (89 плательщиков ясака) князцы и «лучшие люди», вопреки обычной практике, не указаны. Однако в ясачной книге следующего года в качестве таковых уже фигурируют Ярла Уитин и Сана Тангиреев [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 283 об., 314]. В связи с этим С.В. Бахрушин писал: «Позднее во главе Бардаковской волости мы встречаем князцов, непосредственную связь которых с родом Бардака установить нельзя. Возможно, что восстание привело к устранению от власти прямой линии потомства Бардака» [Бахрушин, 1955. С. 142]. Мнение С.В. Бахрушина не бесспорно. Учитывая один из вариантов имени Тонемы-Кинемы, зафиксированный в фольклоре (Танга), можно предположить, что Сана Тангиреев и был «большим сыном» Кинемы, попавшим в плен и освобожденным к 1626 г. В качестве князца (а не просто «лучшего» человека) Бардаковой волости он фигурирует в документах по крайней мере до 1656 г. Помимо Саны известны Елта и Ларых Тангиреевы (в документах все они чаще писались как Тынгиреевы); около 1646 г. Ларых был убит самоедами [РГАДА, ф. 214, стб. 282, л. 79]. В 1656 г. на коллективной челобитной остяков Сургутского уезда тамгу Бардаковой волости (оленя) поставил Бардачко Елтин, очевидно, племянник Саны Тынгиреева [РГАДА, ф. 214, стб. 503, ч. 1, л. 207–207об.]. Предположение о прямой генеалогической связи Тынгиреевых с Бардаком и Кинемой требует дальнейшего специального исследования.

Для отождествления фольклорного героя Тоньи с историческим Тонемой Бардаковым есть веские основания. Дело в том, что на протяжении XVII–XIX вв. другого столь длительного и последовательного антирусского движения среди аборигенного населения Средней Оби не было. У нас есть глухие известия о том, что в 1662–1663 гг. среди обских остяков также поднималось антирусское восстание, которое было инициировано башкирским выступлением на юге Западной Сибири [Житие протопопа Аввакума, 1960. С. 87–88]. Однако ничего конкретного о масштабах и предводителях этого движения мы сказать не можем.

Последовательное сопротивление сургутским властям в течение 4 лет, смелые нападения на русские суда, истребление небольших групп казаков и промышленных людей стали основой рассказов, которые со временем трансформировались в исторические предания юганских и пимских хантов (а возможно, и других групп). Чем больше поколений разделяло рассказчиков преданий о Тонье от начала XVII в., тем меньше реалий этого далекого столетия оставалось в самих преданиях. Тем не менее даже сейчас в этих преданиях можно выявить совпадения с реальными историческими событиями.

В нашем распоряжении имеется 7 преданий о Тонье, записанных в течение XX в.¹ Для удобства дальнейших ссылок мы обозначим их номерами вариантов:

Вар. 1 – опубликован, записан от юганских хантов [Дунин-Горкавич, 1911. С. 29–30];

Вар. 2 – опубликован, записан в 1974 г. от юганских хантов [Мифы, предания, сказки, 1990. С. 177–178];

¹ Хочу выразить признательность Е. П. Мартыновой и К. Г. Карачарову за предоставленную возможность ознакомиться с их записями преданий о Тонье.

Вар. 3 – опубликован, записан в 1995 г. на р. Ай-Пиме [Салымский край, 2000. С. 68–69];

Вар. 4 – записан от хантов р. Б. Юган в 1999 г. [Карачаров, 2000];

Вар. 5 – записан от хантов р. М. Юган в 2000 г. [Карачаров, 2001];

Вар. 6 и 7 – записаны от юганских хантов в 2001 г. [публикуются в статье Е. П. Мартыновой «Религиозные представления юганско-балыкских хантов» в настоящем сборнике].

В легендах сохранились воспоминания о высоком социальном статусе Тоньи: «Тонья – царь хантов» (вар. 2); если бы Тонья не погиб, то «был бы начальником (президентом) у всех хантов» (вар. 6). В большинстве преданий противниками Тоньи выступают русские казаки, в одном случае – татары (вар. 5). Причины конфликта с русскими вполне соответствуют реалиям XVII в.; правда, не все исполнители предания помнят и рассказывают о них. В одном случае предание говорит (вар. 1): «В это время юганские остяки платили уже дань русскому царю. С Танги стали также требовать определенной дани. Но Танга не только отказался сам платить дань, но даже стал уговаривать окружающих остяков, чтобы и они сделали тоже. Остяки согласились и вокруг Танги собрались недовольные. Когда об этом узнал русский царь, то он послал отряд, которому было приказано схватить Тангу вместе с его братом». Таким образом, Тонья отказался платить дань (ясак XVII в.) русскому царю. Выше уже высказывалось предположение, что причиной бунта сыновей Бардака стало переводение их волости на обычное ясачное положение. Предание в определенной степени подтверждает эту мысль. С историческими реалиями совпадают и другие детали самой ранней записи легенды. Она указывает, что у Тоньи был брат, который его поддерживал (исторический Суета Бардаков). В легенде присутствует агитация Тоньи среди остяков в пользу отказа платить дань русским (вспомним известное намерение Кинемы «в волости с мутою посылати»).

В другом варианте названы схожие причины конфликта (вар. 2): «Тонья был царь хантов. Он в Сургуте, ему ханты по белке отдавали. Казак его попросил, он не дал, говорит: Сам удерживаю со своих, пусть он с казаков удерживает». В начале XVII в. сбор ясака в Сургутском уезде мог происходить двояким образом. Его собирали или русские ясачные сборщики в волостях, или привозили в Сургут сами волостные князцы. В приведенном выше фрагменте Тонья удерживает дань со «своих» остяков в свою же пользу, что перекликается со словами источника 1597 г.: «Полно Бардаку и того, что ему своими людьми владети». В этом же варианте легенды сохранились сведения о малочисленности сторонников Тоньи – «у Тоньи пять человек и брат, а казаков сто», что в целом соответствует исторической действительности.

Последняя резиденция (городок) Тоньи локализуется большинством преданий на Б. Югане недалеко от современного Угута. Именно там происходит битва Тоньи с посланными из Сургута казаками. В нескольких преданиях говорится, что казакам не сразу удается одолеть Тонью, который истребляет первые отряды своих противников. При этом количество убитых русских подверглось вполне понятной фольклорной гиперболизации (вар. 2, 6, 7). Указания легенд на неоднократные попытки поймать Тонью содержат в себе зерно исторической правды.

Интересно устойчивое описание огнестрельного оружия казаков, приводимое разными информаторами: «У казаков ружья были такие: одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает» (вар. 2); «русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит» (вар. 7); «У татар было такое ружье трехметровое: один его поднимает; второй куженьку подает, порошу насыпать. Один держит, второй целится, третий механизм нажимает» (вар. 5). Эта деталь явно уводит нас в XVII в., в эпоху фитильных и кремневых пищалей. Такие пищали (иногда под ними имелись ввиду и мушкеты) было трудно держать на весу, и поэтому при полевой стрельбе пользовались подсошками, т.е. рогульками, втыкавшимися в землю. За целый день боя из пищали или мушкета можно было сделать 12 выстрелов [Богоявленский, 1938. С. 270, 272]. Трудоемкость и медлительность стрельбы из оружия XVII столетия весьма ярко запечатлелись в фольклорных преданиях.

Требует определенного объяснения следующий факт. Легендарный Тонья «кочует» в основном по р. Балыку, Большому и Малому Югану, в то время как исторический Кинема совершал свои нападения на русские суда на Оби выше г. Сургута. Очевидно, что предания о Тонье больше шансов имели сохраниться среди населения Бардаковой волости, для которого он являлся когда-то «своим» князем. Выше уже говорилось, что часть Бардаковой волости охватывала низовья Балыка и Югана. Не исключено наличие еще не выявленных преданий о Тонье среди аганских хантов. Кроме того, русских людей в XVII в. можно было встретить в основном на Оби, которая являлась оживленной транзитной водной дорогой.

Согласно ряду сообщений (вар. 5, 6, 7), Тонья родился в юртах Люкси-пууль на Юганской Оби, недалеко от современного Нефтеюганска. Такие юрты действительно зафиксированы переписью 1926 г., причем другое

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.2

О. В. Двуреченский,

канд. ист. наук, науч. сотр. отдела Комплексных археологических исследований
ГИМ г. Москва, e-mail: nigoraoleg@mail.ru**Боеприпасы и огнестрельное оружие городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий) по результатам
археологических исследований 1990, 2011–2013 годов**

Изучение и общая типология боеприпасов XVI–XVII веков. До последнего времени в отечественной археологии артиллерийские снаряды и боеприпасы для ручного огнестрельного оружия данного периода не рассматривались как информативный источник. Краткие упоминания о них – с минимумом информации о самих предметах – можно было найти только в коллекционных археологических описях и редких научных публикациях.

Ситуация начала меняться после выхода в свет обобщающей работы по снарядам для ручного огнестрельного оружия [Двуреченский, 2005], а также в результате публикации ряда комплексов, где эти артефакты позволили создать яркую картину, отражающую военный быт и эпизоды боевых действий воинов Московского государства и Российской империи [Двуреченский, 2005; 2007; Гоняный, Гриценко, Двуреченский, 2011]. Тем не менее до настоящего времени мы не имели крупных серий пуль, ядер и «дроба» (мелкие аморфные снаряды), происходящих из северных территорий Евразии, в том числе из «городков», связанных с русской колонизацией Сибири, а также из укрепленных поселков аборигенов Севера. При этом следует заметить, что находки таких предметов на поселениях местного и пришлого населения характеризуют главным образом снаряжение «служилых» людей Московского государства.

Типология и характеристика боеприпасов городка Монкысь урий (городища Частухинский урий). Целью нашей работы является изучение серии боеприпасов (242 экз.) или их заготовок (фрагментов), найденных в результате раскопок 1990, 2011–2013 годов на территории этого археологического памятника. Из указанного числа 227 предметов – это боеприпасы к ручному огнестрельному оружию и 15 предметов – артиллерийские ядра для пушек.

Основу для анализа составила коллекция, включающая 202 предмета, пригодных для полноценного изучения. Это свинцовые снаряды для огнестрельного оружия (141 экз. = 69,8%). Сюда вошли готовые к боевому применению пули, заготовки и стреляные снаряды (табл. 1). Основная масса пуль происходила из слоев, датированных по сопутствующему материалу началом XVII века. Основываясь на схемах систематизации пуль, разработанных по материалам из Епифанских казачьих и стрелецких слобод, а также Тушинского лагеря, свинцовые снаряды по технике изготовления были разделены на три большие группы (рис. 1; 2).

Кроме них в серию были включены различные как по размеру, так и по форме куски свинца, которые могли быть заготовками пуль либо, скорее всего, свинцовым «дробом», использовавшимся как картечь, заряжаемая в различные типы пищалей. Всего таких аморфных свинцовых «снарядов» для поражения живой силы противника было обнаружено 61 экз., что составляет треть (30,2%) от общей массы свинцовых снарядов, обнаруженных на городище.

Таким образом, в проанализированной коллекции имеются:

- свинцовые пули, отлитые в «пулелейке», изготовленные методом «прокатки»;
- свинцовые пули, отлитые в так называемой «дроболитейной» технике;
- так называемый свинцовый «дроб».

Отдельно рассматриваются железные пули (16 экз.), предназначенные для «затинных пищалей» или мушкетов. Последний вид оружия, безусловно, мог снаряжаться и крупными свинцовыми пулями. Кроме того, среди находок выделяется 15 литых чугуновых и кованых железных ядер для пушек.

их название – юрты Тангины. Это тоже подтверждает предположение, что когда-то Бардакова волость шла от Сургута вниз по Юганской Оби. Любопытно название *Люкси*, которое не хантыйского происхождения. Мы бы связали его со староселькупским понятием *ляк* (*лак*), которым обозначались когда-то особо искусные воины, составлявшие опору селькупских вождей [Головнев, 1995. С. 137]. Таким образом, Люкси-пууль – селение воинов-дружинников. Это свидетельствует в пользу существующего в научной литературе мнения о самодийском происхождении рода Бардака.

О гибели Тоньи предания рассказывают по-разному. Варианты 1, 2, 4 и 5 говорят о смерти Тоньи среди пимских хантов, которые его отравили, а отрезанную голову послали русскому царю. Вариант 3, наоборот, обвиняет в гибели героя балыкских хантов. Еще одна легенда повествует о смерти Тоньи от рук хантов где-то на Демьянке (вар. 6); наконец, в одном предании Тонья погибает во время защиты своего городка от казаков (вар. 7). В нескольких вариантах содержится сюжет о пленении Тоньи после последней битвы с казаками; они везли его в Сургут, но по дороге ему удалось бежать. Возможно, так оно и случилось в действительности. Тогда понятно, почему русские документы, исходящие от сургутского воеводы, умолчали об этом неприятном факте. Потерявший семью и последних сторонников Тонья-Кинема скрывался от русских властей, пока одинокого беглеца не убили в какой-то из ясачных волостей.

Таким образом, основу фольклорных преданий о Тонье составляют исторически достоверные события. Доказательство этого факта имеет существенное значение для изучения фольклорной культуры и исторической памяти хантов. Русский народ, как известно, создал немало песен и прозаических рассказов о бунтаре Степане Разине, достоверность существования которого бесспорна. В этом же типологическом ряду следует рассматривать и исторические предания о Тонье, в которых отразились драматические коллизии вхождения народов Среднего Приобья в состав Русского государства.

[Вершинин, 2002. С. 98–110]².

Литература

- Житие протопопа Аввакума. М., 1960.
- Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2.
- Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. 1938. № 4.
- Буцинский П. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999.
- Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский север. Тобольск, 1911. Т. 3.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
- Карачаров К. Г. Рекогносцировочное археологическое обследование верхнего течения реки Большой Юган от юрт Ларломкиных до юрт Каюковых в Сургутском районе ХМАО в 1999 г.: Отчет о НИР. Екатеринбург, 2000 // Архив ИИА УрО РАН.
- Карачаров К. Г. Рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения реки Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 г.: Отчет о НИР. Екатеринбург, 2001 // Архив ИИА УрО РАН.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. продолж. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2000. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
- Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Новосибирск, 1981. Салымский край. Екатеринбург, 2000.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.
- Спафарий Н. М. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

² В статье сохранены система ссылок и литературы, а также орфография и синтаксис источника. – Г. В., О. К.

Боеприпасы для ручного огнестрельного оружия. Свинцовые пули.

Группа 1. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия, изготовленные методом литья свинца в специальные формы – «пулелейки».

Всего к данной группе относился 125 предметов, что составляет 61,8% от общего числа найденных на городище снарядов для огнестрельного оружия (рис. 3). Из них только 41 экземпляр представлял собой целые, недеформированные пули, по которым можно судить об использовавшихся калибрах и технологических приемах при производстве снарядов первой группы.

Прежде чем перейти к описанию свинцовых снарядов, отнесенных к данной группе, необходимо кратко упомянуть о технике их изготовления, не касаясь состава самой свинцовой массы и ее структурного анализа. Примерная схема производства пули, выполненной способом литья в форму, включала в себя две стадии с возможной последующей вторичной обработкой.

Первая стадия изготовления – это собственно отливка пули. Разогретый свинец разливают по формочкам, в которых заготовка остывает, принимая форму гладкой круглой пули с литником и швом. Такую форму пуля получала при нормальном протекании процесса литья.

Помимо круглых пуль с литниками выявлены и бракованные снаряды. Как правило, это деформированные при литье предметы, получившиеся в результате смещения половинок пулелейки.

Таким образом, уже на самой первой стадии изготовления пуля могла получиться двух видов: стандартная и деформированная с литниками. По материалам из Епифанских слобод и самой Москвы зафиксировано, что для стрельбы могли использоваться пули, прошедшие первую стадию изготовления, без дальнейшей обработки, причем как обычные, так и бракованные.

Вторая стадия изготовления включала в себя обрезку литника и последующую дополнительную обработку заготовки, выполненную для того, чтобы придать пуле круглую форму.

На теле некоторых пуль зафиксированы следы трения или опилки и обжима. Следы опилки пули могут быть объяснены двумя причинами. В первом случае стрелок, работая напильником, целенаправленно уменьшал диаметр пули, подгоняя ее под калибр ствола. Во втором случае такие следы оставляли стенки ствола, трущиеся о пулю, причем как при загоне ее в ствол, так и при выстреле. Следы обжима представляли собой круглые плоские вдавления на теле пули, расположенные несимметрично. Порой такие кружки перекрывали шов литья, а некоторые из них перекрывали друг друга. Появление следов обжима на пулях с функциональной точки зрения трудно объяснить. Возможно, путем обжима, при помощи какого-то инструмента мастера пытались снивелировать ямки-каверны, образующиеся на поверхности пули при литье. Другим, более достоверным объяснением данных следов является способ хранения или транспортировки пуль. При нахождении большого объема мягких свинцовых снарядов в одном месте они неминуемо давили друг на друга, образуя такие следы обжима. Примечательно, что больших серий пуль с такими следами мы не обнаружили. Это может свидетельствовать об изготовлении и хранении боеприпаса в малых партиях для индивидуального пользования, что могло быть характерным для казачьих формирований северных городков. Аналогичную картину мы наблюдаем для партий пуль, изготовленных казаками Епифани в XVI веке. Позднее воины начали получать и хранить более крупные партии таких снарядов. Это сразу же отразилось на значительной и стандартизированной – как по массе, так и по размеру – серии боеприпаса первой половины XVII века.

На основе ранее разработанной систематизации свинцовых снарядов группы 1 [Двуреченский, 2005], для находок из городка Монкысь урий (41 экз.) нами выделено только два их варианта.

Вариант 1. Снаряд шаровидный с литником, без дальнейшей обработки (рис. 3 – 1). Представлен 1 экз. Его масса – 28,5 г, диаметр – 17 мм.

Вариант 4. Снаряд шаровидный, нормально обрублен (рис. 3 – 2–8). Включает 40 экз. Масса их варьируется от 9 до 17 г, диаметр – от 11 до 16 см.

Таким образом, вариант 1 представлен пулей, прошедшей только первую стадию изготовления, то есть литье. Вариант 4 – это пули, прошедшие первичную обработку и несущие следы последующего применения, хранения либо возможной вторичной обработки. Из зафиксированных двух вариантов только пули варианта 4 дают законченную округлую пулю. При этом они на данном памятнике составляют почти 100% от общего числа обнаруженных снарядов, изготовленных данным способом. Такое соотношение вариантов является уникальным из всех известных и рассмотренных нами серий [Двуреченский, 2005; 2007; Гоняный, Гриценко, Двуреченский, 2011].

Так, по материалам Епифанских казачьих слобод не бракованные пули, прошедшие вторую стадию изготовления, составляли 68%, в Тушинском лагере их около 60%, еще меньший процент отмечен по материалам раскопок на территории Москвы. Данный факт может быть объяснен тем, что боеприпас, обнаруженный на вышеуказанных памятниках, представлял собой не следы боя, а утерянные или найденные *in situ* предметы, которые отражали процесс изготовления, хранения и применения пуль.

Артефакты же, найденные на городище Частухинский урий, демонстрируют нам следы штурма хантыйского городка Монкысь урий русскими казаками в начале XVII века. Об этом же свидетельствует высокая доля стрелянных и расплюснутых пуль этой технологической группы: 70% от общего количества таких снарядов. Характер их деформации позволяет говорить о стрельбе с близкой дистанции – менее 60 метров – и попадании снарядов в «твердые» предметы, точнее в укрепленные позиции обороняющихся.

Тем не менее, нужно отметить, что, судя по русским материалам, литые пули всех вариантов, как правило, использовались в качестве боеприпаса на протяжении всего XVI–XVII века. Об этом свидетельствуют обнаруженные на них характерные следы: от трения пуль о дуло ствола либо от соприкосновения их с целью или каким-то другим твердым препятствием. Таким образом, отсутствие подобных вариантов пуль в рассматриваемой серии не может быть объяснено только боевым характером их попадания в культурный слой городища. Возможно, мы имеем дело с осмысленным подбором наиболее качественного боеприпаса осаждающими казаками для ведения наиболее эффективного «огненного боя».

Об этом же явлении говорит такой показатель, как массо-размерные характеристики использованных пуль. По материалам русских городов и селищ все свинцовые снаряды группы 1 делятся на четыре раздела. Во-первых, это мелкие снаряды массой 1–2 г и диаметром 6–7 мм, которые могли являться дробью для мушкетеров. Ко второму разделу относятся пистолетные пули или пули для малокалиберных ружей, имевшие в диаметре 8–9 мм, и массу 3–7 г. В этой связи, хотелось бы отметить, что в епифанских материалах свинцовых снарядов такого типа не зафиксировано. В Тушинском комплексе самые легкие образцы (4–6 г) при диаметре 8–9 мм составляют до 20%. Самой большой серией (третий раздел) представлены пули диаметром 10–14 мм и массой 7–15 г. Они относились к обычным пищалям, имевшим прототипами европейские аркебузы и малокалиберные мушкеты. Как правило, такие пули составляли до 70% от общего числа снарядов. Последним, четвертым, разделом являлись самые крупные по размеру и весу снаряды, достигавшие 32 гр. Такие пули могут иллюстрировать снаряды, предназначенные для так называемых «затинных пищалей» или малокалиберных пушек.

Среди материалов городища Частухинский урий такого разнообразия снарядов мы не обнаруживаем. Как и в случае с зафиксированными технологическими приемами, здесь наблюдается та же картина минимального разнообразия калибров. По массо-размерным показателям выделяются только два основных раздела снарядов (табл. 1).

Таблица 1

Две группы снарядов по массо-размерным характеристикам городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

Пули, снаряды	Раздел 1	Раздел 2	Итого
Количество (ед.)	30	11	41
В процентах (%)	73	27	100
Диаметр (мм)	11–14	15–20	11–20
Вес (г)	9,0–14,7	16,4–17,57	9,0–17,57

Несмотря на малое количество целых, недеформированных пуль первой группы, мы видим почти полное доминирование стандартных пищальных свинцовых снарядов диаметром 11–14 мм, при массе 9–15 г, с учетом деформации и утери свинцовой массы. Все приведенные нами факты свидетельствуют о наличии определенной унификации стрелкового оружия, использовавшегося в данном военном походе русскими казаками города Сургута, что было также характерно в рассматриваемый нами период и для епифанских казаков [Гоняный, Гриценко, Двуреченский, 2011].

Группа 2. Снаряды, изготовленные литьем с высоты в воду или масло. К данной группе относилось 5 экземпляров, что составляет 3% от общего числа (рис. 4 – 1–3). Вес 9,0–11,5 г, диаметр 13,0–14,5 мм. Подобные снаряды производились по технологии литья свинца в жидкую среду. Расплавленные металлы, в частности свинец, имеющие низкую температуру плавления, отличаются свойством принимать форму шара при падении с высоты. Этот способ впервые стали применять итальянские оружейники для выделки дроби, начиная с середины XVI столетия [Маркевич, 1994. С. 115]. Для того чтобы представить метод и процесс изготовления снарядов данной группы, приведем описание наиболее простой схемы, используемой и поныне.

Первый способ – заводской, с применением так называемых «дроболитейных башен», или «колодцев». Свинец, как известно, отличается тягучестью и при литье не образует ровных капель, а вытекает в виде тонкой струи. Вот почему в большинстве случаев для выделки снарядов применяется свинец не чистый, а с примесью мышьяковистых соединений. Последние, сплавляя со свинцом, восстанавливали углем в металлический мышьяк, который и соединялся со свинцом. Мышьяк увеличивал поверхностное натяжение снаряда и придавал ему сферическую форму.

Для того чтобы снаряд получался правильным шаровидным, расплавленный свинец должен был пройти определенную высоту и, округлившись, упасть в воду. Если высота будет недостаточна, то кусок свинца может просто не успеть округлиться. Если он все же округлится, то при соприкосновении с холодной водой произойдет эффект «паровой рубашки», когда шарики пара вырывают куски горячего свинца из круглого тела дроби или пули. Такой внешний вид – с покрытой раковинами поверхностью – имеют все снаряды группы 2. Для их изготовления, по всей видимости, использовался более простой вариант, допускающий самостоятельное изготовление требуемых боеприпасов, которым и по сей день пользуются охотники. Это просто литье горячего свинца сквозь сито в баки с водой или маслом либо литье сквозь сито на наклонную поверхность, обитую несколькими слоями мягких тканей и бархатом, после чего заготовка попадает в жидкую среду, чаще всего в масло.

Таким образом, основная трудность данного способа – рассчитать соотношение высоты падения к скорости остывания и формирования шарика. Этим объясняется то, что половина свинцовых снарядов 2 группы, по материалам из Епифанских слобод, имеет аморфную форму, и лишь некоторые из них приближаются к шаровидной.

В нашем случае все пять пуль имеют характерную сферическую форму. Также примечательно, что снаряды этой группы, судя по русским материалам, как правило, представляют собой более легкие и мелкие пули. Все они укладываются в те стандартные размеры пуль, отлитых в пулелейках, что мы зафиксировали ранее.

Таким образом, по снарядам этой группы, отобранным для ведения огня русскими казаками, отмечается иная закономерность. Она объясняется, по всей видимости, тем, что мы имеем дело с боеприпасом, появившимся в культурном слое городища во время штурма городка Монкысь урий, в отличие от пуль, которые известны по находкам из казачьих слобод верховьев Дона. Последние, как известно, характеризуют сам процесс производства и хранения всего объема свинцовых пуль, а также их заготовок, существовавшего в мирное и военное время.

Группа 3. Снаряды, изготовленные без изменения температурного режима свинца (рис. 4 – 4–6).

Схема изготовления снаряда данным способом, скорее всего, включала в себя два этапа. Бралась свинцовая проволока и рубилась на цилиндры, после чего эти куски свинца закругляли катанием. В результате снаряд становился близким к шаровидному и мало чем уступал по качеству отлитой пуле. Снаряды такого типа назывались «секанцами»: от слова «сечь», «рубить» (свинец). Кроме того, таким же способом могли обкатать любой другой (произвольный) кусок свинца.

К данной группе относятся 11 экземпляров, найденных на городище Частухинский урий, что составляет здесь 5,5% от общего числа свинцовых снарядов. По материалам Москвы и Епифани, значительный процент от этого числа составляли необработанные свинцовые цилиндры. Подобных заготовок на руинах городка Монкысь урий не найдено.

Таким образом, свинцовые снаряды данной группы, которые могли использоваться в качестве боеприпаса, были двух вариантов.

Вариант 1 – заготовка (или снаряд-«жеребей»?) в виде цилиндра, без дальнейшей обработки.

Вариант 2 – шаровидный кусок свинца, со следами обкатки.

Все снаряды этой группы, происходящие с городища Частухинский урий, относятся к варианту 2. Они демонстрируют пули чуть большего размера, диаметром 13–16 мм, но при той же массе – 9–12 г. Этот факт легко объясним, так как достичь обкаткой одинакового размера и равномерной плотности такой же, как у литой

пули, можно только в случае длительной обкатки заготовки. Учитывая качество и характер выделки стволов стрелкового оружия того времени, этого, по всей видимости, не требовалось.

Отсутствие первого варианта пуль этой группы может быть объяснено теми же причинами, что мы приводили выше, – для снарядов первой и второй технологической групп. На городище мы видим следы боя, в ходе которого применялись только отборные пули. При этом совсем не встречаем следов производства боеприпасов или таких «бракованных» пуль, которые могли применяться в условиях тренировочных стрельб или массового применения огнестрельного оружия, когда в ход шли все боеприпасы.

Железные пули. Помимо свинцовых пуль, судя по московским и епифанским материалам, известны и железные пули диаметром 11–16 мм. Пятнадцать таких снарядов были обнаружены на городище Частухинский урий (рис. 4 – 7–9). Все они, как правило, большего диаметра 16–18 мм, при массе от 10 до 22 г. Снаряды подобного калибра, но из свинца, предназначенные для ручного огнестрельного оружия, начали применяться в России с конца XVI века – в качестве боеприпаса к мушкетам. Помимо этого они могли использоваться для более архаичных малокалиберных «затинных пищалей».

Боеприпасы артиллерийские. Железные ядра.

Отдельной категорией находок являются 13 чугунных и кованых железных ядер для пушек. Выделяется две основные их массо-размерные группы. Это – ядра диаметром 30–34 мм, при массе 100–125 г, а также ядра диаметром 35–38 мм, при весе от 175 до 205 г. Для сравнения, заметим, что такие же ядра составляют основной процент боеприпаса, обнаруженного на территории Тушинского лагеря.

Анализ данных. Свыше 60% свинцовых снарядов, происходящих с территории городища Частухинский урий, были изготовлены по первой технологической схеме. При этом из них около 70% представляли собой стреляные, сильно деформированные образцы, что позволяет говорить о характере ведения огня по укрепленным деревоземляным конструкциям, за которыми прятались защитники крепости. Из известных вариантов первой технологической группы в коллекции находок данного памятника мы видим доминирование пуль, прошедших полный цикл обработки. Иными словами, снарядов, готовых к боевому применению. Это разительно отличается от известных нам материалов европейской части Московского государства, где свыше 30% пуль представляли собой производственный брак или заготовки, которые, тем не менее, также имели следы боевого применения. Как отмечалось выше, такая разница может быть объяснена тем, что в нашем случае мы видим следы осознанного отбора боеприпаса русскими казаками перед предстоящими боевыми действиями – штурмом городка. Об этом же говорят массо-размерные показатели используемых пуль. Все они относились к боеприпасу «завесных пищалей», и мы не располагаем данными об использовании нападающими пистолетных и малокалиберных пуль. Это совершенно не означает, что в составе вооружения города Сургута, в том числе у воинов данного карательного отряда, отсутствовали малокалиберные ружья и пистолеты. Последнее может означать, что для штурма крепости Монкысь урий такое оружие не применялось или археологи просто не нашли здесь снарядов от них. Примечательно, что процент малокалиберных ружей с диаметром снаряда 10–12 мм, судя по их находкам при раскопках казачьих слобод Епифанского уезда, довольно высок. Также следует отметить, что известные казачьи пищали, по материалам Государственной Оружейной палаты, отличались меньшим калибром. Скорее всего, воины гарнизона Сургута имели на вооружении типичное русское строевое оружие, а не специализированное, сделанное зачастую по турецкому образцу стрелковое вооружение, характерное для южнорусских казаков.

Как и по материалам русских поселений Восточной Европы, в коллекции городка Монкысь урий мы видим применение всех трех технологических приемов изготовления боеприпасов. Между тем все они представлены только теми вариантами, которые характеризуют полностью готовые к применению снаряды. Массо-размерные характеристики демонстрируют стойкую тенденцию к унификации используемого оружия. Таким образом, можно сказать, что зафиксированные в культурном слое следы огня, находки пуль и ядер являются свидетельствами осады городка военным отрядом, отправленным в 1618–1619 годах из Сургута на Юган, по всей видимости, для расправы с хантыйским князем Тоньей после его нападений на русских служилых людей и сбора ясака с местного населения.

Интерес представляет планиграфия распространения пуль. Именно в центральной части городка мы фиксируем сильно расплюснутые, стреляные пули. Последнее может свидетельствовать о том, что огонь казаков был довольно эффективен и пробивал деревоземляные укрепления с близкого расстояния. Серия несильно деформированных пуль обнаружена преимущественно в западной части укрепления. Об этом же свидетельствуют находки ядер. Данный факт позволяет говорить о том, что основная зона разворачивания

войск для ведения огня и наступления располагалась к западу от склонов городка, а огонь велся со сравнительно небольших дистанций, достигавших нескольких десятков метров.

Прежде чем рассказать о боевых качествах описанных снарядов в целом, необходимо упомянуть о некоторых законах баллистики. При выстреле из гладкоствольного ружья (такими ружьями в основном и были пищали-ручницы) круглая пуля проходит определенную траекторию, то есть линию полета снаряда (точнее, центра тяжести) под влиянием толчка от газов по стволу. Сопротивление воздуха, а также трение о стенки ствола замедляет этот полет, а сила тяжести, действующая на снаряд, притягивает его к земле. Таки образом понижается его положение относительно оси ствола, при этом с прогрессивно усиливающейся быстротой. Под действием этих главных сил снаряд описывает в воздухе в вертикальной плоскости кривую линию, близкую к дуговидной. Помимо этого, круглая пуля имеет свойство вращаться. По этой причине любую пулю, даже штампованную XIX века, не говоря уже о литой начала XVII века, невозможно было изготовить абсолютно правильной формы и однородной массы. В свою очередь, это неизбежно приводило к несовпадению центра тяжести пули с ее геометрическим центром. При вращении же пули, согласно механическому закону сложения угловых и линейных скоростей, пуля эта уклоняется (эффект деривации) от первоначального направления полета в ту сторону, куда вращается передняя или верхняя половина пули. Соответственно, помимо вертикального смещения происходит горизонтальное. Кроме того, пуля получала случайные вращения внутри грубого ствола, каковыми являлись стволы рядовых пищалей, которые ковались и сваривались из железных пластин [Гордеев, 1954. С. 9–10]. Тот же эффект наблюдается, когда пуля в стволе движется с зазором. Таким образом, чтобы как можно сильнее нейтрализовать все помехи, мешавшие полету пули, ей надо придать значительную начальную скорость. При этом начальная скорость при легких снарядах имеет свойство быстро гаснуть, поэтому вторым фактором надежного боя пуль является их вес. Чем больше вес, тем больше поперечная нагрузка, и пуля дольше держит первоначальную скорость. Таким образом, если пуля вследствие значительного заряда имеет большую начальную скорость и хорошо ее сохраняет, благодаря большой поперечной нагрузке, то траектория снаряда будет отлогой, а соответственно, и отклонение незначительно [Бутурлин, 1902. С. 9–18, 65]. Вместе с тем большой вес снаряда требует и соответственного количества заряда. Заряды в XVI–XVII веках достигали половины веса пули. Чтобы стволы при таком относительно большом заряде не разрывались, приходилось утолщать стенки стволов до 11–14 мм [Гордеев, 1954. С. 27; Маковская, 1991. С. 24; Маркевич, 1994. С. 71].

Все приведенные факторы определяют незначительную дальность и кучность стрельбы из гладкоствольных ружей круглой пулей вообще, и ружей XVI–XVII веков в частности. Известно, что при проведении смотров русским войскам XVI века дистанция действительного огня немногим превышала 50 м. Точный прицельный одиночный выстрел в таких условиях был невозможен, значение имел лишь залповый огонь [Разин, 1994. С. 332].

По письменным источникам конца XVI – XVII века в качестве боеприпаса для ручного огнестрельного оружия упоминаются свинцовые «пули» или «пульки», отлитые в «фурмах», и так называемые «секанцы». Все поставки свинца, которые централизованно осуществлялись в войска и города Московского государства для изготовления пуль и ядер, тщательно фиксировались Разрядным и Иноземным приказами [Акты Московского государства..., 1890. № 213. С. 242, 243; 1894. № 138. С. 88; № 428. С. 266; № 677. С. 416]. С первой половины XVII века из Москвы вместе со свинцом стали отправлять не только сырье для изготовления боеприпаса, но и готовые «пульки», измеряемые пудами [Акты Московского государства..., 1894. № 540. С. 335]. Перевозили свинец, «пульки» и порох на подводах, по 15–20 пудов на каждой, или на судах по рекам [Акты Московского государства..., 1890. № 362. С. 362]. Наряду со свинцом отсылали пулелейки или «фурмы» – для самостоятельного изготовления пуль на месте [Акты Московского государства..., 1894. № 540. С. 335]. Помимо свинцовых применялись и железные пули.

С распространением в конце XVI – начале XVII века в России мушкетов начинают различать мушкетные крупные пули и просто пульки пищальные [Акты Московского государства..., 1894. № 677. С. 416]. Поставлялся в войска и гарнизоны также сеченый свинец, из которого производили «секанцы» – снаряды, изготовленные методом рубки свинца и последующей обкатки, а также «дробь». Сеченый свинец, как правило, рассчитывался отдельно от просто свинца. Примечательно, что упоминаний выделенной нами «дроболитейной» технологии производства снарядов мы не зафиксировали.

На протяжении XVI – начала XVII века огнестрельное оружие претерпело значительную эволюцию как в качестве, так и в наборе применяемых типов стрелкового «наряда». В XVI веке в Московском государстве использовался в основном один тип ручного огнестрельного оружия – пищали-ручницы, которые имели длину

ствола 70–900 мм и калибр 12,4–16,0 мм [Мышковский, 1961. С. 234]. Для XVII века в России уже встречается большое разнообразие видов ручного огнестрельного оружия. В это время получают распространение мушкетеры, карабины и пистолеты, изготовленные как в Западной Европе, так и в России – по западным образцам [Маковская, 1991. С. 24, 25]. Как уже отмечалось выше, казачьи пищали, хранящиеся в Государственной Оружейной палате, отличались меньшим калибром (10–12 мм). Калибр пищалей московской работы варьировался от 7 до 16 мм [Гордеев, 1954. С. 20, 25–36]. Именно такие ружья, по всей видимости, и были на вооружении сургутских служилых людей, штурмовавших городок Монкысь урий, известный по данным археологии как Частухинский урий.

Все чугунные и кованые железные ядра для пушек, как и большинство свинцовых и железных пуль, располагались с западной части городка Монкысь урий. Это также свидетельствует о том, что штурмующие колонны и «наряд» атаквали городище с западной части. По всей видимости, огонь велся из двух и более пушек с расстояния несколько сотен метров.

Выводы о применении при осаде и штурме городка огнестрельного оружия. Таким образом, подводя итог изучению рассмотренного материала, следует отметить, что на вооружении сургутских казаков стояло типичное для периода Смутного времени оружие, распространенное в России. Мы видим использование всех известных технологий изготовления боеприпаса как для ручного, так и стационарного артиллерийского оружия. Сам характер боя и факт применения пушек при штурме городка говорит об относительно хорошо подготовленной военной операции и серьезном отношении нападавших к укреплениям штурмуемой крепости. Для сравнения достаточно сказать, что количество ядер, обнаруженных на территории известного Тушинского лагеря, вполне сопоставимо с объемом соответствующих находок на руинах городка Монкысь урий. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия был осознанно отобран сургутскими казаками для наиболее качественно выстрела. Количество выпущенных боеприпасов говорит о том, что бой мог быть довольно скоротечным в части тактики применения огнестрельного вооружения. Сначала была применена артиллерия, нанеся разрушения укреплениям, а потом каждым из казаков было произведено по несколько выстрелов. Так, по материалам Разрядного приказа известно, что самый протяженный для середины XVII века бой оценивался боевыми полковыми командирами в двенадцать выстрелов на солдата, тогда как бой непродолжительный в среднем укладывался в 3–5 выстрелов. Несмотря на относительно небольшую численность отряда, штурмовавшего укрепления Монкысь урия, все же следует признать, что такое хорошо оснащенное войско просто не оставляло шансов обороняющимся надеяться на успешный исход «дела».

Литература

- Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук / Под ред. Н. А. Попова и Д. Я. Самоковцова: в 3-х т. – СПб.: Типогр. ИАН, 1890. – Т. I: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. – 802 с.
- Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук / Под ред. Н. А. Попова и Д. Я. Самоковцова: в 3-х т. – СПб.: Типогр. ИАН, 1894. – Т. II: Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. – 819 с.
- Бутурлин С. А. Охотничье пульное оружие. – Брест-Литовск: Изд. Н. Анофриева, 1902. – 198 с.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения верхового коня и всадника из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология при ГИМе». – М.: Изд-во ГИМ, 2011. – Вып. 2. – С. 87–124.
- Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие XVII века // Государственная Оружейная палата Московского кремля. – М.: Изд-во «Искусство», 1954. – С. 1–59.
- Двуреченский О. В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – XVII вв. // Археология Подмосковья. – М.: Изд-во ИА РАН, 2005. – Вып. 2. – С. 264–296.
- Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. – М.: Изд-во ИА РАН, 2007. – Вып. 3. – С. 254–277.
- Маковская Л. К. Стрелковое оружие россиян // Техника и вооружение. – М.: РОО «Техинформ», 1991. – №№ 10–12.
- Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. – М.: Изд-во «Полигон», 1994. – 592 с.
- Мельников Н. П. Производство дроби. – СПб.: Изд. редакции «Технический сборник», 1880. – 35 с., 2 табл.
- Мышковский Е. В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 1. – С. 225–235.
- Разин Е. А. История военного искусства. – М.: Изд-во «Полигон», 1994. – Т. 1–3.

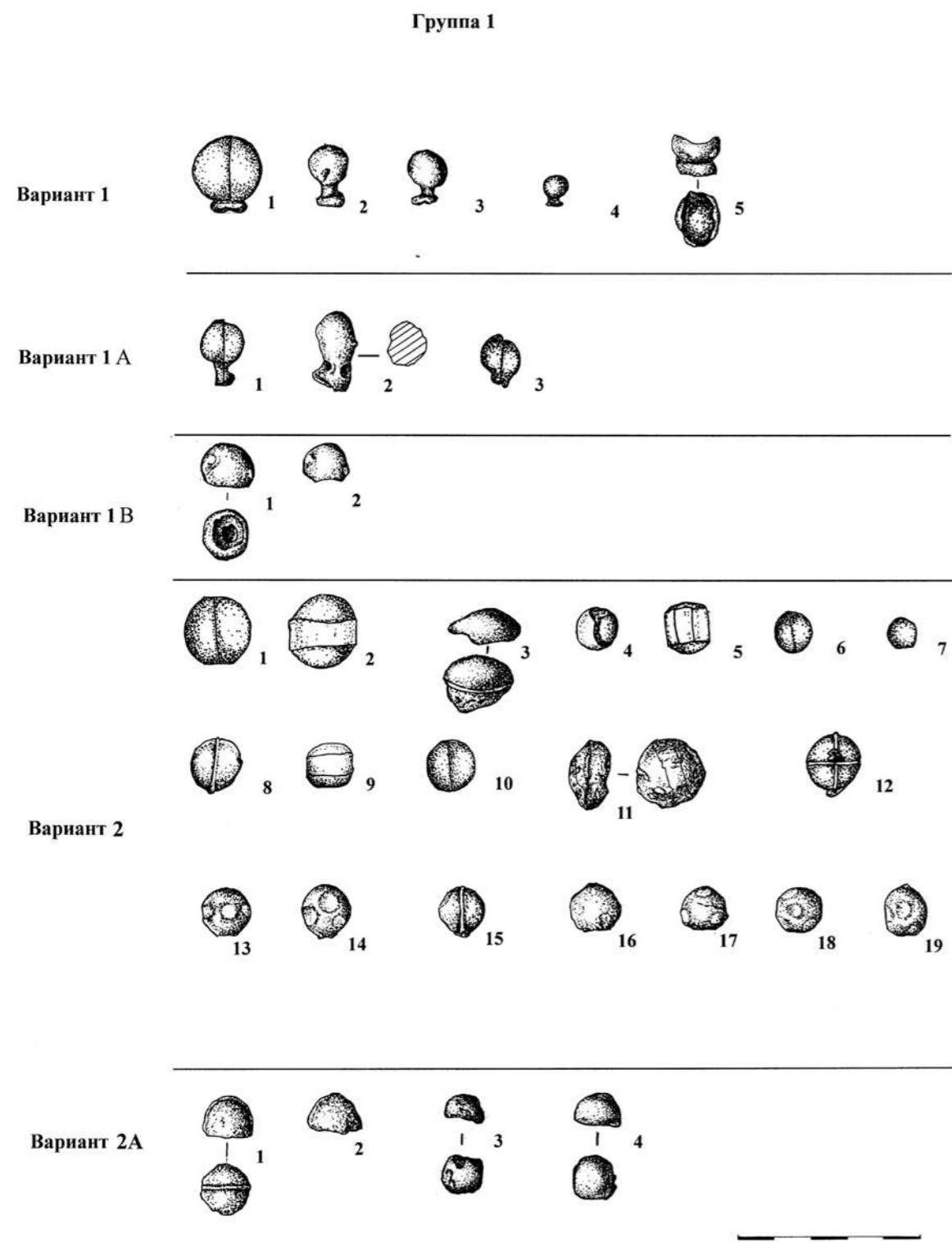

Рис. 1. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия группы 1. Общая типологическая таблица

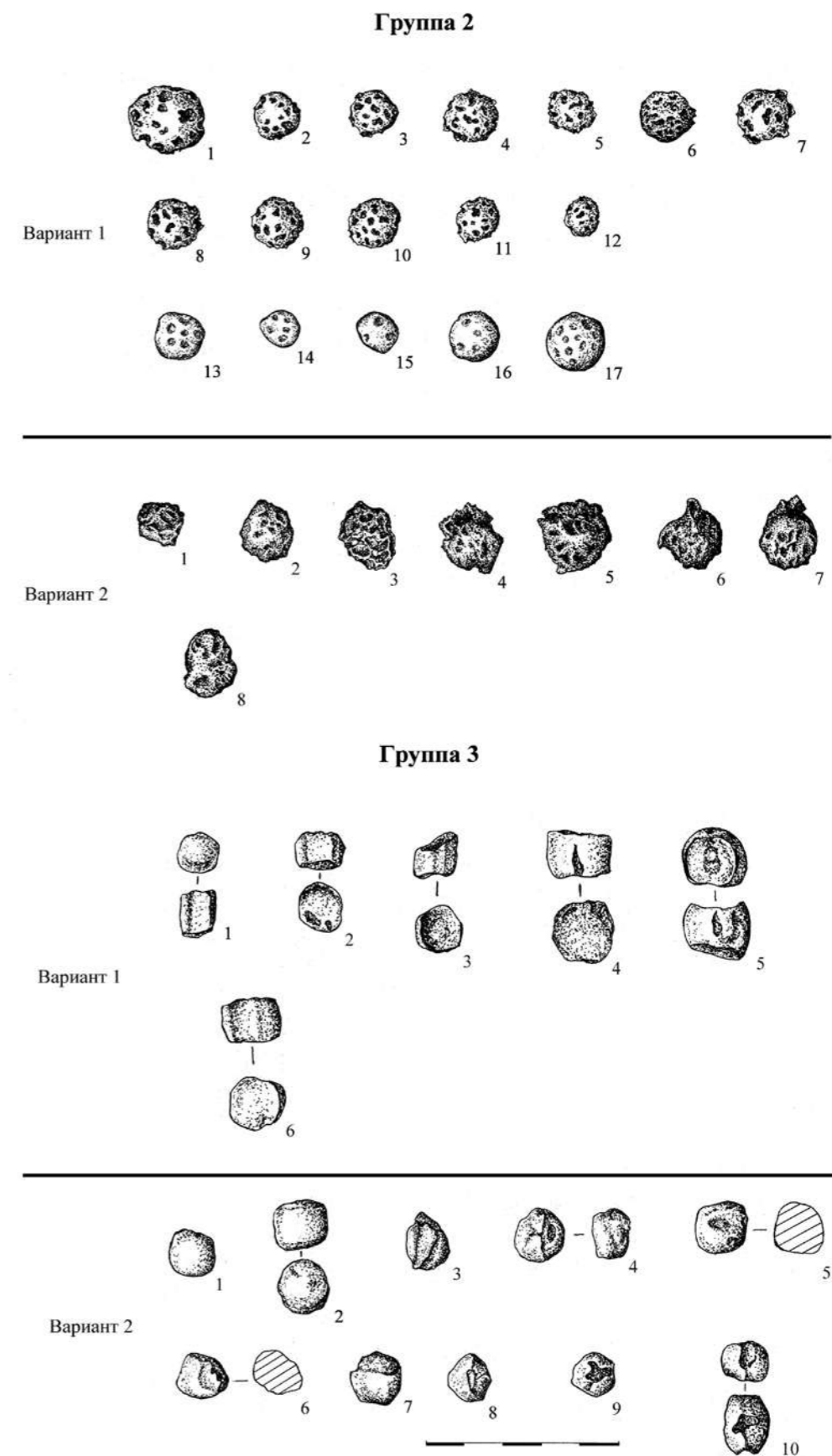

Рис. 2. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия группы 2 и 3. Общая типологическая таблица

Рис. 3. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия группы 1 на городище Частухинский Урий

Рис. 4. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия групп 2 и 3 на городище Частухинский урий

Рис. 5. Артиллерийские ядра на городище Частухинский урий

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.3

С. Н. Травкин

канд. ист. наук, доцент кафедры истории
СПбГУ им. А. С. Пушкина
г. Санкт-Петербург
e-mail: trawkin09@yandex.ru

**Нумизматическая коллекция из раскопок городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий). 2011–2013 годы**

Введение. Цель нашей работы – анализ нумизматических материалов, собранных во время раскопок 2011–2013 годов на городище Частухинский урий (городок Монкысь урий). Задачами исследования являются определение и введение в научный оборот обнаруженных здесь монет, а также исторический анализ нумизматической коллекции в контексте данных археологии и политической истории севера Западной Сибири XVI–XVII веков.

Особое значение эта коллекция имеет в связи с тем, что ее обнаружение является результатом систематических археологических работ на данном археолого-историческом памятнике. В определенном отношении данное собрание является уникальным. Согласно письменным источникам, известна точная дата его «археологизации»: 1619/1620 год. Сам же этот момент является известным историческим событием: взятием и разрушением хантыйского городка карательной экспедицией русских служилых людей сургутского гарнизона.

Между тем информация, взятая из письменных источников, отражает только год попадания монет в культурный слой, но не время и обстоятельства формирования самого комплекса.

Состав рассматриваемых монетных находок позволяет сделать ряд исторических выводов. При этом исторический контекст выявленной нумизматической коллекции можно определить, только сопоставив рассматриваемые монеты с материалами других памятников, известных по более ранним публикациям.

Научная литература, посвященная проблемам монетного обращения в России XVI–XVII веков, весьма обширна. Наиболее детально исследовано денежное обращение европейской части России. Вместе с тем нумизматические материалы из Сибири и Арктики имеют свои специфические черты. В конце XX века и в начале нынешнего столетия вышел ряд работ по средневековой нумизматике Сибири. Среди них можно назвать исследования А. С. Мельниковой по монетам из Мангазеи [1981] и Л. М. Свердлова о нумизматических находках в Арктике [1998].

Основные сведения о нумизматической коллекции памятника. Нумизматические материалы городища Частухинский урий (городка Монкысь урий) из раскопок 1991 г. уже были предметом специального анализа [Семенова, 2005]. В связи с этим довольно интересно и перспективно сопоставить две нумизматические коллекции, обнаруженные на данном объекте, а также подвести некоторые общие итоги его исследования.

В 2011–2013 годах на памятнике собрана нумизматическая коллекция, состоящая из 403 монет.

Определение монет было произведено по работам А. С. Мельниковой [1989] и шведских нумизматов [Ahlström, Almer, Hemmingsson, 1976].

Номиналы монет. По номиналам монеты с городища Частухинский урий распределяются следующим образом: 306 копеек, 93 денги, 2 поддельные монеты, 1 шведский фирк и 1 неопределенная. Их номинальная суммарная стоимость составляла более 3 рублей с полтиной. К данному перечню можно добавить монеты, опубликованные В. И. Семеновой, на сумму в 7 рублей 74 копейку и 1 деньгу [2005. С. 66]. В итоге получается общая сумма в размере более 11 рублей серебром.

Хронология монет по времени чеканки охватывает период с рубежа XV–XVI веков до конца XVI столетия (табл. 1; 2).

Самыми ранними экземплярами в коллекции были две монеты: Ивана III (1462–1505) или Василия III (1505–1533). Более точное определение этих денежных знаков не представляется возможным из-за их значительной изношенности. Можно предположить, что к моменту «археологизации» данных денежных знаков они уже длительное время находились в активном использовании.

Малое количество ранних монет рубежа XV и XVI веков, вероятно, было связано с денежной реформой 1534 года, проведенной правительством Елены Глинской. В ходе этой реформы правительством были принудительно изъяты из обращения монеты более ранней чеканки («дореформенные») [Спаский, 1962. С. 99].

Присутствие в рассматриваемой коллекции двух сильно потертых денег рубежа XV–XVI веков свидетельствует о том, что меры, предпринятые правительством в 1534 году, не были достаточно эффективными на окраинах страны. Какая-то часть «старых» дореформенных денег оставалась в обращении достаточно долго, вопреки всем указам и распоряжениям властей. Можно предположить, что это было вызвано нехваткой «звонкой» монеты и высоким качеством «старых» денег.

Поздние по времени чеканки монеты относятся к царствованию Федора Ивановича (1584–1598). Они весьма немногочисленны и служат своеобразным «верхним» хронологическим маркером рассматриваемой коллекции.

Подавляющее большинство рассматриваемых денежных знаков датируется временем правления Ивана IV Грозного (1533–1584)¹. Среди них значительное место занимают монеты 1535–1538 годов. На основании этого можно предположить, что формирование нумизматического комплекса городка Монкысь урий началось еще до 1547 года, в первую половину правления Ивана Грозного.

Место чеканки монет. По этому показателю монеты распределяются следующим образом: Москва, Новгород, Псков, Тверь и Швеция.

Часть монет (копеек) можно отнести, со значительной долей вероятности, к чеканкам Новгорода или Пскова (табл. 1). При этом объединенная численность денежных знаков из этих городов заметно превосходит количество экземпляров из Москвы (табл. 3; 4). Это еще более смещает статистику в пользу северных городов. В конечном итоге, более 2/3 русских монет относятся к чеканкам Новгорода и Пскова. Особо необходимо отметить то, что преобладание монет Новгорода и Пскова в рассматриваемом комплексе стало особенно заметным во вторую половину правления Ивана Грозного – после 1547 года.

Данное соотношение денежных знаков различных монетных дворов, выпущенных в период правления Ивана Грозного, в основном совпадает со статистикой нумизматических находок, приведенной в публикации В. И. Семеновой. Первая коллекция отличается ярко выраженным преобладанием монет северных русских городов [2005. С. 67. Табл. 10]. Подобное распределение по месту чеканки русских денежных знаков, найденных в Монкысь урие, можно объяснить различной интенсивностью работы монетных дворов в правление Ивана Грозного [Мельникова, 1989. С. 14–57. Табл. 1]

Единственная иностранная монета принадлежит к мелким номиналам Шведского королевства [Ahlström, Almer, Hemmingsson, 1976. P. 53. Тип III (1578–1592 годы); P. 55. № 116].

Появление шведской монеты XVI века на территории Московского государства было явлением почти уникальным. Массовое распространение мелких номиналов Шведского королевства на территории Восточной Европы началось только в XVII столетии, что было результатом создания Великой Швеции на берегах Балтийского моря [Котляр, 1971. С. 120–121]. Необходимо отметить, что даже в период максимального распространения шведских чеканок в Восточной Европе в XVII веке эти монеты не принимали активного участия в обращении во внутренних уездах Московского царства [Потин, 1974. С. 188–207]

Использование шведской монеты на востоке Московии было явлением не типичным для Сибирского региона. Ближайшим географическим регионом, в который активно проникали шведские мелкие номиналы, был северо-запад Новгородской земли. На берегах Невы и далее по торговому пути известны находки шведских монет мелкого достоинства. Подавляющее большинство из них относится ко времени шведского правления, но часть датируется XVI столетием [Седых, 2013. С. 275–276]. Можно предположить, что шведская монета попала на рассматриваемое поселение в общем потоке с новгородскими монетами. В условиях массовой неграмотности населения подобная ситуация была возможна.

Присутствие в рассматриваемом нумизматическом комплексе шведской монеты XVI века мелкого достоинства может служить свидетельством того, что какая-то его часть первоначально формировалась на западе Новгородской земли.

Особо необходимо отметить, что монеты чеканки Шведского королевства поступали в Восточную Европу двумя изолированными потоками. Один шел из городов южной Прибалтики на территорию Речи Посполитой, включая современную Украину. Он состоял почти исключительно из монет, выпущенных в прибалтийских городах (Риге и других), находившихся в XVII веке под властью Швеции [Котляр, 1971. С. 120–121]. Второй

¹ В 1575–1576 годах «Великим князем всея Руси» номинально был Симеон Бекбулатович.

поток формировался из монет коронной чеканки собственно Швеции. Он пролегал через город Ниен на Неве и далее – через города Новгородского пограничья (Ладогу, Тихвин) в Московское царство.

Рассматриваемый экземпляр (рис. 3.3.1 – 1), очевидно, принадлежал ко второму направлению поступления шведских монет. В дополнение к этому необходимо отметить, что он значительно опережал по времени своей чеканки основную часть шведских монет мелких номиналов, обнаруженных в Восточной Европе.

Степень сохранности монет. Значительную историческую информацию несет степень сохранности рассматриваемых монет и следы их «бытового» использования.

Среди русских монет с городища Частухинский урий значительная часть имеет следы потертости и длительного использования. Некоторые экземпляры погнуты, обломаны по краю или сохранились только частично.

Не менее 12 монет из коллекции имеют отверстия. При этом не менее 4 монет с отверстиями датируются по времени чеканки, начиная с 1547 г. и позднее.

Подобная хронология части пробитых (проколотых) монет позволяет предположить, что отверстия в них были сделаны не в результате государственных мероприятий по обмену монет, а в процессе их повседневного бытового использования. Вероятно, по крайней мере, часть пробитых монет могла использоваться в качестве украшений.

Наличие явно поддельных монет в рассматриваемой коллекции является интересным и показательным фактом. С одной стороны, это свидетельствует о привычном, «нормативном», использовании именно русских монет в процессе формирования комплекса. Подделывают только общепринятую монету. С другой стороны, присутствие подделок говорит о характере формирования данного нумизматического комплекса. Грубые подделки не могли поступить на восток Московии вместе с «государевым жалованием» или другими централизованными выплатами. Фальшивки могли попасть в общий состав денежной массы только в процессе повседневного денежного обращения.

Дальнейшее исследование рассматриваемой нумизматической коллекции может выявить и другие поддельные экземпляры. Прежде всего это относится к стертым монетам, получившим только приблизительное определение. Планируемый анализ состава металла может дать информацию о качестве этих монет и выявить подделки.

Анализ материалов. Состав нумизматической коллекции, собранной в городке Монкысь урий в 2011–2013 годах, и научные публикации по составу находок 1991 года позволяют сделать некоторые исторические выводы.

В общем и целом можно согласиться с выводом В. И. Семеновой о том, что «такое значительное количество монет могло попасть на Юган в 90-е годы XVI века. Вероятно, это случилось после основания Сургута в 1594 году в обмен на присягу новой власти (подарки) или за меха» [2005. С. 66].

Хронологическое распределение монет по времени чеканки в коллекции, собранной в 2011–2013 годах, свидетельствует о том, что данный комплекс первоначально сформировался в годы правления Ивана Грозного и его сына Федора Ивановича. Учитывая «запаздывание» монет, можно признать временем поступления рассматриваемого нумизматического комплекса в Сибирь период с 1594 года и до начала XVII столетия.

Данная хронология примерно совпадает с информацией по монетам из Мангазеи. А. С. Мельникова среди нумизматических материалов Мангазеи выделила «первую группу» монет, включающую чеканки «с 1535 по 1610 г.». При этом исследовательница особо отмечает присутствие в данной группе незначительного числа более ранних монет [1981. С. 57].

Главным отличием рассматриваемой коллекции от материалов Мангазеи является то, что на городище Частухинский урий не удалось выделить чеканки начала XVII столетия.

Отсутствие монет Бориса Годунова и чеканок периода Смуты может иметь два объяснения. В первом случае необходимо признать, что поступление монет в рассматриваемый комплекс прекратилось в конце XVI или самом начале XVII столетия. Учитывая «запаздывание» появления монет на востоке Московского царства, можно предположить, что чеканки Бориса Годунова, Дмитрия и Василия Шуйского не успели попасть в данный нумизматический комплекс. Во втором случае можно предположить, что люди, которые сформировали данную группу монет, принимали только полноценные деньги «природных» государей. Возможно, они отвергли «сомнительные» чеканки более поздних правителей, включая «избранного» царя Бориса Годунова. Подобную ситуацию можно допустить в условиях Смутного времени и воцарения первого Романова. Политическая анархия

в центральных уездах Московского царства неизбежно порождала на окраинах настороженное отношение к любым политическим «инновациям».

Распределение русских денежных знаков по монетным дворам и находка шведской монеты демонстрирует, что преобладающее большинство денежной массы поступило в Сибирь из Северо-западного региона Московского государства.

Присутствие сильно потертых, пробитых и фальшивых монет в коллекции с городища Частухинский урий говорит о том, что перед нами результат повседневного денежного обращения. Вероятно, данный комплекс сформировался в процессе торговли с купцами европейской части России. В ходе торговых операций использовались преимущественно «надежные» монеты привычного облика. Тем не менее нехватка платежных средств привела к использованию иностранной монеты и ранних «дореформенных» денег. Главным условием было относительно высокое качество и вес монет. Возможно, с этим связано отсутствие русских полушек, пул и чеканок Смутного времени.

В связи с составом и хронологией нумизматической коллекции встает вопрос о ее соотношении с историей городка Монкысь урий.

Необходимо признать, что в нумизматической коллекции 2011–2013 годов, так же как и в публикации В. И. Семеновой [2005], нет следов «государевой» казны 1618 года.

В период Смутного времени и в начале царствования Михаила Федоровича Романова (1613–1645) произошло значительное понижение веса и пробы серебра русских денежных знаков [Мельникова, 1989; Зверев, 2013; Будников, Волков, 2013]. Использование копеек и денег времени Ивана Грозного в 1618 году для выплаты жалования гарнизону в Сибири могло нанести значительный ущерб государевой казне. Более выгодным для казны было использование монет Михаила Федоровича, имевших меньший вес. Согласно закону Коперника – Грешема, менее качественные деньги вытесняют из обращения более качественные, если они имеют одинаковую номинальную стоимость [Зварич, 1979. С. 90]. Соответственно, более легкие копейки Михаила Федоровича получили быстрое распространение, вытесняя тяжелые монеты XVI века.

Данное теоретическое наблюдение подтверждается материалами монетных кладов Русского Севера, датированных 1617–1618 годами. В этих тезаврациях присутствовали чеканки Ивана Грозного в весьма значительных количествах. Например, в кладе из деревни Кудрино Вологодской области они составили 50,7% от всех монет. Тем не менее во всех комплексах 1617–1618 годов присутствовало значительное количество монет начала XVII столетия, включая сюда и чеканки Михаила Федоровича [Свердлов, 1998. С. 81].

Можно сделать вывод о том, что нумизматические материалы, опубликованные В. И. Семеновой, и монеты, обнаруженные на городище Частухинский урий в 2011–2013 годах, входили в частную купеческую казну. Данный нумизматический комплекс первоначально сформировался в результате «нормального» денежного обращения и только позднее стал частью добычи во время очередного грабительского набега местного князя. Время формирования данной купеческой казны можно отнести к периоду между 1594 годом и началом XVII века.

Относительно судьбы жалования гарнизону в Томске можно выдвинуть две гипотезы. В первом случае необходимо признать, что казаки вернули себе денежное довольствие. Во втором можно предположить, что деньги, захваченные в 1618 году, были скрыты на городище или в его окрестностях. Судя по информации письменных источников, можно предположить, что более вероятным был первый вариант. Возвращение в руки казаков денежного довольствия объясняет нумизматическую загадку городка Монкысь урий: почему на этом памятнике обнаружено столь большое скопление монет? Сумма в 11 рублей серебром была достаточно крупной для XVII столетия.

В нормальных условиях победители должны были собрать или отобрать эти деньги у побежденных. Однако относительно общих размеров государева жалования, которое оценивается в письменных источниках в 400 рублей, собранные монеты составляют менее 3%. Подобное соотношение вероятно и позволило победителям пренебречь монетами, обнаруженными на городище.

Представляется интересным сопоставить размеры нумизматического комплекса с информацией о жаловании и ценах на рынке второй половины XVI – XVII века. Нельзя отрицать феномен инфляции и весьма существенные местные отличия, однако подобное сравнение позволяет представить «реальную» стоимость рассматриваемого комплекса.

Согласно сообщению А. С. Мельниковой, основанному на письменных источниках, в начале XVII века церковнослужитель в Москве ежемесячно получал от полутора до двух рублей в год. В более ранний период,

в 1576 году, поп получал 4 рубля, дьякон – 3, дьячки – 1 рубль. В 1670 году 2 быка стоили 3 рубля, баран – полтину, курица – 10 денег [Мельникова, 2005. С. 260, 262].

Немецкий автор Адам Олеарий во второй половине XVII века сообщал о том, что в России курица стоила 2 копейки, 9 яиц – одну копейку, овца – 10 копеек [Олеарий, 1986. С. 298, 333]. Можно предположить, что иностранцам товары продавались по завышенным ценам. Тем не менее сам автор отмечает, что продукты в Московии очень дешевы.

Итог. В целом можно сделать вывод о том, что монеты, обнаруженные на городище Частухинский урий, представляли значительную по тем временам сумму и имели весьма бурную историю.

Первоначально они использовались для обращения на северо-западе Московского государства. Позднее из них была сформирована казна для торговых или иных целей в Западной Сибири. Тем не менее, торговые планы, вероятно, не были реализованы, так как монеты оказались в городке местного князя. Можно предположить, что данное перемещение произошло не в результате нормального товарообмена, а путем откровенного грабежа. Окончательное формирование комплекса рассматриваемых монет и прекращение их обращения произошло в 1619/1620 году – в результате штурма городка Монкысь урий служилыми казаками.

История рассматриваемого нумизматического комплекса является своеобразным отражением политических и экономических процессов, происходивших на окраинах Московского царства в конце XVI и начале XVII века.

Литература

- Будников А. В., Волков И. В. Об изменении пробы русских серебряных копеек в XVII в. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Пущино. 22–26 апреля 2013 года): Тез. докл. – М.: Изд-во «Триумф принт», 2013. – С. 136–138.
- Зварич В. В. Нумизматический словарь. – Львов: Изд-во «Вища школа», 1979. – 224 с.
- Зверев С. В. Понижение пробы русских копеек шведскими оккупационными властями в Новгороде в начале XVII в. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Пущино. 22–26 апреля 2013 года). Тез. докл. – Изд-во «Триумф принт», 2013. – С. 135–136.
- Мельникова А. С. Коллекция мангазейских монет // Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2. – С. 53–60.
- Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). – М.: Изд-во «Финансы и статистика», 1989. – 318 с.
- Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. – М.: ООО «Издательство Стрелец», 2005. – 320 с.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – М.: «Лениздат», 1986. – С. 287–470.
- Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. – Таллин: Изд-во «Ээсти Раамат», 1974. – Вып. 15. – С. 188–216.
- Свердлов Л. М. Монеты Таймырского клада – ключ к тайне русской арктической экспедиции начала XVII века // Тр. ГИМ. – М.: Изд-во «Стрелец», 1998. – Вып. 98: Новейшие исследования в области нумизматики. – Ч. 13. – С. 77–83.
- Седых В. Н. Обзор нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН 2010–2012 гг. // Бюлл. ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во «Периферия», 2013. – № 3: Охранная археология. – С. 269–282.
- Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука, СО, 2005. – 164 с.
- Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. – Київ: Изд-во «Наукова думка», 1971. – 175 с.
- Ahlström B., Almer Y., Hemmingsson B. Sveriges Mynt 1521–1977: Coinage of Sweden. – Stockholm: Numismatiska Bokförlaget ab Stockholm, 1976. – 328 p.

Таблица 1

Опись монетных находок по материалам раскопок 2011–2013 гг. городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

№	Год / колл. №	Масса (г)	Определение монет по А. С. Мельниковой: М 1 [1989], М 2 [1981] М 1 и М 2 – это номера таблиц в 1989.	Определение монет
1	2	3	4	5
1	2011 / 172	0,65	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
2	2011 / 173	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) – 25	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг.
3	2011 / 174	0,7	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Вероятно, Новгород или Псков
4	2011 / 175	0,59	М 1: Псков 27 (надпись) – 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
5	2011 / 176	0,67	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
6	2011 / 177	0,67	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
7	2011 / 178	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (надпись под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
8	2011 / 179	0,62	М 1: Москва 1 (надпись стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
9	2011 / 180	0,66	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (надпись под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
10	2011 / 181	0,66	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (надпись под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
11	2011 / 182	0,66	М 1: 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
12	2011 / 183	0,65	М 1: Новгород 24 и 25 (надпись) и 20–21 (буквы под конем стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
13	2011 / 184	0,67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков. Место и время – ?
14	2011 / 207	0,57	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
15	2011 / 208	0,66	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
16	2011 / 218	0,32 фр.	М 1: 18 и 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
17	2011 / 219	0,69	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (вероятно: буква обрезана)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
18	2011 / 277	0,64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
19	2011 / 278	0,6	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
20	2011 / 279	0,64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–32 (нижние буквы обрезаны и стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
21	2011 / 280	0,61	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
22	2011 / 281	0,66	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
23	2011 / 282	0,59	М 1: Псков 23 (надпись) и 19 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.

1	2	3	4	5
24	2011 / 283	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
25	2011 / 284	0,65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
26	2011 / 285	0,63	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
27	2011 / 286	0,63	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
28	2011 / 287	0,63	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
29	2011 / 288	0,66	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
30	2011 / 289	0,61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
31	2011 / 290	0,7	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
32	2011 / 291	0,67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
33	2011 / 292	0,65	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
34	2011 / 293	0,59	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
35	2011 / 294	0,62	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
36	2011 / 295	0,66	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
37	2011 / 296	0,63	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
38	2011 / 297	0,64	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
39	2011 / 298	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
40	2011 / 299	0,59	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
41	2011 / 300	0,67	М 1: Псков 27 (?) (надпись стерта) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
42	2011 / 301	0,62	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
43	2011 / 302	0,64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
44	2011 / 303	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33 (2 нижние буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
45	2011 / 304	0,61	М 1: Новгород 26 (надпись) и 29	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
46	2011 / 305	0,73	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг. – 1584 г.
47	2011 / 306	0,61	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
48	2011 / 307	0,62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
49	2011 / 308	0,65	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
50	2011 / 309	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород

1	2	3	4	5
51	2011 / 310	0,65	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг. – 1584 г.
52	2011 / 311	0,6	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
53	2011 / 312	0,59	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
54	2011 / 313	0,61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
55	2011 / 314	0,64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
56	2011 / 315	0,66	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
57	2011 / 316	0,68	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
58	2011 / 317	0,57	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
59	2011 / 318	0,67	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
60	2011 / 319	0,61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
61	2011 / 320	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
62	2011 / 321	0,66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
63	2011 / 322	0,64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
64	2011 / 323	0,66	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
65	2011 / 324	0,61	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
66	2011 / 325	0,63	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
67	2011 / 326	0,7	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
68	2011 / 327	0,64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
69	2011 / 328	0,58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
70	2011 / 329	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
71	2011 / 330	0,63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
72	2011 / 331	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
73	2011 / 332	0,63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
74	2011 / 333	0,62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
75	2011 / 334	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
76	2011 / 335	0,72	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
77	2011 / 336	0,66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
78	2011 / 337	0.67	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
79	2011 / 338	0.63	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
80	2011 / 339	0.67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
81	2011 / 340	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
82	2011 / 341	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
83	2011 / 342	0.67	М 1: 1 Москва (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
84	2011 / 428	0.61	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
85	2011 / 429	0.67	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
86	2011 / 430	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
87	2011 / 431	0.65	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
88	2011 / 432	0.63	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
89	2011 / 433	0.56	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
90	2011 / 434	0.54	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
91	2011 / 435	0.64	М 1: Москва 1 (надпись: нижняя строка стерта полностью) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
92	2011 / 436	0.3	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6, 15	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1547 гг.
93	2011 / 437	0.61	Признаки отсутствуют. Определение предположительно	Вероятно, подделка копейки Ивана IV, возможно, Новгородского двора
94	2011 / 438	0.67	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
95	2011 / 439	0.65	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
96	2011 / 440	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
97	2011 / 441	0.67	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
98	2012 / 500	0.34	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6, 15	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1547 гг.
99	2012 / 501	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
100	2012 / 502	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
101	2012 / 503	0.6	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
102	2012 / 504	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
103	2012 / 505	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
104	2012 / 506	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород

1	2	3	4	5
105	2012 / 507	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
106	2012 / 508	0.47	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
107	2012 / 509	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19 (буквы обрезаны)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
108	2012 / 510	0.28	М 2: Москва 1 (надпись) – 1 или 3 (стерты буквы под всадником)	Федор Иванович. Денга. Москва. Вероятно, 1584–1594 гг.
109	2012 / 511	0.6	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
110	2012 / 512	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
111	2012 / 513	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
112	2012 / 514	0.61	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
113	2012 / 515	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
114	2012 / 516	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
115	2012 / 517	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
116	2012 / 518	0.66	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
117	2012 / 519	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
118	2012 / 520	0.64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
119	2012 / 521	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
120	2012 / 522	0.53	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
121	2012 / 523	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28 – 33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
122	2012 / 524	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
123	2012 / 525	0.57	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
124	2012 / 526	0.63	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
125	2012 / 527	0.63	М 1: Псков 25 (надпись) и 21. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
126	2012 / 528	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
127	2012 / 529	0.56	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
128	2012 / 530	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
129	2012 / 531	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
130	2012 / 532	0.62	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
131	2012 / 533	0.62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.

1	2	3	4	5
132	2012 / 534	0.4	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
133	2012 / 535	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
134	2012 / 536	0.65	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
135	2012 / 537	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
136	2012 / 538/538	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
137	2012 / 539/539	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
138	2012 / 540	0.57	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
139	2012 / 541	0.65	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
140	2012 / 542	0.59	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
141	2012 / 543	0.54	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
142	2012 / 544	0.56	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
143	2012 / 545	0.61	М 1: Псков 29 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
144	2012 / 546	0.55	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
145	2012 / 547	0.61	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
146	2012 / 548	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
147	2012 / 549	0.62	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
148	2012 / 550	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
149	2012 / 551/551	0.6	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
150	2012 / 552	0.58	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
151	2012 / 553	0.63	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
152	2012 / 554	0.62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
153	2012 / 555	0.64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
154	2012 / 556	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
155	2012 / 557	0.62	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
156	2012 / 558	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
157	2012 / 559	0.59	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
158	2012 / 560	0.73	В центре изображение – всадник. Круговая надпись не читается (стерто) О(ω)СП/ Д(или А)Л(или А)Р_/ ВСЕЯ_/ _УС_	Иван III или Василий III. Копейка. Место и время спорно (стерто)

1	2	3	4	5
159	2012 / 561	0.66	М 1: Москва 1 (надпись: нижняя строка стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
160	2012 / 562	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
161	2012 / 563	0.67	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
162	2012 / 564	0.33	М 1: Москва 9 (надпись: верхняя строка стерта) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
163	2012 / 565	0.34	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
164	2012 / 566	0.65	М 1: Москва 1 (надпись стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
165	2012 / 567	0.39	Всадник с саблей Реверс: В центре изображение стерто. Круговая надпись почти стерта: Р(?)УСИ?_	Иван III или Василий III. Денга. Место и время спорно (стерто)
166	2012 / 568	0.57	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
167	2012 / 569	0.63	М 1: Москва 1 (надпись стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
168	2012 / 570	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
169	2012 / 571	0.34	М 2: Москва 1 (надпись: нижняя часть с именем стерта) и 1	Федор Иванович денга. Москва 1584–1594 гг.
170	2012 / 572	0.34	М 1: Москва 19 или 20 (надпись стерта) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
171	2012 / 573	0.32	М 1: Москва 10 (надпись) и 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
172	2012 / 574	0.29	М 1: Москва 3 - 10 (надпись стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
173	2012 / 575	0.33	М 1: Москва 3 - 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535 – 1538 гг.
174	2012 / 576	0.34	М 1: Москва 3 - 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
175	2012 / 577	0.62	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
176	2012 / 578	0.32	М 1: Москва 3 - 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
177	2012 / 579	0.32	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
178	2012 / 580	0.34	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
179	2012 / 581	0.34	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
180	2012 / 582	0.33	М 1: Москва, возможно, 20 (надпись стерта) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
181	2012 / 583	0.32	М 1: Москва 18–21 (надпись стерта) и 15–17 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Денга. Москва. 1547–1554 гг.
182	2012 / 584	0.3	М 1: Москва 4, 7 – 10 (надпись) и 2–7	Иван IV. Денга. Москва. 1535 – 1538 гг.
183	2012 / 585	0.64	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
184	2012 / 586	0.32	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
185	2012 / 587	0.32	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.

1	2	3	4	5
186	2012 / 588	0.3	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
187	2012 / 589	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
188	2012 / 590	0.31	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
189	2012 / 591	0.31	М 1: Москва 20 (надпись) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
190	2012 / 592	0.31	М 1: Москва 10 (надпись) и 5 и 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
191	2012 / 593	0.31	М 1: Москва 6–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
192	2012 / 594	0.3	М 1: Москва 6–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
193	2012 / 595	0.31	М 1: 19–20 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
194	2012 / 596	0.32	М 1: Москва 6–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
195	2012 / 597	0.33	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
196	2012 / 598	0.32	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
197	2012 / 599	0.32	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
198	2012 / 600	0.29	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
199	2012 / 601	0.32	Пробита по краю М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
200	2012 / 602	0.33	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
201	2012 / 603	0.32	М 1: Москва 19 или 20 (надпись стерта) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
202	2012 / 604	0.3	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
203	2012 / 605	0.31	М 1: Москва 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
204	2012 / 606	0.32	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
205	2012 / 607	0.32	М 1: Москва 2–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
206	2012 / 608	0.3	М 1: Москва 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
207	2012 / 609	0.26	М 1: Москва 4, 5, 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
208	2012 / 610	0.33	М 1: Москва 4–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
209	2012 / 611	0.32	М 2: Москва 1 (надпись) и 1	Федор Иванович. Денга. Москва. 1584–1594 гг.
210	2012 / 612	0.3	М 1: Тверь 22 (надпись) и 18	Иван IV. Денга. Тверь 1554 г.
211	2012 / 613	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
212	2012 / 614	0.29	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
213	2012 / 615	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Россия. По весу – копейка XVI века
214	2012 / 652	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–32	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
215	2012 / 653	0.59	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия копейка XVI века. Псков или Новгород
216	2012 / 654	0.61	М 1: Псков 30 (надпись) и 38	Иван IV. Копейка. Псков. 1584 г.
217	2012 / 681	0.57	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
218	2012 / 682	0.6	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37 или 38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
219	2012 / 683	0.56	Обломана. Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
220	2012 / 701	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
221	2012 / 702	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 гг.
222	2012 / 703	0.64	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
223	2012 / 704	0.7	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
224	2012 / 705	0.6	М 1: Москва 1 (надпись частично стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
225	2012 / 716	0.64	М 1: Москва 1 (надпись – вариант: у Мельниковой нет титло над первой строкой) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
226	2012 / 739	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
227	2012 / 740	0.27	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
228	2012 / 741	0.3	М 1: Тверь 16 (надпись) и 13	Иван IV. Денга. Тверь. 1535–1538 гг.
229	2012 / 742	0.27	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
230	2012 / 743	0.34	М 1: Москва 21 (надпись частично стерта) и 16 или 17	Иван IV. Денга. Москва. 1547 или 1554 гг.
231	2012 / 744	0.33	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
232	2012 / 745	0.32	М 1: Москва 18 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
233	2012 / 746	0.68	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
234	2012 / 747	0.33	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV денга. Москва 1547 г.
235	2012 / 748	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
236	2012 / 749	0.33	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
237	2012 / 750	0.34	М 1: Москва 5 (надпись) и 2, 5, 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
238	2012 / 751	0.68	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
239	2012 / 752	0.26	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
240	2012 / 753	0.63	Пробита М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
241	2012 / 754	0.32	М 1: Москва 4, 7 - 10 (надпись) и 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
242	2012 / 755	0.23	М 1: Москва 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
243	2012 / 756	0.34	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
244	2012 / 757	0.31	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
245	2012 / 758	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись: вариант ?) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
246	2012 / 759	0.34	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
247	2012 / 760	0.31	М 1: Москва 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
248	2012 / 761	0.28	М 1: Тверь 15 (надпись) и 12	Иван IV. Денга. Тверь 1535–1538 гг.
249	2012 / 762	0.28	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
250	2012 / 763	0.31	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV денга. Москва 1547 г.
251	2012 / 764	0.32	М 1: Москва 2, 4–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
252	2012 / 765	0.3	М 1: Москва 4, 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
253	2012 / 766	0.64	М 1: Москва 17 (надпись) и 14 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
254	2012 / 767	0.28	М 1: Москва 18 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
255	2012 / 768	0.32	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
256	2012 / 769	0.61	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
257	2012 / 770	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
258	2012 / 771	0.33	М 1: Москва 19 - 20 (надпись) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
259	2012 / 772	0.31	М 1: Москва 2, 6 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
260	2012 / 773	0.33	Пробита М 1: Москва 2, 4–9 (надпись) и 2–6	Иван IV денга. Москва. 1535–1538 гг.
261	2012 / 774	0.3	М 1: Москва 2, 6 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
262	2012 / 775	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
263	2012 / 776	0.59	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
264	2012 / 777	0.59	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
265	2012 / 778	0.59	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
266	2012 / 779	0.61	М 1: Новгород 26 (надпись) и 25	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг.

1	2	3	4	5
267	2012 / 780	0.63	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35–38 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
268	2012 / 810		[Ahlstrom, Almer, Hemmingsson, 1976]: Р. 53. Тур III (1578–1592) или Р. 55. № 116	Швеция. Иоанн III (1568–1592). 1 фирк
269	2012 / 811	0.68	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35–38 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
270	2012 / 812	0.58	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
271	2012 / 813	0.6	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
272	2012 / 814	0.69	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
273	2012 / 815	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
274	2012 / 816	0.7	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
275	2012 / 817	0.64	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
276	2012 / 818	0.68	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
277	2012 / 819	0.64	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
278	2012 / 820	0.64	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
279	2012 / 821	0.64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
280	2012 / 822	0.6	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
281	2012 / 823	0.64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
282	2012 / 824	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Россия. Копейка
283	2012 / 825	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
284	2012 / 826	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
285	2012 / 827	0.65	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
286	2012 / 828	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
287	2012 / 829	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
288	2012 / 830	0.59	М 1: Псков 27 (надпись) и 35 (всадник)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
289	2012 / 831	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
290	2012 / 832	0.66	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
291	2012 / 833	0.64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
292	2012 / 834	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
293	2012 / 835	0.6	Пробита М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.

1	2	3	4	5
294	2012 / 836	1.15	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия. Копейка (?). Век ?
295	2012 / 837	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
296	2012 / 838	0.64	М 1: Псков 11 (надпись стерта) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
297	2012 / 839	0.67	Всадник с копьем. Под всадником знаки, не похожие на буквы. Надпись из знаков, похожих на арабские буквы	Подделка неграмотного фальшивомонетчика. Россия. XVI век. Копейка. Псков или Новгород
298	2012 / 840	0.35	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
299	2012 / 868	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
300	2012 / 869	0.29	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
301	2012 / 870	0.58	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
302	2012 / 871	0.63	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
303	2012 / 872	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
304	2012 / 873	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
305	2012 / 874	0.63	М 1: Псков 29 (надпись) и 37 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
306	2012 / 875	0.68	М 1: Псков 27 - 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
307	2012 / 876	0.63	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
308	2012 / 877	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
309	2012 / 897	0.6	М 1: Псков 29 (надпись) и 37 (перед конем буква стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
310	2012 / 929	0.67	М 1: Псков 29 (надпись) и 37 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
311	2012 / 930	0.68	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
312	2012 / 931	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись почти стерта) и 28–33 (под всадником сохранилась только буква К)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
313	2012 / 932	0.64	М 1: Новгород 17 (надпись почти стерта) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
314	2012 / 933	0.29	М 1: Москва 19 и 21 (надпись) и 15–17	Иван IV. Денга. Москва 1547–1554 гг.
315	2012 / 934	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
316	2012 / 935	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
317	2012 / 936	0.31	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
318	2012 / 937	0.32	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
319	2012 / 938	0.34	М 1: Москва 4, 5 и 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
320	2012 / 939	0.34	М 1: Москва 2 - 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
321	2012 / 940	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
322	2012 / 941	0.64	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
323	2012 / 942	0.68	М 1: Псков 27 (надпись почти стерта) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
324	2012 / 943	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
325	2012 / 944	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
326	2012 / 946	0.3	М 1: Москва 2 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
327	2012 / 947	0.58	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
328	2012 / 948	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
329	2012 / 949	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
330	2012 / 950	0.65	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
331	2012 / 951	0.63	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37, 38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
332	2012 / 952	0.3	М 1: Москва 20 (надпись) и 17 (2 нижние буквы стерты)	Иван IV. Денга. Москва. 1554 г.
333	2012 / 985	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
334	2012 / 986	0.64	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37, 38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
335	2012 / 987	0.64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
336	2012 / 988	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
337	2012 / 989	0.69	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
338	2012 / 990	0.3	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
339	2012 / 1042	0.66	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
340	2012 / 1083	0.62	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37, 38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
341	2012 / 1118	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
342	2012 / 1119	0.68	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
343	2012 / 1120	0.68	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22 – 34 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
344	2012 / 945	0.69	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
345	2012 / 1121	0.67	Пробита М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33 (под всадником сохранилось 2 буквы: К/ В?)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
346	2012 / 1122	0.65	М 1: Псков 29 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
347	2012 / 1123	0.48	Обломана: примерно на 1/3 Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород

1	2	3	4	5
348	2012 / 1124	0.61	Обломана примерно на ½ Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия: по весу – копейка
349	2012 / 1125	0.49	Обломана примерно наполовину. Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия: по весу – копейка
350	2012 / 1164	0.34	М 1: Москва 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
351	2012 / 1168	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
352	2012 / 1169	0.71	М 1: Псков 27, 29, 30 (надпись) и 35–38 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
353	2012 / 1170	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
354	2012 / 1171	0.66	М 1: Псков 27–30 (надпись) и 35-38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
355	2012 / 1172	0.7	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
356	2012 / 1173	0.69	М 1: 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
357	2012 / 1255	0.67	М 1: 24 (надпись - Псков) и 20 или 23, 26 (надпись – Новгород) и 19, 22	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. 1547 г.
358	2012 / 1256	0.64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
359	2012 / 1257	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
360	2012 / 1258	0.67	М 1: Псков 27 (надпись) и 27	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
361	2012 / 1262	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
362	2012 / 1263	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
363	2012 / 1264	0.67	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
364	2012 / 1265	0.36	Обломана примерно на ½ Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия. По весу – вероятно, копейка. Вероятно, XVI век
365	2012 / 1266	0.64	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
366	2012 / 1298	0.68	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
367	2012 / 1332	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
368	2012 / 1333	0.64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
369	2012 / 1334	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
370	2012 / 1350	0.4	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
371	2013 / 1401	0.65	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
372	2013 / 1402	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
373	2013 / 1403	0.66	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
374	2013 / 1404	0.65	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
375	2013 / 1405	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
376	2013 / 1406	0.25	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
377	2013 / 1407	0.63	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
378	2013 / 1408	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
379	2013 / 1409	0.59	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
380	2013 / 1410	0.64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
381	2013 / 1411	0.62	М 1: Псков 27, 28, 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
382	2013 / 1412	0.63	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
383	2013 / 1413	0.66	М 1: Псков 27, 28, 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
384	2013 / 1414	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
385	2013 / 1415	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
386	2013 / 1416	0.31	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
387	2013 / 1417	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
388	2013 / 1436	0.63	М 1: 11 (надпись - Псков) и 8, или 12 (надпись – Новгород) и 9	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. 1535–1538 гг.
389	2013 / 1437	0.64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
390	2013 / 1438	0.66	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
391	2013 / 1562	0.63	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35, 37, 38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е – 1584 г.
392	2013 / 1642	0.68	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
393	2013 / 1672	0.7	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
394	2013 / 1680	0.7	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
395	2013 / 1740	0.65	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
396	2013 / 1741	0.69	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
397	2013 / 1742	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
398	2013 / 1753	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
399	2013 / 1754	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
400	2013 / 1755	0.68	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
401	2013 / 1756	0.7	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
402	2013 / 1757	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
403	2013 / 1642		М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.

Таблица 1

**Опись монетных находок по материалам раскопок 2011–2013 гг.
городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)**

№	Год / колл. №	Масса (г)	Определение монет по А. С. Мельниковой: М 1 [1989], М 2 [1981] М 1 и М 2 – это номера таблиц в 1989	Определение монет
1	2	3	4	5
1	2011 / 172	0,65	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
2	2011 / 173	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) – 25	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг.
3	2011 / 174	0,7	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Вероятно, Новгород или Псков
4	2011 / 175	0,59	М 1: Псков 27 (надпись) – 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
5	2011 / 176	0,67	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
6	2011 / 177	0,67	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
7	2011 / 178	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (надпись под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
8	2011 / 179	0,62	М 1: Москва 1 (надпись стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
9	2011 / 180	0,66	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (надпись под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
10	2011 / 181	0,66	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (надпись под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
11	2011 / 182	0,66	М 1: 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
12	2011 / 183	0,65	М 1: Новгород 24 и 25 (надпись) и 20–21 (буквы под конем стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
13	2011 / 184	0,67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков. Место и время – ?
14	2011 / 207	0,57	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
15	2011 / 208	0,66	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
16	2011 / 218	0,32 фр.	М 1: 18 и 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
17	2011 / 219	0,69	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (вероятно: буква обрезана)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
18	2011 / 277	0,64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
19	2011 / 278	0,6	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
20	2011 / 279	0,64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–32 (нижние буквы обрезаны и стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
21	2011 / 280	0,61	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
22	2011 / 281	0,66	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.

1	2	3	4	5
23	2011 / 282	0,59	М 1: Псков 23 (надпись) и 19 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
24	2011 / 283	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
25	2011 / 284	0,65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
26	2011 / 285	0,63	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
27	2011 / 286	0,63	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
28	2011 / 287	0,63	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
29	2011 / 288	0,66	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
30	2011 / 289	0,61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
31	2011 / 290	0,7	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
32	2011 / 291	0,67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
33	2011 / 292	0,65	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
34	2011 / 293	0,59	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
35	2011 / 294	0,62	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
36	2011 / 295	0,66	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
37	2011 / 296	0,63	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
38	2011 / 297	0,64	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
39	2011 / 298	0,63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
40	2011 / 299	0,59	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Новгород или Псков
41	2011 / 300	0,67	М 1: Псков 27 (?) (надпись стерта) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
42	2011 / 301	0,62	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
43	2011 / 302	0,64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
44	2011 / 303	0,67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33 (2 нижние буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
45	2011 / 304	0,61	М 1: Новгород 26 (надпись) и 29	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
46	2011 / 305	0,73	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг. – 1584 г.
47	2011 / 306	0,61	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
48	2011 / 307	0,62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
49	2011 / 308	0,65	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.

1	2	3	4	5
50	2011 / 309	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
51	2011 / 310	0.65	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг. – 1584 г.
52	2011 / 311	0.6	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
53	2011 / 312	0.59	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
54	2011 / 313	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
55	2011 / 314	0.64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
56	2011 / 315	0.66	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
57	2011 / 316	0.68	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
58	2011 / 317	0.57	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
59	2011 / 318	0.67	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
60	2011 / 319	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
61	2011 / 320	0.67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
62	2011 / 321	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
63	2011 / 322	0.64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
64	2011 / 323	0.66	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
65	2011 / 324	0.61	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
66	2011 / 325	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
67	2011 / 326	0.7	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
68	2011 / 327	0.64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
69	2011 / 328	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
70	2011 / 329	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
71	2011 / 330	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
72	2011 / 331	0.67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
73	2011 / 332	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
74	2011 / 333	0.62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
75	2011 / 334	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
76	2011 / 335	0.72	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
77	2011 / 336	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
78	2011 / 337	0.67	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
79	2011 / 338	0.63	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
80	2011 / 339	0.67	М 1: Новгород 26 (надпись) и 33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
81	2011 / 340	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
82	2011 / 341	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
83	2011 / 342	0.67	М 1: 1 Москва (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
84	2011 / 428	0.61	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
85	2011 / 429	0.67	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
86	2011 / 430	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
87	2011 / 431	0.65	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
88	2011 / 432	0.63	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
89	2011 / 433	0.56	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
90	2011 / 434	0.54	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
91	2011 / 435	0.64	М 1: Москва 1 (надпись: нижняя строка стерта полностью) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
92	2011 / 436	0.3	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6, 15	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1547 гг.
93	2011 / 437	0.61	Признаки отсутствуют. Определение предположительно	Вероятно, подделка копейки Ивана IV, возможно, Новгородского двора
94	2011 / 438	0.67	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
95	2011 / 439	0.65	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
96	2011 / 440	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
97	2011 / 441	0.67	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
98	2012 / 500	0.34	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2 – 6, 15	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1547 гг.
99	2012 / 501	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
100	2012 / 502	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
101	2012 / 503	0.6	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
102	2012 / 504	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
103	2012 / 505	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород

1	2	3	4	5
104	2012 / 506	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
105	2012 / 507	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
106	2012 / 508	0.47	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
107	2012 / 509	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19 (буквы обрезаны)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
108	2012 / 510	0.28	М 2: Москва 1 (надпись) – 1 или 3 (стерты буквы под всадником)	Федор Иванович. Денга. Москва. Вероятно, 1584–1594 гг.
109	2012 / 511	0.6	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
110	2012 / 512	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
111	2012 / 513	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
112	2012 / 514	0.61	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
113	2012 / 515	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
114	2012 / 516	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
115	2012 / 517	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
116	2012 / 518	0.66	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
117	2012 / 519	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
118	2012 / 520	0.64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
119	2012 / 521	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
120	2012 / 522	0.53	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
121	2012 / 523	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28 – 33	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
122	2012 / 524	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
123	2012 / 525	0.57	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
124	2012 / 526	0.63	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
125	2012 / 527	0.63	М 1: Псков 25 (надпись) и 21. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
126	2012 / 528	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
127	2012 / 529	0.56	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
128	2012 / 530	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
129	2012 / 531	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
130	2012 / 532	0.62	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.

1	2	3	4	5
131	2012 / 533	0.62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
132	2012 / 534	0.4	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
133	2012 / 535	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
134	2012 / 536	0.65	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
135	2012 / 537	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
136	2012 / 538/538	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
137	2012 / 539/539	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
138	2012 / 540	0.57	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
139	2012 / 541	0.65	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
140	2012 / 542	0.59	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
141	2012 / 543	0.54	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
142	2012 / 544	0.56	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
143	2012 / 545	0.61	М 1: Псков 29 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
144	2012 / 546	0.55	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
145	2012 / 547	0.61	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
146	2012 / 548	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
147	2012 / 549	0.62	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35–38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
148	2012 / 550	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
149	2012 / 551/551	0.6	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
150	2012 / 552	0.58	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
151	2012 / 553	0.63	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
152	2012 / 554	0.62	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
153	2012 / 555	0.64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8 (буква под всадником стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
154	2012 / 556	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
155	2012 / 557	0.62	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
156	2012 / 558	0.62	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
157	2012 / 559	0.59	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород

1	2	3	4	5
158	2012 / 560	0.73	В центре изображение – всадник. Круговая надпись не читается (стерто) О(ω)СП/ Д(или А)Л(или А)Р_/ ВСЕЯ/_УС_	Иван III или Василий III. Копейка. Место и время спорно (стерто)
159	2012 / 561	0.66	М 1: Москва 1 (надпись: нижняя строка стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
160	2012 / 562	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
161	2012 / 563	0.67	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
162	2012 / 564	0.33	М 1: Москва 9 (надпись: верхняя строка стерта) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
163	2012 / 565	0.34	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
164	2012 / 566	0.65	М 1: Москва 1 (надпись стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
165	2012 / 567	0.39	Всадник с саблей Реверс: В центре изображение стерто. Круговая надпись почти стерта: Р(?)УСИ?_	Иван III или Василий III. Денга. Место и время спорно (стерто)
166	2012 / 568	0.57	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
167	2012 / 569	0.63	М 1: Москва 1 (надпись стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
168	2012 / 570	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
169	2012 / 571	0.34	М 2: Москва 1 (надпись: нижняя часть с именем стерта) и 1	Федор Иванович денга. Москва 1584–1594 гг.
170	2012 / 572	0.34	М 1: Москва 19 или 20 (надпись стерта) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
171	2012 / 573	0.32	М 1: Москва 10 (надпись) и 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
172	2012 / 574	0.29	М 1: Москва 3–10 (надпись стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
173	2012 / 575	0.33	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
174	2012 / 576	0.34	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
175	2012 / 577	0.62	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
176	2012 / 578	0.32	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
177	2012 / 579	0.32	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
178	2012 / 580	0.34	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
179	2012 / 581	0.34	М 1: Москва 3–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
180	2012 / 582	0.33	М 1: Москва, возможно, 20 (надпись стерта) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
181	2012 / 583	0.32	М 1: Москва 18–21 (надпись стерта) и 15–17 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Денга. Москва. 1547–1554 гг.
182	2012 / 584	0.3	М 1: Москва 4, 7–10 (надпись) и 2–7	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
183	2012 / 585	0.64	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
184	2012 / 586	0.32	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
185	2012 / 587	0.32	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
186	2012 / 588	0.3	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
187	2012 / 589	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
188	2012 / 590	0.31	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
189	2012 / 591	0.31	М 1: Москва 20 (надпись) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
190	2012 / 592	0.31	М 1: Москва 10 (надпись) и 5 и 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
191	2012 / 593	0.31	М 1: Москва 6–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
192	2012 / 594	0.3	М 1: Москва 6–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
193	2012 / 595	0.31	М 1: 19–20 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
194	2012 / 596	0.32	М 1: Москва 6–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
195	2012 / 597	0.33	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
196	2012 / 598	0.32	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
197	2012 / 599	0.32	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
198	2012 / 600	0.29	М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
199	2012 / 601	0.32	Пробита по краю М 1: Москва 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
200	2012 / 602	0.33	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
201	2012 / 603	0.32	М 1: Москва 19 или 20 (надпись стерта) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
202	2012 / 604	0.3	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
203	2012 / 605	0.31	М 1: Москва 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
204	2012 / 606	0.32	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
205	2012 / 607	0.32	М 1: Москва 2–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
206	2012 / 608	0.3	М 1: Москва 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
207	2012 / 609	0.26	М 1: Москва 4, 5, 7м9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
208	2012 / 610	0.33	М 1: Москва 4–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
209	2012 / 611	0.32	М 2: Москва 1 (надпись) и 1	Федор Иванович. Денга. Москва. 1584–1594 гг.
210	2012 / 612	0.3	М 1: Тверь 22 (надпись) и 18	Иван IV. Денга. Тверь 1554 г.

1	2	3	4	5
211	2012 / 613	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
212	2012 / 614	0.29	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
213	2012 / 615	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Россия. По весу – копейка XVI века
214	2012 / 652	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–32	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
215	2012 / 653	0.59	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия копейка XVI века. Псков или Новгород
216	2012 / 654	0.61	М 1: Псков 30 (надпись) и 38	Иван IV. Копейка. Псков. 1584 г.
217	2012 / 681	0.57	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
218	2012 / 682	0.6	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37 или 38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
219	2012 / 683	0.56	Обломана. Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
220	2012 / 701	0.63	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
221	2012 / 702	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 е гг.
222	2012 / 703	0.64	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560 – е гг.
223	2012 / 704	0.7	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
224	2012 / 705	0.6	М 1: Москва 1 (надпись частично стерта) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
225	2012 / 716	0.64	М 1: Москва 1 (надпись – вариант: у Мельниковой нет титло над первой строкой) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
226	2012 / 739	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2 - 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
227	2012 / 740	0.27	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2 - 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
228	2012 / 741	0.3	М 1: Тверь 16 (надпись) и 13	Иван IV. Денга. Тверь. 1535–1538 гг.
229	2012 / 742	0.27	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2 - 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
230	2012 / 743	0.34	М 1: Москва 21 (надпись частично стерта) и 16 или 17	Иван IV. Денга. Москва. 1547 или 1554 гг.
231	2012 / 744	0.33	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
232	2012 / 745	0.32	М 1: Москва 18 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
233	2012 / 746	0.68	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
234	2012 / 747	0.33	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV денга. Москва 1547 г.
235	2012 / 748	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись частично стерта) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
236	2012 / 749	0.33	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
237	2012 / 750	0.34	М 1: Москва 5 (надпись) и 2, 5, 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
238	2012 / 751	0.68	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
239	2012 / 752	0.26	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
240	2012 / 753	0.63	Пробита М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
241	2012 / 754	0.32	М 1: Москва 4, 7 - 10 (надпись) и 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
242	2012 / 755	0.23	М 1: Москва 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
243	2012 / 756	0.34	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
244	2012 / 757	0.31	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
245	2012 / 758	0.32	М 1: Москва 2–10 (надпись: вариант ?) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
246	2012 / 759	0.34	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
247	2012 / 760	0.31	М 1: Москва 10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
248	2012 / 761	0.28	М 1: Тверь 15 (надпись) и 12	Иван IV. Денга. Тверь 1535–1538 гг.
249	2012 / 762	0.28	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
250	2012 / 763	0.31	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV денга. Москва 1547 г.
251	2012 / 764	0.32	М 1: Москва 2, 4–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
252	2012 / 765	0.3	М 1: Москва 4, 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
253	2012 / 766	0.64	М 1: Москва 17 (надпись) и 14 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
254	2012 / 767	0.28	М 1: Москва 18 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
255	2012 / 768	0.32	М 1: Москва 9 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
256	2012 / 769	0.61	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
257	2012 / 770	0.66	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
258	2012 / 771	0.33	М 1: Москва 19–20 (надпись) и 16	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
259	2012 / 772	0.31	М 1: Москва 2, 6 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
260	2012 / 773	0.33	Пробита М 1: Москва 2, 4–9 (надпись) и 2–6	Иван IV денга. Москва. 1535–1538 гг.
261	2012 / 774	0.3	М 1: Москва 2, 6 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
262	2012 / 775	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
263	2012 / 776	0.59	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
264	2012 / 777	0.59	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
265	2012 / 778	0.59	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
266	2012 / 779	0.61	М 1: Новгород 26 (надпись) и 25	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг.
267	2012 / 780	0.63	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35–38 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
268	2012 / 810		[Ahlstrom, Almer, Hemmingsson, 1976]: Р. 53. Тур III (1578–1592) или Р. 55. № 116	Швеция. Иоанн III (1568–1592). 1 фирк
269	2012 / 811	0.68	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35–38 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
270	2012 / 812	0.58	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
271	2012 / 813	0.6	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
272	2012 / 814	0.69	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
273	2012 / 815	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
274	2012 / 816	0.7	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
275	2012 / 817	0.64	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
276	2012 / 818	0.68	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
277	2012 / 819	0.64	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
278	2012 / 820	0.64	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
279	2012 / 821	0.64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
280	2012 / 822	0.6	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
281	2012 / 823	0.64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
282	2012 / 824	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Россия. Копейка
283	2012 / 825	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
284	2012 / 826	0.6	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
285	2012 / 827	0.65	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
286	2012 / 828	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
287	2012 / 829	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
288	2012 / 830	0.59	М 1: Псков 27 (надпись) и 35 (всадник)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
289	2012 / 831	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
290	2012 / 832	0.66	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
291	2012 / 833	0.64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.

1	2	3	4	5
292	2012 / 834	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
293	2012 / 835	0.6	Пробита М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
294	2012 / 836	1.15	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия. Копейка (?). Век ?
295	2012 / 837	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
296	2012 / 838	0.64	М 1: Псков 11 (надпись стерта) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
297	2012 / 839	0.67	Всадник с копьём. Под всадником знаки, не похожие на буквы. Надпись из знаков, похожих на арабские буквы	Подделка неграмотного фальшивомонетчика. Россия. XVI век. Копейка. Псков или Новгород
298	2012 / 840	0.35	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
299	2012 / 868	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
300	2012 / 869	0.29	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
301	2012 / 870	0.58	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
302	2012 / 871	0.63	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
303	2012 / 872	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
304	2012 / 873	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
305	2012 / 874	0.63	М 1: Псков 29 (надпись) и 37 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
306	2012 / 875	0.68	М 1: Псков 27–30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
307	2012 / 876	0.63	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
308	2012 / 877	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно. Пробита	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород.
309	2012 / 897	0.6	М 1: Псков 29 (надпись) и 37 (перед конем буква стерта)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
310	2012 / 929	0.67	М 1: Псков 29 (надпись) и 37 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
311	2012 / 930	0.68	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
312	2012 / 931	0.63	М 1: Новгород 26 (надпись почти стерта) и 28–33 (под всадником сохранилась только буква К)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
313	2012 / 932	0.64	М 1: Новгород 17 (надпись почти вся стерта) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
314	2012 / 933	0.29	М 1: Москва 19 и 21 (надпись) и 15–17	Иван IV. Денга. Москва 1547–1554 гг.
315	2012 / 934	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
316	2012 / 935	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
317	2012 / 936	0.31	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
318	2012 / 937	0.32	М 1: Москва 10 (надпись) и 5–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
319	2012 / 938	0.34	М 1: Москва 4, 5 и 7–9 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
320	2012 / 939	0.34	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
321	2012 / 940	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
322	2012 / 941	0.64	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
323	2012 / 942	0.68	М 1: Псков 27 (надпись почти стерта) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
324	2012 / 943	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
325	2012 / 944	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
326	2012 / 946	0.3	М 1: Москва 2 (надпись) и 2 - 6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
327	2012 / 947	0.58	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
328	2012 / 948	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
329	2012 / 949	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
330	2012 / 950	0.65	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
331	2012 / 951	0.63	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37, 38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
332	2012 / 952	0.3	М 1: Москва 20 (надпись) и 17 (2 нижние буквы стерты)	Иван IV. Денга. Москва. 1554 г.
333	2012 / 985	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
334	2012 / 986	0.64	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37, 38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
335	2012 / 987	0.64	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
336	2012 / 988	0.63	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
337	2012 / 989	0.69	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
338	2012 / 990	0.3	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
339	2012 / 1042	0.66	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
340	2012 / 1083	0.62	М 1: Псков 27 или 30 (надпись) и 35, 37, 38 (буквы под всадником стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
341	2012 / 1118	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
342	2012 / 1119	0.68	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
343	2012 / 1120	0.68	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (всадник стерт)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.

1	2	3	4	5
344	2012 / 945	0.69	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
345	2012 / 1121	0.67	Пробита М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–33 (под всадником сохранилось 2 буквы: К/ В?)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
346	2012 / 1122	0.65	М 1: Псков 29 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
347	2012 / 1123	0.48	Обломана: примерно на 1/3 Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
348	2012 / 1124	0.61	Обломана примерно на ½ Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия: по весу – копейка
349	2012 / 1125	0.49	Обломана примерно наполовину. Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия: по весу – копейка
350	2012 / 1164	0.34	М 1: Москва 19 (надпись) и 15	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.
351	2012 / 1168	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
352	2012 / 1169	0.71	М 1: Псков 27, 29, 30 (надпись) и 35–38 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
353	2012 / 1170	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
354	2012 / 1171	0.66	М 1: Псков 27–30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
355	2012 / 1172	0.7	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
356	2012 / 1173	0.69	М 1: 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
357	2012 / 1255	0.67	М 1: 24 (надпись - Псков) и 20 или 23, 26 (надпись - Новгород) и 19, 22	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. 1547 г.
358	2012 / 1256	0.64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
359	2012 / 1257	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
360	2012 / 1258	0.67	М 1: Псков 27 (надпись) и 27	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
361	2012 / 1262	0.68	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
362	2012 / 1263	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
363	2012 / 1264	0.67	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
364	2012 / 1265	0.36	Обломана примерно на ½ Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Россия. По весу – вероятно, копейка. Вероятно, XVI век
365	2012 / 1266	0.64	М 1: Псков 25 (надпись) и 21	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.
366	2012 / 1298	0.68	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
367	2012 / 1332	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.

1	2	3	4	5
368	2012 / 1333	0.64	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34 (под всадником буквы стерты)	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
369	2012 / 1334	0.65	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
370	2012 / 1350	0.4	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
371	2013 / 1401	0.65	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
372	2013 / 1402	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
373	2013 / 1403	0.66	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
374	2013 / 1404	0.65	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
375	2013 / 1405	0.58	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
376	2013 / 1406	0.25	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
377	2013 / 1407	0.63	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
378	2013 / 1408	0.66	М 1: Новгород 26 (надпись) и 28–31	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.
379	2013 / 1409	0.59	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22–34	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.
380	2013 / 1410	0.64	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
381	2013 / 1411	0.62	М 1: Псков 27, 28, 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
382	2013 / 1412	0.63	М 1: Новгород 12 (надпись) и 9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
383	2013 / 1413	0.66	М 1: Псков 27, 28, 30 (надпись) и 35–38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.
384	2013 / 1414	0.62	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
385	2013 / 1415	0.62	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
386	2013 / 1416	0.31	М 1: Москва 2–10 (надпись) и 2–6	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.
387	2013 / 1417	0.65	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
388	2013 / 1436	0.63	М 1: 11 (надпись – Псков) и 8, или 12 (надпись – Новгород) и 9	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. 1535–1538 гг.
389	2013 / 1437	0.64	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
390	2013 / 1438	0.66	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
391	2013 / 1562	0.63	М 1: Псков 27 и 30 (надпись) и 35, 37, 38	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е – 1584 г.
392	2013 / 1642	0.68	М 1: Новгород 26 (надпись) и 22	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
393	2013 / 1672	0.7	М 1: Москва 1 (надпись) и 1	Иван IV. Мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.
394	2013 / 1680	0.7	М 1: Псков 27 (надпись) и 35	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.

1	2	3	4	5
395	2013 / 1740	0.65	М 1: Псков 11 (надпись) и 8	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.
396	2013 / 1741	0.69	М 1: Псков 27 (надпись) и 37	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.
397	2013 / 1742	0.67	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
398	2013 / 1753	0.61	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
399	2013 / 1754	0.61	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.
400	2013 / 1755	0.68	М 1: Новгород 23 (надпись) и 19	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.
401	2013 / 1756	0.7	М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.
402	2013 / 1757	0.64	Признаки отсутствуют. Место и время чеканки предположительно	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород
403	2013 / 1642		М 1: Новгород 17 (надпись) и 14	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.

Таблица 2

Распределение монет из раскопок 2011–2013 гг. городка Монкысь урий (городища Частухинский урий) по хронологии и месту чеканки

№	Тип монет	Количество монет
1	Иван III или Василий III. Копейка. Место и время? – стерто	2
2	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1538 гг.	56
3	Иван IV. Денга. Москва. 1535–1547 гг.	2
4	Иван IV. Денга. Москва. 1547 г.	23
5	Иван IV. Денга. Москва. 1547–1554 гг.	3
6	Иван IV. Денга. Москва. 1554 г.	1
7	Иван IV. Копейка мечевая. Москва. 1535–1538 гг.	31
8	Иван IV. Копейка. Новгород. 1535–1538 гг.	41
9	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547 г.	40
10	Иван IV. Копейка. Новгород. 1547–1584 гг.	6
11	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг.	2
12	Иван IV. Копейка. Новгород. 1550-е гг. – 1584 г.	2
13	Иван IV. Копейка. Новгород. 1560-е гг.	20
14	Иван IV. Копейка. Псков. 1535–1538 гг.	17
15	Иван IV. Копейка. Псков. 1547 г.	12
16	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг.	35
17	Иван IV. Копейка. Псков. 1560-е гг. – 1584 г.	23
18	Иван IV. Копейка. Псков. 1584 г.	1
19	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород (год ?)	44
20	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород 1535–1538 гг.	1
21	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород 1547 г.	1
22	Иван IV. Копейка. Псков или Новгород. После 1547 г.	24
23	Иван IV. Денга. Тверь. 1535–1538 гг.	2
24	Иван IV. Денга. Тверь. 1554 г.	1
25	Иван IV. Копейка. Новгород, подделка?	2

26	Федор Иванович. Денга. Москва. 1584–1594 гг.	3
27	Россия. Копейка. XVI век. Псков или Новгород	1
28	Россия. Копейка XVI века. Надпись стерта полностью	5
29	Россия (?). Копейка (?). Век?	1
30	Швеция. Иоанн III. 1568–1592. 1 фирк	1
ИТОГО		403

Таблица 3

**Распределение монет из раскопок 2011–2013 гг. городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий) по монетным дворам и годам**

№	Денежный двор	1462–1533	1535–1538	1547	1554	1560-е	1560–1584	1584	1584–1598	Всего
1	Россия кон. XV – XVI век	2								2
2	Псков		17	12		35	23	1		88
3	Новгород		41	40	2	20	8			111
4	Псков или Новгород									70
5	Иван IV. Москва		87	25	4					116
6	Иван IV. Тверь		2		1					3
7	Москва							3		3
8	Россия сер. XVI века									6
9	Россия XV–XVII века									1
10	Подделки									2
11	Швеция.						1			1
ИТОГО		2	147	77	7	55	31	1	3	403

Таблица 4

**Распределение монет из раскопок 2011–2013 гг. городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий) по городам и странам**

№	Место чеканки	Количество монет
1	Москва	121
2	Новгород	111
3	Псков	88
4	Псков или Новгород	70
5	Тверь	3
6	Швеция	1
7	Не определено	9
ИТОГО		403

Таблица 5

**Итоговые результаты распределения монет из раскопок 1990 и 2011–2013 гг.
городка Монкысь урий (городища Частухинский урий) по монетным дворам и годам**

№ п.п.	Правитель. Денежный двор	1462 – 1533	1535 – 1538	1542, 1547	1554	1560-е	1560 – 1584	1584	1584 – 1598	Всего по дворам
1	Иван III? Василий III?	3								3
2	Иван IV Псков		57	81		148	23	6		315
3	Иван IV Новгород		123	139	12	85	8	8		375
4	Иван IV Псков или Новгород									70
5	Иван IV Москва		104	104	4					212
6	Иван IV Тверь		2		1					3
7	Федор Иванович Москва								3	3
8	Россия XVI век									6
9	Россия. XV-XVII век									1
10	Подделки									2
11	Швеция						1			1
12	Неопределенные									247
ИТОГО		3	286	324	17	233	31	14	3	1238

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

МАТЕРИАЛЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.1

Д. Н. Ражев

канд. ист. наук, ведущ. науч. сотр. лаборатории антропологии и этнологии
ФГБУН ИПОС СО РАН г. Тюмень,
e-mail: rajevd0@gmail.com

О. Е. Пошехонова

науч. сотр. лаборатории антропологии и этнологии
ФГБУН ИПОС СО РАН г. Тюмень,
e-mail: poshehonova.olg@gmail.com

С. М. Слепченко

младш. науч. сотр. лаборатории антропологии и этнологии
ФГБУН ИПОС СО РАН г. Тюмень,
e-mail: s_slepchenko@list.ru

Е. А. Алексеева

младш. науч. сотр. лаборатории антропологии и этнологии
ФГБУН ИПОС СО РАН г. Тюмень,
e-mail: alekseeva.elena.ae@gmail.com

**Антропологическое исследование костных останков из раскопок
городка Монкысь урий (городища Частухинский урий).
1990, 2011–2013 годы**

В данном приложении представлены результаты исследования костных останков людей из погребений археологического памятника Частухинский урий (Монкысь урий), находящегося близ поселка Угут, в бассейне реки Большой Юган, в зоне компактного проживания юганских ханты.

Городок Монкысь урий был открыт в начале 1980-х годов местным краеведом П. С. Бахлыковым, основателем Угутского краеведческого музея. В 1984 году им были начаты несанкционированные раскопки этого памятника, которые велись на протяжении нескольких лет. Среди прочих объектов им были обнаружены коллективные погребения начала XVII века с богатым инвентарем, являющиеся частью ритуального комплекса и могильника Частухинский урий. Позднее городище раскапывалось школьниками и учителями Угутского интерната [Семенова, 1997. С. 152; 2000. С. 416; 2001. С. 5; Бахлыков, 2000. С. 98; Подвижник из Угута..., 2000. С. 98].

Первые обстоятельные научные раскопки укрепленного поселения и могильника были проведены в 1990–1991 годах¹ экспедицией Тюменского областного краеведческого музея (ТОКМ) под руководством В. И. Семеновой. Половозрастные определения полученных тогда костных останков были выполнены сотрудником Томского государственного университета (ТГУ) В. А. Дремовым. Результаты исследований и антропологических анализов подробно изложены в монографии В. И. Семеновой [2005].

Дальнейшие полевые исследования памятника осуществлены экспедициями ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством О. В. Кардаша (2011 г.), Н. В. Шатунова (2012 г.) и Г. П. Визгалова (2013 г.). Антропологические находки из этих раскопок до настоящего времени не анализировались.

Изучение антропологических материалов могильника и ритуального комплекса Частухинский урий из раскопок 1990-х и 2011–2013 годов позволило нам провести разностороннее антропологическое исследование локальной группы населения Большого Югана начала XVII века. Это дало новую информацию о санологическом состоянии и элементах физической деятельности населения, антропологическом облике и расогенетических связях палеопопуляции.

Исследование состоит из двух блоков. Первый включает в себя изучение патологий и травматических повреждений на костях, рассмотрение маркеров физической активности и остеологической конституции. Эти работы выполнены Д. И. Ражевым и С. М. Слепченко. В ходе изучения повреждений костей черепа мужчины из погребения 1 привлечены предварительные результаты трасологического анализа поверхностей срубов, проведенного научным сотрудником Лаборатории археологии естественнонаучных методов ИПОС СО РАН С. Н. Скочиной, за что авторы выражают ей огромную благодарность. Блок по изучению физического облика населения состоит из двух частей. Краниологический анализ, выполненный О. Е. Пошехоновой, органично дополнен графической реконструкцией лица по черепу мужчины из погребения 1 (Е. А. Алексеева).

Погребальные комплексы археологического памятника Частухинский урий представлены четырьмя захоронениями. Одиночное погребение 4, согласно В. И. Семеновой, вероятно, было совершено на самом раннем этапе функционирования поселения, относящемся к середине I – началу II тысячелетия [2005. С. 9]. Остальные три погребения (парное № 2 и коллективные №№ 1 и 3) были совершены в течение короткого периода, в начале XVII века, и так или иначе были связаны с военным разрушением укрепленного поселения [Семенова, 2005; Зыков, 2012. С. 119–120].

Антропологические материалы и их индивидуальная идентификация по погребениям представлены в таблице 1. Согласно опубликованным данным, в четырех раскопанных погребениях было захоронено 15–16 человек: в первом погребении – четыре или пять мужчин, две женщины, один ребенок; во втором погребении – две женщины; в третьем погребении – трое мужчин, одна женщина и один ребенок; в четвертом погребении – один ребенок. Отдельные кости, найденные вне этих комплексов, вполне могли принадлежать перечисленным индивидуумам из захоронений.

Анализируемые материалы. Исследованы антропологические останки, обнаруженные в результате раскопок археологического комплекса Частухинский урий в 1991, 2011, 2012 и 2013 годах.

Антропологические материалы из раскопок 1990-х годов, проведенных под руководством В. И. Семеновой [Семенова, 2005], хранятся в коллекции Кабинета антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ). Они имеют каталожные номера, согласно инвентарной краниологической коллекции. Материалы раскопок 2011–2013 годов, проведенных под руководством О. В. Кардаша, Н. В. Шатунова и Г. П. Визгалова [Кардаш, А–2012; Шатунов, А–2013; Визгалов, А–2014], хранятся в коллекции Зоологического музея Института экологии растений и животных (ИЭРиЖ) УрО РАН. Зарегистрированные материалы имеют номера хранения, согласно которым они обозначались при исследовании. Кости, еще не прошедшие музейную регистрацию, описывались по археологическим этикеткам.

Стандартно применяемое исследование антропологических останков по погребениям и индивидуумам было затруднено из-за разрушенности погребений. Кроме того, в археологических отчетах о раскопках городища Частухинский урий 2011–2013 годов [Кардаш, А–2012; Шатунов, А–2013; Визгалов, А–2014] не отражен контекст обнаружения костных останков человека и не приведена корреляция этих находок с вы-

¹ В действительности эти работы были выполнены в 1990–1992 годах. Впрочем, в единственном источнике о раскопках – научном отчете, написанном в 2002 году и хранящемся в архиве ИА РАН (Р–1. № 22661), указано, что они проведены в 1990 году. В монографии В. И. Семеновой [2005] время полевых исследований не уточнено (см.: глава 1.2). – В. Борзунов.

деленными В. И. Семеновой погребальными комплексами (погребения 1–4)². В ходе данного исследования соотношение антропологического материала с погребениями было проведено по археологическим этикеткам и представленным планам, насколько это оказалось возможным. Состав исследуемого материала, в соответствии с археологической локализацией, временем раскопок и местом хранения, представлен в таблице 2.

Описание антропологических останков. В ходе исследования антропологических остатков применялась комплексная методика. Определение половой принадлежности каждого индивидуума проводилось по его тазовым костям, черепу и нижней челюсти с использованием стандартных методик [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994]. В случае отсутствия этих элементов основой для половой идентификации служили результаты измерения длинных костей.

Для определения возраста смерти применялись визуальные макроморфологические методики. На черепе фиксировалось наружное зарастание швов по системе боковых точек и точек свода [Meindl & Lovejoy, 1985]. Степень стертости зубов регистрировалась по методикам М. М. Герасимова в модификации А. А. Зубова [1968] и О. Лавджоя [Lovejoy, 1985], основанных на разных темпах изнашивания жевательных поверхностей. Определения выполнялись отдельно для передних (резцы, клыки, предкоренные) и жевательных (моляров) зубов – из-за различных функций этих отделов. На посткраниальном скелете учитывались начало и степень прирастания эпифизов и апофизов [Bass, 1987; Добровольская, Сапин, 1993; Королюк, 1996], а также дистрофично-дегенеративные проявления [Рохлин 1965; Rogers, Waldron, 1994]. При определении возраста использовалось, по возможности, несколько независимых индикаторных систем.

Измерения черепов и длинных костей проводились по стандартным методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966]. Длины трубчатых костей реконструировались по формулам, приведенным Н. Н. Мамоновой [1968]. Рост реконструировался по формулам, выведенным М. Троттер и Г. Глезер и представленным в руководстве по остеологии для монголоидов [Алексеев, 1966]. Развитость костного рельефа по месту прикрепления мышц описывалась по методике Д. И. Ражева [2009].

В ходе исследования зубочелюстной системы рассматривались зубной камень, сколы эмали, кариес, верхушечный абсцесс, прижизненная утрата зубов и эмалевая гипоплазия [Бужилова, 1995]. Травмы на костном материале описывались в соответствии с руководствами судебной медицины [Судебная медицина..., 1990; Медико-криминалистическая..., 2000]. Исследование патологических проявлений проводилось на основании руководства по исследованию антропологических останков [Buikstra, Ubelaker, 1994; Ortner, Putschar, 1985].

Антропологические материалы, хранящиеся в коллекции кабинета антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ).

Инв. № 5222 в каталоге краниологической коллекции кабинета антропологии ТГУ. Погребение 1а.

Палеоантропологический материал представлен фрагментами черепа и нижней челюсти (рис. 4.1.11 – 1, 2). Поротический гиперостоз глазниц отсутствует. На костях исследованного черепа патологические изменения не зарегистрированы. Кариес не выявлен ни на одном из 11 сохранившихся зубов. Апикальные абсцессы также не обнаружены ни у одного из 16 зубов. Имеются слабые проявления эмалевой гипоплазии на резцах и клыках. При жизни человека ни один из 15 зубов не был утерян.

Определение половой принадлежности затруднено. Возраст смерти индивидуума – по степени стирания жевательной поверхности зубов – определен в промежутке 30–40 лет.

Инв. № 5223. Погребение № 16.

Сохранился целый череп с нижней челюстью (рис. 4.1.11 – 3). В процессе исследования была проведена частичная реставрация черепа (рис. 4.1.1 – 4; 4.4.2 – 1–4): кости свода черепа, лицевые кости были совмещены по соответствующим швам и скреплены мастикой (смесь воска и канифоли). Посмертная деформация костей свода черепа, произошедшая под давлением грунта, усилившаяся вследствие прижизненных разрывов костей, привела к тому, что после реставрации череп сохранил деформацию.

² Костные останки людей на памятнике Монкысь Урий отличались плохой сохранностью и были распространены в культурном слое по большей части дисперсно, а не находились в закрытых комплексах (погребениях). В связи с этим, а также в силу морфологической близости ряда костей человека и медведя, их идентификация археологами была бы крайне сложна. Все костные останки, обнаруженные в ходе раскопок 2011–2013 годов, направлялись для определения видового состава в Лабораторию палеоэкологии Института экологии растений и животных (ИЭРиЖ) УрО РАН (г. Екатеринбург). Предполагалось, что после завершения полевых работ в рамках данного монографического исследования, последние находки будут сопоставлены с остеологическими материалами исследований 1990 года. От этого анализа и совместной работы с археологами категорически отказался руководитель группы антропологов Д. И. Ражев, что и вызвало полное разногласие с авторами. Такой анализ выполнялся раздельно обоими научными коллективами и изложен в виде двух версий (см.: гл. 3.1 и прил. 4.1). – Г. В., О. К.

Поротический гиперостоз глазниц и лобной области отсутствует (0 баллов); на теменных и затылочной костях он проявляется минимально (1 балл). На твердом небе и альвеолярном отростке верхней челюсти поротические явления более выраженные. Незначительные линии эмалевой гипоплазии фиксируются на коронках резцов и клыков и отсутствуют на молярах. Кариес зубов не зафиксирован (24 зуба), апикальный абсцесс также не обнаружен (32 позиции). На резцах и клыках отложения зубного камня не зафиксированы. На молярах обеих челюстей отмечается умеренное отложение зубного камня (1–2 балла). Ни один из 32 зубов не был утерян при жизни.

Кроме естественных и случайных разрушений на черепе зафиксированы пять преднамеренных орудийных повреждений. Цвет и степень патинизации компактного и губчатого вещества на сохранившихся краях дефектов, а также на прилегающих участках поверхности черепа, не отличаются. Это абсолютно исключает их современное происхождение, например, от ударов лопатой. Кроме того, череп индивида «б» из погребения 1, судя по информации, представленной в отчете и монографии В. И. Семеновой, не был потревожен современным грабительским вкопом. Это также исключает разрушение черепа лопатой грабителей. Более того, по словам В. И. Семеновой, она производила расчистку черепа сама, аккуратно и уже тогда зафиксировала эти повреждения. Перечисленные выше особенности указывают на нанесение травмы перимортально: прижизненно либо сразу после смерти. Интерпретация данных дефектов опиралась на руководства по судебной медицине [Судебная медицина..., 1990; Медико-криминалистическая..., 2000].

Края всех повреждений были исследованы трасологически. Анализ проводился с помощью панкратического микроскопа МСП-1 с увеличением в 40 раз. Микрофотографии выполнены фотокамерой Canon EOS1100 на базе данного микроскопа (рис. 4.1.4 – 1–6). На краях дефектов зафиксированы пятна заполировки и участки с линейными следами. Морфология поверхности срубов и характер рассмотренного блока следов указывают на то, что они оставлены металлическим предметом с острым лезвием. Кроме того, направление линейных следов позволило установить угол вхождения данного предмета в кость. Результаты трасологического анализа учитывались при описании повреждений.

Повреждение 1 фиксируется на левой теменной кости, проходит практически от левого стеганиона в направлении стреловидного шва, к лямбде (рис. 4.1.2 – 3, 4; 4.1.3 – 1, 3–5). Повреждение представляет собой щелевидный дефект протяженностью 67 мм, проникающий в полость черепа на всем протяжении. Края дефекта очень ровные, расположены под прямым углом к поверхности черепа. Необходимо также отметить, что они частично разрушены тафономическими процессами. Угол краев дефекта относительно поверхности костей свода черепа – 80–90°. Края образуют плоскость. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на плоскости сруба коричневый, идентичный цвету прилежащей кости. Следы заживления отсутствуют. Оба конца повреждения продолжают трещинами. От фронтального конца отходит трещина протяженностью 22 мм, направленная к скуловой дуге. В 18 мм от дорсального угла повреждения отходит довольно длинная Г-образная трещина с отрезками длиной 76 и 21 мм, направленная к лямбде.

Совокупность характеристик повреждения указывает на то, что это – разруб, следствие ранения, нанесенного рубящим прямым плоским предметом по «сырой» (живой) кости. Трещины являются результатом отклонения лезвия наружу в момент удара, который был нанесен справа. При этом жертва и человек, наносивший удар, находились лицом друг к другу.

Повреждение 2 расположено в правой части чешуи лобной кости, параллельно правому отрезку венечного шва, в 1,6 см от брегмы и доходит до стеганиона (рис. 4.1.2 – 2–4; 4.1.3 – 5; 4.1.4 – 1). Повреждение представляет собой щелевидный дефект длиной 73 мм, проникающий в полость черепа на всем протяжении. Угол края дефекта относительно поверхности костей свода черепа острый – около 50°. Края образуют плоскость. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на плоскости сруба коричневый, идентичный оттенку прилежащей кости, поверхность патинизирована. Следы заживления отсутствуют. Медиальный и латеральный углы дефекта продолжают трещинами. Трещина, отходящая от медиального угла, направлена в переднем направлении, ее длина 17 мм. Латеральный конец дефекта продолжается трещиной длиной 27 мм, направленной к стениону. Зафиксирован крупный скол кортикального слоя с частью губчатого вещества на передней части рассеченной лобной кости размером 12×36 мм. Кроме этого, по всей длине фронтальной части повреждения зафиксировано отслоение кортикального слоя.

Характеристика дефекта позволяет однозначно интерпретировать его как разруб. Человек, наносивший удары, находился справа от жертвы, либо голова пострадавшего была повернута влево. При этом жертва

располагалась правой боковой поверхностью черепа к человеку, наносящему удар. Скол и отслоение кортикального слоя на передней части разруба являются следствием отклонения рубящего орудия в сторону фронтальной плоскости.

Повреждение 3. На черепе в левой боковой области мозговой коробки имеется крупное отверстие неправильной формы (67×39 мм) (рис. 4.1.2 – 3, 4; 4.1.3 – 1–3; 4.1.4 – 2, 3, 5). Оно затрагивает затылочную, левую височную и левую теменную кости. Дуга отлома начинается у левой аурикулярной точки, идет в переднезаднем направлении и заканчивается у верхней выйной линии. Задневерхний край отверстия ровный, образует плоскость, составляющую угол 50–60° с вертикальной лобно-затылочной (сагиттальной) плоскостью черепа. Задне нижний край отверстия имеет неровную поверхность и представляет собой последствие слома кости. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на плоскости сруба и на сломе коричневатый, идентичный цвету прилегающей кости, поверхность патинирована. Следы заживления отсутствуют.

Данное повреждение является последствием рубящего удара, в результате которого была практически отсечена часть левой теменной, затылочной и левой височной костей. В момент нанесения ранения дефект, вероятно, имел щелевидную форму. Фрагмент кости заднебоковой поверхности черепа отломился за счет отклонения рубящей плоскости наружу и впоследствии был потерян либо истлел в слое. Вероятно, удар был нанесен, когда пострадавший находился в положении лежа, лицом вниз. Человек, наносивший удар, располагался спереди и слева от головы пострадавшего.

Повреждение 4 локализовано у нижнего края предыдущего разруба на левой височной и затылочной кости (рис. 4.1.2 – 3, 4; 4.1.3 – 1, 2, 4, 3, 5; 4.1.4 – 2–4). Ввиду отсутствия фрагмента заднебоковой части черепа (отсеченный кусок в районе дефекта 3), сохранился лишь небольшой участок повреждения 4, который, несомненно, первоначально был длиннее. Повреждение изначально представляло собой дефект щелевидной формы, передний угол которого расположен на 1,2 см выше и дорзальнее дистальной части окружности наружного слухового отверстия. Протяженность горизонтально расположенного дефекта – 25 мм, направление – дорзальное. Левая часть чешуи затылочной кости не сохранилась, ввиду чего нет возможности реконструировать первоначальную длину повреждения. Тем не менее, вероятно, оно продолжалось до нижней выйной линии и шло практически параллельно разрубу 3.

Данное повреждение является следствием рубящего удара. Удар был также нанесен в положении, когда пострадавший, вероятно, находился лежа, лицом вниз. Человек, наносивший удар, располагался спереди и слева от головы пострадавшего.

Повреждение 5 локализовано на левой ветви и левой части тела нижней челюсти (рис. 4.1.2 – 3, 4; 4.1.3 – 1). Оно представляет собой прямое, вытянутое и узкое углубление длиной 15 мм. Дефект имеет наклонное переднезаднее направление и затрагивает только кортикальный слой наружной поверхности. Дистальный угол повреждения продолжается трещиной, протяженностью 28 мм, идущей параллельно нижнему краю левой половины тела нижней челюсти. Трещина определяется и на внутренней поверхности нижней челюсти. Цвет кости в углублении коричневатый, одинаковый с цветом прилегающих участков. Необходимо отметить, что кость в районе дефекта частично повреждена тафономическими процессами.

Морфология повреждения позволяет заключить, что оно является следствием рубящего удара, который был нанесен справа, когда противники располагались лицом к лицу. Ввиду того что поврежден лишь кортикальный слой наружной поверхности левой части тела нижней челюсти, удар оказался несильным и, вероятно, был нанесен острием оружия.

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 30–40 лет. Возраст определен по степени облитерации наружных швов черепа и стирания жевательной поверхности зубов.

На коренных зубах зафиксировано умеренное отложение зубного камня. Из патологических проявлений отмечено наличие разрубов на костях свода и лицевого отдела черепа. Характеристики щелевидных повреждений свода черепа позволяют однозначно идентифицировать их как разрубы, нанесенные плоским и относительно длинным предметом с прямым острым лезвием (сабля, кинжал, боевой рубящий нож). Трещины, отходящие от углов разрубов 1 и 2, указывают на значительную массу орудия. Представляется, что первым был сделан разруб 1, когда жертва и агрессор находились лицом друг к другу. Ввиду того, что череп не был рассечен при такой силе удара, можно полагать, что голова жертвы, которая находилась в вертикальном положении, не была плотно зафиксирована. Первый удар был нанесен с такой силой, что голову жертвы по инерции развернуло влево, при этом доступной для поражения оказалась правая боковая поверхность свода

черепа, по которой и был нанесен разруб 2. Два последующих ранения, вероятно, были нанесены после, когда жертва уже находилась в положении лежа, лицом вниз. При этом нападавший располагался спереди и слева от головы пострадавшего. Травма на нижней челюсти не была смертельной и, вероятно, была сделана в пылу поединка, не исключено, что она была первой.

Резюмируя сказанное, следует заключить, что ранения были получены мужчиной в бою. При этом уже после одного из первых ударов, который проник в полость черепа, когда человек не мог защищаться. Последующие удары были нанесены в течение короткого отрезка времени, вероятно, за несколько секунд. Два последних были сделаны уже тогда, когда жертва лежала в горизонтальной плоскости и лицом вниз. Совокупность ранений привела к повреждениям, несовместимым с жизнью. Следы заживления ни в одном из случаев не зафиксированы.

Морфология нанесенных ударов и особенно характер растрескивания кости (скол кортикального слоя с частью губчатого слоя вентральной части рассеченной лобной кости, Г-образный вид трещины разруба 1, слом кости разруба 3), указывают на то, что нападавший выполнял некоторую пронацию кисти и предплечья, что и привело к появлению типичных однонаправленных трещин. На основании этого можно предположить, что все разрубы могли быть нанесены одним человеком.

Инв. № 5224. Погребение № 1к. Палеоантропологический материал представлен частями черепа и нижней челюсти (рис. 4.1.5 – 1–3).

Поротический гиперостоз глазниц и лобной области отсутствует (0 баллов). На теменных и затылочной костях он проявляется минимально (1 балл). На твердом небе и альвеолярном отростке верхней челюсти порозные явления также минимальны (1 балл).

Незначительные линии (1 степень) эмалевой гипоплазии фиксируются в средней и окклюзионной частях коронки сохранившихся резцов и клыка и отсутствуют на молярах. Кариес зубов не зафиксирован (18 наблюдаемых зубов). Апикальный абсцесс также не обнаружен (32 позиции). На резцах и клыке отложения зубного камня не выявлены. На молярах обеих челюстей отмечается слабое отложение зубного камня (1 балл). Судя по сохранившимся альвеолярным отросткам челюстей, ни один из 32 зубов не был утрачен при жизни.

Останки, вероятно, принадлежат мужчине, умершему в возрасте 30–35 лет. Возраст определен по степени облитерации швов черепа и стирания жевательной поверхности зубов. Из патологических изменений следует отметить наличие зубного камня слабой степени развития на молярах.

Инв. № 5225. Погребение № 1л.

Палеоантропологический материал погребения представлен фрагментированными частями лицевого и мозгового отделов черепа и нижней челюсти (рис. 4.1.6 – 1–3).

Поротический гиперостоз глазниц отсутствует (0 баллов); на теменной и затылочной костях проявляется минимально (1–2 балла). Умеренно выражена порозность на твердом небе и слабая (1 балл) – на альвеолярных отростках челюстей. Незначительные линии (1 степень) эмалевой гипоплазии фиксируются в средних и верхушечных частях коронки резцов, клыков, премоляров и отсутствуют на молярах. Кариес не зафиксирован ни на одном из 19 сохранившихся зубов. Апикальные абсцессы также не обнаружены ни у одной из 22 лунок. На левых молярах нижней челюсти отмечается слабая выраженность зубного камня (1 балл). Один зуб (M³ пр) из 32 был утрачен при жизни.

Останки, вероятно, принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35–50 лет. Возраст определен по степени облитерации швов черепа и стирания жевательной поверхности зубов. Из патологических проявлений зафиксированы прижизненный заживший перелом костей носа, наличие зубного камня на молярах нижней челюсти и прижизненная утрата одного зуба.

Инв. № 5226. Погребение № 1м.

Антропологический материал составляют мозговая коробка и фрагменты нижней челюсти (рис. 4.1.7 – 1–3).

Выявлен слабый поротический гиперостоз правой глазницы (1 балл), на теменных и затылочной костях проявления умеренные (2 балла). Незначительные линии (1 степень) эмалевой гипоплазии фиксируются в средней и окклюзионной частях коронки клыков нижней челюсти. На других зубах выраженность эмалевой гипоплазии определить не удается ввиду значительного посмертного разрушения эмали. Кариес не зафиксирован ни на одном из 14 сохранившихся зубов. Апикальные абсцессы также не обнаружены ни у одной из 16 лунок. Зубной камень на зубах нижней челюсти отсутствует. Ни один из 14 зубов не утрачен при жизни.

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35–50 лет. Возраст определен по степени облитерации швов черепа и стирания жевательной поверхности зубов. Патологические изменения на костных элементах не обнаружены.

Инв. № 5227. Погребение № 2а.

Палеоантропологический материал представлен мозговой капсулой, фрагментами лицевого скелета и нижней челюсти (рис. 4.1.8 – 1–4).

Кариес не зафиксирован ни на одном из 4 зубов. Апикальные абсцессы также не выявлены ни у одной из 6 альвеол. На первом левом моляре верхней челюсти отмечается слабая выраженность зубного камня (1 балла). 7 зубов на нижней челюсти были утрачены при жизни. Из патологий следует отметить наличие зубного камня на левом М¹. Паротический гиперостоз левой глазницы слабый (1 балл), правой – средний (1–2 балла); на теменных и затылочной костях проявляется минимально (1–2 балла). Слабо выражена порозность на твердом небе и альвеолярных отростках верхней челюсти.

Правый сосцевидный отросток отчленен (рис. 4.1.8 – 2). Поверхность отчленения гладкая, ровная, обнажены ячейки сосцевидного отростка. Цвет компакты кости места сруба, ячеек сосцевидного отростка и окружающей кости светло-коричневый, поверхность патинизирована, что может указывать на нанесение травмы перимортально. Эти же признаки исключают его современное происхождение, например от ударов лопатой. Повреждение представляет собой плоский сруб, без проникновения в мозговую полость. Площадь обнаженной в результате сруба ячеистости сосцевидного отростка – 18×12 мм. Угол краев сруба относительно поверхности правой височной кости равен 120–130°. Трещины отсутствуют, следы заживления не отмечены.

Характеристика повреждения позволяет заключить, что оно является следствием рубящего удара. Последний был нанесен, когда пострадавшая находилась лежа, лицом вниз, либо когда ее голова находилась на уровне или несколько ниже пояса нападавшего. Человек, наносивший удар, находился сзади и несколько слева от жертвы. Судя по расположению плоскости, удар пришелся на шею справа, при этом был отсечен и сосцевидный отросток. Это произошло при жизни либо сразу после смерти.

Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 45–55 лет. Из патологических проявлений отмечено наличие зубного камня на жевательных зубах и ранение правой височной кости. Повреждение сосцевидного отростка является последствием рубящего удара. Учитывая детали ситуации нанесения ранения, более вероятным представляется интерпретация этого случая как экзекуции (казнь, ритуальные действия).

Инв. № 5228. Погребение № 2б.

Палеоантропологический материал представлен целым черепом с нижней челюстью (рис. 4.1.8 – 4; 4.1.9 – 1, 2).

Паротический гиперостоз глазниц отсутствует; на теменной и затылочной костях проявляется минимально (1 балл). Кариес не зафиксирован ни на одном из 26 зубов. Апикальные абсцессы также не обнаружены ни для одной из 32 лунок. Отмечается значительная выраженность отложений зубного камня на молярах обеих челюстей (2 балла), больше на левых зубах. На резцах зубной камень отсутствует. На клыках и премолярах степень развития зубного камня слабая (1 балл). Из 32 наблюдаемых позиций зубов утраченных при жизни нет.

Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 35–45 лет. Возраст определен по степени облитерации швов черепа и стирания жевательной поверхности зубов. Из патологических проявлений отмечено наличие зубного камня на зубах.

Инв. № 5229. Погребение № 3.

Палеоантропологический материал погребения представлен фрагментами лицевого и мозгового отделов черепа (рис. 4.1.9 – 3, 4; 4.1.10 – 1, 2).

Паротический гиперостоз глазниц отсутствует. Кариес не зафиксирован ни на одном из 18 сохранившихся зубов. Апикальные абсцессы также не обнаружены ни у одной из 23 альвеол. Отмечается значительная выраженность отложений зубного камня на молярах верхней челюсти слева (2 балла). На резцах, клыках и премолярах выраженность отложений зубного камня умеренная (1 балл). Зубов, потерянных при жизни, нет (23 наблюдаемые позиции).

Останки принадлежат, вероятно, женщине, умершей в возрасте 18–22 года. Возраст определен по степени стирания жевательной поверхности зубов. Из патологических проявлений отмечено наличие зубного камня на зубах.

Антропологические материалы, хранящиеся в коллекции Зоологического музея Института экологии растений и животных (ИЭРиЖ) УрО РАН.

№ 353³ 2012 г. Участок П/50 ур. 40.90–41.10

Фрагмент левой лопатки (рис. 4.1.12 – 1, левый). Разрушение произошло в ходе естественных процессов. Состояние компакты дефинитивное. Останки принадлежат взрослому человеку.

№ 355. 2012 г. Участок П/50 ур. 40.90–41.10

Фрагмент левой лопатки (рис. 4.1.12 – 1, правый). Разрушение произошло в ходе естественных процессов. Состояние компакты дефинитивное. Может относиться к той же кости, что и фрагмент лопатки № 353. Останки принадлежат взрослому человеку.

№ 379. 2011 г., раскоп 3 – 1990 г. переотложенный слой.

Левая плечевая кость, диафиз с разрушенными эпифизами (рис. 4.1.12 – 2). Разрушение произошло в ходе естественных тафономических процессов. Состояние компакты дефинитивное. Все элементы проксимального и дистального эпифизов приросли. Места прикрепления мышц – дельтовидной, большой грудной и большой круглой – развиты хорошо (22); длинного лучевого разгибателя запястья – очень хорошо (22+), клювовидно-плечевой мышцы – слабо (11). Размер bh – 259 мм, что соответствует наибольшей длине (Н1) – 317–327 мм; размер da – 281 мм, что соответствует наибольшей длине (Н1) – 314–321 мм. Таким образом, реконструируемая длина кости находится в пределах 317–321 мм.

Останки принадлежат взрослому человеку. Хорошо развитый рельеф прикрепления мышц и значительный – для аборигенного населения севера Западной Сибири – размер дают основание определить пол индивидуума как, вероятно, мужской. Реконструируемый рост индивидуума – 168–169 см.

№ 450. 2012 г., раскоп 4 – 1990 г. переотложенный слой.

Правая бедренная кость, диафиз с разрушенными эпифизами (рис. 4.1.12 – 3). Разрушение произошло в ходе естественных тафономических процессов. Состояние компакты дефинитивное. Все элементы проксимального эпифиза полностью приросли. Места прикрепления мышц к латеральной губе пилыстра развиты хорошо (22), большой ягодичной мышцы – очень хорошо ([–1]22), а мышц медиальной губы пилыстра – умеренно (21). Размер ak – 365 мм, что соответствует естественной длине бедра (F2) – 405–411 мм.

Останки принадлежат взрослому человеку. Пол неопределим. Реконструируемый рост: 160 см – для мужчины и 155 см – для женщины.

№№ 622, 692–702. 2013 г., Участок У/52 ур. 40.30.

Палеоантропологический материал представлен крупными и мелкими фрагментами мозговой коробки, а также верхнечелюстными костями (рис. 4.1.11 – 1). Обломки имеют сходную окраску, стыкуются друг с другом в двух- и трехчастные комплексы. На основании этого полагается, что все части происходят от одного черепа и могут рассматриваться как один объект. Фрагментация естественная. Следы преднамеренных повреждений не обнаружены.

Состояние костей дефинитивное, размеры – взрослые. На лобных костях фиксируется полный метопический шов, зарастание которого не началось.

Кариес не зафиксирован ни на одном из 9 зубов. Апикальный абсцесс также не обнаружен ни у одного из 14 зубов. Ни один из 14 зубов не был утрачен при жизни. На костях исследованного черепа патологические изменения не зарегистрированы.

Определение половой принадлежности останков затруднено. Возраст умершего, исходя из степени стирания жевательной поверхности зубов, определяется в пределах 20–30 лет.

№ 703. 2013 г., участок Т/51 ур. 40.42.

Палеоантропологический материал представлен нижней челюстью. По размерам и степени стирания зубов соответствует черепу № 622, 692–670 из раскопа 8.4.

Один сохранившийся зуб без следов кариеса. Апикальный абсцесс также не обнаружен ни у одного из 14 зубов. При жизни были утрачены 2 зуба: правый М₁ и левый М₂, из 16.

Возможно, что нижняя челюсть относится к тому же скелету, что и череп № 622, 692–670. Нижняя челюсть принадлежит мужчине, умершему в возрасте 20–35 лет.

Без шифра. 2011 г., раскоп 1 – 1990 г. переотложенный слой.

³ Здесь и далее номер шифра или указание «без шифра» дано по описи Зоологического музея ИЭРиЖ г. Екатеринбург.

Лучевая кость. Диафиз правой кости. Разрушение костей естественного происхождения. Костная ткань дефинитивная.

Локтевая кость. Диафиз правой кости. Разрушение костей естественного происхождения. Костная ткань дефинитивная.

Тазовые кости. Фрагмент правой подвздошной кости с частью вертлужной впадины. Состояние кости дефинитивное.

Все останки могли принадлежать одному взрослому индивидууму.

Без шифра. 2011 г., раскоп 2 – 1990 г. переотложенный слой.

Череп. Фрагмент правой верхней челюсти (рис. 4.1.11 – 2). Степень стирания зубов (по Герасимову / по Лавджою): M1 – 2/E, M2 – 1/E. Возраст, соответствующий степени стирания по Герасимову: MM – 18–20 лет; по Лавджою: MM – 24–30 лет. Кариес не зафиксирован ни на одном из двух зубов. Апикальный абсцесс также не обнаружен ни у одного из 8 зубов. Ни один из 8 зубов не был утрачен при жизни. Верхняя челюсть принадлежала человеку, умершему в возрасте 18–30 лет.

Позвоночник. Грудные позвонки: три позвонка нижнего отдела и сильно разрушенное тело еще одного позвонка. Межпозвоночные поверхности в завершающей стадии формирования. На верхней поверхности одного позвонка (из одного наблюдаемого) имеется крупная центральная депрессия (рис. 4.1.11 – 3). На задних поверхностях трех остальных позвонков также имеются крупные центральные депрессии (рис. 4.1.11 – 4).

Поясничные позвонки. Один фрагмент тела. Межпозвоночные поверхности в завершающей стадии формирования.

Крестец. Первый позвонок. Межпозвоночные поверхности в завершающей стадии формирования. Степень срастания с другими позвонками неясна из-за разрушений.

Все позвонки могут принадлежать одному человеку, умершему в возрасте 20–25 лет.

Лопатка. Фрагмент правой кости. Состояние компакты дефинитивное. Кость принадлежала взрослому человеку.

Ключица. Фрагмент левой кости. Состояние компакты дефинитивное. Кость принадлежала взрослому человеку.

Плечевые кости. Диафизы с разрушенными проксимальными и дистальными эпифизами. Две левых и три правых кости (рис. 4.1.12 – 4). Разрушение костей естественного происхождения. Компакта во всех случаях дефинитивная. На двух костях (правых) место прикрепления широчайшей мышцы спины развито значительно (22+ и 32+), место прикрепления большой грудной мышцы – очень хорошо (22+). Кости принадлежат, как минимум, трем взрослым людям.

Локтевые кости. Диафизы с разрушенными проксимальными и дистальными эпифизами. Одна левая и две правых кости (рис. 4.1.12 – 5). Разрушение костей естественного свойства. Компакта во всех случаях дефинитивная. На одной кости (правой) место прикрепления плечевой мышцы развито очень хорошо (22+). Кости принадлежали, минимум, двум взрослым людям.

Лучевые кости. Два диафиза с разрушенными проксимальными и дистальными эпифизами. Одна кость правая, сторону второго элемента определить затруднительно. Разрушение костей естественного происхождения. Компакта во всех случаях дефинитивная. Кости принадлежали взрослым людям.

Тазовые кости. Фрагмент правой подвздошной кости с частью вертлужной впадины. Состояние кости дефинитивное. Кость принадлежала взрослому человеку.

Бедренные кости. Разрушенные диафизы левой и правой костей (рис. 4.1.12 – 6). Кости близки друг другу по размерам и морфологическому строению. Могли принадлежать одному индивидууму. Разрушения носят естественный характер, поверхностный слой во многом утрачен. Пилястр выражен очень хорошо. Дистальные и проксимальные эпифизы приросли. Длина кости (F2) – 385 мм (размер взят обобщенно для обеих костей). Кости могут принадлежать одному индивидууму. Пол его – не определен, возраст – взрослый. Реконструируемый рост: 156 см – для мужчин и 150 см – для женщин.

Большеберцовые кости. Имеются фрагментарные диафизы трех левых и четырех правых костей (рис. 4.1.12 – 7). У всех элементов в значительной степени разрушены проксимальные и дистальные эпифизы. Компакта всех костей имеет дефинитивное состояние. В двух случаях (на левой и правой костях), фиксируется полное прирастание дистальных эпифизов. На двух костях (левой и правой) место прикрепления

камбаловидной мышцы развито очень хорошо (22+), на другой кости (правой) – значительно (32+). Кости принадлежали, как минимум, четырем взрослым индивидуумам.

Малоберцовые кости. Диафиз с разрушенными проксимальными и дистальными эпифизами. Разрушение костей естественного происхождения. Компакта – дефинитивная. Кость принадлежала взрослому человеку.

Таранная кость. Фрагмент правой кости. Разрушение костей естественного происхождения. Костная ткань дефинитивная. Кость принадлежала взрослому человеку.

Пяточная кость. Фрагмент правой кости. Разрушение костей естественного происхождения. Костная ткань дефинитивная. Кость принадлежала взрослому человеку.

Останки относятся, как минимум, к четырем взрослым людям. Один или два из них умерли в молодом возрасте: 20–25 и 20–30 лет. По меньшей мере, у двух индивидуумов наблюдается значительное развитие костно-мускульного рельефа, свидетельствующее о напряженной, периодической физической активности, связанной с резкими движениями. Это косвенным образом указывает на мужскую принадлежность останков, по меньшей мере, двух индивидуумов. Реконструируемый рост одного из умерших мужчин составлял 156 см.

Без шифра. 2011 г., раскоп 1 – 1990 г. переотложенный слой..

Грудные позвонки. 1 фрагмент дуги. Состояние костной ткани и размер дефинитивные. Кость принадлежала взрослому индивидууму.

Лопатка. Фрагмент правой кости. Состояние костной ткани и размер дефинитивные. Кость относилась к взрослому индивидууму.

Заключение по описанию антропологических останков. В ходе работ были исследованы 52 остеологических объекта: единых и многофрагментных костей человека, составляющих антропологическую коллекцию. Половозрастное определение исследованного материала дано в таблице 3.

Анализируемый материал представлен разрозненными костями. Это создает непреодолимые трудности для однозначного определения половозрастного состава умерших. Тем не менее нами – с учетом привязки к погребальным комплексам – было установлено вероятное количество индивидуумов, которым могли принадлежать данные костные останки.

Из погребения 1 происходят фрагменты черепов пяти взрослых человек: четырех мужчин и одного индивидуума, пол которого не установлен. Посткраниальные элементы, происходящие из комплексов, ассоциированных с этим погребением, ничего нового к описанному по черепам половозрастному составу не добавляют.

Из погребения 2 происходят краниологические останки двух взрослых женщин. Антропологический материал из отвала, ассоциированного с этим погребением, достоверно содержит останки еще четырех индивидуумов. Двое из них, вероятно, мужчины. Кроме того, имеются фрагменты черепа человека, умершего в возрасте 20–30 лет. Это полностью противоречит археологическим данным, так как погребение 2 содержало скелеты двух женщин, располагавшихся *in situ*. Вероятнее предположить, что кости из этого отвала могли происходить не только из погребения 2, но и из других захоронений. Упомянутые фрагменты черепа не подходят ни к каким другим краниологическим останкам.

Из погребения 3 происходят фрагменты черепа молодой женщины. Посткраниальные элементы из отвалов, связываемых с этим погребением, не несут новой информации.

С участка У/52, 2013 года, происходят краниологические останки, которые не могут относиться ни к одному из описанных черепов из погребений 1, 2, 3 и отвала. Они принадлежат мужчине, умершему в возрасте 20–35 лет.

Учитывая совокупность антропологических и археологических данных, исследуемый антропологический материал может содержать останки, как минимум, 10 индивидуумов. В том числе:

- четырех взрослых мужчин и одного взрослого индивидуума с неустановленным полом из погребения 1;
- двух взрослых женщин из погребения 2;
- одной молодой женщины из погребения 3;
- одного молодого мужчины (отвал);
- одного взрослого мужчины (раскоп 8.4).

Согласно исследованиям В. И. Семеновой, в четырех раскопанных погребениях было захоронено 15–16 человек:

- погребение 1 (начало XVII века) – четыре или пять мужчин, две женщины, один ребенок;
- погребение 2 (начало XVII века) – две женщины;

- погребение 3 (начало XVII века) – трое мужчин, одна женщина и один ребенок;
- погребение 4 (середина I – начало II тысячелетия) – один ребенок.

Сопоставление этих списков показывает, что к настоящему времени сохранилось весьма ограниченное количество антропологического материала. Кроме того, соотнесение проанализированных нами костных останков с установленными погребениями и скелетами в большинстве случаев оказывается невозможным (см.: табл. 2).

Тем не менее половозрастной состав исследованных останков – взрослые мужчины и женщины, а также связь или ассоциация его с погребениями 1, 2, 3, дают все основания полагать, что они относятся к захоронениям начала XVII века. Согласно этому, мы будем рассматривать их как единый комплекс, отражающий группу автохтонного населения, проживавшего на этой территории в данное время.

Продольный размер длинных костей конечностей был установлен в трех случаях (№ 379, ИЭРиЖ; № 450, ИЭРиЖ; 2011 г., раскоп 2 – 1990 г., отвал, ИЭРиЖ). При этом только в одном из них (№ 379, ИЭРиЖ) удалось определить пол останков – мужской. По этой причине реконструируемый нами рост оказывается очень условным. Для мужчин он, вероятно, составлял 156, 160 и 169 см, для женщин – 150 и 155 см.

Данные по современному хантыйскому населению показывают, что средний рост мужчин равняется 159 см, женщин – 150 см [Козлов, Вершубская, 1999]. Реконструированный рост северных ханты из могильника Халас-Погор XVIII–XIX веков составляет 161 см для мужчин и 147 см – для женщин [Федосова, 1988; Алексеева и др., 1988]. Таким образом, размеры двух индивидуумов с неустановленным полом вполне соответствуют обычным размерам автохтонного населения. Рост же мужчины, вероятно, из 3 погребения, по меркам Западной Сибири, оказывается очень большим.

В рассматриваемой группе заболевания, определяемые недостатком питания, проявляются в малой степени. Проявления малокровия в умеренной степени выявлены только у одного (№ 5226) из девяти индивидуумов. Значительная линейная гипоплазия эмали зубов, возникающая в период истощения, не была обнаружена ни разу.

Неплохо обстоит дело и с зубным здоровьем. Кариез и апикальный абсцесс не были выявлены ни у одного человека. Прижизненная утрата зубов наблюдалась у трех (№№ 5225, 5227 и 703) из девяти исследованных индивидуумов. Во всех трех случаях потери связаны с молярами – жевательными зубами. Наиболее распространенной патологией был зубной камень, локализовавшийся преимущественно на молярах, который был обнаружен у пяти из восьми человек. Между тем он имел незначительную выраженность.

На трех черепах из девяти зафиксированы травмы, соответствующие межличностным агрессивным действиям. На черепе мужчины № 5225 зафиксирован заживший перелом костей носа, возникший в результате бытовой ссоры, боевого ранения или несчастного случая. На черепе мужчины № 5223 выявлены более серьезные и многочисленные ранения. Их пять, при этом все они нанесены плоским орудием с острым лезвием и острием (сабля, кинжал или боевой рубящий нож). Два удара, проникшие в полость черепа, и один, повредивший нижнюю челюсть, по всей вероятности, были нанесены в бою. Два других удара, отсекавшие часть кости за левым ухом, могли быть нанесены по обездвиженному человеку и имели целью «отсечение косы» в качестве трофея [Ражев, Пошехонова, 2009]. Мужчина не пережил схватки, в ходе которой были получены эти раны. На черепе зрелой женщины № 5227 также обнаружено отсечение кости за левым ухом. Как и в предыдущем случае, это могло быть связано с получением трофея. Смерть женщины наступила незадолго до этого ранения или вскоре после него⁴.

На костях посткраниального скелета отмечены единичные патологии. На позвонках (2011 год, раскоп 2, – 1990 года, переотложенный слой), вероятно, принадлежащих одному человеку, были обнаружены признаки остеохондроза (узлы Шморля), вызванные надпороговой компрессией позвоночника.

Реконструкция кинетических схем регулярной двигательной активности для рассматриваемой группы людей крайне затруднена, в связи с отсутствием как полных скелетов, так и целых костей. Доступные для исследования фрагменты позволяют сделать только общие заключения.

На большинстве длинных костей рук и ног имеются места прикрепления мышц со значительным и экстремальным развитием. Причем наиболее выражены морфологические признаки – энтесопатии, соответ-

ствующие резким, скоростным движениям. Преобладание в физической активности резких движений со значительной энергией указывает на то, что в жизни исследуемых людей важное место занимал экстремальный род деятельности, предполагавший внезапные большие физические усилия. Этому соответствует и надпороговые патологии позвоночника. Таким видам деятельности соответствуют спортивные состязания, охота на крупного зверя и, конечно, боевые действия.

Краниологическое исследование. Материалы, полученные в ходе раскопок погребений могильника начала XVII века Частухинский урий на реке Большой Юган, пополнили базу данных по автохтонному населению Среднего Приобья нового времени. Судя по археологическим и этнографическим источникам, этот памятник однозначно ассоциируется с восточными ханты [Семенова, 2005]. Тем не менее без тщательного краниологического анализа палеоантропологических материалов, направленного на установление генетических связей изучаемого населения и его таксономического положения в системе расовых типов, эти дефиниции недостаточно обоснованы.

В исследовании применялась стандартная для отечественной антропологии методика [Алексеев, Дебец, 1964], дополнительно вычислялся угол поперечного изгиба лба [Гохман, 1961], а также использовались несколько индексов [Дебец, 1968]: указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ), условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), модули профилированности переносья (МПП) и лица (МПЛ) [Гохман, 1980]. Межгрупповое сопоставление проводилось с использованием канонического анализа. Анализ и обработка данных проводились в программе STATISTICA 6.1, с учетом методических рекомендаций В. Е. Дерябина. Кроме этого, была применена программа канонического анализа, разработанная Ю. К. Чистовым (версия 1994 года).

Для краниологического анализа из всего материала могильника Частухинский урий оказались пригодны только семь черепов из захоронений 1, 2 и 3 (раскопки В. И. Семеновой). Черепа остальных погребенных сильно фрагментированы, в силу чего их краниоскопическое исследование не проводилось. Наиболее полными оказались данные по мужскому черепу «б» из погребения 1 и женскому черепу «б» из захоронения 2. Остальные индивиды охарактеризованы отдельными измерениями (табл. 3).

Таким образом, для изучения локальной группы в целом мы могли апеллировать весьма малочисленными данными по четырем мужским черепам. Краниологическое исследование на индивидуальном уровне показало, что по основным характеристикам и пропорциям, с учетом половых различий, мужские и женские черепа очень близки друг другу (табл. 3). Для увеличения численности наблюдений и тем самым – для усиления достоверности выводов, метрические данные по женским черепам были трансформированы в мужские с помощью общемировых коэффициентов полового диморфизма. Обоснованность такого действия подтвердили малые значения статистических отклонений практически по всем измерениям. В итоге, серия, состоящая из четырех мужских и трех условно мужских черепов, характеризуется следующими параметрами.

Низкая мозговая капсула средней ширины и длины, по черепному указателю на границе субдолихокрании и мезокрании. Лоб узкий, весьма наклонный, в горизонтальной плоскости профилирован хорошо. Мезопрозопное лицо низкое, широкое в нижней части и узкое на уровне орбит. Лицевой скелет на верхнем уровне профилирован хорошо, на среднем – уплощен. В вертикальной плоскости лицо прогнатное, в альвеолярной части – гиперпрогнатное, однако по указателю выступления лица для него характерна мезогнатия. Орбиты средней ширины и высоты, по пропорциям – мезоконхные. Грушевидное отверстие узкое и низкое, характеризуется мезоринией. Хорошо профилированное переносье – узкое и средневысокое, при этом угол выступления носовых костей очень малый. Нижняя челюсть короткая и широкая, передняя ширина и толщина тела средние. Высота и ширина ветви средние, угол ветви малый (табл. 3).

Судя по отмеченным морфологическим особенностям, группа занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами, на это же указывают величины УЛС и ПФЦ. По уплощенности лицевого скелета серия тяготеет к классическим монголоидным выборкам, а по особенностям строения мозговой капсулы – к европеоидным. В результате условная доля монголоидного элемента составила 60,7%. Необходимо отметить, что особенности профилировки переносья и лба по отдельности помещают исследуемую группу довольно близко к «чистым» европеоидам, однако уплощенное лицо и угол выступления носа тянут ее к «чистым» монголоидам. Зафиксированное для серии из Частухинского урия сочетание хорошо профилированного переносья, малого угла выступления носа, низкого лица и черепа с субдолихокранной коробкой характерно для западносибирских низколицых монголоидов [Дремов, Багашев, 1998б].

⁴Позиция антропологов относительно повреждений на черепе и причины смерти мужчины из погребений могильника Частухинский урий не совпадает с данными авторов монографии. Интерпретация порубленных черепов как сабельных подвержена критике в главе 3 настоящей монографии. – Г. В., О. К.

Данные для проведения внутригруппового исследования серии из Частухинского урия недостаточны. Тем не менее небольшие величины статистических отклонений практически по всем измерениям при столь малом количестве наблюдений указывают на относительное однообразие краниологических характеристик черепов исследуемой выборки.

Для выяснения генетических связей целесообразно сопоставить исследуемую группу с данными по средневековым могильникам из Среднего Приобья. В настоящее время имеются сведения по трем представительным выборкам, датирующимся временем от VI до XX веков: это серии из могильников Сайгатинских, Барсовских и Усть-Балыка. Выборку из Частухинского урия от средневековых среднетаежных выборок отличают меньшие высотные характеристики лицевого скелета и относительно более уплощенное на нижнем уровне лицо (табл. 4). По остальным параметрам она не выходит за пределы изменчивости представленных групп. Наиболее близкими ей по абсолютным показателям, указателям и индексам являются группы черепов из Сайгатинских могильников [Багашев, Пошехонова, 2007], причем для поздней сайгатинской выборки X–XV веков можно отметить усиление сходства. Необходимо также заметить, что некоторые особенности профилировки перенося и лба сближают исследуемую выборку с черепами VIII–XV веков с Барсовой Горы [Пошехонова, 2010].

Для выявления направления расогенетических связей популяции, особенности изменчивости географически широкого круга средневековых групп и выборки начала XVII века из Частухинского урия были исследованы с помощью канонического анализа. Привлечены данные по средневековым сериям европеоидного облика и смешанного типа из Приуралья, по монголоидно-европеоидным выборкам Казахстана, Западной и Южной Сибири и по западносибирским монголоидам (табл. 5). Данные по приуральским средневековым выборкам взяты для сопоставления, потому что в морфологическом облике населения с Частухинского Урия зафиксированы отдельные европеоидные признаки. Исследователи отмечают, что формирование племен в Приуралье проходило на базе местного, в основном европеоидного населения раннего железного века, при незначительном влиянии пришлых групп различного облика с юга и востока. При этом участие западносибирских племен в расообразовательных процессах, имевших место на территории Приуралья, пока дискуссионно [Алексеев, 1969; Акимова, 1968; Ефимова, 1991; Давыдова, 1989].

Величины нагрузок на первые два фактора, описывающих 42,7% изменчивости в данной совокупности групп, показывают, что по I каноническому вектору (КВ) наибольшие значения характерны для черепов с небольшим продольным диаметром, широким лицом и низким переносом (табл. 6). По II КВ максимальные нагрузки приходятся на высокие черепа с узким переносом и большим углом выступания носовых костей. Иными словами, группы разделились по степени выраженности монголоидных или европеоидных особенностей в строении черепов. Необходимо отметить, что на графике 1, построенном по результатам канонического анализа, группировка серий, за некоторым исключением, имеет четкую географическую приуроченность. Выделяются четыре скопления: выборки из подтайги и южной тайги Западной Сибири; из среднетаежной части Западной Сибири; из степи и лесостепи Западной и Южной Сибири; из Приуралья.

Европеоидные серии из Приуралья, дистанцируясь от разнотипных, монголоидных в основе популяций, сгруппировались в отдельное скопление и расположились на значительном расстоянии от остальных выборок. Двумя многочисленными группами сконцентрировались европеоидно-монголоидные метисные серии (степи и лесостепи Западной, Южной Сибири и Казахстана, за исключением серии из Замараевского могильника и сборной по северным башкирам, которые происходят из Приуралья) и популяции низколицых западносибирских монголоидов, происходящие из подтайги и южной тайги Западной Сибири.

Выборки из среднетаежной части Западной Сибири, в том числе и исследуемая популяция из Частухинского урия, расположились относительно далеко друг от друга и на большом расстоянии от остальных скоплений. В настоящее время доказана их близость современным представителям субугорской группы популяций, также как и они, средневековые популяции в совокупности имеют довольно большой размах изменчивости [Пошехонова, 2006; 2010; Багашев, Пошехонова, 2007]. Среди исследуемых средневековых групп черепа этих серий отличаются очень малым высотным диаметром, широким переносом и малым углом выступания костного носа. При этом, судя по расположению в поле графа, в морфологическом облике населения сайгатинской и усть-балыкской палеопопуляций больше сходных черт, барсовогорская серия дистанцировалась от них за счет долихокранности, более высокого и узкого лица. Серия из Частухинского урия не выходит за пределы изменчивости северной группы западносибирских монголоидов и по морфологическим характеристикам занимает

промежуточное положение между указанными выборками. Таким образом, некоторые европеоидные признаки, зафиксированные в облике населения Частухинского урия, не складываются в реальные морфологические комплексы. Возможно, это обусловлено малочисленностью наблюдений внутри группы. Поэтому по имеющимся материалам нет оснований говорить о миграциях населения в эпоху средних веков из Приуралья в Западную Сибирь или наоборот.

Можно заключить, что индивиды, захороненные в погребениях Частухинского урия, генетически тесно связаны с племенами предшествующего периода из Среднего (Сургутского) Приобья. Кроме того, судя по полученным данным, расогенез на этой территории от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом.

Обязательно нужно рассмотреть положение на графике групп из подтаежной и южно-таежной зоны Западной Сибири, связанных в генезисе с популяциями обь-иртышского антропологического типа. Это выборки из селькупских могильников Молчаново, Тискино, Алдыган, серия по усть-ишимской культуре, близкая к ней серия из Красноярского археологического комплекса, соотносимые с тоболо-иртышскими татарами, группы из могильников тюрок Томской области Астраханцево и Басандайка, а также сборная серия по верхнеобской культуре, тяготеющая к селькупам и тюркам [Багашев, 2001; 2003; Дремов, 1967; Чикишева, Ким, 1988; Ким, 1988; Пошехонова, 2011а; 2011б]. Судя по расположению этих серий на графике, можно заключить, что они обладают своеобразием, за счет которого довольно сильно отличаются от остальных популяций, а размах их изменчивости в совокупности гораздо меньше, чем у средневековых среднетаежных западносибирских низколицых монголоидов. Близость к скоплению групп европеоидно-монголоидного метисного облика из Южной Сибири, Западной Сибири и Казахстана демонстрирует участие в сложении их антропологического типа смешанного компонента, но в очень небольшой степени.

Смешанные европеоидно-монголоидные серии из степи и лесостепи последних территорий в основном относятся к различным вариантам сроткинской археологической культуры и связываются с южносибирским антропологическим типом [Дебец, 1948; Гинзбург, 1963; Алексеев, 1958; 1963; 1971; 1974; Акимова, 1968; Исмагулов, 1970; Багашев, 1988; Чикишева, Ким, 1988; Ким, 1988; Ефимова, 1991; Поздняков, 2008]. Их положение на графике наглядно демонстрирует близость друг другу и реальность отнесения к современным представителям этого типа. Генезис данного населения протекал под активным воздействием миграционных процессов, связанных с крупными историческими событиями.

Для выяснения близости к той или иной современной группе населения Западной Сибири обитателей городка Монкысь урий, оставивших погребальный и ритуальный комплексы Частухинского урия, равно как и для определения их положения в системе расовых типов, данные по мужским сериям были также исследованы с помощью канонического анализа (табл. 7).

В соответствии с этнолингвистической принадлежностью обских угров – манси и ханты, краниологическими материалами в настоящее время представлены манси северные (река Северная Сосьва) и западные (река Пельым), ханты северные (Халас-Погор, Обдорск), восточные (реки Салым, Балык, Юган, Вах, Васюган) и южные (реки Чага, Алымка) [Дремов, Багашев, Ким, 1998]. Таксономически все они относятся к уральскому антропологическому типу локальной западносибирской расы. Их краниологической особенностью является так называемый «западносибирский комплекс»: долихокrania, малая высота свода черепа, среднеширокий низкий (мезоморфный) умеренно уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, средневысокое переносье, очень малый угол выступания носовых костей. В некоторых группах фиксируется присутствие самодийского компонента: ненецкого (Халас-Погор) и селькупского (Васюган). Отличительной чертой угорской совокупности является чрезвычайно высокий полиморфизм: более 80% общей западносибирской изменчивости.

Высокая изменчивость отражает, в большей степени, территориальное и лингвистическое, нежели этнокультурное и антропологическое единство угров, но объединяющую роль в антропологии выполняет вышеупомянутый «западносибирский комплекс». По степени четкости его фиксации в угорской совокупности выделяется две подгруппы, что заметно снижает общий уровень изменчивости до сопоставимого. Например, с изменчивостью в томско-нарымской или тоболо-барабинской группах популяций обь-иртышского антропологического типа западносибирской локальной расы. Между тем угорские подгруппы не привязаны к конкретным территориям с такой четкостью, как на юге Западной Сибири [Багашев, 2009].

Наиболее отчетливо «западносибирский комплекс» выражен в составе ханты Иртыша, Салыма, Мужей и северных манси, занимающих центральные районы ареала – Нижнее Прииртышье и прилегающие участки

Оби. Для черепов этой совокупности характерны длинная, узкая, долихокранная, низкая мозговая коробка, сильно наклонный лоб, узкое, невысокое среднепрофилированное по горизонтали лицо и очень слабо выступающие носовые кости при средневысоком переносе [Дремов, Багашев, 1998а; 1998б]. Для черепов другой общности, куда входят ханты Халас-Погора, Обдорска, Балыка, Югана и Васюгана, происходящие с периферии ареала, в целом присущи мезо-долихокранная мозговая коробка, малая абсолютно и относительно высота черепного свода, сильный или средний наклон лба, небольшая высота, мезогнатия и умеренная уплощенность среднеширокого лица, мезо-хамериния и слабое выступание носовых костей при относительно большей профилированности переноса [Там же].

Итак, первый КВ дифференцирует группы по высоте черепа, орбиты и углу выступления носовых костей, второй КВ – по ширине черепа, высоте и ширине лица (табл. 6). Величины нагрузок, которые описывают 40,4% изменчивости, разделили выборки по морфологическим характеристикам монголоидного компонента в их составе: с более низким черепом, низким лицом, широким переносом и менее выступающим носом или с относительно более широким черепом, высоким и широким лицом, узким переносом и выступающим носом.

В поле графа серии группировались по принципу принадлежности к тому или иному антропологическому типу Западной Сибири (граф. 2). Выборки, относящиеся к северному (восточные и северные ханты, манси) и южному (селькупы, томско-чулымские и тоболо-барабинские татары) вариантам западносибирской расы, расположились компактными группами с незначительной трансгрессией. Такое наложение ареалов изменчивости означает, что некоторые группы восточных ханты (население рек Васюгана и Ваха), несмотря на свое сходство с группами классического уральского комплекса (северные манси и ханты), имеют в своем составе довольно значительную примесь, связанную в генезисе с южными самодийцами [Дремов, 1984; 1991]. Серии енисейского варианта североазиатской расы (ненцы и кеты), представляющие группы с иным монголоидным компонентом в своей антропологической структуре, локализовались отдельно, на некотором расстоянии от западносибирских выборок.

Группа черепов из Частухинского урия расположилась довольно обособлено, но близ ареала изменчивости восточных ханты. Это дает все основания соотносить ее именно с представителями уральского антропологического типа западносибирской локальной расы. Ее обособленное расположение можно объяснить антропологическим своеобразием и искать причины такому положению. Между тем в данном случае это необходимо связывать исключительно с малочисленностью наблюдений. В совокупности всех исследуемых групп из Западной Сибири серия по Частухинскому урию характеризуется самым низким черепом, а также низким и узким по скуловому диаметру лицом. Именно эти метрические характеристики дистанцируют ее от остальных. Кроме этого, необходимо отметить, что из всех выборок восточных ханты она более всего тяготеет к салымской группе, нежели к юганской, к которой приближена территориально.

Подводя итог исследованию, можно сделать несколько выводов. Люди, похороненные в начале XVII века на руинах городка Монкысь урий (городище Частухинский урий), по своему физическому облику могут быть охарактеризованы как представители антропологического типа, широко распространенного в это время в Среднем Приобье. Для них свойственна низкая долихокранно-мезокранная черепная коробка, низкое лицо, средне профилированное переносе, в сочетании с небольшой степенью выступления носа. Данный комплекс признаков сближает эту серию с представителями уральского антропологического типа западносибирской локальной расы, а конкретно – с восточными хантами. Серии черепов из Частухинского урия морфологически наиболее близка салымская группа, нежели юганская, к которой она приближена территориально. Обособленность исследуемой серии в пределах изменчивости угорских групп связана исключительно с малочисленностью наблюдений. Пересчет женских размеров на мужские, выполненный в процессе анализа, также в некоторой степени «сгладил» антропологическое своеобразие группы. Увеличение численности, без сомнения, позволит четко установить таксономическое положение данной антропологической выборки в угорской общности на микропопуляционном уровне.

Сопоставление серии с более ранними группами позволило сделать важный вывод о генезисе населения этой части Приобья. Люди, захороненные в погребениях Частухинского Урия, по происхождению тесно связаны с племенами предшествующего периода из Среднего (Сургутского) Приобья. Судя по полученным данным, расогенез на этой территории от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом.

Графическая реконструкция лица по черепу мужчины. Для воссоздания внешности представителя локальной группы населения Большого Югана была проведена реконструкция лица мужчины 30–40 лет по черепу «б» (№ 5323) из погребения 1.

Процесс создания графической портретной реконструкции лиц на краниологической основе традиционно подразделяется на следующие этапы:

1. Анализ и описание морфологии черепа по программам М. М. Герасимова [1949; 1955], В. П. Алексева и Г. Ф. Дебеца [1964], С. А. Никитина [2009], с опорой на методическое руководство Г. В. Лебединской [1998].

2. Этап реконструкции. На основе анализа измерительных и описательных данных проводится восстановление отдельных элементов лица и головы в целом. Например, восстановление формы головы и овала лица, формы и строения подбородка, направления линии разреза глаз, формы складки верхнего века и строения нижнего века, конструкции и формы носа [Герасимов, 1949; 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009]. Определение положения внешнего и внутреннего уголков глаз определяется по разработкам Г. В. Лебединской и С. А. Никитина. Определение диаметра глазных яблок и радужек, постановка глазных яблок в сагиттальном направлении проводится с помощью инструментов, разработанных С. А. Никитиным. Мягкие покровы лица и головы реконструируются на основе стандартов толщины мягких тканей, полученных по результатам обследования различных групп населения методом ультразвуковой эхолокации [Лебединская, 1998].

3. Получение краниограмм с фотографий, выполненных по правилам, применяемым в антропологических исследованиях [Павловский, 1962]. Построение контурных схем лица и головы.

4. Создание портрета. На основе контурных схем в графической технике выполняются два портрета индивида (анфас и профиль). Сложность этого этапа заключается в том, чтобы правильно передать анатомическое строение лица, не искажая при этом особенности строения черепа (например, профилировку лица, положение глаз и т. д.), опираясь на законы и логику построения изображения на плоскости листа бумаги [Рабинович, 1978; Ли, 2010].

Морфология черепа. Череп № 5323 – средней высоты, короткий и среднеширокий, мезокранной формы при средней высоте свода. Линия темени – в виде выпуклой дуги. Форма свода в профиль с плавным переходом костей свода черепа, во фронтальной норме – коническая. Места прикрепления жевательных мышц с развитым рельефом. Теменные бугры хорошо выражены. Затылок широкий, не выступающий, слабо преломленный. Рельеф выйной области затылка развит главным образом в медиальном участке. Наружный затылочный бугор выступает средне (2 балла). Направление чешуи височных костей ближе к вертикальному. Сосцевидные отростки среднеразвитые, не выступающие, с заостренной вершиной, поверхность со слабым рельефом, направлены вперед. Наружные слуховые отверстия среднего размера. Надсосцевидный гребень не выражен.

Лицо низкое, узкое на верхнем уровне, а в нижней части – большой и очень большой ширины. Пропорционально характеризуется мезопротопной формой. В вертикальной плоскости мезогнатно, выступание альвеолярной части характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит профилировано, в подносовой части – уплощено. Общий контур лица – пентагональный.

Лоб узкий, покатый. Орбиты по форме квадратные. Края орбит тонкие, по краям приостренные. Глазные камеры закрытого типа. Профилировка орбит – (слабо) вертикальная. Надглазничный край ровный, прямой. Глазничные бугорки не развиты. Линия разреза глаз (между глазничным бугорком и границей верхней и средней третями слезной ямки) имеет косовнутреннее направление. Раструб слезной части занимает углубленное положение по отношению к переднему краю нижней части глазницы. Гребешок верхнего края орбиты направлен к внутренней части слезного гребня. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы косо-фронтально.

Нос низкий, средней ширины, слабо выступающий. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы косо-фронтально. Носолобный угол сглажен. Форма грушевидного отверстия симметричная, вероятно, грушевидная. Нижний край его притупленный, половины его находятся на одном уровне. Подносовой шип не сохранился, но уцелевшие участки верхнечелюстной кости предполагают его горизонтальное направление.

Скуловые кости развиты слабо, поверхность их гладкая, вперед не выступают. Большая часть их тела лежит в латеральной плоскости. На лицевой поверхности скуловой кости бугор отсутствует.

Альвеолярный отросток верхней челюсти низкий, выступающий. Альвеолярный отросток нижней челюсти низкий, положение его ближе к вертикальному. Прикус псалидонтный (ножницеобразный). Ряды зубов ровные. Верхние резцы заметно выступают, нижние – выступают слабо. Верхние центральные резцы,

по сравнению с боковыми, большего размера. Лопатообразность: 1 балл. Подбородочный бугор анфас – узкий, прямоугольный; в профиль: слабо выступающий (1 балл).

По комплексу обозначенных признаков можно восстановить портрет исследуемого индивида. Это мужчина с широкой короткой головой, высоким сводом черепа, низким и узким лицом пентагональной формы. Лоб покатый узкий со среднеразвитым надбровьем. Нос с прямым профилем и горизонтальным положением основания и кончика носа. Нижняя челюсть очень широкая с округло-угловатым контуром. Строение и положение глазниц, особенности орбитального края, признаки положения линии разреза глаз, особенности положения слезного раструба предполагают неглубоко посаженные глаза с косовнутренним направлением линии разреза глаз и европеоидной формой внутреннего уголка глаз. Складка века выражена на всем его протяжении – в проксимальном, среднем и дистальном отделах, складка нижнего века слабая. Совокупность признаков альвеолярной части лицевой части черепа и нижней челюсти позволяет реконструировать средней ширины рот с губами средней толщины, нечетким фильтрумом и слабо выдающийся подбородок.

Ввиду сохранившейся после реставрации посмертной деформации черепа (рис. 4.1.13 – 1; 4.1.14 – 1), краниограммы были получены путем симметричного отображения наиболее соответствующих прижизненному состоянию контуров свода черепа на фотографии (рис. 4.1.13 – 2). Затем на них были обозначены контуры черепа, скуловых дуг, орбит, носового отверстия, отмечены границы и положение надбровных дуг. Также отмечались точки углов глаз, положение гребешков *crista conchalis*, подбородочные отверстия, линией отмечались места расположения точек *region, alare, orbitale, nasion, rhinion* и др.

На краниограммы черепа наносились отметки толщины мягких тканей лица. На схеме черепа в профиль восстанавливалась толщина мягких покровов по медиальной линии черепа: выступание надбровья, строение спинки носа, форма, положение губ, форма и выступание подбородка, контур головы вдоль всего свода черепа (рис. 4.1.13 – 3). В положении черепа анфас на краниограммах строилась форма овала лица и решались основные размеры ширины носа и рта, толщины губ, форма разреза глаз и складки верхнего века, расположение бровей и т. д. (рис. 4.1.14 – 3). В заключении выполнен графический портрет в двух нормах (рис. 4.1.13 – 4; 4.1.14 – 4).

Полагаясь на детали преданий и письменных источников, реконструкция была дополнена заплетенными в косы волосами (рис. 4.1.13 – 5; 4.1.14 – 5). Основанием для этого послужили исторические свидетельства. Так, в монографии В. И. Семеновой «Поселение и могильник Частухинский Урий» находим описание богатыря Тоньи, указанное по фольклорным источникам: «...*Богатырь по колено в воде стоит, на нем рубаха красная, расшитая, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками, на голове тугие косы разноцветными нитками переплетены...*» [2005. С. 72]. Или из другого предания: «...*Тонья побежал и всех перебил. Косы у него были...*» [Семенова, 2005 С. 79].

У Н. В. Латкина находим такое описание: «...*По внешнему виду остяки роста средняго и не многие из них достигают более высокаго роста, голова не большая, ноги руки длинноваты и худы, икры тощия, лоб плоский, лицо смугловатое, скуластое, глаза узкие и черные, нос прямой, губы толстые, волосы прямые, черные, всклокоченные, и только тазовские заплетают их на затылке в косу или завязывают ремешком*» [1892. С. 132].

По итогам проведенного анализа черепа «б» из погребения 1 выполнено два портрета (анфас и профиль) мужчины среднего возраста. Результаты позволяют образно представить внешность одного из представителей населения, проживавшего в XVII веке на Большом Югане, и дополняют краниологическое исследование материалов могильника Частухинский урий.

Источники и литература

Архивные источники^{5*}

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Частухинский урий на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры летом 2011 года. – Нефтеюганск, 2012. – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 368

^{5*} В тексте в квадратных скобках ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А-) после фамилии автора, перед годом написания работы.

Шатунов Н. В. Отчет о НИР: «Археологические исследования городища Частухинский урий на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 году. – Нефтеюганск, 2013. – Архив НПО СА-1. Р-1, Д. 369.

Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Аварийно-спасательные раскопки городища Частухинский урий в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры летом 2013 года. – Нефтеюганск, 2014. – Архив НПО СА-1. Ф. Р-1. Д. 396.

Литература

Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 120 с.

Алексеев В. П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – №1. – С. 45–49.

Алексеев В. П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 135–164.

Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 324 с.

Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1971. – С. 232–271.

Алексеев В. П. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // Известия Лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1974. – Вып. 5. – С. 112–118.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Алексеева Т. И., Козловская М. В., Федосова В. Н. Опыт палеоэкологической реконструкции (на примере хантов) // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, СО. 1988. – С. 83–102.

Багашев А. Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, СО, 1988. – С. 22–54.

Багашев А. Н. Тоболо-иртышские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 94–110.

Багашев А. Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 159–174.

Багашев А. Н. Антропологический состав населения Прикетья (Лукьяновский и Максимоярский могильники) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 3. – С. 40–43.

Багашев А. Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притомья (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 68–73.

Багашев А. Н. Генезис краниологической уникальности обских угров // Мат-лы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай»: Историки евразийской цивилизации (I Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей). – Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2009. – С. 21–23.

Багашев А. Н., Пошехонова О. Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2007. – Вып. 8. – С. 87–96.

Бахлыков П. С. Древняя Югра: тревога и боль моя // Подвижник из Угута: Бахлыков Петр Семенович: Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 144 с.

Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). – М.: Изд-во ИА РАН, 1995. – 189 с.

Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. – М.: Изд-во «Советская наука», 1949.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу // Современный и ископаемый человек (Тр. ИЭ АН СССР: Новая серия. – Т. 28). – М.: Наука, 1955. – С. 118–120.

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сборник МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеры). – Л., 1963. – Т. 21. – С. 297–337.

Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 8. – С. 88–98.

- Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // Сборник МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Л., 1980. – Т. 36. – С. 5–34.
- Гохман И. И. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропологических и краниологических исследований // Кетский сборник. – Л.: Наука, ЛО, 1982. – С. 9–42.
- Давыдова Г. М. Антропология манси. – М.: Изд-во Института этнографии СССР, 1989. – 160 с.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Института этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 4. – 392 с.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Института этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 17. – 264 с.
- Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 13–22.
- Добровольская Е. А., Сапин М. Р. Учение о костях – остеология // Анатомия человека / Под ред. М. Р. Сапина. – М.: Изд-во «Медицина», 1993. – Т. 1. – С. 38–152.
- Дремов В. А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // Советская этнография. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – № 6. – С. 53–56.
- Дремов В. А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, ЛО, 1984. – С. 106–132.
- Дремов В. А. Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1991. – С. 10–28.
- Дремов В. А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 67–84.
- Дремов В. А., Багашев А. Н. Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1998а. Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 111–124.
- Дремов В. А., Багашев А. Н. Антропологическое своеобразие коренных народов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998б. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 292–304.
- Дремов В. А., Багашев А. Н., Ким А. Р. Краниологические источники // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – С. 29–43.
- Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 95 с.
- Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 189 с.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.
- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука, КазССР, 1970. – 240 с.
- Ким А. Р. Барабинские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – Т. 4: Расогенез коренного населения. – 84–94.
- Козлов А. И., Вершубская Г. Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. – 288 с.
- Королюк И. П. Рентгеноанатомический атлас скелета. – М.: Изд-во «Видар», 1996. – 191 с.
- Латкин Н. В. Енисейская губерния, ея прошлое и настоящее. – СПб.: Типогр. и литогр. В. А. Тихантова, 1892. – 442 с.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). – М.: Изд-во «Старый сад», 1998. – 125 с.
- Ли Н. Г. Рисунок. Основы учебного академического рисунка: Учебник. – М.: Изд-во «Эксмо», 2010. – 479 с.
- Мамонова Н. Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. М.: Изд-во АН СССР, 1968. – Вып. 29. – С. 171–178.
- Мартин Ф. Р. Сибиряка: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. С. Сопочиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Уральский рабочий», 2004. – 144 с.
- Медико-криминалистическая идентификация: Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под общ. ред. проф. В. В. Томилина. – М.: Изд-во «Норма», 2000. – 472 с.
- Миклашевская Н. Н. Периодизация индивидуального развития // Морфология человека / Ред. Б. А. Никитюк, В. П. Чтецов. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 16–20.
- Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. – М.: Изд. музеев Московского кремля, 2009. – Т. 1. – С. 137–167.
- Павловский О. М. О методике фотографической документации антропологических исследований // Вопросы антропологии. М. 1962. Вып. 10. С. 98–109.
- Поздняков Д. В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н. э. // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 340–402.
- Пошехонова О. Е. К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2006. – Вып. 7. – С. 131–142.
- Пошехонова О. Е. Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2010. Вып. 2 (13). С. 111–121.
- Пошехонова О. Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н. э.) // АЭАЕ. – Новосибирск: Наука, СО, 2011а. – № 4 (48). – С. 142–155.
- Пошехонова О. Е. К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVII вв. н.э. на территории Красноярского археологического комплекса) // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011б. – Вып. 2 (15). – С. 158–172.
- Ражев Д. И. Биоантропология саргатской общности. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2009. – 492 с.
- Ражев Д. И., Пошехонова О. Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. – № 10. – С. 83–89.
- Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. – М.: Наука, 1965. – 302 с.
- Семенова В. И. Итоги работы Северного отряда археологической экспедиции объединения «Тюменский областной краеведческий музей» (1983–1993). // Ежегодник ТОКМ: 1993. – Новосибирск, Наука, СО, 1997. – С. 140–160.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2001. – 296 с.
- Семенова В. И. Комплекс русских монет XVI в. из раскопок хантыйского городка Мункысь Урий (Частухинский Урий) // Русские старожилы: Мат-лы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 416–417.
- Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука, СО, 2005. – 164 с.
- Судебная медицина / Ред.: В. Н. Крюков. – М.: Изд-во «Медицина», 1990. – 448 с.
- Федосова В. Н. Анализ морфологии длинных костей остеологической серии хантов // Вопросы антропологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1988. – Вып. 81. – С. 42–60.
- Чикишева Т. А., Ким А. Р. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, СО, 1988. – С. 129–163.
- Bass W. M. Human Osteology: A Laboratory and Field Manual. – Columbia: Missouri Archaeological Society, 1987. – 327 p.
- Buikstra J., Ubelaker D. H. (editors). Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes (Arkansas Archeological Survey Research Series. – No 44). – Fayetteville, AK, 1994.
- Jantz R. L., Hunt, D. R., Meadows L. The Measure and Mismeasure of Tibia: Implications for Stature Estimation // Journal of Forensic Sciences, 1995. – Vol. 40. – No 5. – P. 758–761.
- Johnson F. E. Growth of the Long Bones of Infants and Young Children at Indian Knoll // Human Biology, 1962. – №23. – P. 66–81.
- Lovejoy C. O. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journal of Physical Anthropology, 1985. – No 68. – P. 47–56.
- Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journal of Physical Anthropology, 1985. – No 68. – P. 57–66.
- Ortner D. J., Putschar W. G. J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1985. – 488 p.
- Rogers J., Waldron T. A Field Guide to Joint Disease in Archaeology. – Chichester.: John Wiley & Sons, 1995. – 119 p.

Таблица 1

**Половозрастной состав погребенных и антропологический материал
могильника Частухинский урий, полученный в ходе раскопок 1990/1991 г.
(по описаниям и рисункам публикации В. И. Семеновой [2005])**

Погребение	Скелет	Костные останки	Пол	Возраст (гг.)
1	а	Череп, кости рук и ног, элементы осевого скелета	ж	20
1	б	Череп, кости рук и ног	ж	20–30
1	в	Бедренная и берцовая кости	м	взрослый*
1	г	Правая бедренная и берцовые кости обеих ног	м	взрослый*
1	д	Гипотетичен; есть кости, “указывающие на наличие пятого мужчины”	м	взрослый*
1	е	Гипотетичен; соответствует описанию П. С. Бахлакова; есть кости, “указывающие на наличие пятого мужчины”	м	взрослый*
1	ж	Две кости голени	м	взрослый*
1	з	Кость голени	ж	20
1	и	Кости голеней обеих ног	-	7–9
2	а	Череп с н. чел., кости рук и ног, в т. ч. правая бедренная, элементы осевого скелета	ж	30–40
2	б	Череп с н. чел., кости рук и ног, в т. ч. правая бедренная, элементы осевого скелета	ж	35
Рядом с погр. 2		Нижняя челюсть	м	20–30
Рядом с погр. 2		Правая бедренная	м	взрослый
Рядом с погр. 2		Правая бедренная	ж	взрослый
3	а	Череп	м	20
3	б	Череп, нижняя челюсть (?)	м	20–25
3	в	Затылочная часть черепа, длинные кости (?)	ж	взрослый
3	г	Зубы		1–2
3	д	Длинные кости	м	взрослый
4		Фрагменты черепа		3–4

* Мужчины в возрасте 30–35, 30–40, 40 и более лет. «Связать возрастные данные с определенными костяками не представляется возможным» [Семенова, 2005. С. 37].

Таблица 2

**Состав исследованного антропологического материала,
находящегося на хранении в ТГУ и ИЭРиЖ**

Идентификатор	Археологическая локализация, указанная в описании	Погребение, скелет [Семенова, 2005]	Антропологические материалы	Пол	Возраст, годы
№ 5222, ТГУ, 1991	Погр. 1 а	1, скелет “а”	Фрагменты черепа	?	30–40
№ 5223, ТГУ, 1991	Погр. 1 б	1, скелет “б”	Целый череп	м	30–40
№ 5224, ТГУ, 1991	Погр. 1 к	1, скелет?*	Фрагменты черепа	м	30–35
№ 5225, ТГУ, 1991	Погр. 1 л	1, скелет?	Фрагменты черепа	м	35–50
№ 5226, ТГУ, 1991	Погр. м	1, скелет?	Фрагменты черепа	м	35–50
№ 5227, ТГУ, 1991	Погр. 2 а	2, скелет “а”	Фрагменты черепа	ж	45–55
№ 5228, ТГУ, 1991	Погр. 2 б	2, скелет “б”	Фрагменты черепа	ж	35–45
№ 5229, ТГУ, 1991	Погр. 3	3, скелет?	Фрагменты черепа	ж?	18–22
№ 353, ИЭРиЖ, 2012	Участок П/50 ур. 40.90–41.10	Нет оснований для соотнесения ни с одним погребением	Лопатка	?	Взрослый
№ 355, ИЭРиЖ, 2012	Участок П/50 ур. 40.90–41.10	Нет оснований для соотнесения ни с одним погребением	Бедро	?	Взрослый
№ 379, ИЭРиЖ, 2011	Раскоп 3 – 1990 г. переотложенный слой	3?, скелет?	Плечевая	?	Взрослый
№ 450, ИЭРиЖ, 2012	Раскоп 4 – 1990 г. переотложенный слой	Нет оснований для соотнесения ни с одним погребением	Лопатка	?	Взрослый
№ 622, 692–702 ИЭРиЖ, 2013	Участок У/52 ур. 40.30	Нет оснований для соотнесения ни с одним погребением	Фрагменты черепа	?	20–30
№ 703, ИЭРиЖ, 2013	Участок Т/51 ур. 40.42	Нет оснований для соотнесения ни с одним погребением	Нижняя челюсть	м	25–35
Без шифра, ИЭРиЖ, 2011	Раскоп 1 – 1990 г. переотложенный слой	1?, скелет?	Длинные кости руки и элементы таза, одного индивидуума	?	Взрослый
Без шифра, ИЭРиЖ, 2011	Раскоп 2 – 1990 г. переотложенный слой	2?, скелет?	Фрагменты черепа, позвонки, длинные кости от нескольких индивидуумов	м? м? ? ?	Взрослый Взрослый Взрослый 20–30 (Череп)
Без шифра, ИЭРиЖ, 2011	Раскоп 1 - 1990 г. переотложенный слой	1, скелет?	Фрагменты лопатки и позвонков	?	Взрослый

* Установить, с каким скелетом соотносятся останки, невозможно: ни по записям в инвентарной книге, ни по спискам предварительного определения, ни по монографии В. И. Семеновой [2005].

Примечание: По словам В. И. Семеновой, отвалы, в которых в 2011–2013 годах найдены некоторые костные останки, образовались не в ходе работ 1990/1991 года, а в результате грабительской шурфовки⁶.

⁶ Заявление не соответствует действительности, фактически, в 2011–2013 годах, из культурного слоя переотложенного в результате раскопок 1990 года (пространство раскопов № 1–4) было извлечено около 800 единиц археологических предметов и костных останков людей и животных – О. К., Г. В.

Таблица 3

**Индивидуальные и средние групповые размеры и показатели черепов
из могильника Частухинский Урий (мм; °; %)**

Признаки, их номера по Мартину [2004] или условные обозначения	5223 ♂	5224 ♂	5225 ♂	5226 ♂	5227 ♀	5228 ♀	5229 ♀	средние (n)	s
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	174,0	-	185,0	-	173,0	177,0	-	181,5(4)	5,4
8. Поперечный диаметр	139,0	-	-	-	139,0	133,0	-	140,3(3)	3,3
17. Высотный диаметр (ba-b)	132,0	-	-	-	123,0	115,0	-	127,1(3)	6,0
20. Высотный диаметр (po-b)	117	-	-	-	-	105,0	-	113,4(2)	5,1
8:1. Черепной указатель	79,9	-	-	-	80,0	75,0	-	77,9(3)	3,1
17:1. Высотно-продольный указатель	75,9	-	-	-	71,0	64,0	-	70,6(3)	5,5
17:8. Высотно-поперечный указатель	94,9	-	-	-	88,0	86,0	-	90,5(3)	3,9
5. Длина основания черепа	101,0	-	-	-	92,0	91,0	-	98,0(3)	2,7
11. Ширина основания черепа	123,0	-	-	-	-	121,0	-	124,9(2)	2,7
9. Наименьшая ширина лба	90,0	-	91,0	92,0	91,0	93,0	85,0	91,8(6)	2,9
10. Наибольшая ширина лба	120,0	-	-	114,0	112,0	108,0	105,0	114,4(5)	4,1
29. Лобная хорда	117,0	-	113,0	113,0	108,0	103,0	113,0	113,4(6)	3,7
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	23,0	-	23,0	22,0	26,1	24,0	24,2	23,7(6)	1,4
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	20,0	-	20,0	19,0	24,0	23,0	21,0	21,2(6)	1,4
пил. Угол поперечного изгиба лба	138,6	-	136,8	141,6	139,0	135,5	129,6	136,8(6)	4,1
32. Угол профиля лба от л.	74,0	-	-	--	-	82,0	-	78,0(2)	5,7
12. Ширина затылка	112,0	-	-	-	108,0	109,0	-	112,4(3)	0,6
40. Длина основания лица	100,0	-	-	-	-	93,0	-	98,4(2)	2,2
40:5. Указатель выступания лица	99,0	-	-	-	-	102,0	-	100,0(2)	1,4
43. Верхняя ширина лица	101,0	106,0	96,0	100,0	99,0	99,0	-	101,5(6)	3,4
46. Средняя ширина лица	100,0	94,0	-	-	-	98,0	-	99,1(3)	4,7
45. Скуловой диаметр	129,0	-	-	-	-	119,0	-	128,3(2)	1,0
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	92,8	-	-	-	-	89,0	-	92,6(2)	0,2
48. Верхняя высота лица	66,0	70,0	69,0	-	-	59,0	-	67,1(4)	3,0
47. Полная высота лица	112,0	-	-	-	-	99,0	-	109,3(2)	3,9
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	50,0	-	-	-	-	51,0	-	51,4(2)	1,9
48:45. Верхний лицевой указатель	51,1	-	-	-	-	50,0	-	53,6(2)	3,5
72. Общий лицевой угол	73,0	-	-	-	-	82,0	-	77,5(2)	6,3
73. Средний лицевой угол	81,0	-	-	-	-	88,0	-	84,5(2)	5,0
74. Угол альвеолярной части	70,7	-	-	-	-	65,0	-	67,8(2)	4,0
77. Назомалярный угол	139,0	139,9	136,8	-	138,1	140,0	-	138,8(5)	1,3
zm. Зигомаксиллярный угол	139,8	134,2	-	-	--	-	-	137,0(2)	4,0
51. Ширина орбиты от mf.	42,0	44,0	-	-	38,0	45,0	-	43,1(4)	3,1
52. Высота орбиты	34,0	37,0	-	-	33,0	31,0	-	33,8(4)	2,4
52:51. Орбитный указатель	80,9	84,0	-	-	86,0	68,0	-	78,8(4)	8,3
55. Высота носа	49,0	52,0	49,0	-	-	42,0	-	48,1(4)	3,2
54. Ширина носа	25,0	23,0	22,0	-	-	23,0	-	23,5(4)	1,3
54:55. Носовой указатель	53,0	44,0	-	-	-	54,0	-	48,4(3)	4,7
75(1). Угол выступания носа	16,0	12,0	16,0	-	-	23,0	-	17,8(4)	6,4
SC. Симотическая ширина	8,0	8,7	7,1	-	6,9	6,2	7,8	7,4(6)	0,9
SS. Симотическая высота	3,8	3,1	2,8	-	2,8	3,3	3,0	3,4(6)	0,4

SS:SC. Симотический указатель	47,0	35,0	39,0	-	40,0	53,0	38,0	46,8(6)	10,1
S. Симотический угол	92,9	109,0	103,5	-	101,9	86,4	104,9	99,8(6)	8,4
DC. Дакриальная ширина	21,0	22,0	19,0	-	-	19,8	-	20,7(4)	1,2
DS. Дакриальная высота	11,7	9,7	9,5	-	-	12,5	-	11,2(4)	2,1
DS:DC. Дакриальный указатель	55,7	44,0	50,0	-	-	63,0	-	54,1(4)	9,6
D. Дакриальный угол	83,8	97,2	90,0	-	-	76,7	-	86,9(4)	8,7
FC. Глубина клыковой ямки	4,4	1,5	2,5	-	-	1,0	-	2,4(4)	1,5
68(1). Длина нижней челюсти от мышцелков	90,0	-	-	-	-	95,0	-	94,9(2)	6,9
68. Длина нижней челюсти от углов	71,0	-	-	-	-	71,0	-	73,0(2)	2,8
65. Мыщелковая ширина	125,0	113,0	-	-	-	110,0	-	118,3(3)	6,1
66. Угловая ширина	114,0	99,0	-	-	-	95,0	-	105,4(3)	7,8
67. Передняя ширина	48,0	47,0	-	-	42,0	43,0	43,0	45,5(5)	1,9
70. Высота ветви	60,0	-	-	-	-	55,0	-	60,4(2)	0,6
71а. Наименьшая ширина ветви	36,0	36,0	34,0	34,0	-	30,0	-	34,4(5)	1,6
69(3). Толщина тела	13,0	13,0	14,0	14,0	11,0	11,0	12,0	12,8(7)	1,0
79. Угол ветви нижней челюсти	113,0	-	-	-	-	119,0	-	116,0(2)	4,2
C. Угол выступания подбородка	83,0	-	-	-	-	72,0	-	77,5(2)	7,8
УЛС	70,3	78,7	-	-	-	38,9	-	64,0	-
ПФЦ	90,7	-	-	-	-	92,2	-	92,7	-
УДМЭ	57,5	-	-	-	-	29,8	-	60,7	-
МПП	88,4	103,1	96,7	-	-	81,6	-	93,4	-
МПЛ	139,4	137,1	-	-	-	-	-	137,9	-

Таблица 4

**Средние размеры и указатели мужских черепов из могильников Частухинский Урий,
Барсовский I и IV, Сайгатинских и Усть-Балык (мм; °; %)**

Номера по Мартину [2004] или условное обозначение	1*	2*	3*	4*	5*
1. Продольный диаметр	182,7	175,5	174,8	172,8	181,5
8. Поперечный диаметр	138,3	143,4	145,8	140,4	140,3
17. Высотный диаметр (ba-b)	128,6	125,7	130,6	125,9	127,1
8:1. Черепной указатель	74,9	81,5	83,5	81,5	77,9
5. Длина основания черепа	96,3	98,0	98,5	94,7	98,0
32. Угол профиля лба от п.	76,0	79,5	84,1	79,6	78,0
40. Длина основания лица	97,0	98,4	96,3	98,9	98,4
43. Верхняя ширина лица	103,9	107,6	105,9	102,3	101,5
46. Средняя ширина лица	95,7	98,8	100,6	97,0	99,1
45. Скуловой диаметр	136,8	136,7	134,4	133,6	128,3
48. Верхняя высота лица	68,8	68,8	69,1	68,3	67,1
72. Общий лицевой угол	85,0	85,7	86,3	83,9	77,5
77. Назомалярный угол	142,8	143,4	141,7	144,7	138,8
∠zm. Зигмаксиллярный угол	128,5	131,7	133,7	130,0	137,0
51. Ширина орбиты от mf.	43,0	42,2	42,7	42,5	43,1
52. Высота орбиты	33,2	34,1	33,9	33,0	33,8
55. Высота носа	50,2	50,3	49,6	50,9	48,1
54. Ширина носа	24,2	24,6	24,7	25,3	23,5
75(1). Угол выступания носа	29,7	20,4	17,9	16,4	17,8
SC. Симотическая ширина	8,6	8,1	7,6	6,9	7,4
SS. Симотическая высота	4,2	3,2	3,0	2,5	3,4
DC. Дакриальная ширина	22,8	23,3	22,0	22,5	20,7
DS. Дакриальная высота	10,8	10,8	9,6	10,9	11,2
Указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС)	34,7	62,5	70,9	73,1	64,0
Преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ)	94,1	94,8	92,4	95,2	92,7
Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ)	34,8	69,8	66,8	84,2	60,7

*Могильники: 1 – Барсовский I и IV (IX–XI и XIII–XV вв.); 2 – Сайгатинские (VI–XI вв.); 3 – Сайгатинские (X–XV вв.); 4 – Усть-Балык (X–XX вв.), 5 – Частухинский урий (начало XVII в.).

Примечание: К краниологической серии Сайгатинских могильников добавлены черепа, полученные из раскопок после 2007 года, когда вышла публикация.

Таблица 5

Средневековые серии, привлеченные для межгруппового сопоставления

№*	Серия, археологическая культура, датировка	Могильник	Автор и год исследования
1	2	3	4
1	Нарымское Приобье (XI–XIII вв.)	Алдыган	Багашев, 2001
2	Нарымское Приобье (XII–XIV вв.)	Тискино	Багашев, 2001
3	Нижнее Притомье (XIII–XIV вв.)	Астраханцево	Багашев, 2003
4	Среднее Приобье, релкинская культура (VI–VIII вв.)	Молчаново	Дремов, 1967
5	Нижнее Притомье (IX–XIV вв.)	Басандайка	Чижишева, Ким, 1988
6	Новосибирское Приобье, верхнеобская культура (VII–VIII вв.)	Красный Яр I, Умна II, III, Юрт-Акбалык 6, 8, 11	Дремов, 1967
7	Среднее Прииртышье, усть-ишимская культура (IX–XIII вв.)	Малая Бича, Малая Тебендя, Кип 1, Иванов Мыс 1, Паново 1, Масарлы 1, Нугай 1 и городище Долговское 1	Пошехонова, 2011
8	Среднее Прииртышье, бакальская культура, татары (IX–XVII вв.)	Красноярский археологический комплекс	Пошехонова, 2011
9	Сургутское Приобье (VI–XI вв.)	Сайгатинские	Багашев, Пошехонова, 2007
10	Сургутское Приобье (X–XV вв.)	Сайгатинские	Багашев, Пошехонова, 2007
11	Сургутское Приобье (X–XX вв.)	Усть-Балык	Пошехонова, 2006
12	Сургутское Приобье (VIII–XV вв.)	Барсовский I (Барсов городок), Барсовский IV	Пошехонова, 2010
13	Новосибирское Приобье, басандайская культура (XI–XIII вв.)	Ташара-Карьер 2	Поздняков, 2008
14	Новосибирское Приобье, басандайская культура (XI–XIII вв.)	Санаторный 1	Поздняков, 2008
15	Минусинская котловина, «енисейские кыргызы» (VII–XI вв.)	–	Алексеев, 1963
16	Горный Алтай (VI–X вв.)	–	Алексеев, 1958
17	Лесостепное Прииртышье, сrostкинская культура (конец I – начало II тыс.)	Такмык, Мурлинка, Евгадино, Алексеевка, Инберень X	Багашев, 1988
18	Предгорный Алтай, бийский вариант сrostкинской культуры (VII–X вв.)	Сростки, Красноярское	Дебеч, 1948; Алексеев, 1958
19	Кузнецкая котловина, кемеровский вариант сrostкинской культуры (VIII–X вв.)	Ур-Бедари	Алексеев, 1974
20	Степной район Северо-Западного Алтая, сrostкинская культура (VIII–X вв.)	Гилево	Чижишева, Ким, 1988
21	Барнаульско-Каменский район Верхнего Приобья, барнаульско-каменский вариант сrostкинской культуры (VIII–X вв.)	Камень II, Кармацкий	Чижишева, Ким, 1988
22	Барабинская лесостепь, сrostкинская культура (IX–X вв.)	Усть-Тартас, Третье отделение 1, 2, Большие Луки, Чулым-2	Чижишева, Ким, 1988
23	Средне Прииртышье, сrostкинская культура (XII–XIII вв.)	Замараевский	Дебеч, 1948; Алексеев, 1971
24	Северная Башкирия, кочевники (IX–XI вв.)	Мерясимовский, Муракаевский, Старо-Мусинский, Каранаевский, Старо-Халиловский	Акимова, 1968; Ефимова, 1991
25	Кустанайское Притоболье, кимаки (VIII–X вв.)	Курский, Жилкен, Егинши, Жиланши, Баталинский	Гинзбург, 1963

Таблица 7

26	Павлодарское Прииртышье, кимако-кыпчаки (VII–XII вв.)	Трофимовка, Бобровка, Покровка, Ждановка, Леонтьевка	Исмагулов, 1970
27	Восточный Казахстан, кимако-кыпчаки (VIII–XII вв.)	Шиликарым, Кызылту, Славянка, Пчела, Кулажорга	Исмагулов, 1970
28	Приуралье, Верхнее Прикамье, ломоватовская культура (IV–VIII вв.)	Митинский, Деменковский	Алексеев, 1969
29	Приуралье, Привяжье, полонская культура (V–IX вв.)	Поломский, Мыдлань-Шай	Алексеев, 1969
30	Приуралье, Среднее Прикамье, бахмутинская культура (III–VII вв.)	Бирский	Акимова, 1968
31	Приуралье, Среднее Прикамье, мазунинская культура (III–IX вв.)	Сайгатский, Ижевский, Мазунинский	Акимова, 1968

* Соответствует номеру на графике 1.

Таблица 6

Величины факторных нагрузок

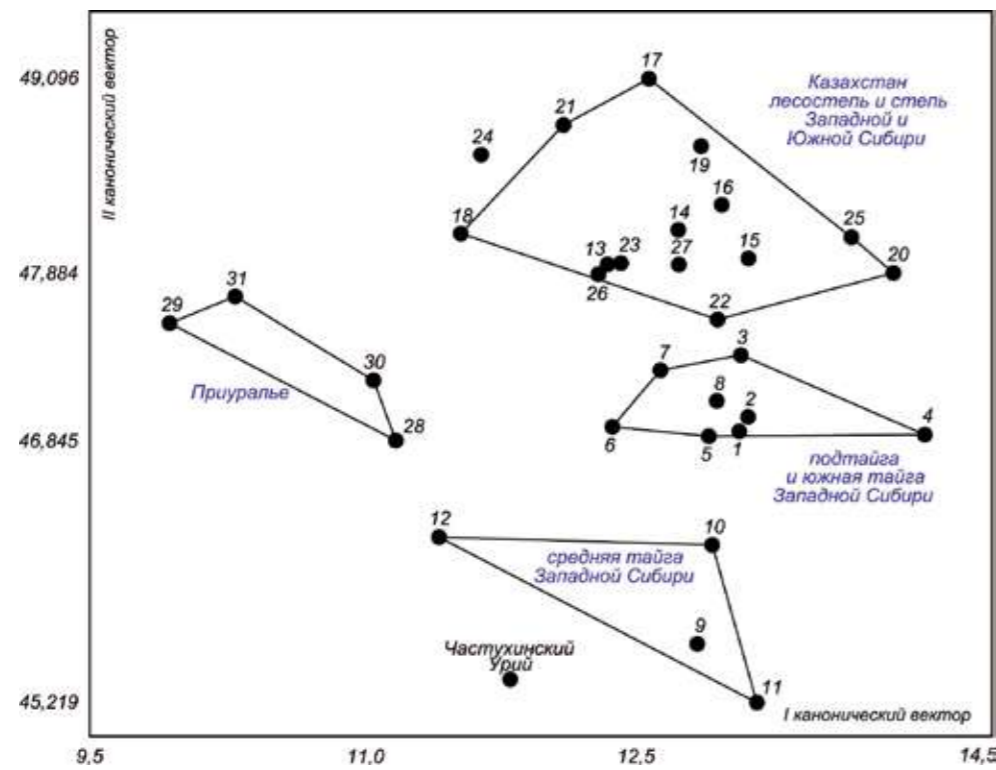
Номер признака по Мартину	Средневековые серии		Серии, близкие к современности	
	I к. в.	II к. в.	I к. в.	II к. в.
1. Продольный диаметр	-0,4333*	0,3891	-0,1734	-0,1662
8. Поперечный диаметр	0,3518	0,4129	0,1254	0,5816
17. Высотный диаметр	-0,2271	0,3630	0,5828	-0,0627
9. Наименьшая ширина лба	-0,0604	-0,2111	0,0375	-0,0899
45. Скуловой диаметр	0,4449	0,1231	-0,0005	0,3058
48. Верхняя высота лица	0,1680	0,2825	-0,3055	0,4776
72. Общий лицевой угол	0,0290	0,1946	0,1167	0,1995
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	0,2418	-0,0155	0,3335	0,3207
52. Высота орбиты	0,1864	-0,2431	-0,3411	0,0176
54. Ширина носа	-0,0461	0,0719	0,0393	-0,1753
55. Высота носа	0,1804	0,0172	-0,1516	0,1507
SS. Симотическая высота	-0,0066	0,0320	0,2232	0,0482
DC. Дакриальная ширина	-0,0882	-0,2519	0,2428	0,1890
DS. Дакриальная высота	-0,2628	0,1232	0,2947	-0,0539
75(1). Угол выступания носа	-0,2655	0,3087	-0,2282	0,2179
77. Назомалярный угол	0,3088	0,2564	0,0178	0,1169
$\angle zm'$. Зигмаксиллярный угол	0,1887	0,2519	0,0784	-0,0441
Собственное значение	13,9911	10,7033	16,8510	8,4357
Доля изменчивости, %	24,2%	18,5%	26,9%	13,5%

*Цветом показаны наибольшие значения

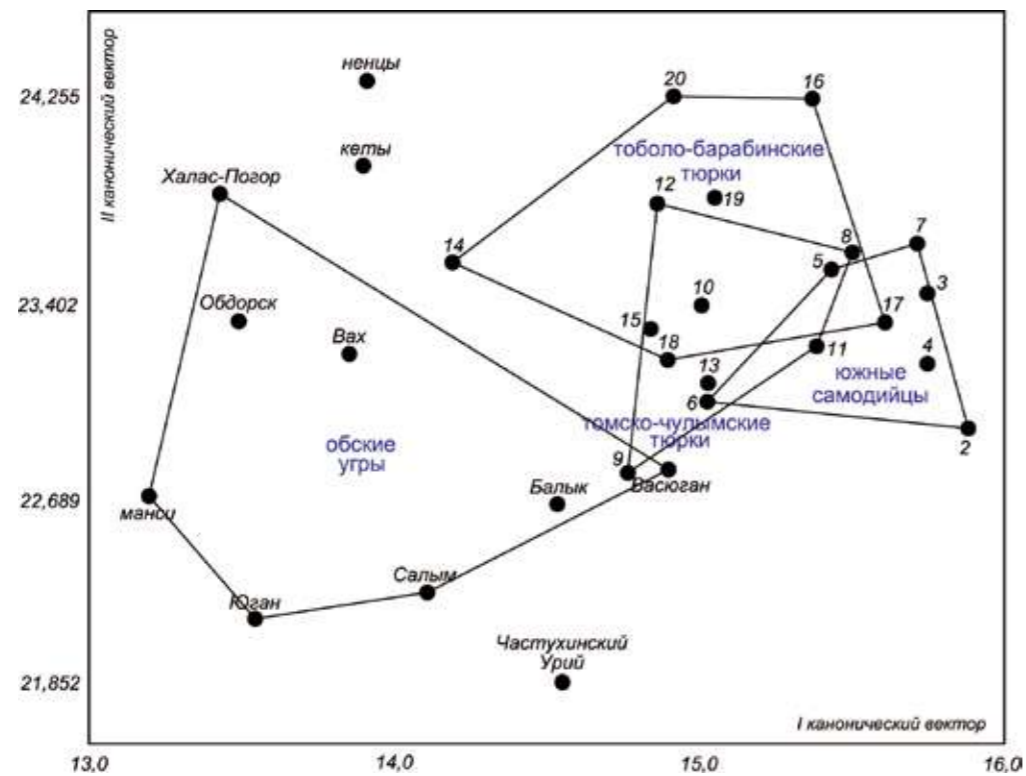
Серии, близкие к современности, привлеченные для межгруппового сопоставления

№	Серия	Автор и год исследования
1	Ненцы	Дебец, 1951
2	Селькупы, Мигалка	Неопубликованные данные
3	Селькупы, Тискино средняя	Багашев, 2001
4	Селькупы, Тискино поздняя	Багашев, 2001
5	Селькупы нарымские	Дремов, 1984
6	Селькупы, Бедеровский Бор	Неопубликованные данные
7	Селькупы, Кеть	Багашев, 2002
8	Чулымцы, Яя-Кия	Дремов, 1998
9	Чулымцы, Ясашная Гора	Дремов, 1998
10	Чулымцы, Тургай-Балагачево	Дремов, 1998
11	Томские татары, Козюлино	Дремов, 1998
12	Томские татары, Тоянов городок	Дремов, 1998
13	Томские татары, обские	Дремов, 1998
14	Барабинские татары, Лынозавод	Ким, 1998
15	Барабинские татары, Кыштовка	Ким, 1998
16	Барабинские татары, Абрамово	Ким, 1998
17	Саргатская группа тоболо-иртышских татар	Багашев, 1998
18	Тобольская группа тоболо-иртышских татар	Багашев, 1998
19	Тюменская группа тоболо-иртышских татар	Багашев, 1998
20	Аялынская группа тоболо-иртышских татар	Багашев, 1998
21	Манси северные	Дебец, 1951
22	Ханты северные, Обдорск	Дремов, Багашев, 1998
23	Ханты северные, Халас-Погор	Дебец, 1951
24	Ханты восточные, Васюган	Дремов, Багашев, 1998
25	Ханты восточные, Балык	Дремов, Багашев, 1998
26	Ханты восточные, Вах	Дремов, Багашев, 1998
27	Ханты восточные, Салым	Дремов, Багашев, 1998
28	Ханты восточные, Юган	Дремов, Багашев, 1998
29	Кеты	Гохман, 1982

Расположение мужских серий эпохи средневековья в пространстве I и II канонических векторов (номера групп – в табл. 5)

Расположение мужских выборок близких к современности и исследуемых средневековых серий в пространстве I и II канонических векторов (номера групп – в табл. 7)

3

4

Рис. 4.1.1. 1 – фрагменты черепа индивида, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5222, погр. 1а); 2 – фрагменты черепа индивида, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5222, погр. 1а). Правые альвеолярный и небный отростки верхней челюсти. Степень изношенности жевательной поверхности зубов; 3 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№5223, погр. 1б). Вид анфас. До реставрации; 4 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 1б). Вид анфас. В ходе реставрации

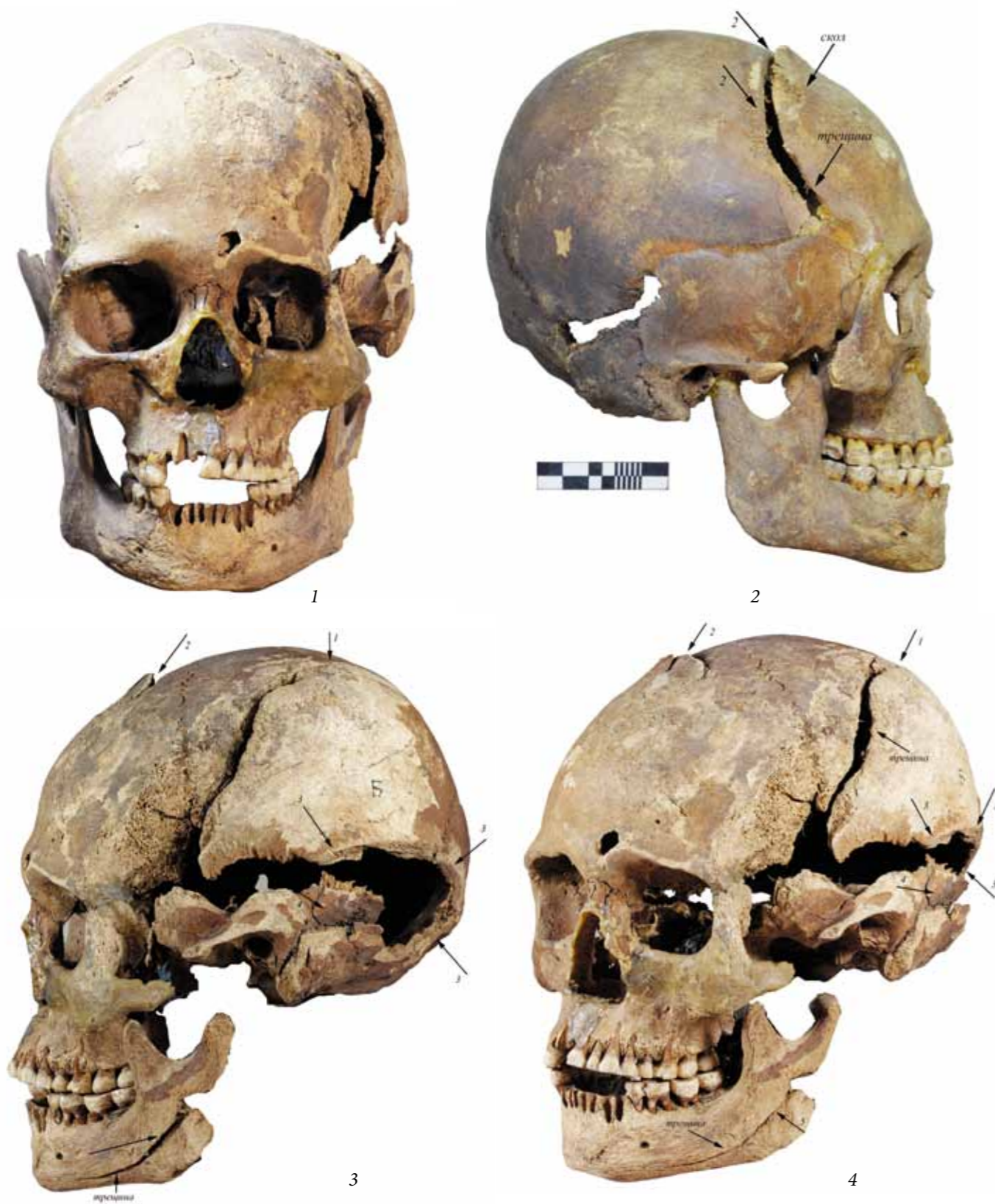

Рис. 4.1. 2. 1 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид анфас. После реставрации; 2 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид в профиль справа. Стрелками указаны разруб 2, скол кортикального слоя и трещина; 3 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид в профиль слева. Стрелками указаны разрубы 1–5 и трещина; 4 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид 3/4 слева. Стрелками указаны разрубы 1–5 и трещины

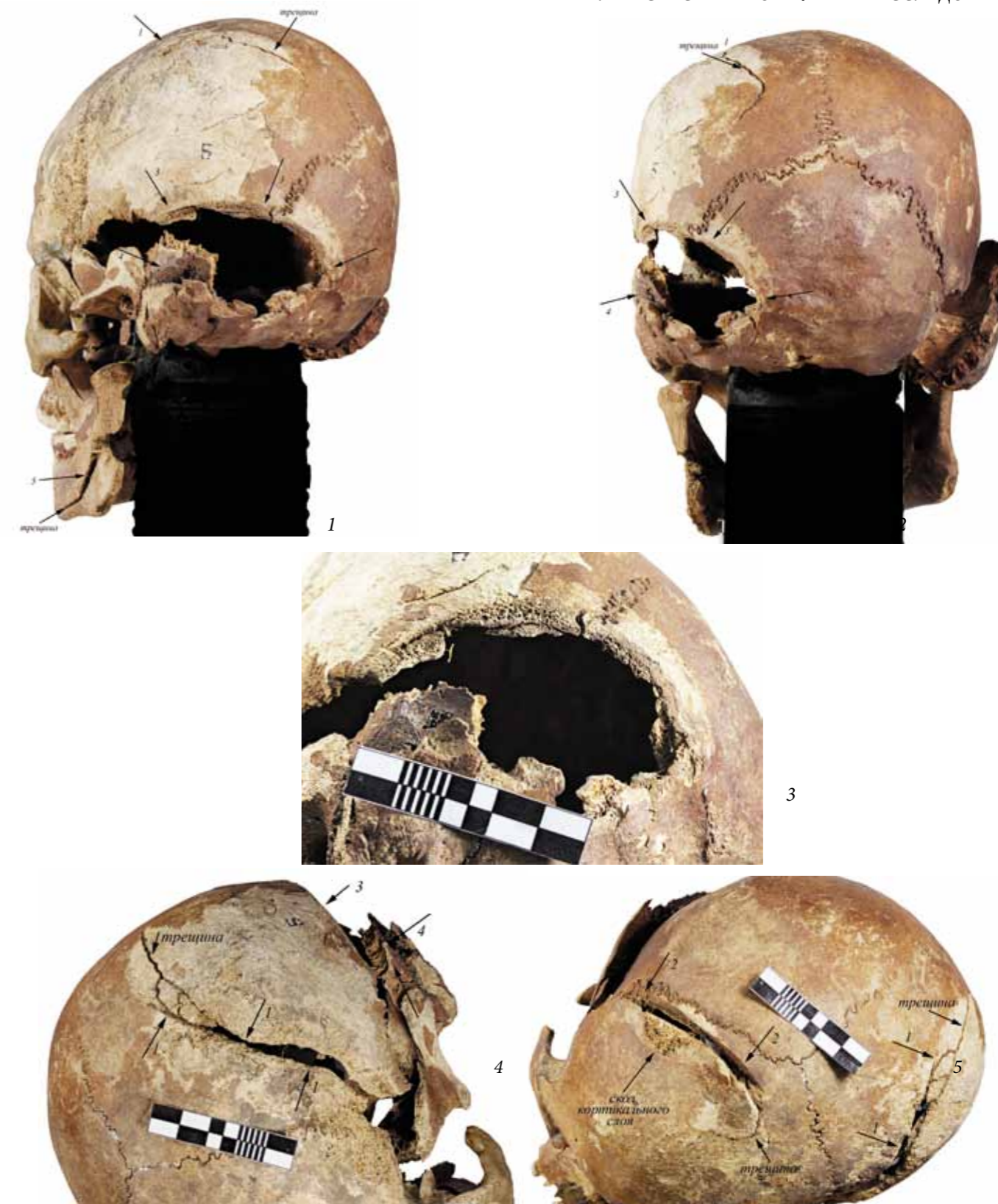

Рис. 4.1.3. 1 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид сзади слева. Стрелками указаны разрубы 1, 3–5 и трещины; 2 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид сзади. Стрелками указаны разрубы 1, 3, 4 и трещины; 3 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Край разруба 3; 4 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид сверху. Стрелками указаны разрубы 1, 3, 4 и трещины; 5 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид сверху. Стрелками указаны разрубы 1, 2, скол кортикального слоя и трещины

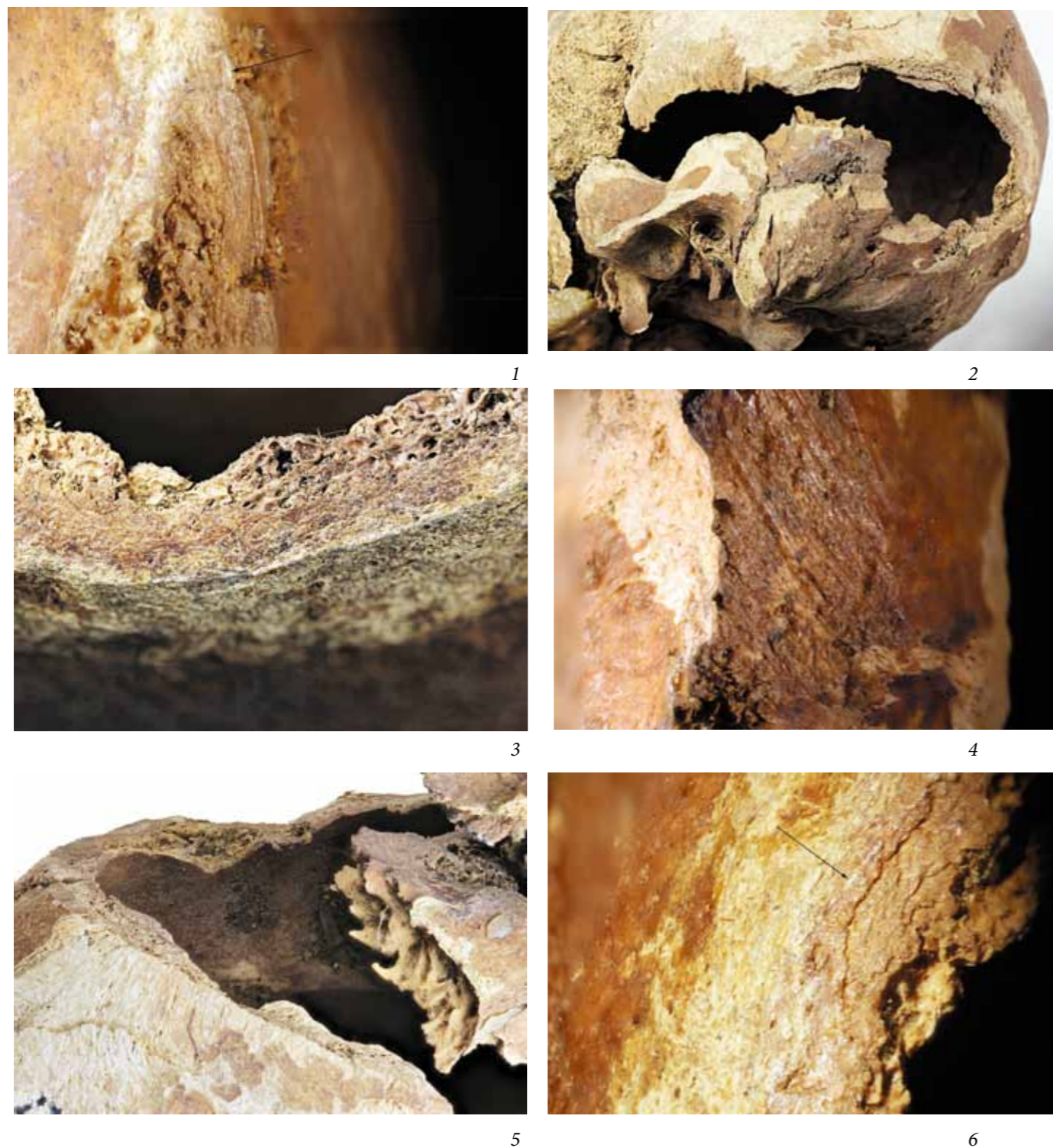

Рис. 4.1.4. 1 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Пятна заполировки и линейные следы на краю разруба 2 (увеличение в 40 раз); 2 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Вид слева. Стрелками указаны разрубы 3 и 4; 3 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5 223, погр. 16). Вид слева. Стрелками указаны разрубы 3 и 4; 4 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5 223, погр. 16). Пятна заполировки и линейные следы на краю разруба 4 (увеличение в 40 раз); 5 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Стрелками указаны разрубы 3 и 4; 6 – череп мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет (№ 5223, погр. 16). Пятна заполировки и линейные следы на краю разруба 3 (увеличение в 40 раз)

Рис. 4.1.5. 1 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 30–35 лет (№ 5224, погр. 1к). Лицевой отдел и лобная кость; 2 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 30–35 лет (№ 5224, погр. 1к). Левая теменная, лобная и затылочная кости, нижняя челюсть; 3 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 30–35 лет (№ 5224, погр. 1к). Степень изношенности жевательной поверхности нижних зубов

Рис. 4.1.6. 1 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 35–50 лет (№ 5225, погр. 1л). Поврежденная мозговая капсула; 2, 3 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 35–50 лет (№ 5225, погр. 1л). Верхние челюстные кости, левая часть нижней челюсти, изолированные зубы; 4 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 35–50 лет (№ 5225, погр. 1л). Степень изношенности жевательной поверхности верхних зубов

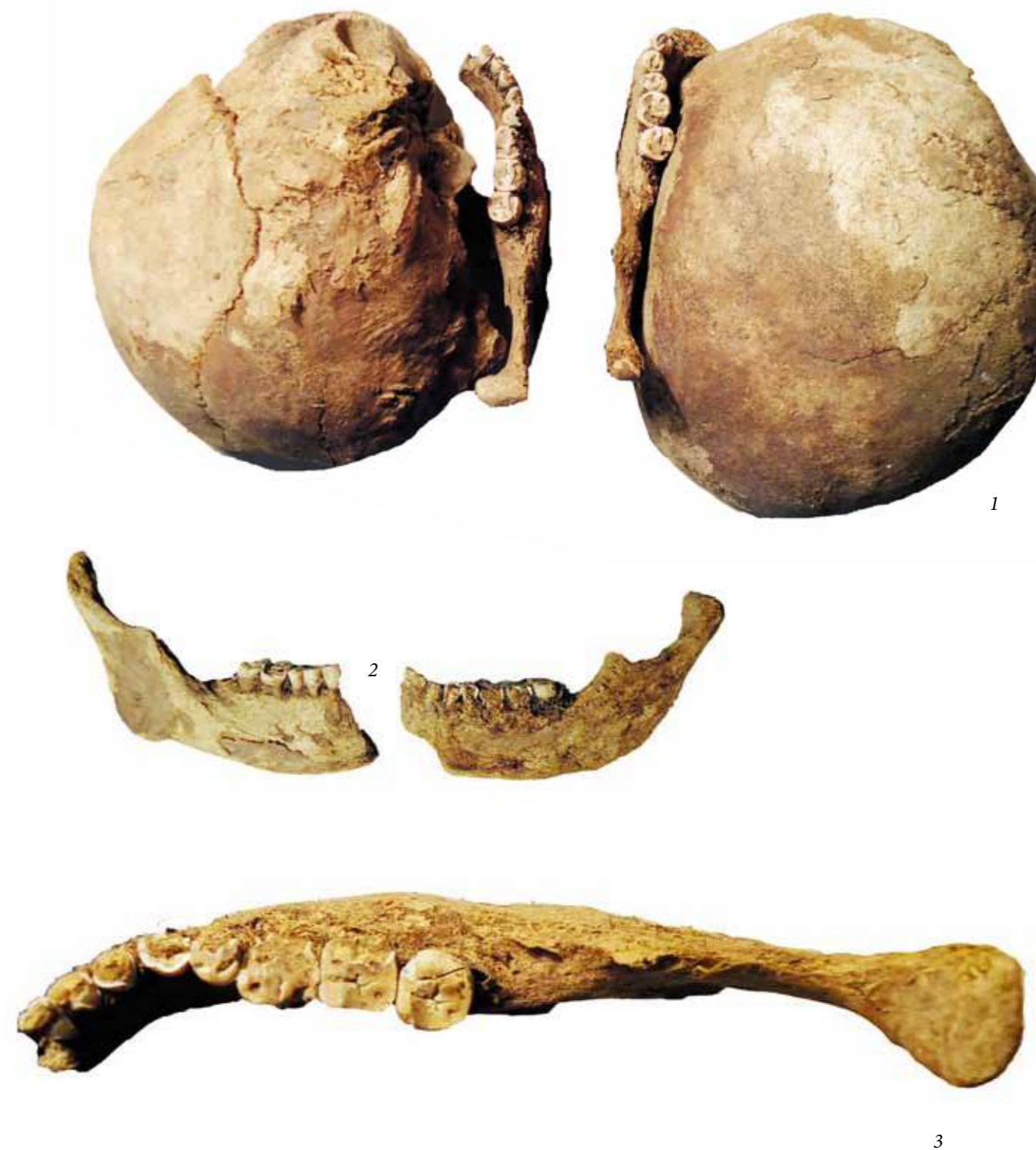

Рис. 4.1.7. 1 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 35–50 лет (№ 5226, погр. 1м). Поврежденный свод черепа (лобная, часть теменных и затылочная кость) и нижняя челюсть; 2 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 35–50 лет (№ 5226, погр. 1м). Нижняя челюсть; 3 – фрагменты черепа мужчины, умершего в возрасте 35–50 лет (№ 5226, погр. 1м). Степень изношенности жевательной поверхности нижних зубов

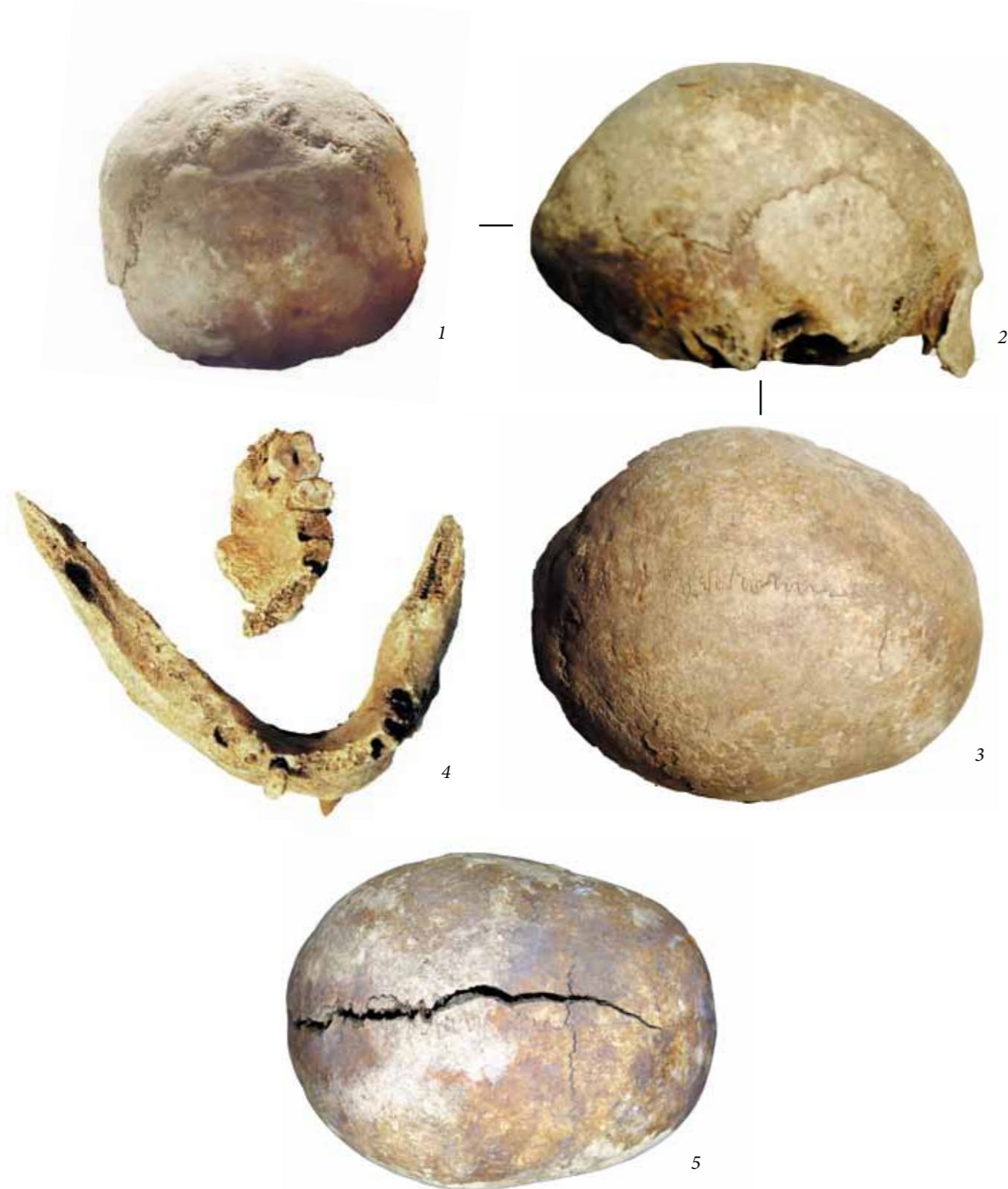

Рис. 4.1.8. 1 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 45–55 лет (№ 5227, погр. 2а). Свод черепа. Вид сзади; 2 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 45–55 лет (№ 5227, погр. 2а). Свод черепа. Вид справа. На височной кости видно повреждение сосцевидного отростка (сруб); 3 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 45–55 лет (№ 5227, погр. 2а); 4 – Фрагмент правых альвеолярного и небного отростков верхней челюсти, нижняя челюсть. Степень изношенности жевательной поверхности зубов; 5 – череп женщины, умершей в возрасте 35–45 лет (№ 5228, погр. 2б). Вид сверху

Рис. 4.1.9. 1 – череп женщины, умершей в возрасте 35–45 лет (№ 5228, погр. 2б). Вид слева; 2 – череп женщины, умершей в возрасте 35–45 лет (№ 5228, погр. 2б): нижняя челюсть. Степень изношенности жевательной поверхности нижних зубов; 3 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 18–22 лет (№ 5229, погр. 3). Свод черепа; 4 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 18–22 лет (№ 5229, погр. 3). Левая теменная кость

Рис. 4.1.10. 1 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 18–22 лет (№ 5229, погр. 3). Фрагменты левой височной и затылочной костей, верхней челюсти, поврежденная нижняя челюсть; 2 – фрагменты черепа женщины, умершей в возрасте 18–22 лет (№ 5229, погр. 3). Степень изношенности жевательной поверхности зубов: а) верхних, б) нижних

Рис. 4.1.11. 1 – фрагменты черепа №№ 622, 692–702; 2 Фрагмент правой верхней челюсти. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семенов; 3 – грудные позвонки, вид сверху. На верхней поверхности правого позвонка крупная центральная депрессия. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семенов; 4 – грудные позвонки, вид сверху. На задних поверхностях позвонков крупные центральные депрессии. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семенов

Рис 4.1.12. 1 – фрагменты лопатки № 353 (нижний фрагмент) и № 355; 2 – диафиз плечевой кости № 379; 3 – диафиз бедренной кости № 450; 4 – диафизы правых плечевых костей. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семеновой; 5 – диафизы левой (внизу) и две правых локтевых кости. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семеновой; 6 – диафизы бедренных костей. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семеновой; 7 – диафизы правых большеберцовых костей. Без шифра. 2011 г., раскоп 2, отвал раскопа В. И. Семеновой

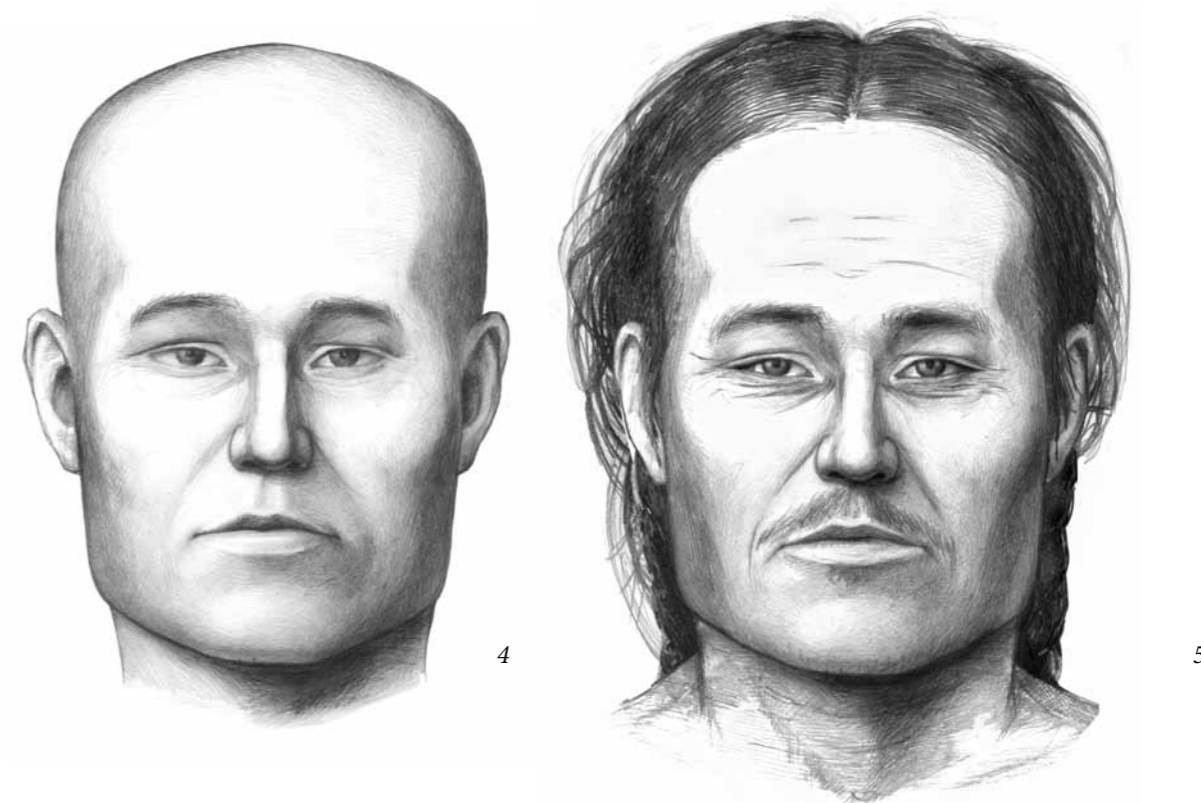
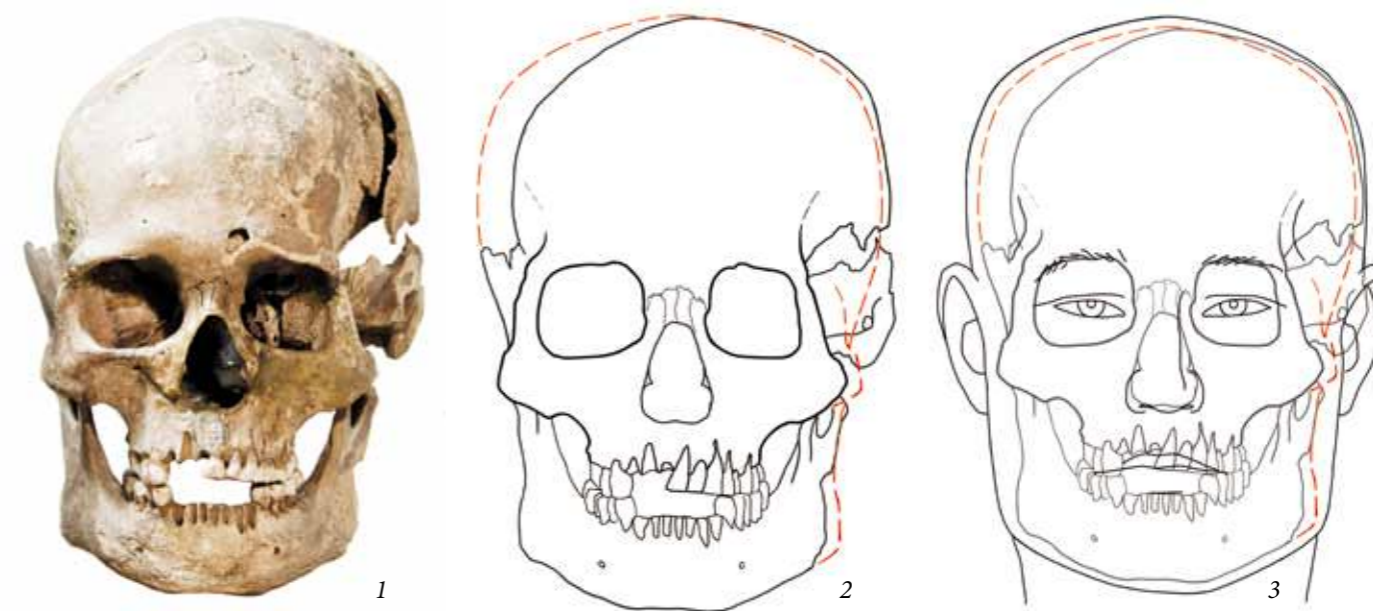

Рис. 4.1.13. Реконструкции черепа мужчины из погребения 16 (анфас): 1 – череп; 2 – краниограмма черепа с нанесенными контурами свода и лицевого отдела черепа; 3 – реставрация черепа и построение схемы лица; 4 – графический портрет; 5 – графический портрет, дополненный прической и возрастными признаками

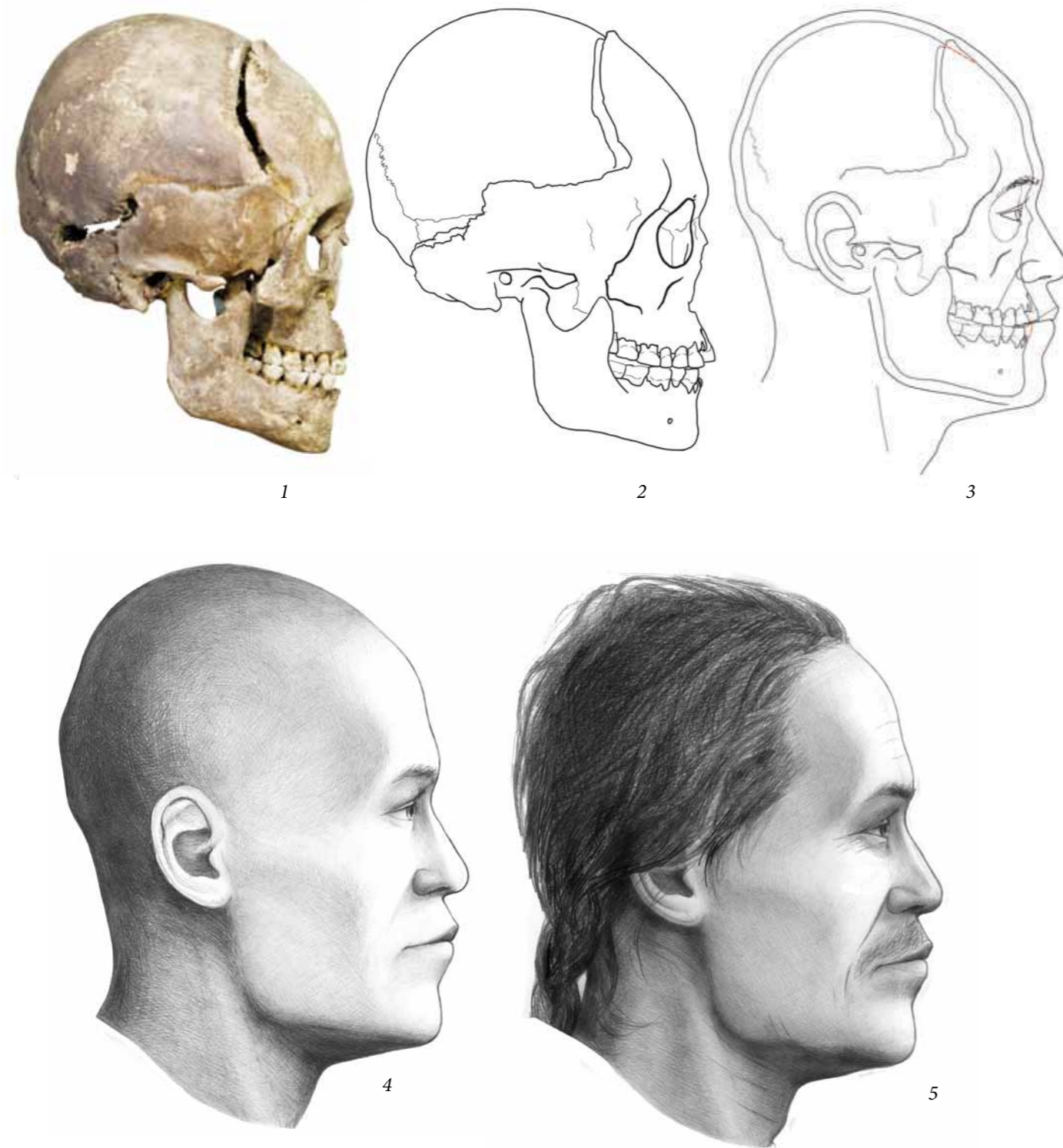

Рис. 4.1.14. Реконструкции черепа мужчины из погребения 16 (профиль): 1 – череп; 2 – краниограмма черепа с нанесенными контурами свода и лицевого отдела черепа; 3 – реставрация черепа и построение схемы лица; 4 – графический портрет; 5 – графический портрет, дополненный прической и возрастными признаками

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.2

Т. В. Лобанова

младш. науч. сотр. лаборатории палеоэкологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН
(г. Екатеринбург)
e-mail: lota_64@mail.ru

П. А. Косинцев

канд. биол. наук, и.о. зав. лаборатории палеоэкологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН
(г. Екатеринбург)
e-mail: kra@iraе.uran.ru

Археозоологическое исследование костных останков животных из раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы¹

Введение. Территория средней тайги Западной Сибири в археозоологическом отношении изучена слабо. Это вызвано рядом причин. В первую очередь, физико-химические свойства песчаных грунтов этой зоны таковы, что кости в них очень быстро разрушаются. Вследствие этого на археологических объектах от мезолита до раннего железного века включительно костные остатки находят крайне редко. В культурных слоях памятников этого времени сохраняются преимущественно кости, подвергшиеся действию огня. В более поздних культурных слоях – средневековья и нового времени – содержатся и «сырые» кости. Для этих периодов достаточно хорошо изучены остеологические комплексы из средневековых святилищ Сургутского Приобья – Барсова Гора I/6 [Косинцев, 2002] и Ермаково I [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988]. Вместе с тем городище Частухинский урий – единственный археологический поселенческий памятник аборигенного населения таежного Приобья, при раскопках которого получена большая археозоологическая коллекция.

Монкысь урий относится к серии городков – административных центров территориальных общин коренного населения, функционировавших в XV–XVII веках в Западной Сибири. На севере Западной Сибири археологически изучено несколько подобных объектов, а также проанализированы материалы их археозоологических коллекций. Это городки Надымский [Кардаш, 2009; 2013а; Визгалов и др., 2013], Полуийский мысовой [Кардаш, 2013б; Лобанова, Кардаш, 2014], Бухта Находка [Кардаш, Лобанова, 2008; Кардаш, 2011], Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001; Косинцев, 2002], Усть-Войкарский [Лобанова, 2003; Бачура, Некрасов, 2010] и другие.

Краткая характеристика памятника и истории его археологических исследований. Развалины городка Монкысь урий (городище Частухинский урий) находятся в Сургутском районе ХМАО – Югры, в 4,3 км к юго-западу от поселка Угут. Географические координаты памятника: 60° 28' 23.6» с. ш., 74° 00' 10.4» в. д. Укрепление расположено на останце террасы левого коренного берега реки Большой Юган (левого притока реки Оби), на правом устьевом мысу (холм Монкысь урий) при впадении ручья Нексап (Нехсап) в старицу Частухинский урий. Высота террасы в месте расположения памятника достигает 7 м от уреза воды.

Городище Частухинский урий (остатки исторического городка Монкысь урий) было обнаружено в первой половине 1980-х годов П. С. Бахлыковым, местным краеведом, основателем Угутского краеведческого музея. Тогда же им были начаты любительские раскопки этого памятника, продолженные учителями и школьниками поселка Угут. Первые научные археологические изыскания были проведены в 1990 году экспедицией Тюменского областного краеведческого музея (ТОКМ) под руководством В. И. Семеновой [2005]. В 2011–2013 годах археологические исследования городища были продолжены экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1»» под руководством Г. П. Визгалова, О. В. Кардаша, Н. В. Шагунова (см. главу 1).

По итогам археологических исследований 2011–2013 годов городок Монкысь урий (городище Частухинский урий) реконструируется как укрепленное поселение овальной в плане формы, далее описываемое как

¹ Работа частично выполнена по проекту РФФИ14 – 04 – 92104.

оборонительно-жилой комплекс. Всего на верхней площадке городища, размером 16×28 м, до начала раскопок фиксировались остатки пяти сооружений. Впадины располагались в два ряда, относительно симметрично центральной оси, выраженной на поверхности в виде валообразной насыпи шириной до 2 м с выступами в промежутках между ямами от строений. Основой фортификации городища служил искусственно сформированный склон холма, окруженный заболоченной поймой реки Большой Юган. Общая исследованная площадь памятника за все годы раскопок составила 900 кв. м, куда помимо жилой зоны входила также часть прилегающей периферийной территории у подножия холма. Четко выраженной границы между оборонительно-жилым комплексом и периферийной территорией не выявлено. Условно эту границу можно провести по периметру подножия холма, где размещался оборонительно-жилой комплекс, поскольку перепад высот на разных участках основания составлял до 2 м. Иными словами, планировочную структуру городка Монкысь урий составляли две основные функциональные зоны. Первая – жилая, снабженная фортификационными сооружениями, или оборонительно-жилой комплекс, вторая – многофункциональная производственно-хозяйственная территория городка, она же – южная периферия.

В культурном слое городища кроме артефактов в большом количестве найдены кости животных и другие органические остатки.

Целью археозоологических исследований является реконструкция хозяйственно-бытовой, промысловой и ритуальной деятельности населения, оставившего этот памятник.

В ходе выполнения этой работы решались следующие задачи:

- определение видового состава животных по сохранившимся костным остаткам;
- определение состава элементов скелета, характера раздробленности, возрастных особенностей и характера модификаций на костях каждого вида;
- характеристика особенностей костных комплексов (видовой состав; состав элементов скелета, характер раздробленности, возрастные особенности и характер модификаций костей каждого вида) по отдельным археологическим объектам;
- вероятностная интерпретация особенностей костных комплексов из отдельных археологических объектов.

Методика археологических исследований и сбора археозоологических материалов. Во время археологических раскопок 1990, 2011–2013 годов на памятнике проводился сбор коллекций и образцов для дальнейшего их анализа в лаборатории. Артефакты и органические остатки фиксировались по участкам-квадратам (далее – уч., кв.) и условным горизонтам. В числе прочих материалов собирались все органические остатки: кости, чешуя, остатки дерева и т. д. Отдельные скопления органики (костей, чешуи) брались с частью культурного слоя и упаковывались отдельно с точной привязкой к объекту. Названия и номера объектам городища (жилища, ямы и др.) давались в процессе археологических раскопок. По завершении полевых работ 2013 г., в камеральных условиях нумерация объектов была уточнена и частично изменена (см. главу 2).

Среди палеоэкологических материалов наиболее многочисленны находки костей животных. Во время полевого сезона все найденные костные остатки промывались, просушивались, упаковывались и снабжались подробными этикетками. Кости, найденные в анатомическом порядке, собирались и упаковывались отдельно. Описание каждого элемента включало: указание видовой принадлежности, элемент скелета и его сохранность; возрастные особенности (степень прирастания эпифизов); состояние зубной системы (для зубов и челюстей); следы внешних воздействий (погрызы, действие пищеварительных ферментов, действие огня, следы резания и разрубания, патологические изменения и т. д.) [Ерохин, Бачура, 2011]. Каждому описанному экземпляру присваивался индивидуальный номер.

На основании полученной информации специалистами-зоологами в процессе камеральных научных исследований для млекопитающих было установлено вероятное количество особей каждого вида в каждой выборке. Для определения и описания костных остатков была использована эталонная коллекция музея Института экологии растений и животных (ИЭРиЖ) УрО РАН.

Вся коллекция костных остатков с городища Частухинский урий состоит из двух частей. Первая включает кости, собранные из непереотложенного культурного слоя, то есть находившиеся *in situ*. Вторая часть происходит из культурного слоя, переотложенного ходе любительских раскопок 1980-х годов и научных полевых исследований 1990 года. Описание коллекции костей, собранных в ходе раскопок 1990 года, было опубликовано ранее [Косинцев, 1994; 2005].

Остатки, видовую принадлежность которых определить не удалось, относились к следующим категориям: млекопитающие, ближе не определимые; птицы, ближе не определимые; рыбы, ближе не определимые. Коллекция костных остатков из раскопок 2011–2013 годов хранится в музее ИЭРиЖ УрО РАН под № 750.²

Распределение костных остатков по территории памятника. Изученные костные остатки стратиграфически и планиграфически связаны с объектами памятника. Они отражают разные этапы освоения и использования человеком этой территории. Археологи выделяют два этапа функционирования памятника – юрты и городок Монкысь урий. Вместе взятые эти этапы представляют собой один небольшой, порядка 150 лет, период хозяйственной и ритуальной деятельности одной этнической группы населения. При этом, как нам представляется, наибольшая часть костей относится к периоду строительства и существования городка Монкысь урий.

Распределение костей на территории городища и прилегающей периферии представлено на рисунке 4.2.1. Необходимо учесть, что все кости, представленные на плане, относятся ко всему хронологическому периоду существования памятника. Часть костей, найденная на склонах холма, попала туда позднее при деформации культурного слоя, связанной с естественными природными процессами.

Все кости животных, обнаруженные на городище, являются кухонными отходами либо результатом ритуальных действий, а во многих случаях представляют собой и то, и другое. На плане распределения костных остатков (рис. 4.2.1) хорошо видно, что количество костей животных в заполнении жилых построек невелико, за исключением отдельных ям и скоплений. Скопления и ямы, содержащие крупные фрагменты скелетов северного оленя, возможно, представляют собой строительные жертвы, связанные с первым периодом функционирования городка Монкысь урий (рис. 4.2.1).

Несколько таких скоплений связаны с постройкой № 2.3 (4). В ее северо-восточной части расположена яма № VII (нумерация – по Семеновой [2005. С. 24–29]). Яма, размерами 96×50 см, овальной формы, была плотно заполнена костями северного оленя. Вверху ее, в самом центре, лежал рог северного оленя, ниже находились фрагменты черепа, зубы и другие кости от трех особей северного оленя (рис. 4.2.4 – 9). Среди костей найдены многочисленные украшения [Там же. С. 86–88]. Подобное скопление костей (яма?), расположенное в южном углу той же постройки на участке С-Т/42-43, осталось от частей туш от двух-трех особей северного оленя. Этот комплекс был описан в процессе раскопок 1990 г., но выделен в результате настоящего исследования. Локализация находки и уровень залегания позволяет предполагать наличие ямы, ниже уровня пола постройки № 2.3 (4), в которой находились кости животных.

Под северным углом постройки № 2.3 (4) на участке Ы-Э/38-39, ур. 45,40 расположена яма № XIX – (рис. 4.2.5 – 18). Яма размером 1,5×1,5 м имела довольно аморфные очертания, в ней находилось 36 костей от нескольких видов животных, но преобладали кости северного оленя. Скопление содержало в том числе и фрагмент кальцинированной лучевой кости бурого медведя. По предположению авторов исследований, эта яма была связана с периодом строительства и функционирования юрт и располагалась приблизительно у северной стены постройки № 2.1 (2) (подробнее см.: Глава 3.2, рис. 2.2.21).

Следующее скопление расположено в районе северо-восточной стены постройки № 2.3(4), на участке С-Т/39-40, ур. 44,80-90 (рис. 4.2.1). Этот комплекс частично был исследован в 1990 г., границы его четко не фиксировались. На площади около четырех квадратных метров было собрано 26 костей животных: 12 – фрагментов ног северного оленя, 4 фрагмента костей лося, нижняя челюсть лисицы и 9 фрагментов неопределенных костей, вероятно, принадлежавших северному оленю. В 2011 г. на этом участке были собраны 41 кость северного оленя, 16 костей лося и 3 кости собаки.

К южной части котлована постройки № 2.5 (6) примыкала яма № VIII (нумерация – по Семеновой), которая также была заполнена костями животных. Основная их часть располагалась по краям ямы. В юго-западной части ямы лежала верхняя часть черепа северного оленя с небольшими рождками, рядом находился фрагмент верхней челюсти того же животного. На самом дне ямы отмечены следы деревянного настила, угольки, куски обожженной глины и кости северного оленя (21 ед.), лося (1), бобра (1) [Там же. С. 24–29].

Такое же скопление, содержащее фрагменты скелетов, в том числе кости голов северного оленя, обнаружено в южном углу постройки № 2.1 (2) (рис. 4.2.1; 4.2.4 – 10).

² Видовое определение костей птиц из раскопок 2011–2013 годов городища Частухинский урий проведено научным сотрудником ИЭРиЖ УрО РАН А. Е. Некрасовым. Костные остатки рыб проанализированы сотрудником того же института, к. б. н. Д. О. Гимрановым. Авторы признательны коллегам за качественно выполненную работу.

Возможно, отражением иного типа хозяйственной и ритуальной деятельности являются большие скопления костей северного оленя и лося, выявленные за пределами жилых построек на южном и северном склонах холма (рис. 4.2.1). Так, в 2011 году на уч. P/41–44 в культурном слое было расчищено большое скопление костей, причем как со следами обработки, так и без нее (рис. 4.2.3 – 18). В 2012–2013 годах было продолжено изучение его на прилегающих участках. Скопление костей продолжалось в юго-западном направлении и фиксировалось, хотя и в меньшем объеме, на уч. П–P/49–50 (рис. 4.2.1). Помимо костных останков животных, в непосредственной близости были обнаружены серебряные монеты, пушечные ядра и другие артефакты. Места, маркированные такими скоплениями и находками, вероятно, можно считать ритуальными площадками.

Несомненно, нельзя отнести к кухонным отходам и находке черепов, их обломков и других костей крупных хищников – медведя, волка, собаки. Целый череп с нижними челюстями бурого медведя был найден при раскопках 1990 года в заполнении погребения № 1. В 2013 году к северу от погребения № 3, на уч. Б–Д"/32–35 было расчищено скопление костей бурого медведя, включавшее и кости головы – целый череп и нижние челюсти (рис. 4.2.6 – 6). В непосредственной близости к западу и востоку от него найдены фрагменты черепов и нижних челюстей лося и северного оленя (рис. 4.2.2 – 6). Отдельные целые черепы и нижние челюсти бурого медведя, обнаруженные на территории городища, возможно, связаны с поминальными культовыми обрядами.

Скопления костей, являющиеся результатом захоронения собак, были зафиксированы у подножия холма, на уч. И–Ж'/52–54, а также в культовом комплексе в северной части городка, на уч. В"/33 (рис. 4.2.8 – 20). Кости головы и передней части тела волка выявлены на уч. Ю–В"/38–39.

Многочисленные разрозненные кости, преимущественно северного оленя и лося, залежавшие на периферии жилой зоны поселка, то есть на склонах холма, были связаны с определенными постройками и являлись, в большинстве своем, кухонными отходами, выброшенными жителями из построек наружу. Как правило, это сильно раздробленные кости посткраниального скелета копытных. В результате пожара во время взятия городка русскими образовался углистый слой. Кости, обнаруженные в верхней части этого слоя, вероятно, представляют собой остатки мясной провизии, которой питались оборонявшие городок ханты. Это были в основном части туш и верхних отделов ног северных оленей.

Описание археозоологической коллекции. Она состоит из 1908 экз. костных остатков (табл. 4.2.1) без учета артефактов, представляющих собой изделия из костей и рогов животных. Млекопитающим принадлежит подавляющее большинство костных остатков – 1892 экз., что составляет 99% от их общего количества. Определены кости 11 видов современных домашних и диких млекопитающих. Из них 207 костей (11%) точно определить не удалось. При этом можно сказать, что в большинстве случаев – это сильно корродированные обломки костей копытных животных: северного оленя и лося. Обнаружены фрагмент трубчатой кости и обломок ребра с поперечными зарубками, предположительно, принадлежавшие лошади.

Помимо костей млекопитающих найдены 6 костей птиц и 8 костей рыб.

Млекопитающие.

Собака – *Canis familiaris* L., 1758. Материал представлен в таблицах 4.2.1 и 4.2.4. Всего обнаружена 81 кость, принадлежавшая, как минимум, шести особям животных, что составляет 4% от общего количества остеологических остатков. Судя по длине трубчатых костей, представлены собаки трех размерных групп. Тем не менее надо отметить, что разница в их размерах невелика, а наиболее крупные особи были не больше современных западносибирских лаек. Почти все останки собак найдены за пределами жилой зоны городка (рис. 4.2.1). Единичные кости этих животных встречаются редко: как правило, это отдельные части скелетов. В южной части городища, на уч. И–П/32–35, обнаружены кости ног (локтевая, лучевая, бедренная) молодой собаки в возрасте до 10 месяцев, парные нижние челюсти и часть задней ноги (тазовая, бедренная, большеберцовая кости) взрослой некрупной собаки, а также отдельные части посткраниального скелета, которые, возможно, принадлежали этим животным.

Остатки ритуального захоронения собаки обнаружены на периферии памятника, у южного подножия холма на уч. З'/54. Сохранилась часть скелета взрослой особи, состоящая из одиннадцати костей. Это фрагмент черепа, парные нижние челюсти, три шейных позвонка, большеберцовая кость, а также обломки тазовых и плечевых костей. Рядом с этим захоронением лежали ритуальные медные наконечники.

Большая часть скелета взрослой собаки (29 костей) была найдена в северной половине жилого комплекса, на уч. В"/33 (рис. 4.2.8 – 20). Остатки животного представлены частью осевого скелета. Найдены эпистрофей, крестец, четыре поясничных и четыре хвостовых позвонка, три ребра, кости таза и кости ног – парные лок-

тевые, бедро, большая и малая берцовые, таранная и метаподии (8 экз.) от одной передней и одной задней лап (рис. 4.2.8 – 9–18). Парные нижние челюсти взрослой собаки, которые, возможно, принадлежали тому же животному, были обнаружены на уч. А–Г"/29–30. Нельзя сказать, относятся или нет к той же особи парные плечевые и большеберцовая кости, залежавшие на соседних участках памятника. Рядом, на склоне холма, найдены кости от одной (?) более мелкой особи: нижняя челюсть, атлант, четыре шейных позвонка, фрагменты лучевой и большеберцовой костей.

Среди костей собак встречаются элементы всех отделов скелета (табл. 4.2.4), отсутствуют лишь фаланги пальцев. Надо отметить, что при находке десяти практически целых нижних челюстей, как минимум, от шести особей, лишь в одном случае зафиксированы фрагменты черепа собаки. Некоторые кости сильно корродированы, но за исключением одной нижней челюсти, в слой кости попали целыми. Лишь однажды были найдены кости молодой собаки в возрасте около года. В остальных случаях это были взрослые особи: судя по стертости зубов, возрастом от трех до шести лет [ср.: Клевезаль, 2007. С. 175].

Кости собак в небольшом количестве регулярно находят на поселениях Сургутского Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002]. Собака входила в состав жертвенных животных [Мошинская, Лукина, 1982; Косинцев, 1999], и ее остатки были обнаружены на некоторых святилищах [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002].

Северный олень – *Rangifer tarandus* L., 1758. Определено 926 костей северного оленя (табл. 4.2.1). Кроме того, еще 130 костей, не имеющих специфических маркеров, вероятно, принадлежали этому же виду, причем 119 из них – это фрагменты диафизов трубчатых костей ног.

Кости северного оленя многочисленны на всей территории памятника (рис. 4.2.1). Наибольшая их концентрация отмечена в ямах и скоплениях внутри жилых помещений, а также на склонах рядом с постройками, куда, по всей видимости, выбрасывались кухонные отходы.

В заполнении ямы № VII (нумерация Семеновой), расположенной в постройке № 2.3 (4), найдены остатки туш северного оленя от трех особей (рис. 4.2.4 – 9) [Семенова, 2005. С. 158]. Это кости головы и ног, частично – осевого скелета от животных в возрасте около 15 месяцев, моложе 36 месяцев и старше шести лет. Значительная часть позвонков, три карпальные и все трубчатые кости конечностей разрублены, часть первых фаланг разбита. Тот факт, что все трубчатые кости, включая часть фаланг, были расколоты, свидетельствует о том, что животные были съедены. То, что кости от трех особей были смешаны, указывает на одномоментный акт их захоронения, совершенный, судя по возрасту молодой особи, в конце лета – начале осени. Подобное скопление костей от двух скелетов северного оленя найдено в яме № VIII [Семенова, 2005. С. 158–159], расположенной в южной части постройки № 2.5 (6).

Помимо ямы № VII, в южном углу постройки № 2.3 (4) и на прилегающих к ней склонах холма было сосредоточено большое количество костей северного оленя (рис. 4.2.1). В яме или двух ямах, на уч. С–Т/42–43 при раскопках 1990 года, были найдены кости, принадлежавшие, как минимум, трем взрослым особям северного оленя. Скопление включало 3 фрагмента затылочной части черепа (один – с пеньками от отпавших рогов) и зубной ряд нижней челюсти. Кроме этого, в него входили целые шейные (4), грудные (11) и поясничные (2) позвонки, а также крестец, 1 лопатка, фрагменты лучевых (7), берцовых (7), бедренных (6), плечевых (2) костей, целая суставная впадина и 1 фрагмент таза, 3 пяточные и 3 таранные кости, 1 кость заплюсны, 2 первые фаланги. Судя по тому, что рога были сброшены, олени были забиты зимой или в начале весны. Скопление было довольно четко локализовано и, вероятно, представляло собой жертвенную яму.

Рядом, на уч. P–C/42–45, ур. 44,64 – 44,86 в южном углу оборонительно жилого комплекса, под южным углом постройки № 2.3 (4) было отмечено скопление костей северного оленя и лося. Оно включало фрагменты лицевого и мозгового отделов черепа животного, фрагменты его нижней челюсти, позвонков, обломки костей поясов, а также верхних и нижних частей конечностей. Часть костей была обожжена. Это скопление отличается от захоронений в ямах тем, что, хотя в составе этого скопления имеются все элементы скелета, но большая их часть сильно раздроблена. Скопление не имеет четких границ и содержит небольшое число костей других животных. Данный комплекс в археологической нумерации именуется десятым, и интерпретируется как ритуальный, поскольку в его составе обнаружены серебряные монеты.

Скопление останков посткраниального скелета северного оленя, содержащее также кости лося и бобра, расположенное у восточной стены постройки № 2.3(4) и за ее пределами (рис. 4.2.1), возможно, представляет собой яму с кухонными отходами.

На южном склоне, на уч. Ж–П/32–38, преобладают кости верхних и нижних частей конечностей. Здесь найдено много метаподий, мелких костей запястья, заплюсны и фаланг (рис. 4.2.5 – 6–14) и очень мало – костей осевого скелета. Все кости довольно сильно раздроблены и вероятно представляют собой кухонные отходы.

В южном углу постройки № 2.1(2) (уч. С/37, ур. 44.90 м) обнаружен череп северного оленя (рис. 4.2.4 – 10). Рядом с ним, на уч. Р–Т/37–38, найдены 2 фрагмента нижней челюсти, 4 фрагмента рогов (рис. 4.2.4 – 1–3), а также четыре фаланги и три фрагмента метаподий того же животного. Возможно, кости головы и нижних частей ног, которые могли остаться на жертвенной шкуре, были связаны с погребением 1 и остались от каких-то погребальных или поминальных обрядов.

Довольно много костей северного оленя обнаружено на северной периферии жилого комплекса, на уч. Б"–Д"/30–37. Здесь была сосредоточена большая часть нижних челюстей и рогов этого животного (рис. 4.2.4 – 4, 5).

Только северному оленю принадлежат кости, происходящие из верхнего углистого слоя городища. Среди них имеются все отделы скелета, но преобладают кости туловища и проксимальных частей конечностей (77,8%). Они происходят, вероятно, от трех взрослых и старых особей.

Среди костных остатков северного оленя представлены все части скелета (табл. 4.2.2, 4.2.3), что свидетельствует о том, что на поселении разделялись целые туши. Тем не менее следует отметить, что основная часть костей осевого скелета – позвонков и ребер (табл. 4.2.3) – сосредоточена в ямах, расположенных в котлованах жилищ. За пределами ям этих элементов скелета очень мало. По-видимому, это связано с тем, что для особых ритуальных действий в качестве жертвы использовались домашние олени, которых забивали и разделявали прямо на поселении. В то время как добытых диких оленей разделяли за его пределами и в городок доставляли только наиболее мясные части туш.

Забивались особи разного возраста – от молодых (12–18 месяцев) до старых, но в коллекции городища преобладают кости взрослых животных (96%). При разделке туши голова отрубалась по второму шейному позвонку (рис. 4.2.4 – 8), нижние концы ног отрубались, нижние челюсти разрубались на 3–4 части (рис. 4.2.4. – 6–7), трубчатые кости и фаланги раскалывались для извлечения костного мозга (рис. 4.2.5. – 6–11, 15, 16). Метаподии раскалывались поперек, посередине диафиза, затем раскалывались верхние, а нижние концы разрубались вдоль (рис. 4.2.5 – 6–8). Кости ног сильно раздроблены, не встречено ни одной целой трубчатой кости верхних и нижних отделов конечностей. Среди костных остатков трубчатых костей 66% составляют фрагменты диафизов (табл. 4.2.2). Наименее раздроблены лучевые и локтевые кости (рис. 4.2.5. – 4). Даже среди первых и вторых фаланг расколотыми оказались 84%. Целыми сохранялись только часть мелких костей запястья и заплюсны (рис. 4.2.5 – 12–14). Некоторые черепа имеют приросшие рога, что указывает на то, что животные, вероятнее всего, были забиты в осенний период. Судя по состоянию зубной системы, одна особь была убита в конце лета – начале осени (ее кости происходят из ямы в жилище), другая – в первой половине зимы (межжилищное пространство).

Лишь 2% костей имеют следы погрызов собаками. При этом надо отметить, что на костях из ям следов погрызов нет. Большая часть рогов имеет следы обработки (рис. 4.2.4. – 1–5). Для изготовления различных изделий использовались также лопатки и метаподии (рис. 4.2.5. – 1–3, 5, 8). Наиболее многочисленная сохранившаяся категория артефактов из костей северного оленя – это наконечники стрел, а также элементы упряжи.

В данной работе кости домашней и дикой форм оленя не разделены. Обе эти формы могли добываться и забиваться круглый год. При этом остатки оленей являются одной из самых многочисленных категорий остеологического материала на археологических памятниках Сургутского Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002; 2003]. Входил северный олень и в состав жертвенных животных [Косинцев, 1999]. Его остатки найдены на всех святилищах, где изучены костные комплексы [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002]

Лось – *Alces alces* L., 1758. Определено 307 костей лося. Еще 60 фрагментов диафизов трубчатых костей не несущих специфических маркеров, вероятно, также принадлежат этому виду.

Кости лося встречаются во всех частях городища (рис. 4.2.1), но, в отличие от костей северного оленя, не образуют скоплений, характерных для ритуальных захоронений целых животных в ямах. Расположение крупных фрагментов костей головы (рогов, черепов и челюстей) в непосредственной близости от погребений, по-видимому, связано с погребальной и/или поминальной обрядностью.

Рядом с погребением № 1, на уч. Р/30, находился большой фрагмент затылочной части черепа самки лося (рис. 4.2 – 6–7) и обломок ее нижней челюсти. Немного южнее, на склоне, обнаружен крупный рог лося с пятью отростками (рис. 4.2.2 – 1), а также осколки черепа и нижних челюстей. Похожие скопления фрагментов рогов, черепов и нижних челюстей лося были расчищены на северо-западном склоне городища, рядом с погребением № 3. На уч. Я/30 найден фрагмент задней части черепа, принадлежавший взрослому самцу лося (рис. 4.2.2 – 2). Мозговой отдел черепа в древности был отрублен от лицевого, а затем разрублен вдоль по саггитальной оси. Судя по тому, что рога были сброшены, животное было убито в период с конца осени до середины весны. Рядом с погребением, в заполнении котлована постройки № 2.5(6) были найдены верхняя челюсть, фрагменты двух рогов и зубные ряды трех нижних челюстей, а также несколько крупных фрагментов трубчатых костей. К северу от погребения № 3, рядом со скоплением костей медведя и собаки сохранились обломки двух зубных рядов от разных черепов и крупные фрагменты от трех разных нижних челюстей лося (рис. 4.2.2 – 3–5). В северо-восточной части оборонительно-жилого комплекса преобладают кости поясов и верхних отделов конечностей этого животного.

Довольно много костей лося залегало и на южных склонах холма.

Фрагмент черепа с основанием отрезанного рога был найден в южной части оборонительно-жилого комплекса. Рядом – в юго-восточном углу постройки № 2.3(4), на уч. Р/42–44 – были расчищены несколько фрагментов нижних челюстей и черепов (рис. 4.2.3 – 18).

Среди костных остатков лося представлены все отделы его скелета (табл. 4.2.3; рис. 4.2.2–4.2.3), но преобладают кости головы, а также поясов и верхних частей конечностей животного. Очень мало сохранилось позвонков и элементов нижних частей ног. Раздробленность костей лося сходна с таковой у северного оленя (табл. 4.2.2). Вероятно, туши обоих видов животных разделялись сходным образом. Целыми сохранились лишь 5,5% всех костей лося. Это часть мелких костей запястья и заплюсны (рис. 4.2.3 – 15, 17). Все трубчатые кости, метаподии, первые и вторые фаланги расколоты (рис. 4.2.3 – 1, 5–14).

Только две кости лося принадлежали полувзрослым особям в возрасте до трех лет, все остальные происходят от вполне взрослых животных.

Собаками погрызены 5% костей. Кости лося использовались для изготовления различных изделий: 8% костей несут следы обработки. Метаподии (8 экз.) и трубчатые кости (11 экз.) раскалывались вдоль (рис. 5.2 – 9–12). Из довольно массивных стенок их диафизов изготавливались бронебойные наконечники стрел, представленные в коллекции артефактов. Найдены пять лопаток лося со следами обработки, при этом у трех из них срезаны гребни.

Промысел лося возможен круглый год. Его остатки многочисленны на памятниках Сургутского Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002; 2003].

Медведь бурый – *Ursus arctos* L., 1758. Кости медведя наиболее многочисленны среди костных остатков хищных млекопитающих (табл. 4.2.1, 4.2.4). Всего определена 51 кость от животных этого вида. Кроме того, в коллекции имеется еще один фрагмент диафиза трубчатой кости, который, вероятно, также принадлежал бурому медведю.

Распределение костей медведя представлено на рисунке 4.2.1. В отличие от костей копытных, распределение костей медведя по территории городища носит более локальный характер. Основная масса костных остатков медведя была сосредоточена на южной (14 экз.) и северной (22 экз.) периферии оборонительно-жилого комплекса. Кроме этого, кости головы взрослого медведя (целые череп и нижние челюсти) обнаружены над погребением № 1, а отрубленный верхний конец локтевой кости и отбитая нижняя половина плечевой кости от взрослой особи зверя зафиксированы в постройке № 2.3 (4), рядом с захоронением. Две целые метаподии, фаланга и фрагмент большеберцовой кости залегали в постройке № 2.5 (6). Четыре кости найдены в северо-западной части постройки № 2.9.2, одна из них кальцинирована. На южном склоне зафиксирована целая кальцинированная первая фаланга небольшого размера, по всей вероятности, принадлежавшая самке медведя. Здесь же найден верхний конец бедренной кости, отрубленной двумя ударами, произведенными в разных плоскостях. Другой фрагмент бедренной кости лежал у подножия холма, на уч. У/51.

В 2013 году в северном углу оборонительно-жилого комплекса на уч. Г"/33 были расчищены кости головы взрослой особи бурого медведя (рис. 4.2.6 – 6). Череп целый, его мозговой отдел пробит справа (рис. 4.2.6 – 1–3), симметричные отверстия на костях лицевого отдела, возможно, связаны с коррозией. Нижние челюсти целые (рис. 4.2.6 – 4–5), но нижние клыки намеренно сбиты наполовину одним или несколькими ударами

(рис. 4.2.6 – 4а–5а). На соседнем участке найдены целая левая лопатка (рис. 4.2.7 – 1) и кости передних и задних конечностей медведя, принадлежавшие, как минимум, трем особям. Три кости – левые бедро (рис. 4.2.7 – 2), локтевая и лучевая – относились, по-видимому, к одному полувзрослому животному, судя по состоянию эпифизов, возрастом не более трех лет. Там же находились целые левые лучевая и локтевая кости от одной взрослой особи (рис. 4.2.7 – 4–5), а также локтевая кость от другого взрослого животного (рис. 4.2.7 – 3). Вероятно, от одной из этих передних лап сохранились кости запястья, метаподия и первая фаланга.

На юго-восточном склоне холма, на уч. К–П/35–38, залегали кости левой и правой передних лап взрослого медведя (пять целых метаподий, две первые и одна третья фаланги), возможно, от одной особи (рис. 4.2.7 – 6–7), а также позвонки и фрагменты диафизов бедренной, большеберцовой и верхнего конца локтевой костей зверя.

Несмотря на то что большая часть костей сильно корродированна, на семи трубчатых костях медведя хорошо заметны следы разделки. Верхние концы локтевых и бедренных костей отрублены (рис. 4.2.7 – 2–3), а две, вероятно, были ровно обрезаны ножом. Нижние концы плечевых костей отрублены, на задней стенке одной из них ножом вырезан выступ (рис. 4.2.7 – 8, 9, 9а). Погрызов собак на костях нет.

Численность бурого медведя в таежной зоне Западной Сибири высока. Промысел наиболее эффективен зимой на берлоге. В это время добывается большая часть особей [Визгалов и др., 2013]. Кости бурого медведя найдены на ряде памятников Сургутского Приобья: Барсов городок: I/31, I/32, I/6, IV/1, IV/10; Кучиминское IX, Ермаково XI, Каменные пески [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002; 2003]. На большинстве этих памятников выявлены объекты, которые интерпретируются как святилища.

Волк – *Canis lupus L.*, 1758. Всего определено 17 костей этого вида, как минимум, от трех особей (табл. 4.2.1, 4.2.4).

При раскопках 2012 года в западном углу постройки № 2.9.2, на уч. Ю–В"/39, расчищено 13 костей волка, вероятно, принадлежавших одному взрослому зверю (рис. 4.2.1). Сохранились череп, левая нижняя челюсть, все позвонки шеи, кроме первого, и пять следующих за ними грудных позвонков (рис. 4.2.8 – 1–6). Кости головы (череп и нижняя челюсть) залегали на уч. Ю/39, в яме, ниже уровня пола постройки (рис. 4.2.8 – 15), в то время как шейные позвонки были расположены в культурном слое выше. В стволе седьмого шейного позвонка сохранился фрагмент вставленной внутрь ветки дерева (рис. 4.2.8 – 5). Грудные позвонки обнаружены отдельно – в развале чувала постройки. Вероятно, часть позвоночного столба и голова волка были насажены на ветку дерева и хранились (коптились?) возле чувала. Согласно археологическим данным, чувал этой постройки в какой-то период ее функционирования был демонтирован и в дальнейшем приподнят на 15–20 см выше (подробнее см.: Глава 2.2). Вероятно, при перестройке очага в углу постройки была выкопана яма, в которой и были захоронены кости волка. При этом кости головы зверя оказались ниже остальных. Обнаруженный череп – целый, клыки отсутствовали, зубы немного стертые, один из них (M2) утерян при жизни, альвеола заросла, а в правой части лицевого отдела прослеживается отверстие, возможно, искусственное (рис. 4.2.8 – 1–3). Нижняя челюсть целая, клык сбит в дорзальном и вентральном направлениях (рис. 4.8 – 4).

Целая лопатка взрослого волка найдена на южной периферии городка, на уч. P/43. Целый эпистрофей, принадлежавший взрослому хищнику, обнаружен на юго-западном склоне холма. Нижняя половина лучевой кости зверя залегала в переотложенном слое раскопа 1990 года. Фрагмент диафиза плечевой кости молодой особи найден на уч. Ф/31.

Волк – обычный вид для среднетаежной зоны Западной Сибири. Добыча его возможна круглый год. Немногочисленные кости этого зверя найдены на ряде поселений Сургутского Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 2002; 2003], но на святилищах его останки не известны [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 1999; 2002].

Лисица – *Vulpes vulpes L.*, 1758. Находки костей лисицы единичны и представлены исключительно нижними челюстями (табл. 4.2.4). При раскопках 1990 года в юго-западной части оборонительно-жилого комплекса, на уч. С/32, найдена целая левая половина нижней челюсти взрослой особи, а в котловане постройки № 2.3 (4) – правая половина нижней челюсти взрослой особи с отломанной суставной частью. В полевых сезонах 2011 и 2012 годов в западной части постройки № 2.5(6), на уч. Ч/32, обнаружены зубные ряды парных нижних челюстей. На южном склоне холма (уч. О/49) найден сильно корродированный фрагмент левой нижней челюсти, а в северо-западной части городища – зубной ряд левой нижней челюсти (рис. 4.2.9 – 11).

Такая избирательность вероятна, если предположить, что из нижних челюстей лисиц обычно изготавливались подвески, поскольку почти все челюсти обломаны в месте сверления отверстий.

Лисица является обычным видом зверей, обитающих в таежной зоне Западной Сибири. Тем не менее, судя по небольшому количеству костных остатков и их избирательности, добытых животных в городок Монкысь урий не приносили и в пищу не использовали. Ее остатки найдены на некоторых святилищах [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 1999; 2002].

Песец – *Alopex alopex L.*, 1758. Фрагмент черепа и нижняя половина большеберцовой кости взрослых особей обнаружены на юго-восточном склоне холма, на уч. К–О/33–37.

Это редкий вид зверя для таежной зоны Западной Сибири. Как правило, сюда песец заходит во время зимних миграций при недостатке корма в основной части ареала [Корытин и др., 1995]. На других памятниках этого региона найдены лишь единичные кости песца [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988].

Росомаха – *Gulo gulo L.*, 1758. Единственная находка костей этого вида – целая правая половина нижней челюсти взрослой особи, происходящая из заполнения постройки № 2.5 (6), на уч. Ш/37. Остатки росомахи редки крайне редки как на поселениях, так и святилищах Сургутского Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 1999; 2002; 2003].

Соболь – *Martes zibellina L.*, 1758. Этот вид представлен двумя нижними челюстями от взрослых животных. Подвеска из нижней челюсти найдена в северной части холма, на уч. Б"/33. Другая нижняя челюсть с отломанной суставной частью находилась в южной части жилого комплекса. Возможно, это также была подвеска, которая сломалась в месте сверления.

Подобные подвески из нижних челюстей хищников (соболей, песцов, лисиц) в средневековье были широко распространены на большей части Нижнего и Среднего Приобья [Кардаш, 2013а. С. 136].

Соболь – традиционный объект охоты, его остатки найдены на некоторых святилищах таежного Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 1999; 2002; 2003]. Судя по малочисленности находок костей этого вида, население городка Монкысь урий не занималось пушной охотой на соболя в непосредственной близости от поселения.

Заяц-беляк – *Lepus timidus L.*, 1758. На северной периферии оборонительно-жилого комплекса найдены единичные кости этого вида, а именно: фрагмент черепа (верхняя челюсть с целым зубным рядом), обломок таза, целая большеберцовая кость (рис. 4.2.9. – 4). Нижняя челюсть зайца была обнаружена в юго-восточной части памятника, у подножия холма (рис. 4.2.9 – 3). Все кости происходят от взрослых животных.

Судя по малому количеству костных остатков, можно сказать, что специально заяц не добывался, хотя численность и промысел этого животного в различные периоды в данном районе были весьма значительны [Дунин-Горкавич, 1995. С. 147]. Промысел зайца наиболее эффективен зимой, когда зверек имеет красивый белый мех и набивает тропы в снегу, на которых охотники ставят петли-ловушки. Его остатки обычны, но не многочисленны, на других поселенческих памятниках Сургутского Приобья и редки на святилищах [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 1999; 2002; 2003].

Бобр – *Castor fiber L.*, 1758. Материалы о его находках на городище Частухинский урий представлены в таблицах 4.2.1 и 4.2.4. Всего на памятнике обнаружено 63 кости бобра, включая изолированные зубы. Кости бобра были распространены по всей территории памятника (рис. 4.2.1.). Среди элементов скелета зверя представлены кости головы, поясов и верхних отделов конечностей (табл. 4.2.4; рис. 4.2.9. – 1, 2, 5–10). При относительно большом количестве нижних челюстей, найдено только два небольших фрагмента черепа. Полностью отсутствуют кости нижних частей лап и кости осевого скелета, за исключением четырех сросшихся хвостовых позвонков от одной особи и одного ребра. Трубочатые кости конечностей бобра – целые либо разрублены пополам. Эпифизы, как наиболее мягкие части, сильно корродированны. Все нижние челюсти имеют целые зубные ряды. Около 20% костей принадлежит молодым животным, добытым в осенний период (рис. 4.2.8 – 5–8).

Бобр был одним из основных промысловых видов Западной Сибири на протяжении всего голоцена. Он добывался для получения мяса, шкуры и бобровой струи [Визгалов и др., 2013]. Его остатки многочисленны на средневековых поселениях и есть на ряде святилищ [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988; Косинцев, 1999;

2002; 2003]. Промысел его возможен круглый год, так как бобровые семьи живут круглый год на одном месте, и только молодой после достижения двухлетнего возраста переселяется на новые места [Огнев, 1947].

Птица. Всего обнаружено 6 костей птиц. Из них определены кости глухаря (*Tetrao urogalus*), принадлежавшие двум самцам и самке, а также кость рябчика (*Tetrastes bonasia*). Это промысловые виды – обычные для таежной зоны Западной Сибири.

Рыба. Всего обнаружено 8 костей рыб. Из них определены 3 кости щуки (*Esox lucius*), по 2 кости – язя (*Leuciscus idus*) и налима (*Lota lota*). Безусловно, остатков ихтиофауны должно было быть гораздо больше. Дело в том, что в песчаных грунтах таежного Приобья «сырая» кость практически не сохраняется и полностью сгнивает, а кальцинированная, залегающая в очагах, обычно доходит только частично. При этом мелкие кости рыб могут быть собраны только при просеивании культурного слоя [Некрасов, Косинцев, 2011]. Кроме того, рыба, принесенная на поселение, практически полностью используется человеком или поедается без отходов собаками. В культурный слой памятника обычно попадает очень мало ее остатков. О том, что рыбы в городке Монкысь урий было много, свидетельствуют большие скопления ее чешуи, обнаруженные в культурном слое городища.

В юго-западной части постройки № 2.9.2. было расчищено два больших скопления рыбьей чешуи. Скопление № 1 было расположено у южной стены постройки, на уч. Ю/40. Чешуя в нем залегала сплошным, но локальным слоем, диаметром около 25–30 см, мощностью до 20 см (рис. 4.2.9 – 12–13). Нижняя часть скопления была зафиксирована на уровне пола постройки (рис. 4.2.10 – 1, 2). Скопление чешуи № 2, размером 65×30 см, было расположено под слоем бересты, под полом постройки № 2.9.2, на уч. А"/38–39 (рис. 4.2.10 – 3, 4). Небольшое скопление чешуи (№ 4) зафиксировано при раскопках 2013 года на уч. Б"/38. Оно залегало между восточным углом постройки № 2.5 (6) и северным углом постройки № 2.9.2. Возможно, оно относилось к периоду юрт и локализовалось в постройке № 1.9.1. Большое скопление № 3 обнаружено на южной периферии городка, на уч. П/45 (рис. 4.2.1).

Нет оснований полагать, что мы имеем дело с кухонными отходами, поскольку границы скоплений были четко очерчены и ни сами скопления, ни культурный слой вокруг не содержали костей рыб или каких-либо других включений. Вероятно, чешуя собиралась специально, возможно, в берестяные туеса, и впоследствии использовалась для изготовления рыбьего клея. Образцы объемом 50–100 мл, взятые из скоплений № 1–3, были переданы для видового анализа рыб к. б. н. И. В. Аскееву в Лабораторию биомониторинга Института проблем экологии и недропользования Академия Наук Республики Татарстан. Результаты этих исследований приведены в Приложении 4.3.

Обсуждение результатов. Рассмотренный материал свидетельствует об очень большой роли северного оленя в жизни населения, оставившего этот памятник. Кости оленя наиболее многочисленны на памятнике. Мясо этого животного было одним из главных источников белковой пищи. Судя по степени раздробленности костей, туши оленя использовались полностью. Даже кости животных, забитых в ритуальных целях, мелко дробились для извлечения костного мозга. Северный олень по количеству костных остатков занимает первое место и на других поселениях среднетаежной подзоны Западной Сибири. Подавляющее большинство его костей на этих памятниках принадлежало взрослым особям. Кости сильно раздроблены, поэтому различить дикую и домашнюю формы невозможно. Тем не менее по некоторым косвенным данным можно говорить о наличии костей обеих форм [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988]. Этнографические наблюдения показывают, что и в более поздние исторические периоды население таежной зоны Западной Сибири имело незначительное количество домашних оленей [Шатилов, 1931]. Исходя из этого, можно предположить, что существенная часть костных остатков, найденных на городище Монкысь урий, принадлежит дикой форме. Домашние олени, вероятно, использовались как транспортные животные, на что указывают находки элементов оленьей упряжи и деталей нарт на поселении (см.: глава 2, раздел 2.3.7). Транспортное оленеводство было необходимо, в том числе и для транспортировки с места охоты в городок Монкысь урий туш добытых лосей и диких оленей. Кроме того, домашние олени, вероятно, забивались при сооружении построек городища для принесения богам и духам строительных жертв. Дело в том, что костные остатки из ям явно содержат части целых туш съеденных и одновременно захороненных животных. Ямы с такими захоронениями заметно отличаются от объектов остальной территории городища по соотношению отделов скелета забитых животных. Лишь в ямах содержатся кости от всех частей тела съеденных животных, в то время как среди костей, выброшенных из построек в качестве кухонных отходов, преобладают мясные части тела – пояса и верхние отделы

конечностей (табл. 4.2.3). Кроме того, нет ни одной ямы или компактного скопления, содержащего захоронение костей лося. Использование домашних северных оленей в качестве жертвенных животных говорит о хорошей обеспеченности жителей городка пищей.

Помимо домашнего северного оленя, судя по большому количеству костных остатков, на городке содержали и разводили собак. Размеры собак не сильно варьируют и близки к современным западносибирским лайкам. Таких животных можно использовать как для формирования упряжек, так и для охоты. Между тем отсутствие в материалах памятника костей более мелких особей, по размерам близких к оленегонным лайкам, говорит о том, что у жителей поселка, вероятно, не было отгонного оленеводства, а было только так называемое «избяное», или «дымокурное».

По крайней мере, два скопления костей собак можно интерпретировать как ритуальные захоронения. Находки захоронений собак могли быть связаны с обрядами жертвоприношения. Такие жертвоприношения известны в ритуальной практике северных ханты [Мошинская, Лукина, 1982; Первалова, 2004]. Подобные захоронения собак в качестве строительных жертв описаны в Полуйском мысовом городке [Кардаш, 2013б; Лобанова, Кардаш, 2014]

Интересен факт, что при относительно большом количестве костей собак практически отсутствуют их черепа. Вероятно, черепа собак использовались в ритуалах, проводимых за территорией городища.

Основным занятием, обеспечивавшим питание жителей, был промысел лося и дикого северного оленя. Мясо этих копытных служило основой белкового питания населения городка. Если предположить, что кости из ям принадлежат домашнему северному оленю, то количество костей дикого оленя ненамного превышает количество костей лося. Тем не менее с учетом разницы в размерах этих копытных можно сказать, что мясо лося играло решающую роль в питании жителей Монкысь урия. Охота на лося, скорее всего, была одним из важнейших видов хозяйственной деятельности населения. Анализ археологического материала дает картину многосторонней утилизации добытых (диких) или забитых (домашних) животных. Находки скребков для обработки шкур, а также изделий из кости и рога (см.: глава 2, раздел 2.3), свидетельствуют о полной утилизации добытых животных.

Среди диких видов млекопитающих, помимо копытных, наибольшее количество костных остатков принадлежит бобру и бурому медведю. Бобра, вероятно, добывали ради шкур, а его мясо использовали в пищу. Между тем малое количество его костей не позволяет говорить об интенсивном промысле этого зверя.

Медведь в системе жизнедеятельности и представлениях коренного населения Западной Сибири среди животных занимает особо почетное, даже культово-мифологическое, положение [Визгалов и др., 2013]. Несмотря на это, судя по находкам относительно большого количества костей, найденных в городке Монкысь урий, и их особенностям, можно сказать, что медведя жители поселка все же добывали. Мясо зверя шло в пищу, а головы, лапы и, возможно, другие части тела использовали при проведении различных религиозных обрядов.

На долю пушных видов (без учета остатков бобра) в материалах памятника приходится 1,5% от костных остатков млекопитающих. Это такие звери, как соболь, лисица, волк, песец, заяц, которые добывались, вероятно, вдали от поселка. Тушки этих животных в городок охотники не приносили, и в качестве пищи их мясо в самом поселении обычно не использовали. Пушная охота, по-видимому, не играла большой роли в структуре хозяйственной деятельности обитателей Монкысь урия.

Костей птиц в коллекции немного. Вероятно, охота на пернатых не играла особой роли в жизнеобеспечении населения городка. Отсутствие костей водоплавающих птиц, гнездящихся здесь в изобилии в весенне-летний период, говорит о сезонном характере функционирования городища. Единичные кости птиц, добываемых в зимний период (глухарь, тетерев, рябчик), свидетельствуют о том, что жители не нуждались в дополнительных источниках мясного питания.

Роль рыболовства в жизнеобеспечении жителей оценить трудно. В пользу развитого рыболовства говорит наличие скоплений чешуи, а также относительно большое количество орудий для рыбной ловли, найденных на городище (см.: Глава 2, разделы 2.3.3, 2.4.2). Тем не менее костей рыб в слое очень мало. Это входит в противоречие с большим количеством остатков собак, так как содержание ездовых собак в условиях таежной зоны, по мнению некоторых исследователей, было целесообразно исключительно в районах интенсивного рыболовства [Головнев, 1993]. Косвенным подтверждением этого могут служить данные радиоуглеродного анализа костей собак, на основе которого можно утверждать, что собак кормили преимущественно речной

рыбой (см.: Приложение 4.5). Все определенные кости рыб также принадлежали речным видам – щуке, язю, налиму, а чешуя – преимущественно рыбам из семейства карповых (язь, плотва, карась), в меньшей степени – другим речным видам (щука, окунь, ерш, пыжьян) (см.: Приложение 4.3). Несмотря на это, согласно тем же исследованиям, в питании людей преобладали наземные продукты (см.: Приложение 4.4). Малое количество сохранившихся костей рыб в культурном слое памятника можно связать с тем, что рыба практически полностью скормливалась собакам и в питании людей, возможно, не играла большой роли. Были и другие причины, о которых мы упоминали ранее. Чешую, вероятно, собирали и хранили специально – для изготовления рыбного клея. Поскольку скопления чешуи расположены в нижнем слое городка, на уровне пола его построек и ниже, можно предположить, что ее собирали в летний период, во время строительства городища, что подтверждается данными по времени отлова рыбы (см.: Приложение 4.3).

Анализ остеологических остатков показывает, что жители городка Монкысь урий использовали туши животных в системе обрядово-ритуальной деятельности. В качестве жертвенных животных выступали, как правило, некоторые домашние виды (северный олень, собака) либо крупные копытные (лось) и хищники (медведь, волк, возможно, другие звери). Есть ряд особенностей, которые необходимо отметить: у диких животных для жертвоприношений использовались чаще одни головы или их части, у домашних – целые туши либо только их части. Общими закономерностями, отражающими ритуальную деятельность, являются: относительно большое количество остатков черепов и нижних челюстей, а также меньшая раздробленность костных остатков. Судя по наличию относительно большого числа черепов с рогами северного оленя, лося, захоронений собак и голов крупных хищников, можно сказать, что жителями городка на его территории постоянно осуществлялась разнообразная ритуальная практика.

Неоднородность видового состава жертвенных животных связана, видимо, с разным функциональным назначением ритуала и временем его проведения. Для «плановой» ритуальной деятельности (строительные жертвы и др.), которая осуществлялась в связи с определенным событием или перед ним, вероятно, использовались домашние животные – олень или собака. Обряд принесения строительных жертв перед началом возведения жилых объектов известен у многих народов, населяющих Западную Сибирь [Кардаш, 2013б]. Как строительные жертвы могут быть интерпретированы комплексы из ям, расположенных в нижних горизонтах котлованов жилищ городка Монкысь урий. Одновременное захоронение туш северных оленей или их частей, а также находки среди костей бронзовых изделий в яме VII, указывают на культовый характер ям. Судя по возрасту молодой особи оленя из ямы VII, жертвоприношение совершено в конце лета – начале осени.

Комплексы костей, связанные с погребальными и поминальными обрядами, сложно выделить и разделить. Связано это с тем, что погребения находились в культурном слое поселения, который содержал кости животных до того, как были совершены захоронения. При совершении погребальных и поминальных обрядов кости животных могли оказаться рядом, и их технически сложно разделить.

Учитывая особое отношение народов Западной Сибири к медведю, которое неоднократно отмечалось в этнографической литературе [Медведь..., 2000], с наибольшей вероятностью к погребальному комплексу можно отнести черепа с нижними челюстями, то есть целые головы медведя и, возможно, остальные его кости, маркирующие могилы вождя и лучших воинов. Определить место лося и северного оленя в ритуальном комплексе сложнее, так как их кости залегали по всей толще культурного слоя, но в заполнениях могил их нет. Вероятно, черепа лося и северного оленя, расположенные в непосредственной близости от могил, могут быть отнесены к этому комплексу. Тогда как кости голов копытных, найденные на южной и северной периферии городища, были, по-видимому, связаны с поминальной или иной обрядностью.

Поскольку специализированной охоты на волков, вероятно, не велось, случайно добытый волк в культовом обряде мог заменить собаку или оленя. В то же время клыки, сбитые таким же образом, как у медведя, можно объяснить тем, что в данном случае использование головы волка было аналогично захоронениям голов медведей.

Заключение. Анализ полученных данных указывает на очень сходное состояние природного окружения городка во время его функционирования и в настоящее время. Различие в фауне заключается только в обитании в то время бобра в окрестностях городка, который позднее был полностью истреблен здесь людьми [Кириков, 1966].

В результате археозоологических исследований костных остатков, полученных во время раскопок городища Частухинский урий, нами было установлено, что обитателями городка Монкысь урий велся промысел

зверя, птицы и рыбы. Из млекопитающих аборигенным населением края наиболее активно добывался северный олень и лось. Изредка охотились на бобра и бурого медведя. Такие виды, как волк, лисица, заяц, песец, россомаха и соболь, добывались, видимо, крайне редко или в местах, достаточно удаленных от городища. Домашние животные представлены северным оленем и собакой. У жителей поселка, вероятно, существовало транспортное оленеводство и собаководство. Основой питания населения городка было мясо лося и северного оленя. Мяса копытных вполне хватало для обеспечения населения городка белковой пищей. Шкуры и кости копытных животных полностью утилизировались. Рыболовство, вероятно, обеспечивало кормовую базу для содержания собак. Из особенностей рассмотренного материала следует отметить отсутствие в коллекции остатков лошади, а также малое количество костей пушных видов зверей, птиц и рыб. Вероятно, это связано с функциональными особенностями этого комплекса.

На основании экологии основных промысловых видов можно утверждать, что добыча зверя и птицы населением городка Монкысь урий велась преимущественно в холодное время года.

Литература

- Бачура О. П., Некрасов А. Е. Промысловые и домашние животные в хозяйственной деятельности населения городища Усть-Войкарский (XIV–XIX вв.) // ВИАЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2010. – № 2. – С. 206–213.
- Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 204 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. – М.: Изд-во «Либерея», 1995. – Т. 1. – 376 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 2001. – 320 с.
- Ерохин Н. Г., Бачура О. П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных исследований: Сб. науч. статей и метод. рекомендаций. – Омск: ИД «Наука», 2011. – С. 62–69.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во АМБ, 2011. – 60 с.
- Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013а. – 360 с., ил.
- Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшинных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013б. – 380 с., ил.
- Кокшаров С. Ф., Зимин А. Н., Казанцева А. И., Мотус А. И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 340–342.
- Кириков С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. – М.: Наука, 1966. – 348 с.
- Клевезаль Г. А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 283 с.
- Корытин Н. С., Богданов В. Д., Быков В. В. и др., 1995. Традиционное использование биологических ресурсов // Природа Ямала / Отв. ред. Л. Н. Добринский. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1995. – С. 383–406.
- Косинцев П. А. Жертвенные животные обских утров (по археозоологическим материалам) // Угры: Мат-лы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., г. Тобольск). – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 234.
- Косинцев П. А. Археозоологические исследования на Барсовой горе // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: Изд. МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. – С. 147–151.
- Косинцев П. А. Охота и животноводство у населения таежной зоны Западной Сибири в позднем железном веке // Угры: Мат-лы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). – Тобольск, 2003. – С. 102–109.
- Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. – С. 52–64.

- Косинцев П. А. Домашние и дикие млекопитающие из раскопок городка Эмдер // Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 2001. – С. 248–264.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Под общ. ред. П. А. Косинцева (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. – Вып. 4). – Нефтеюганск: Изд. ИАС; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. – 376 с., ил.
- Косинцев П. А. Костные остатки из памятника Частухинский Урий // Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука, СО, 2005. – Прил. 3. – С. 157–160.
- Косинцев П. А. Этноархеологический памятник «Частухинский Урий» // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Мат-лы Всерос. семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований». Омск [Изд-во ОмГУ], 1994. – Ч. 2. – С. 117–123.
- Лобанова Т. В. Анализ остеологических материалов из раскопок Усть-Войкарского городища // Угры: Мат-лы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). – Тобольск, 2003. – С. 110–112.
- Лобанова Т. В., Кардаш О. В. Хозяйственные, бытовые и ритуальные аспекты жизнедеятельности населения Полуёского мысового городка (по результатам анализа археозоологической коллекции) // АЭАЕ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – № 3 (59). – С. 66–49.
- Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 104 с.
- Мошинская В. И., Лукина Н. В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1982. – С. 46–60.
- Огнев С. И. Звери СССР и прилежащих стран (звери Восточной Европы и Северной Азии). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. V: Грызуны (продолжение). – 809 с.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: Изд-во ИИЭ УрО РАН, 2004. – 414 с.
- Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2005. – 164 с.
- Шатилов М. Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 1931. – Т. IV. – 174 с.

Таблица 4.2.1

**Видовой состав, количество и соотношение костных остатков животных
из раскопок 2011–2013 годов городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий)**

№№ пп	Вид	Количество костей	Процент (%)
1	Собака	81	4,2
2	Северный олень	1057	55,4
3	Лось	400	21,0
4	Песец	2	0,1
5	Лисица	6	0,3
6	Волк	17	1,0
7	Медведь бурый	52	2,7
8	Росомаха	1	0,1
9	Соболь	2	0,1
10	Заяц-беляк	4	0,2
11	Бобр	63	3,3
12	Млекопитающие неопределимые	209	10,9
13	Глухарь	3	0,3
14	Рябчик	1	
15	Птица неопределимая	2	0,4
16	Язь	2	
17	Щука обыкновенная	3	
18	Налим	2	
19	Рыба неопределимая	1	

Таблица 4.2.2

**Степень раздробленности трубчатых костей северного оленя и лося
из раскопок 2011–2013 годов городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий)***

№№ пп	Элемент скелета	Лось			Северный олень		
		Верхний конец	Диафиз	Нижний конец	Верхний конец	Диафиз	Нижний конец
1	Плечевая	-/2	-/11	5/3	-/1	1/38	10/7
2	Лучевая	-/1	-/2	1/-	3/5	1/17	4/4
3	Бедренная	1/3	1/20	1/1	1/3	2/40	1/1
4	Большеберцовая	1/2	-/7	3/-	2/1	2/43	12/4
5	Метаподии**	-/9	-/10	-/1	-/6	-/16	-/5
6	Плюсна	-/3	-/3	-/1	1/12	1/3	1/15
78	Пясть	-/5	1/5	1/-	-/15	-/16	4/9
9	Всего	2/24	2/57	11/6	7/43	7/173	32/45
10	Экз.		15/88			46/261	
11	%%		15/85			15/85	
12	Трубчатые**	-/-	-/60	-/-	-/-	-/83	-/-

Примечания: * В числителе указаны целые части кости, в знаменателе – фрагменты.

** Кости, не определимые ближе.

Таблица 4.2.3

**Состав и количество определяемых элементов скелета северного оленя и лося
из раскопов 2011–2013 годов городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий)**

№№ пп	Элемент скелета	Олень северный				Лось	
		I*		II*		I*	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Рог	32	5	5	2	5	1
2	Череп	18	2	10	3	16	5
3	Нижняя челюсть	25	4	6	2	30	9
4	Зуб	5	1	-	0	6	2
5	Атлант	1	0	3	1	2	1
6	Эпистрофей	5	1	6	2	2	1
7	Позвонки шейные	3	0	13	4	1	0
8	Позвонки грудные	17	3	27	8	6	2
9	Позвонки поясничные	2	0	11	3	-	0
10	Позвонки	4	0	17	5	-	0
11	Грудина	1	0	4	1	-	0
12	Крестец	4	1	2	1	1	0
13	Ребра	27	4	12	4	70	21
14	Лопатка	43	7	3	1	37	11
15	Плечевая	57	9	12	4	22	6
16	Лучевая	34	6	19	6	4	1
17	Локтевая	7	1	2	1	2	1
18	Таз	30	5	11	3	19	6
19	Бедренная	48	8	22	7	27	8
20	Большеберцовая	65	11	31	10	14	4
21	Коленная чашечка	-	0	2	1	-	0
22	Метаподии	27	4	2	1	20	6
23	Пясть	33	5	10	3	7	2
24	Плюсна	44	7	14	4	20	6
25	Пяточная	17	3	9	3	3	1
26	Таранная	7	1	8	3	3	1
27	Запястье, предплюсна	15	2	28	9	10	3
28	Фаланга 1	20	3	10	3	7	2
29	Фаланга 2	12	2	8	3	3	1
30	Фаланга 3	2	0	7	2	2	1
31	Фаланги доп.	1	0	6	2	-	0

Примечание: I – оборонительно-жилой комплекс и периферия;
II – культовые ямы и скопления.

Таблица 4.2.4

**Состав и количество элементов скелета млекопитающих
из раскопов 2011–2013 годов городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий)**

№№ пп	Элемент скелета	Собака	Медведь бурый	Волк	Песец	Лисица	Соболь	Заяц	Бобр
1	Череп	1	2	1	1	-	-	1	2
2	Нижняя челюсть	10	4	1	-	4	2	1	9
3	Зуб	1	1	-	-	-	-	-	9
4	Атлант	2	-	-	-	-	-	-	-
5	Эпистрофей	3	-	2	-	-	-	-	-
6	Позвонки шейные	5	1	5	-	-	-	-	-
7	Позвонки грудные	1	2	5	-	-	-	-	-
8	Позвонки поясничные	7	-	-	-	-	-	-	-
9	Позвонки хвостовые	4	-	-	-	-	-	-	4
10	Позвонки	1	-	-	-	-	-	-	-
11	Крестец	1	-	-	-	-	-	-	-
12	Ребра	3	-	-	-	-	-	-	1
13	Лопатка	1	1	1	-	-	-	-	1
14	Плечевая	5	4	1	-	-	-	-	7
15	Локтевая	3	6	1	-	-	-	-	-
16	Лучевая	3	4	-	-	-	-	-	4
17	Таз	6	-	-	-	-	-	1	1
18	Бедренная	6	5	-	-	-	-	-	8
19	Большая берцовая	8	2	-	1	-	-	1	15
20	Малая берцовая	1	-	-	-	-	-	-	1
21	Метаподии	8	8	-	-	-	-	-	-
22	Таранная	1	1	-	-	-	-	-	1
23	Запястье, предплюсна	-	4	-	-	-	-	-	-
24	Фаланга 1	-	5	-	-	-	-	-	-
25	Фаланга 2	-	-	-	-	-	-	-	-
26	Фаланга 3	-	1	-	-	-	-	-	-

План-схема распространения костных останков животных
(по материалам раскопок 1990, 2011-2013 гг.)

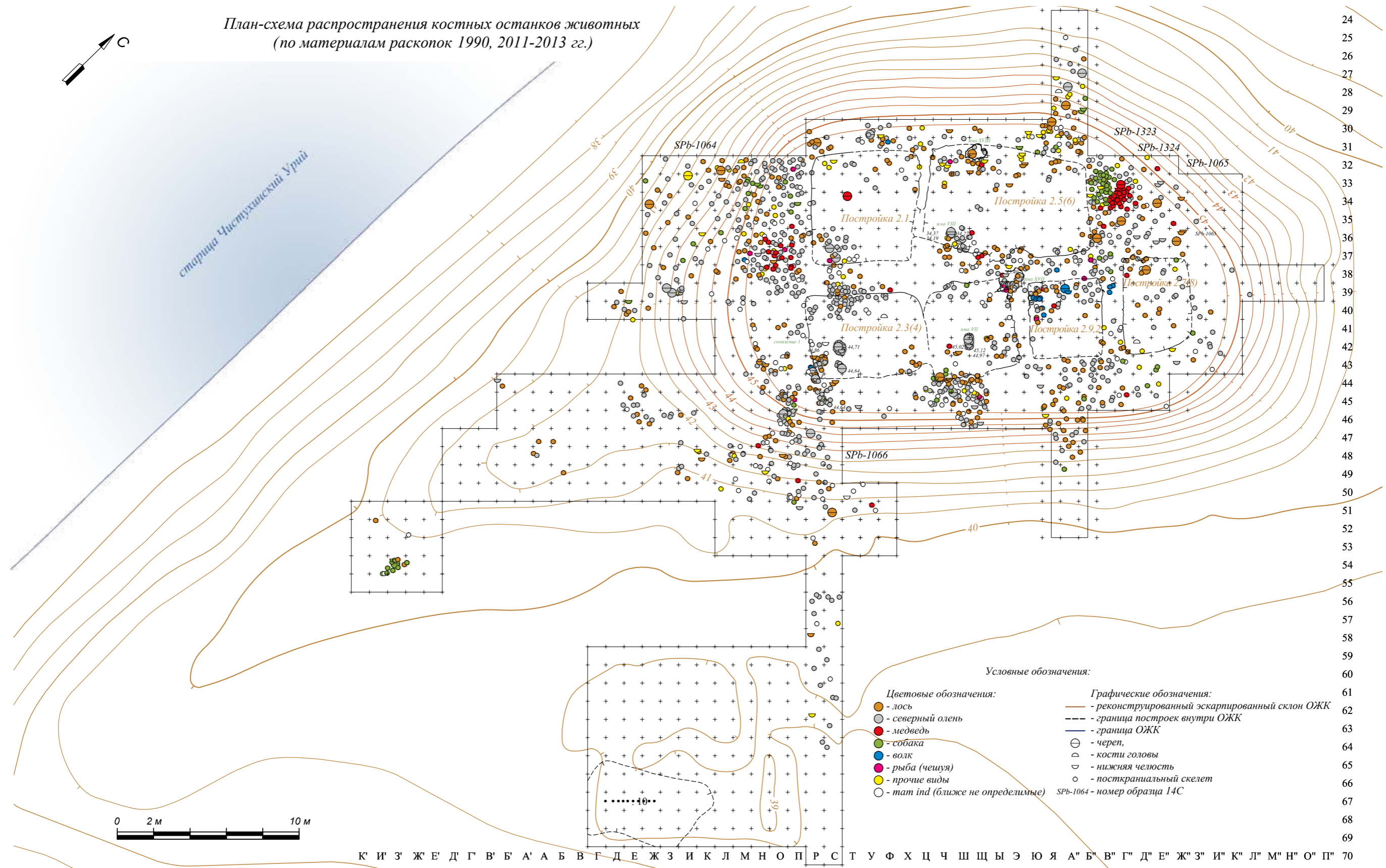

Рис. 4.2.1. Городок Монкысь урий. Костные останки животных. План-схема распространения в культурном слое. М 1:200

Рис. 4.2.2. Городок Монкысь урий. Лось (*Alces alces*). Костные останки головы: 1 – рог, 2 – затылочная часть черепа с отпавшим рогом; 3 – верхняя челюсть; 4 – фрагмент нижней челюсти; 5 – нижняя челюсть; 6 – стратиграфическая локализация фрагмента черепа, in situ, в северо-западном углу оборонительно-жилого комплекса городка, участок P/30, уровень 43.30–44.40 м; 7 – задняя часть черепа, in situ, в северо-западном углу оборонительно-жилого комплекса, постройка № 2.1, участок P/30, уровень 43.98 м

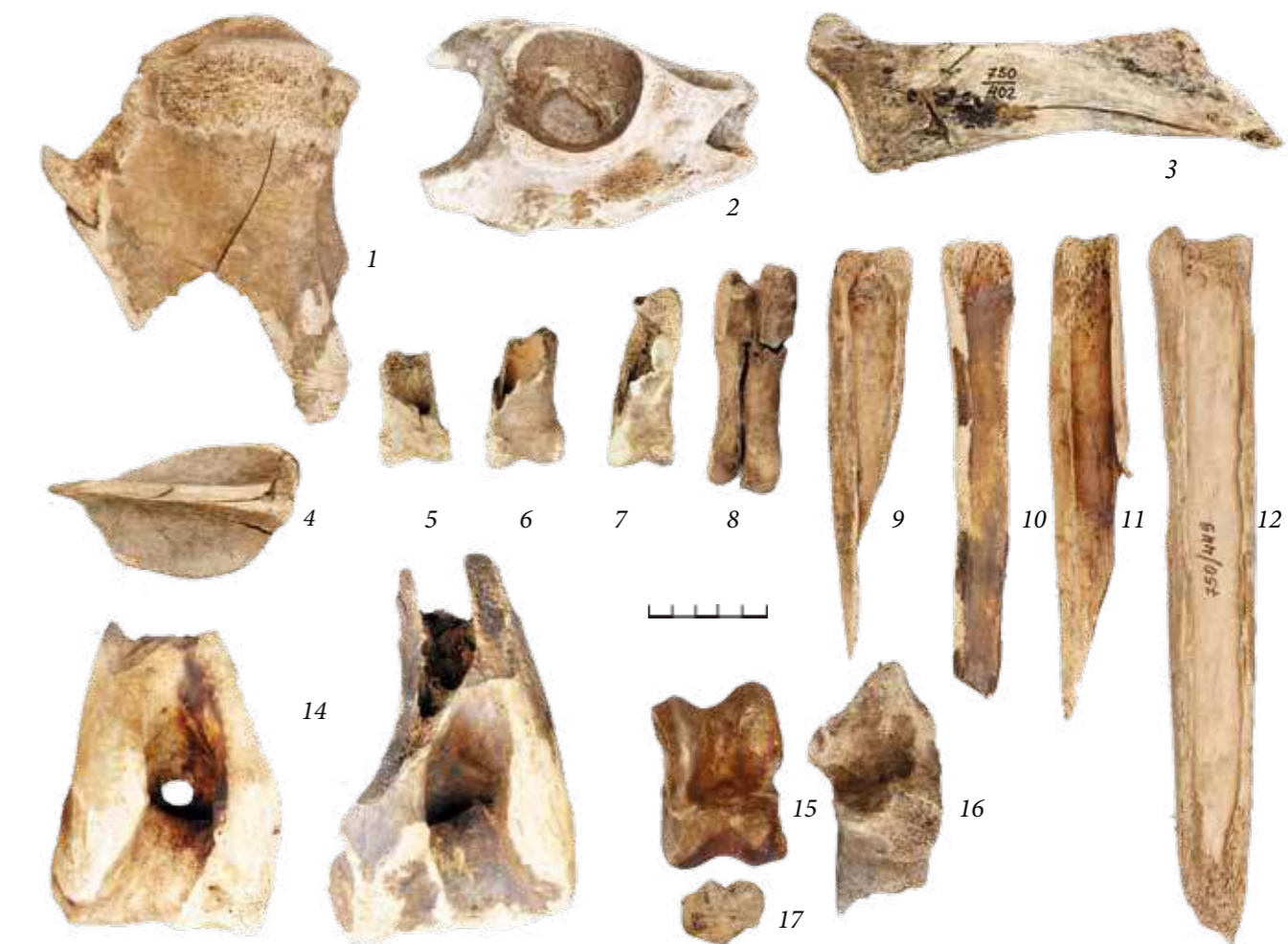

Рис. 4.2.3. Городок Монкысь урий. Лось (*Alces alces*). Костные останки посткраниального скелета: 1 – верхний конец большеберцовой кости; 2 – фрагмент тазовой кости; 3, 4 – фрагменты лопатки; 5–8 – фаланги пальцев; 9–12 – метаподии, 13, 14 – нижний конец плечевой кости; 15–17 – мелкие кости заплюсны (пяточная, таранная); 18 – кости лося в составе скопления костных останков животных, in situ, в южном углу оборонительно-жилого комплекса, участок P/43–44, уровень 44.80 м

Рис. 4.2.4. Городок Монкысь урий. Северный олень (*Rangifer tarandus*). Костные останки головы: 1-5 – фрагменты рогов; 6, 7 – нижние челюсти; 8 – первые шейные позвонки (атлант и эпистрофей); 9 – захоронение скелетов двух особей северного оленя, in situ, яма № VII (по В. И. Семеновой), северо-восточная часть постройки № 2.3(4), участок Ш/41-42, уровень 44.74-34.79 м (фото 1990 г. [Семенова, 2005. С. 129. Рис. 29]); 10 – череп, in situ, в юго-восточном углу постройки № 2.1, участок С/37, уровень 44.90 м; 11 – нижняя челюсть in situ, в скоплении костей на подножии южного склона оборонительно-жилого комплекса, участок Т-У/51, уровень 40.45-40.50 м

Рис. 4.2.5. Городок Монкысь урий. Северный олень (*Rangifer tarandus*). Костные остатки посткраниального скелета: 1, 2, 3, 5 – лопатки; 4 – верхний конец лучевой и локтевой костей; 6-8 – метаподии; 9-11 – фаланги пальцев; 12 – центральная кость заплюсны; 13 – таранная кость; 14 – пяточная кость; 15, 16 – плечевые кости, нижний конец; 17 – скопление костей посткраниального скелета, in situ, южная периферия оборонительно-жилого комплекса городка, участок С/51, уровень 40.34 м; 18 – скопление костей посткраниального скелета, in situ, в северном углу постройки № 2.3(4), участок Э/38, уровень 45.42 м

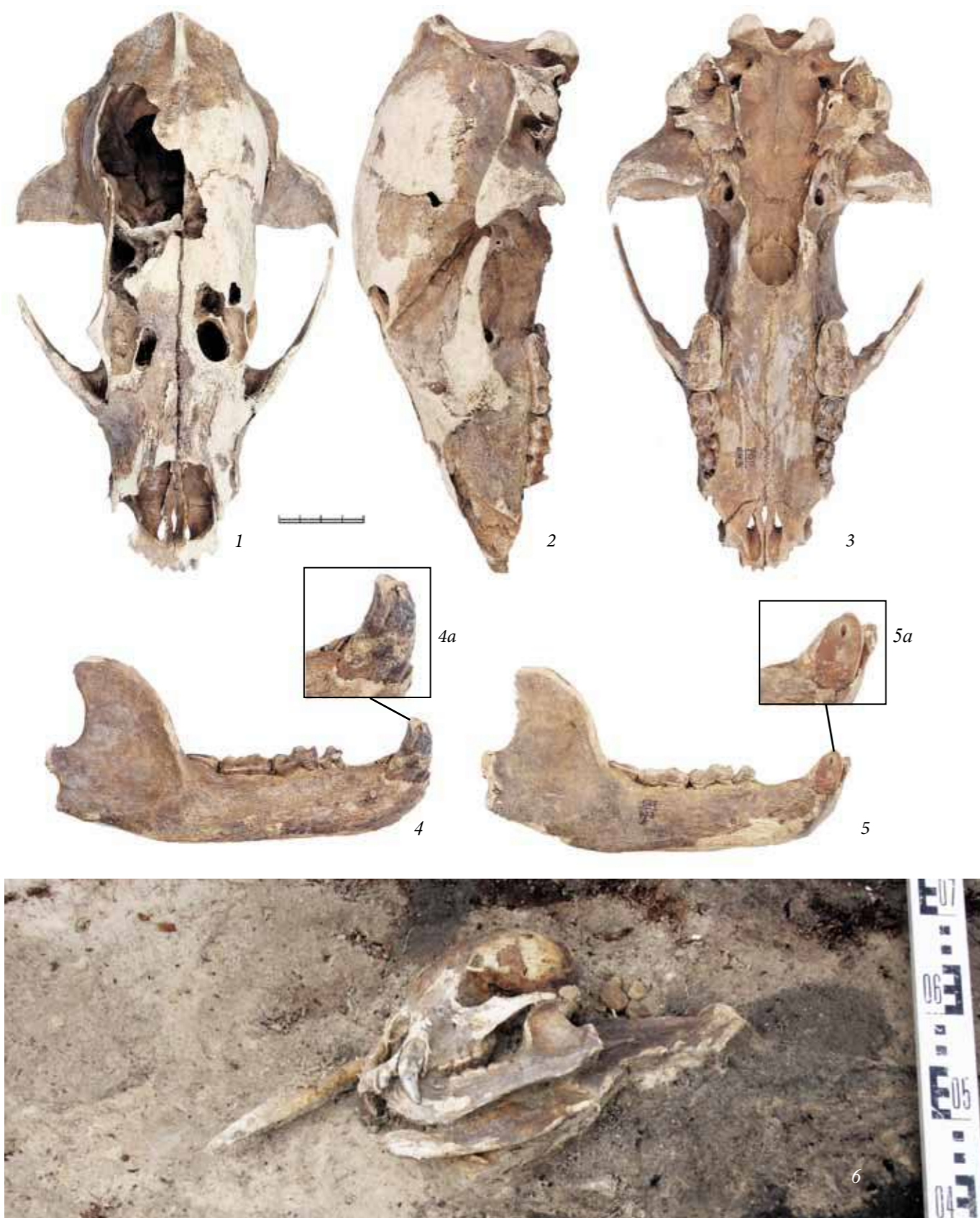

Рис. 4.2.6. Городок Монкысь урий. Бурый медведь (*Ursus arctos*). Костные остатки частей скелета: 1-3 – череп; 4, 5 – нижние челюсти; 4a, 5a – детализировка нижних челюстей – сколотые клыки; 6 – кости черепа медведя, in situ, в северном углу оборонительно-жилого комплекса, постройка № 2.5(6), участок, Г^м/33, уровень 44.36 м

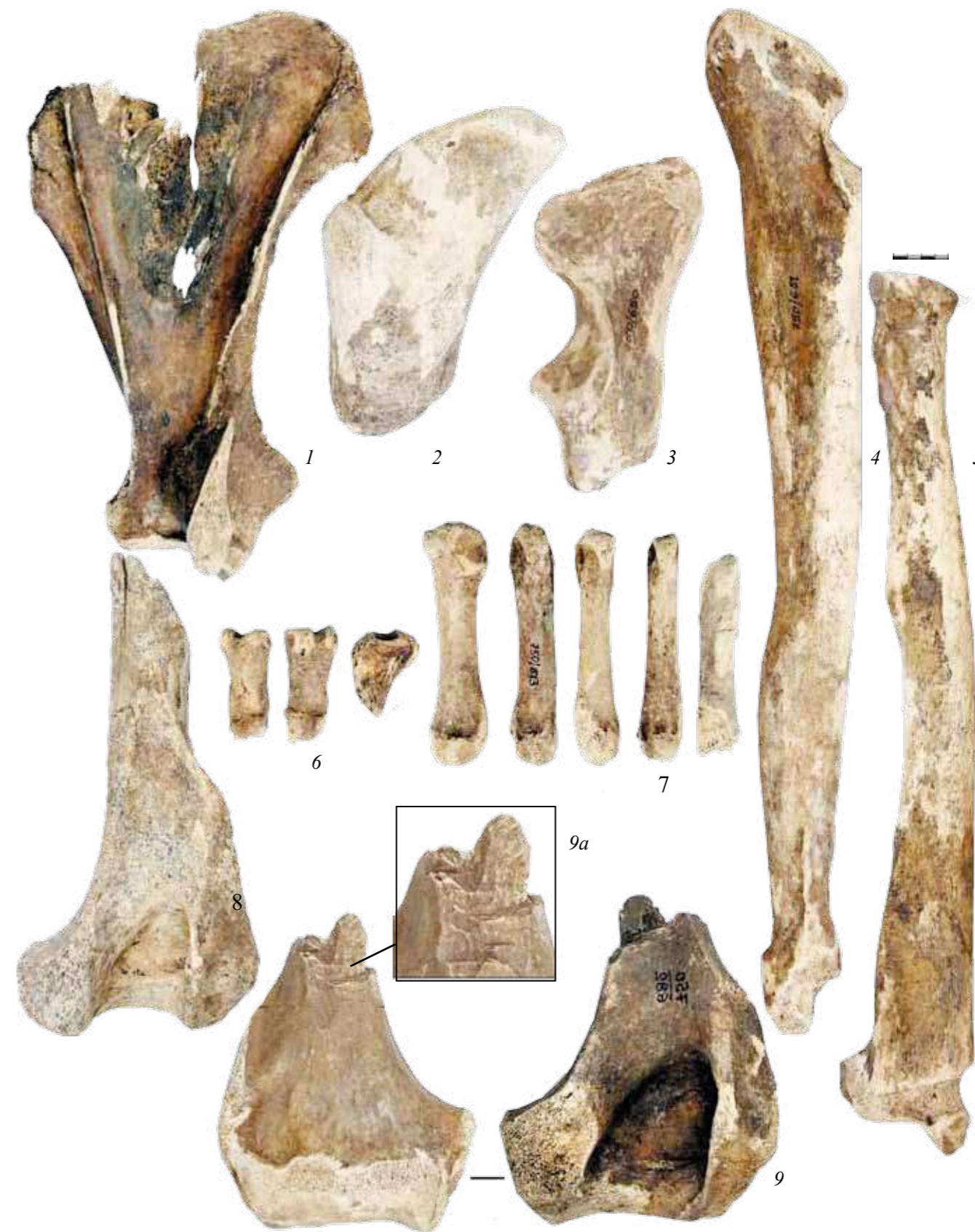

Рис. 4.2.7. Городок Монкысь урий. Бурый медведь (*Ursus arctos*). Костные остатки посткраниального скелета: 1 – лопатка, 2 – верхний конец бедренной кости; 3 – верхний конец локтевой кости; 4, 5 – локтевая и лучевая кости; 6 – фаланги пальцев; 7 – метаподии; 8, 9 – нижние концы плечевой кости; 9a – детализировка конца плечевой кости – искусственное заострение

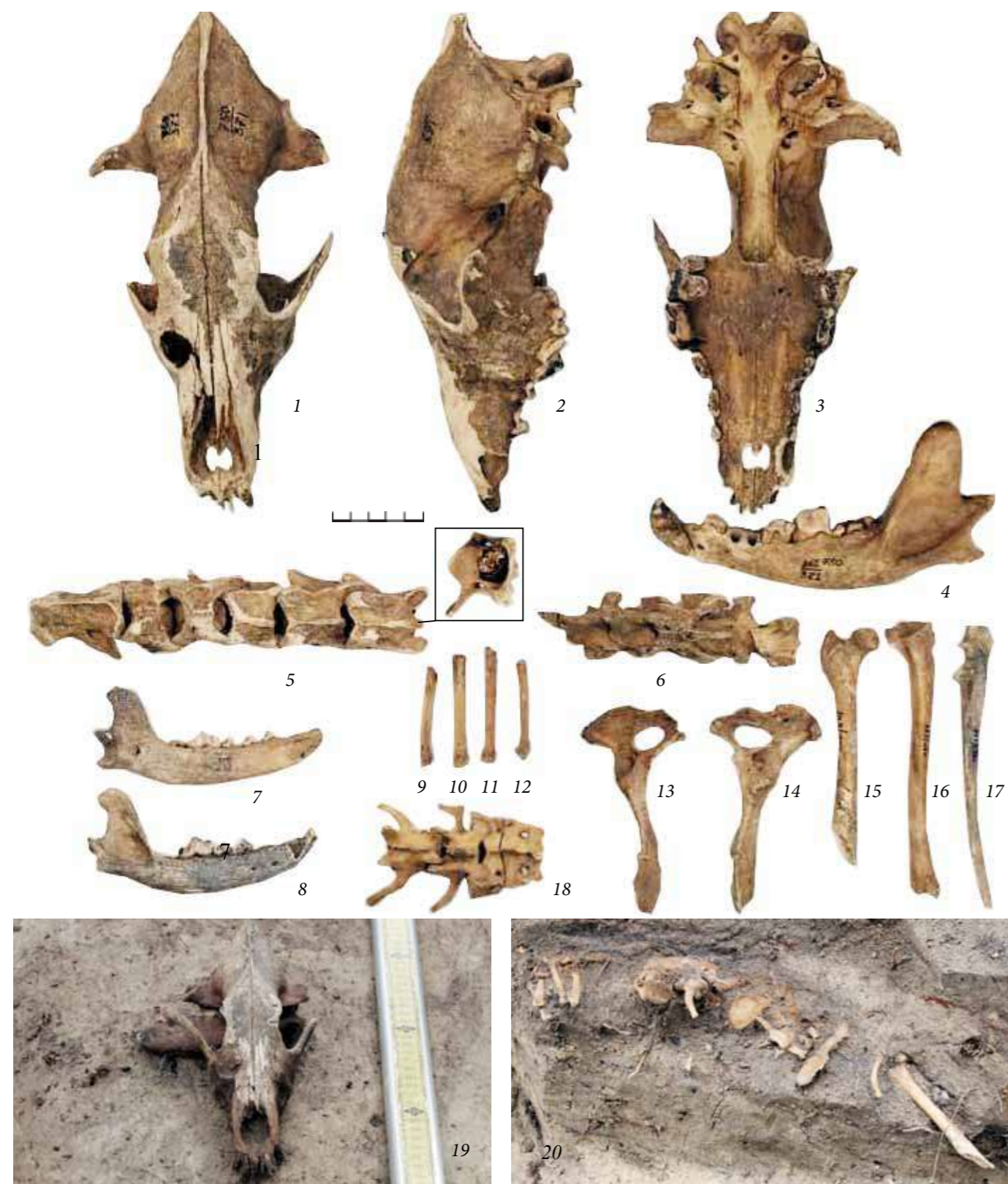

Рис. 4.2.8. Городок Монкысь урий. Волк (*Canis lupus*) и собака (*Canis familiaris*). Костные останки частей скелета: 1-3 – череп волка; 4 – нижняя челюсть волка; 5, 6 – шейные и грудные позвонки волка, 7, 8 – нижние челюсти собаки; 9-12 – метаподии собаки; 13, 14 – тазовые кости собаки; 15-17 – кости ног собаки (бедренная, большеберцовая, локтевая); 18 – поясничные позвонки и крестец собаки; 19 – кости головы волка, in situ, под полом постройки № 2.9.2, участок Ю/39, уровень 45.20 м; 20 – кости собаки, in situ, в северном углу оборонительно-жилого комплекса, постройка № 2.5(6), участок, В^н/33, уровень 44.41 м

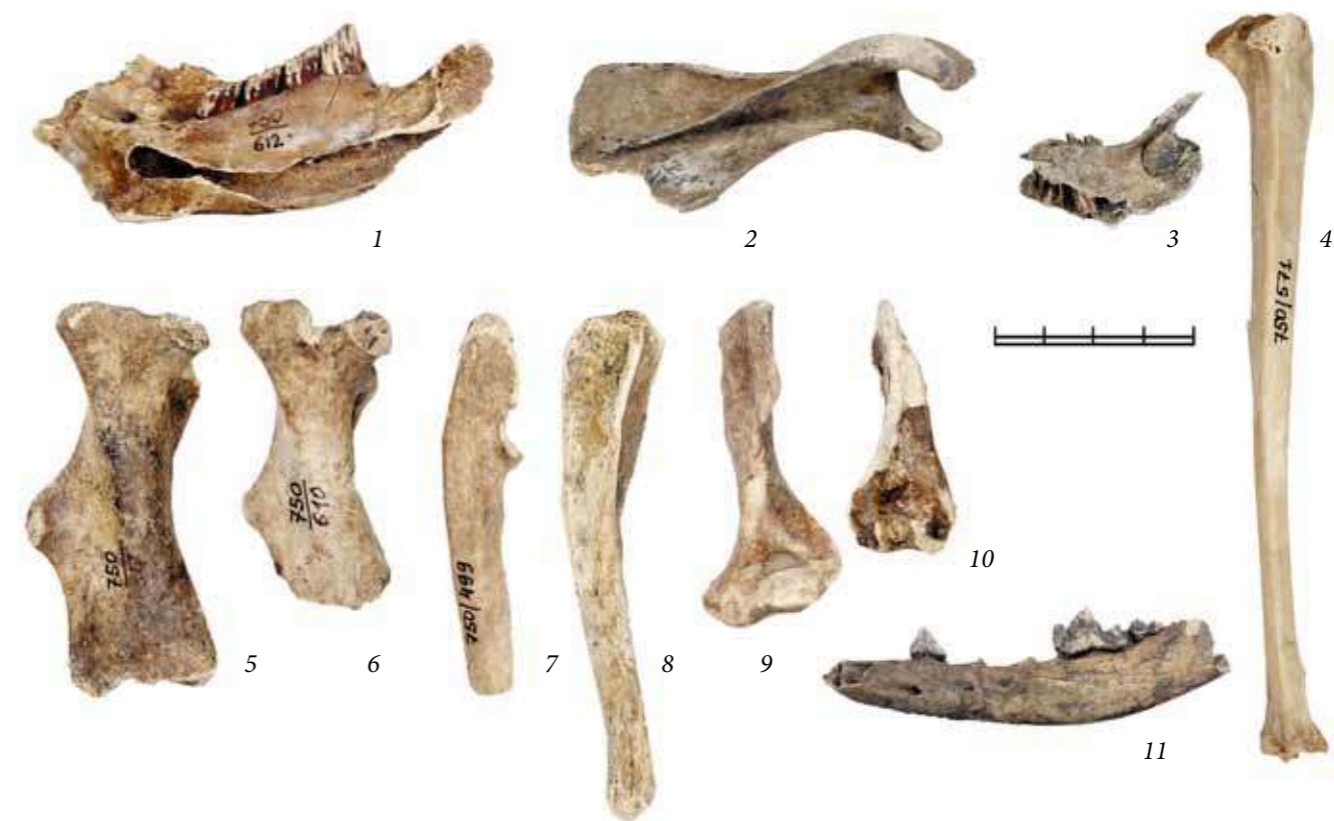

Рис. 4.2.9. Городок Монкысь урий. Разные виды животных. Костные остатки бобра (*Castor fiber*): 1 – нижняя челюсть, 2 – лопатка; 5, 6 – бедренные кости; 7 – локтевая кость; 8 – большеберцовая кость; 9, 10 – плечевые кости. Кости зайца-беляка (*Lepus timidus*): 3 – нижняя челюсть; 4 – большеберцовая кость. Кости лисицы (*Vulpes vulpes*): 11 – нижняя челюсть. Находки скопления чешуи рыб: 12 – локализация скопления чешуи № 1 в границах постройки № 2.9.2, участок Ю-Б^н/38-41, уровень 45.20-45.40 м; 13 – скопление чешуи № 1 у юго-западной стенки постройки № 2.9.2, участок Ю/40, уровень 45.30 м

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.3

И. В. Аськеев

канд. биол. наук, старш. науч. сотр.
лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ
г. Казань

e-mail: archaeozoologist@yandex.ru

Археозоологическое исследование чешуи рыб из раскопок
городка Монкысь урий (городища Частухинский урий) 2012 года

Материалом для нашей работы послужила коллекция образцов чешуи, извлеченных в 2012 г. из слоев археологического памятника «городок Монкысь урий» (городище Частухинский урий) XV – начала XVII в., которому посвящена данная монография. Коллекция насчитывает 985 фрагментов чешуи, 503 из которых определены до вида и семейства рыб. Средняя анатомическая сохранность чешуи составила 55%. Фрагменты с сохранностью менее 15% не были идентифицированы до вида и семейства. В целом же данная чешуя представляет собой довольно разнородный материал, происходящий с разных частей тел рыб (см. рис. 4.3.1 – 4.3.7). Определение возраста и размеров рыб, отчасти – их видовая диагностика по изучаемой чешуе, были затруднены по ряду причин, часть из которых перечислены ниже.

- Ломкость и расслоение чешуйных пластинок как на радиальные осколки (с последующим их выпадением со склеритным слоем), так и на вертикальные или горизонтальные столбики.
- Отсутствие на многих чешуйных пластинках годовых колец в результате полной резорбции центральной поверхностной части чешуи.
- Отсутствие на пластинках как внутренних, так и наружных зон годовых приростов вследствие того, что многие фрагменты чешуи не составляли целого радиуса.
- Наличие чешуи с однородной структурой склеритов, в результате чего было невозможно определить как зоны приростов, годовые кольца, так и расположение радиальных каналов.
- Изменение конфигурации краев чешуйных пластинок в результате повреждений, имевших место еще до времени отложения биологических материалов в культурный слой, равно как в момент их выемки в процессе археологических раскопок, а также при перевозке, атрибуции и диагностике находок.
- Значительное разрушение склеритов и обызвествление поверхности каждой чешуйки на начальной стадии фоссилизации, которая охватывала центральное ядро пластинки.

Методика анализа. В процессе работ были выполнены следующие условия.

- Диагностика чешуи, найденной на городище Частухинский урий, произведена с использованием сравнительной коллекции чешуи представителей современных и субфоссильных видов рыб, хранящейся в лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ.
- Просмотр анализируемой чешуи производился в 70% спиртовом растворе и глицерине под 16–24-кратным увеличением микроскопа.
- Расчеты длины тел рыб (SL) выполнены на основе уравнений зависимости и соотношений между размерами чешуи (радиуса и диаметра) и длиной современных видов рыб, имеющихся в базе данных той же лаборатории.
- Определение возраста рыб по чешуе проводили по стандартным методикам [Чугунова, 1959; Правдин, 1966].
- Для оценки сроков вылова рыб использовали характер расположения годовых колец и относительной ширины зоны краевого прироста от последнего годового кольца. У видов рыб, остатки которых представлены в коллекции Монкысь урия, образование годовых колец на чешуе происходило в конце весны и в течение всего лета.

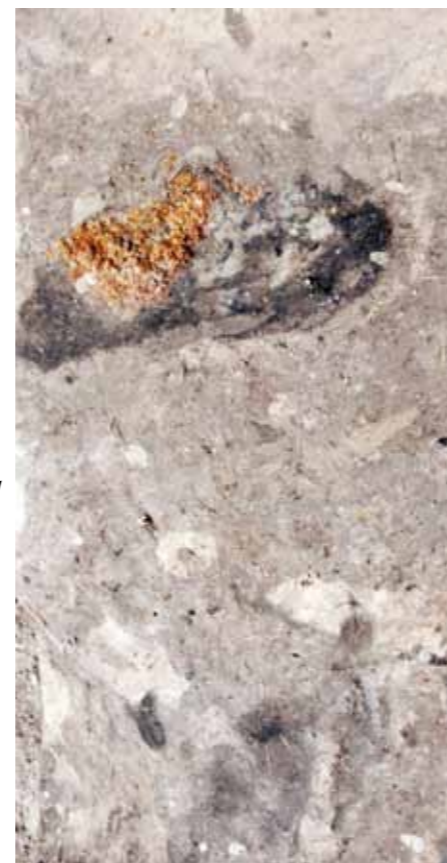
1

2

3

4

Рис. 4.2.10. Городок Монкысь урий. Рыба. Находки скоплений чешуи: 1 – локализация скоплений чешуи № 1 и № 2 в постройке № 2.9.2, участок Ю-Б⁷/38–41, уровень 45.20 м; 2 – скопление чешуи № 2 в постройке № 2.9.2, участок Я/38, уровень 45.20 м; 3 – скопление чешуи № 2 в постройке № 2.9.2 под слоем бересты, участок Я/38, уровень 45.24 м; 4 – скопление чешуи № 1 у юго-западной стенки постройки № 2.9.2, участок Ю/40, уровень 45.23 м

Описание образцов.

Образец 1. 2012 г. Скопление № 1, уч. Ю/40, ур. 45,30 м. В образце представлен 231 определимый фрагмент чешуи. Определимых до вида рыбы чешуек – 89 экз., которые принадлежали четырем видам рыб из трех семейств (табл. 1). Неопределимых фрагментов чешуи с анатомической сохранностью менее 15% – 159 экз.

Образец 2. 2012 г. Скопление № 2, уч. А"/38–39, ур. 45,30 м. Образец включает 143 определимых фрагмента чешуи. Определимых до вида рыбы чешуек – 61 экз., который принадлежал пяти видам рыб из четырех семейств (табл. 2). Неопределимых фрагментов чешуи с анатомической сохранностью менее 15% – 164 экз.

Образец 3. 2012 г. Скопление № 3, уч. П/45, ур. 45,21 м.

В образце представлено 129 экз. определимых фрагментов чешуи. Определимых до вида рыбы чешуек – 57 экз., которые принадлежат шести видам рыб из четырех семейств (табл. 3). Неопределимых фрагментов чешуи с анатомической сохранностью менее 15% – 159 экз.

Итог. В ходе исследований по чешуе определено семь видов рыб из четырех семейств (табл. 1–3). Возраст рыб в таблицах указан по полным годам без учета прироста последнего сезона, зафиксированного по росту чешуи от последнего годового кольца (+).

На основании анализа ихтиологических остатков можно заключить следующее. Основными объектами рыбного промысла населения позднесредневекового городка Монкысь урий были виды рыб, которые в историческом прошлом и в настоящее время были и остаются обычными обитателями рек и озер Обь-Иртышского бассейна [ср.: Экология рыб ..., 2006]. Судя по количеству чешуи, преобладали виды рыб из семейства карповых – язь и плотва. Согласно полученным данным по возрасту и размерам рыб, можно отметить, что почти вся чешуя рыб принадлежала средневозрастным и среднеразмерным особям. В коллекции отсутствовала чешуя от мелкоразмерных особей и рыб младших возрастов. Исследования субфоссиальной чешуи на предмет наличия приростов по краю чешуи от последнего годового кольца показали, что вылов рыбы проводился в основном в теплый период времени: с июня по сентябрь. Распределение выборки чешуи (224 экз.) по сезону лова показало, что на летне-осенний период приходится 75% всей рыбы. Значительно меньше было чешуи от рыб, добытых в осенне-зимний период (16,1%), а также весной и в самом начале лета (8,9%).

Литература

Косинцев П. А. Экология средневекового населения Севера Западной Сибири. – Екатеринбург; Салехард:

Изд-во «Источники», 2005. – 278 с.

Правдин И. Ф. Руководство по изучению рыб. – М.: Изд-во «Пищевая промышленность», 1966. – 376 с.

Чугунова Н. И. Руководство по изучению возраста и роста рыб. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 165 с.

Экология рыб Обь-Иртышского бассейна. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 596 с.

Таблица 1

Определение видового состава, размера и возраста рыб по чешуе из образца № 1 из раскопок 2012 г. городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

Виды	Количество чешуй	Восстановленная длина рыб (SL), см	Возраст рыб (полных лет)
Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	21	20,5; 24; 31; 34	4; 5; 6
Плотва (<i>Rutilus rutilus</i>)	61	17; 18; 19,3; 20,5; 22; 24;25;29	5; 6; 6; 7; 7; 8
Карповые (Cyprinidae)	142	–	–
Щука (<i>Esox lucius</i>)	4	43; 51	4; 6
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	3	23,5	5
ВСЕГО	231	–	–

Таблица 2

Определение видового состава, размера и возраста рыб по чешуе из образца № 2 из раскопок 2012 г. городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

Виды	Количество чешуй	Восстановленная длина рыб (SL), см	Возраст рыб (полных лет)
Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	19	25; 27	3; 4
Плотва (<i>Rutilus rutilus</i>)	31	15; 15; 17; 19; 20	5; 6
Золотой карась (<i>Carassius carassius</i>)	5	19,5; 24,5	4; 6
Карповые (Cyprinidae)	79	–	–
Щука (<i>Esox lucius</i>)	2	39	3
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	4	19,5	3
Окуневые (Percidae)	3	–	–
ВСЕГО	143	–	–

Таблица 3

Определение видового состава, размера и возраста рыб по чешуе из образца № 3 из раскопок 2012 г. городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

Виды	Количество чешуй	Восстановленная длина рыб (SL), см	Возраст рыб (полных лет)
Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	18	27; 28; 30	4; 5
Плотва (<i>Rutilus rutilus</i>)	25	18; 20; 24	6; 8
Золотой карась (<i>Carassius carassius</i>)	2	21	5
Карповые (Cyprinidae)	65	–	–
Щука (<i>Esox lucius</i>)	3	45; 54	5; 6
Сиг-пыжьян (<i>Coregonus lavaretus pidschän</i>)	3	31 (длина по Смиту)	6
Сиговые (Coregonidae)	5	–	–
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	5	18,5; 20,5	3; 3
Ёрш (<i>Gymnocephalus cernuus</i>)	1	15,5	7
Окуневые (Percidae)	2	–	–
ВСЕГО	129	–	–

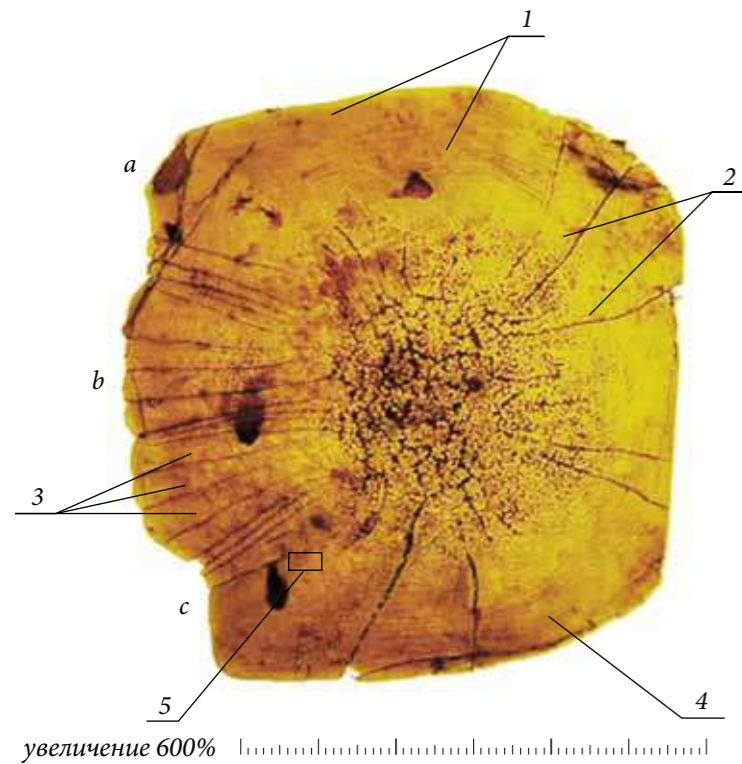

Рис. 4.3.1. Плотва *Rutilus rutilus* (Linnaeus, 1758) – чешуя с центральной зоны вентральной части тела (ниже боковой линии)

- a, b, c – фестоны
 1. Границы годичных наслоений (годовые кольца)
 2. Апикальные лучи (радиальные полоски)
 3. Базальные лучи (радиальные полоски)
 4. Прирост последнего сезона
 5. Ребрышки склеритов

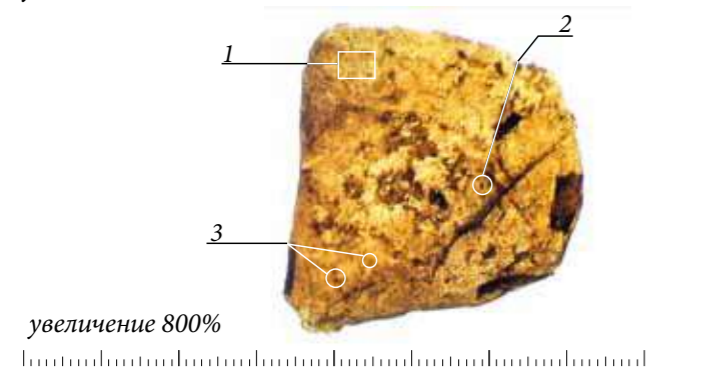

Рис. 4.3.2. Сиг-пыжьян *Coregonus lavaretus pidsch'an* (Gmelin, 1789) – чешуя с хвостовой зоны дорзальной части тела (выше боковой линии)

1. Ребрышки склеритов
 2. Образовательный центр или ядро чешуи
 3. Границы годичных наслоений (годовые кольца)

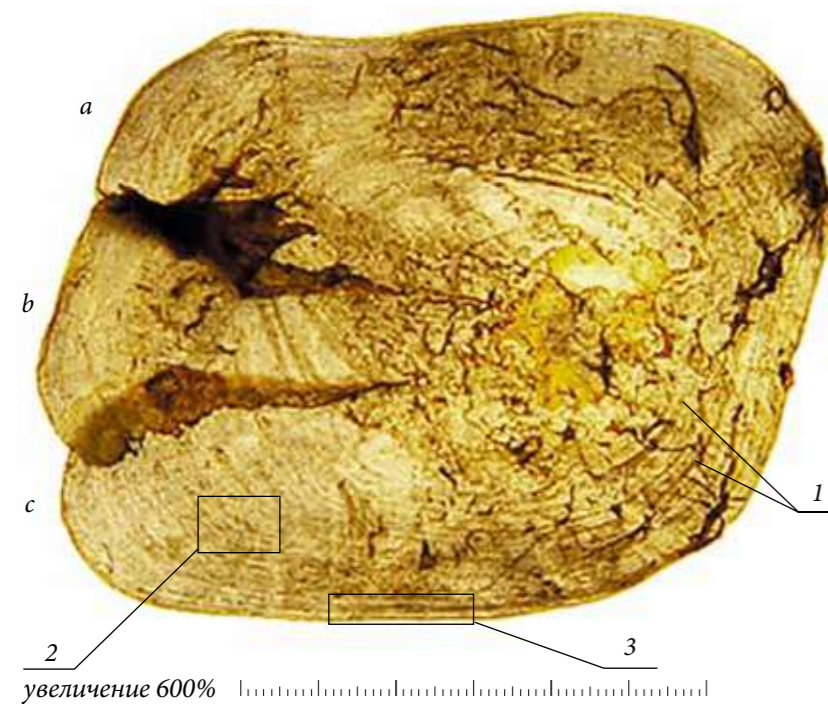

Рис. 4.3.3. Щука *Esox lucius* Linnaeus, 1758 – чешуя с центральной зоны дорзальной части тела (выше боковой линии)

- a, b, c – фестоны
 1. Границы годичных наслоений (годовые кольца)
 2. Ребрышки склеритов
 3. Прирост последнего сезона

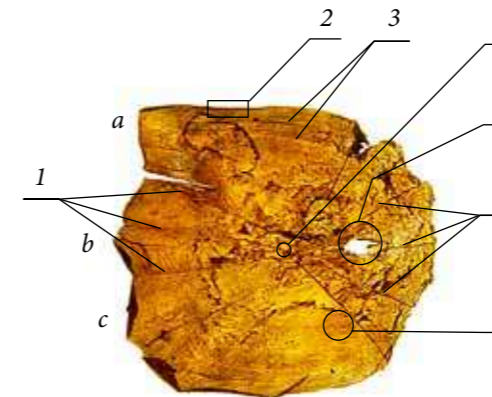

Рис. 4.3.4. Язь *Leuciscus idus* (Linnaeus, 1758) – чешуя с центральной зоны боковой линии

- a, b, c – фестоны
 1. Базальные лучи (радиальные полоски)
 2. Прирост последнего сезона
 3. Границы годичных наслоений (годовые кольца)
 4. Образовательный центр или ядро чешуи
 5. Апикальные лучи (радиальные полоски)
 6. Ребрышки склеритов
 7. Отверстие канала боковой линии

увеличение 600%

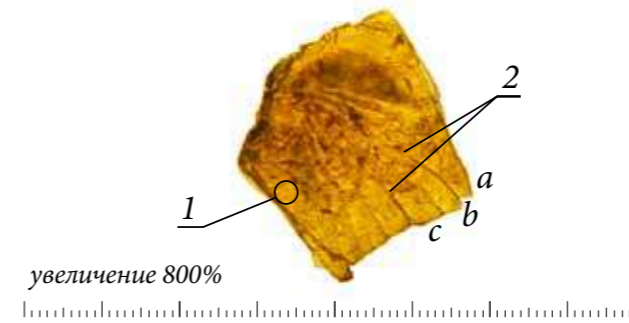

Рис. 4.3.5. Ёрш *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758) – чешуя с передней зоны дорзальной части тела (выше боковой линии)

- a, b, c – фестоны
 1. Ребрышки склеритов
 2. Базальные лучи (радиальные полоски)

увеличение 800%

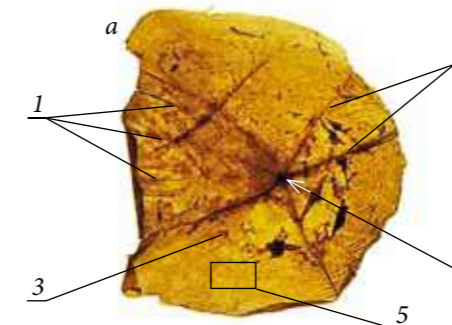

Рис. 4.3.6. Золотой карась *Carassius carassius* (Linnaeus, 1758) – чешуя с центральной зоны дорзальной части тела (выше боковой линии)

- a – фестон
 1. Базальные лучи (радиальные полоски)
 2. Апикальные лучи (радиальные полоски)
 3. Границы годичных наслоений (годовые кольца)
 4. Образовательный центр или ядро чешуи
 5. Ребрышки склеритов

увеличение 600%

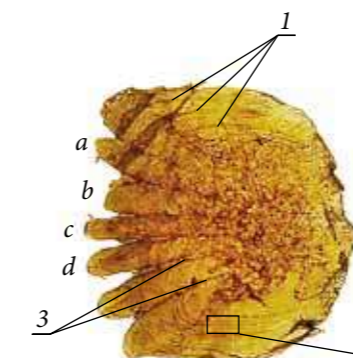

Рис. 4.3.7. Окунь *Perca fluviatilis* Linnaeus, 1758 – чешуя с центральной зоны вентральной части тела (ниже боковой линии)

- a, b, c, d – фестоны
 1. Границы годичных наслоений (годовые кольца)
 2. Базальные лучи (радиальные полоски)
 3. Ребрышки склеритов

увеличение 600%

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.4

О. П. Бачура

канд. биол. наук, науч. сотр. лаборатории палеоэкологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН
г. Екатеринбург
e-mail: olga@ipae.uran.ru

**Определение сезона смерти и возраста человеческих индивидуумов
и особей животных по спилам зубов из раскопок городка Монкысь урий
(городища Частухинский урий). 2011–2013 годы**

Введение. Проведение данного археозоологического исследования является частью комплексного изучения памятника Монкысь урий (Частухинский урий).

В результате раскопок памятника была получена значительная археозоологическая коллекция. Для восстановления хозяйственной деятельности населения городка вместе с характеристикой видового состава промысловых видов не менее важным является определение времени (сезона) функционирования данного поселения. Последнее возможно двумя способами. Первый из них – косвенный метод, который основан на анализе видового состава промысловых видов. Наличие отдельных видов животных, охота на которых возможна или осуществляется преимущественно в определенные периоды года, может свидетельствовать о конкретных сезонах функционирования поселения.

Второй метод опирается на изучение так называемых регистрирующих структур в зубах млекопитающих. Данный метод основан на наличии в цементе и вторичном дентине зубов животных зон активного роста (широкий слой) и зон замедления роста (узкий слой) [Клевезаль, 1988]. Этот метод позволяет определить точный период (сезон) гибели конкретной особи животного. Кроме того, этот метод позволяет установить индивидуальный возраст особи животного. Существует несколько способов определения возраста смерти животных. Наиболее часто в археозоологических исследованиях возрастной состав животных определяется на основании полноты зубных рядов, степени стертости зубов и стадии формирования трубчатых костей. Эти методики позволяют установить возраст преимущественно молодых (до трех лет) животных. Методика определения индивидуального возраста смерти животных, основанная на подсчете годовых слоев зубов, позволяет определить возраст любой особи старше одного года.

Одной из основных задач данной работы являлось определение периода (времени года) гибели (смерти) человеческих индивидуумов для последующего анализа и верификации данных документальных, фольклорных и археологических источников. Методы гуманитарных дисциплин не позволяют точно определить время захоронения и период функционирования погребального комплекса городка Монкысь урий.

Второй задачей было определение сезона гибели животных основных промысловых видов для определения наиболее вероятного и интенсивного периода функционирования городка Монкысь урий и, по возможности, индивидуального возраста этих животных. Лось и северный олень были основными промысловыми видами у населения городка, а, следовательно, время их гибели будет указывать на периоды присутствия людей на поселении. В свою очередь, собаки могли погибнуть на территории городка только в период присутствия там человека, то есть во время функционирования древнего хантыйского поселка. Именно на основе данных о смерти этих животных мы получим наиболее достоверную картину сезонов функционирования городка Монкысь урий.

Для выполнения поставленных целей были исследованы зубы человека и нескольких видов животных – лося, северного оленя и собаки.

Материал. В процессе отбора материала для данного исследования учитывалось несколько моментов. Во-первых, отбирались зубы с целыми корнями и неповрежденным верхним слоем. Во-вторых, анализировались преимущественно зубы из нижних челюстей или черепов, так как в этом случае точно известно, что зубы происходят от разных особей. В выборке изолированных зубов учитывалась степень стирания жева-

тельной поверхности. Дело в том, что у одного животного все зубы в челюстях имеют примерно одну степень стирания. По этой причине от одного вида животного для анализа отбирались изолированные зубы с разной степенью стирания жевательной поверхности, чтобы исключить наличие зубов от одной и той же особи. В отдельных случаях для уточнения результатов было исследовано по два зуба от одной особи. При подсчете количества особей дополнительные зубы не учитывались.

В результате из остеологической коллекции Монкысь урия для нашего анализа были отобраны зубы, принадлежавшие двенадцати особям северного оленя, семи особям лося, семи особям собаки, а также зубы от девяти человек (табл. 1, 2).

Методика анализа. Перед тем как проводить основное исследование, была выполнена следующая подготовительная работа. Сначала каждый зуб был залит в эпоксидную смолу. После этого были сделаны поперечные аншлифы вдоль всей длины корня зуба. Каждый спил просматривали в отраженном свете под увеличением 7×8, а в отдельных случаях – при более сильном увеличении. При определении возраста особи учитывался порядковый номер зуба (рис. 1 – 3). Известно, что первый постоянный зуб прорезается у животных в первый год жизни и количество зимних (узких) линий соответствует возрасту особи. При анализе других зубов к числу слоев необходимо прибавлять возраст прорезывания данного типа зуба.

В случаях с северным оленем и лосем показано, что узкие линии в их зубах формируются каждую зиму и отражают возраст животного с момента прорезывания зуба [McEwan, 1963; Reimers, Nordby, 1968; Балейшиус, 1970; Miller F., 1974; Клевезаль, Соколов, 1999; Дицевич, Дюба, 1984]. Исследований слоев цемента у собаки нам не известно. При интерпретации годовых слоев в зубах собаки мы опирались на исследования, посвященные волку. У волка первый зимний слой в зубах формируется на второй год жизни [Parker, Maxwell, 1986; Смирнов, 1988]. Следовательно, к числу зимних слоев в зубах собаки необходимо прибавлять два года. Относительно возможности определения возраста человека с помощью данного метода мнения ученых расходятся. Тем не менее многие авторитетные исследователи указывают на несоответствие количества годовых слоев в зубах индивидуальному возрасту человека с поправкой на период прорезывания анализируемого типа зуба [Клевезаль и др., 2006; Lipsinic et al., 1986; Miller C. et al., 1988; Wittwer-Backofen et al., 2004; Wedel, 2007]. Кроме того, необходимо отметить, что данным методом можно определить возраст и сезон смерти человека от особей не старше 35 лет [Клевезаль и др., 2006]. В нашем исследовании мы не анализировали зубы от особей, возраст которых по антропологическим данным был определен старше 40 лет (Приложение 4.1).

Определение времени (сезона) гибели особи производится на основании состояния краевой линии в цементе или дентине. Основная часть широкого слоя у северного оленя формируется с июня по декабрь [Reimers, Nordby, 1968; Miller F., 1974]. Узкий слой образуется с декабря по апрель [Miller F., 1974].

Учитывая это и данные Г. А. Клевезаль [Клевезаль, Соколов, 1999], считалось:

- если зона активного роста только начала формироваться, то олень погиб весной (в мае);
- если этот элемент был в значительной мере или почти полностью сформирован, то животное погибло летом (июнь–август);
- если зона активного роста была сформирована полностью, то это произошло осенью (сентябрь – ноябрь);
- если зона замедления роста была видна по краю очередного годового слоя – зимой (декабрь – апрель).

У лося зона активного роста формируется с конца апреля по ноябрь, а зона замедления роста – с конца ноября по апрель [Sergeant, Pimlott, 1959; Балейшиус, 1970; Gasaway et al., 1978; Дицевич, Дюба, 1984; Ronandsen et al., 2008]. На основании данных о времени формирования зон роста для лося было принято:

- если последняя линия зоны роста по ширине больше 50% ширины предыдущей линии – осень;
- если по краю начала формироваться или уже полностью сформирована линия зоны замедления роста – зима;
- если по краю только начала формироваться линия зоны роста – весна.

У собаки, в силу большей изменчивости во времени формирования зоны активного роста и зоны замедления роста, сезон гибели можно определить только в очень широких пределах: осень – зима или весна – лето [Клевезаль, 1988]. Для человека показана возможность определения времени гибели также в широких пределах: осень – зима и весна – лето [Wedel, 2007]. Вследствие этого, в последних двух случаях было принято:

- если по краю имеется зона активного роста различной степени сформированности, это весна – лето;
- если по краю зона активного роста сформирована полностью, начала образовываться, либо полностью сформирована зона замедления роста, то это осень – зима.

Во всех случаях под сезонами понимаются их календарные сроки.

Описание одонтологических образцов. Животные**Северный олень – *Rangifer tarandus* L., 1758.**

№ 750/152. Первый коренной зуб (M1) из верхней челюсти с правой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты слабо. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет. Анализ проводился на продольном аншлифе.

Результаты анализа: в цементе имеются два «зимних» слоя. По краю наблюдается «летний» слой активного роста, ширина которого равна ширине одноименного предыдущего слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено. Поскольку период прорезывания данного зуба около пяти месяцев [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970], количество узких слоев соответствует возрасту особи.

Заключение. Данный олень погиб в возрасте двух с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/153. Четвертый предкоренной зуб (p4) из нижней челюсти с левой стороны тела. Челюсть предположительно происходит от индивидуума XX (№ 750/152).

Результаты анализа: в цементе имеется один «зимний» слой (рис. 4). По краю прослеживается широкий «летний» слой, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено. Период прорезывания данного зуба – около двух лет [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970]. Следовательно, к количеству «зимних» линий необходимо прибавить число «2».

Заключение. Данный олень погиб в возрасте трех с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

Разный возраст, полученный для двух предыдущих образцов, которые происходят из костей предположительно от одной особи, можно объяснить двумя причинами. Первая: череп и нижняя челюсть происходят от разных особей. Вторая: в первом коренном зубе из верхней челюсти не образовалась первая «зимняя» линия. Такое явление иногда встречается у поздно рожденных особей северных оленей.

№ 750/263. Третий предкоренной зуб (p3) из нижней челюсти. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты средне. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет. Сохранность цемента очень плохая, слои читаются также плохо.

Результаты анализа: в цементе имеются два «зимних» слоя. По краю прослеживается широкий «летний» слой, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено.

Период прорезывания данного зуба – около двух лет [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970]. Следовательно, к количеству «зимних» линий необходимо прибавить число «2».

Заключение. Данный олень погиб в возрасте четырех с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/285. Первый коренной зуб (m1) из нижней челюсти с правой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты слабо. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет. Изготовлено несколько поперечных спилов корня зуба. Подсчет производился в средней части корня, в слое цемента.

Результаты анализа: в цементе имеются два узких слоя, соответствующие зонам замедления роста (рис. 5). По краю широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено. Сделан вывод, что особь погибла осенью или, скорее всего, в ноябре – декабре. Поскольку период прорезывания данного зуба около пяти месяцев [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970], количество узких слоев соответствует возрасту особи – два с половиной года.

Заключение. Данный олень погиб в возрасте двух с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/287. Второй предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты средне. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет.

Результаты анализа аналогичные предыдущему образцу. Слои видны только в шлифах. Поскольку период прорезывания данного зуба до двух лет [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970], к числу узких слоев необходимо прибавить два.

Заключение. Данный олень погиб в возрасте четырех с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/374. Изолированный предкоренной зуб (P2-4) из верхней челюсти. Имеет среднюю степень стертости. Сохранность зуба очень плохая, слои не читаются.

№ 750/380. Третий предкоренной зуб (p3) из нижней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты средне. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет.

Результаты анализа: в цементе имеется один «зимний» слой. По краю прослеживается широкий «летний» слой, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено. Период прорезывания данного зуба – около двух лет [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970]. Следовательно, к количеству «зимних» линий необходимо прибавить число «2».

Заключение. Данный олень погиб в возрасте трех с половиной лет, или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/479. Изолированный первый коренной зуб (m1). Стерт слабо. Анализ проводился на продольном шлифе. Слои видны в средней части корня. Сохранность плохая, слои читаются тоже плохо.

Результаты анализа: в цементе имеются два «зимних» слоя. По краю прослеживается широкий «летний» слой, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено.

Заключение. Данный олень погиб в возрасте двух с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/553. Второй коренной зуб (m2) из нижней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты слабо. Возраст животного по состоянию его зубной системы – около двух лет. Слои видны на аншлифе.

Результаты анализа: в цементе имеется один «зимний» слой. По краю прослеживается широкий «летний» слой, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено. Период прорезывания данного зуба – около одного года [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970]. Следовательно, к количеству «зимних» линий необходимо прибавить число «1».

Заключение. Данный олень погиб в возрасте полутора лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/634. Третий предкоренной зуб (p3) из нижней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты средне. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет.

Результаты анализа: в цементе имеются два «зимних» слоя. По краю наблюдается «летний» слой активного роста, ширина которого равна ширине одноименного предыдущего слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено.

Заключение. Данный олень погиб в возрасте четырех с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/635. Первый коренной зуб (m1) из нижней челюсти с правой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты слабо. Возраст животного по состоянию его зубной системы – около двух лет.

Результаты анализа: в цементе имеется один «зимний» слой. По краю прослеживается широкий «летний» слой, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено.

Поскольку, в зубе имеется только один слой и известно время прорезывания постоянных предкоренных зубов (18 месяцев), которые имеются в наличии в челюсти в уже полном объеме, можно сказать достаточно точный возраст особи: 1 год и 8–9 месяцев. Сезон смерти, соответственно, декабрь–январь.

Заключение. Данный олень погиб в возрасте 1 год и 8–9 месяцев, в первой половине зимы (декабрь–январь).

№ 750/656. Третий предкоренной зуб (p3) из нижней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты сильно. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет.

Сохранность цемента зуба очень плохая, слои проанализировать не удалось.

Лось – *Alces alces* L., 1758.

№ 750/397. Первый коренной зуб (M1) из верхней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты довольно сильно. Изготовлен продольный спил.

Результаты анализа: в цементе имеются пять «зимних» слоев (рис. 6). Между границей цемента и дентина фиксируется очень широкая зона активного роста. Это может говорить либо об очень интенсивном росте данной особи в первый год жизни, либо о том, что в первую зиму у особи не образовалась зона замедления роста. Такое явление иногда встречается у животных. По краю наблюдается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Очередного слоя замедления роста по краю не отмечено.

Данный зуб у лося начинает прорезаться после рождения [Клевезаль, 2007]. Следовательно, количество узких линий соответствует возрасту особи. Если учитывать, что в первый год жизни особи зона замедления роста не образовалась, на момент смерти животному могло быть шесть с половиной лет.

Заключение. Данная особь лося погибла в возрасте пяти с половиной – шести с половиной лет, осенью или, возможно, в начале зимы (декабрь).

№ 750/428. Первый коренной зуб (m1) из нижней челюсти с левой стороны тела. В челюсти имеется m3 в состоянии прорезывания. Это указывает на то, что особи должно быть около полутора лет. Сохранность зуба очень плохая. Подсчет слоев произвести не удалось. Выводы о возрасте и сезоне смерти сделаны на основании состояния зубной системы.

Заключение. Данная особь погибла в возрасте полутора лет в первой половине осени.

№ 750/631. Третий предкоренной зуб (P3) из верхней челюсти с правой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты средне. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет.

Результаты анализа: в цементе имеются пять «зимних» слоев. По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего слоя. Кроме того, начал формироваться очередной «зимний» слой.

Заключение. Данной особи лося на момент гибели было примерно три года и девять месяцев. Особь погибла в начале зимы (декабрь).

№ 750/640. Первый коренной зуб (M1) из верхней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты довольно сильно. Возраст животного по состоянию его зубной системы – более двух лет.

Результаты анализа: в цементе имеются пять «зимних» слоев (рис. 7). По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Кроме того, начал формироваться очередной узкий слой.

Заключение. Данная особь лося погибла в возрасте пяти лет и девяти месяцев, в начале зимы (декабрь).

№ 750/666. Второй предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с правой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты довольно сильно. Возраст животного по состоянию его зубной системы: шесть с половиной – семь с половиной лет [Кнорре, Шубин, 1959].

Результаты анализа: в цементе имеются пять «зимних» слоев. По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя. Время прорезывания данного зуба – шестнадцать месяцев [Там же].

Заключение. Данная особь погибла в возрасте примерно шести с половиной лет, осенью.

№ 750/667. Второй предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с правой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты довольно сильно. Возраст животного по состоянию его зубной системы – пять с половиной лет [Херувимов, Орлов, 1967].

Результаты анализа: в цементе имеются четыре «зимних» слоя. По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого почти равна ширине предыдущего одноименного слоя (рис. 8). Время прорезывания данного зуба шестнадцать месяцев [Кнорре, Шубин, 1959].

Заключение. Данной особи на момент гибели было примерно пять с половиной лет. Животное было убито осенью (сентябрь – октябрь).

№ 750/668. Третий коренной зуб (m3) из нижней челюсти с левой стороны тела. Состояние зубной системы: все зубы постоянные, стерты средне. Возраст животного по состоянию его зубной системы – пять с половиной лет [Херувимов, Орлов, 1967].

Результаты анализа: в цементе имеются четыре «зимних» слоя. По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя.

Данная особь погибла в возрасте пяти с половиной лет, осенью.

Собака – *Canis familiaris*.

№ 750/408. Первый коренной зуб (M1) из верхней челюсти.

№ 750/409. Предкоренной зуб (p) из нижней челюсти с левой стороны тела.

№ 750/410. Клык (c) из нижней челюсти с левой стороны тела. Все эти зубы происходят, предположительно, от одной особи. Так много зубов от одной особи было взято из-за плохой их сохранности. Фрагмент черепа, у которого нет возможности описать состояние зубной системы. Признаков стирания зуба еще нет, что может говорить о том, что особи было не больше трех лет.

Результаты анализа: слой цемента очень тонкий. Никаких слоев еще не сформировалось. Вероятно, особи не было еще и двух лет. Время ее гибели определить не удалось.

№ 750/451. Третий предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с правой стороны тела. Признаков стирания зуба еще нет. Это может говорить о том, что особи было не более трех лет.

Результаты анализа: слой цемента очень тонкий. Никаких слоев еще не сформировалось. Вероятно, особи не было еще и двух лет. Время ее гибели определить не удалось.

№ 750/471. Второй предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с правой стороны тела. Признаков стирания зуба еще нет. Это может говорить о том, что особи было не более трех лет.

Результаты анализа: по краю цемента начал формироваться слой, соответствующий зоне замедления роста. Вероятно, собаке было около двух лет. Время гибели можно определить как осень – зима.

Заключение. Собака погибла в возрасте примерно двух лет, осенью или зимой.

№ 750/472. Четвертый предкоренной зуб (p4) из нижней челюсти с левой стороны тела. Фрагмент зуба, который не позволяет оценить степень стирания его верхушки и определить предварительно возраст животного.

Результаты анализа: в цементе имеется один «зимний» слой (рис. 9). По краю цемента начал формироваться второй «зимний» слой.

Заключение. Собака погибла в возрасте примерно четырех лет, осенью или зимой.

№ 750/502. Второй предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с правой стороны тела. Фрагмент зуба, который не позволяет оценить степень стирания его верхушки и определить предварительно возраст животного.

Результаты анализа: в цементе имеется один «зимний» слой. По краю цемента начал формироваться второй «зимний» слой.

Заключение. Собака погибла в возрасте примерно четырех лет осенью или зимой.

№ 750/629. Предкоренной зуб (p) из нижней челюсти с правой стороны тела. Верхушка зуба стерта, что говорит о том, что особи было более трех лет.

Результаты анализа: в цементе имеется три «зимних» слоя. По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя.

Заключение. Собака погибла в возрасте пяти-шести лет, осенью или зимой.

№ 750/655. Третий предкоренной зуб (p3) из нижней челюсти с левой стороны тела. Верхушка зуба стерта, что говорит о том, что особи было более трех лет.

Результаты анализа: в цементе имеется три «зимних» слоя. По краю зуба прослеживается широкий слой активного роста, ширина которого равна ширине предыдущего одноименного слоя.

Заключение. Собака погибла в возрасте четырех-пяти лет, осенью или зимой.

Человек – *Homo sapiens*. Зубы человека из коллекции музея ИЭРиЖ УрО РАН

№ 750/692. Первый резец (I1) из черепа. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 20–30 лет.

Результаты анализа: по краю цемента начал формироваться слой, соответствующий зоне замедления роста. Возраст определить не удалось. Сохранность цемента зуба очень плохая. Время гибели человека можно определить как осень – зима.

Заключение. Период смерти человеческого индивидуума: осень – зима. Возраст определить не удалось.

№ 750/703. Второй коренной зуб (m2) из нижней челюсти. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи мужского пола, возрастом 20–30 лет. Предположительно, может принадлежать особи № 750/692. Изготовлено несколько поперечных спилов.

Результаты анализа: по краю цемента начал формироваться слой, соответствующий зоне замедления роста. Возраст особи определить не удалось. Сохранность цемента зуба очень плохая. Время гибели человека можно определить как осень – зима.

Заключение. Период смерти человеческого индивидуума: осень – зима. Возраст определить не удалось.

№ 750/708. Второй коренной зуб (M2) из черепа. Согласно антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 18–30 лет. Изготовлено несколько поперечных спилов.

Результаты анализа: край цемента разрушен по всей поверхности корня зуба. Ничего определенного относительно возраста человека и времени его гибели сказать нельзя.

Зубы человека из коллекции кабинета антропологии ТГУ.

№ 5222. Первый коренной зуб (m1) из нижней челюсти с правой стороны тела. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 30–40 лет.

Результаты анализа: по краю цемента начал формироваться слой, соответствующий зоне замедления роста. Возраст особи определить не удалось. Сохранность цемента зуба очень плохая. Время гибели человека можно определить как осень – зима.

№ 5224. Второй резец (I2) из черепа с правой стороны тела. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 30–40 лет.

Результаты анализа: по краю цемента начал формироваться слой, соответствующий зоне замедления роста. Возраст особи определить не удалось. Сохранность цемента зуба очень плохая. Время гибели человека можно определить как осень – зима.

№ 5225. Второй коренной зуб (m2) из нижней челюсти с правой стороны тела. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 30–50 лет.

Результаты анализа: по краю цемента полностью сформированный «летний» слой. Возраст особи определить не удалось. Сохранность цемента зуба очень плохая. Время гибели человека можно определить как осень – зима.

№ 5226. Второй предкоренной зуб (p2) из нижней челюсти с правой стороны тела. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 35–50 лет.

Результаты анализа: край цемента разрушен по всей поверхности корня зуба. Ничего определенного относительно возраста человека и времени его гибели сказать нельзя.

№ 5228. Второй коренной зуб (m2) из нижней челюсти с левой стороны тела. Согласно антропологическим данным (Приложение 4.1), зуб происходит от особи, возраст которой 35–45 лет.

Результаты анализа: край цемента разрушен по всей поверхности корня зуба. Ничего определенного относительно возраста человека и времени его гибели сказать нельзя.

№ 5229. Клык (c) из нижней челюсти с левой стороны тела. По антропологическим данным (Приложение 4.1) зуб происходит от особи, возраст которой 18–22 года.

Результаты анализа: край цемента разрушен по всей поверхности корня зуба. Ничего определенного относительно возраста человека и времени его гибели сказать нельзя.

Заключение. В ходе работы были изучены все пригодные для данного вида анализа зубы трех видов животных и трех человеческих индивидуумов, которые происходят из раскопок 2011–2013 годов (табл. 1, 2). Так же были проанализированы зубы от шести индивидуумов из раскопок 1990 года (табл. 2). Исследованные зубы принадлежали особям животных, останки которых были обнаружены в различных частях памятника, включая зону оборонительно-жилого комплекса (ОЖК) и территорию за пределами укрепления (табл. 1). В результате, на основании проведенного исследования, можно сделать вывод о сезонах функционирования всей территории городка.

Среди особей северного оленя определены животные разного возраста: от полутора до четырех с половиной лет (табл. 1). Следовательно, никакой избирательности по возрасту при забое этого животного у населения городка не было. Время гибели всех этих особей приходится на осень (скорее всего, ноябрь) или начало зимы (декабрь). Судя по археозоологическим исследованиям (Приложение 4.2) и наличию в коллекции артефактов оленьей упряжи (Глава 2.3), жители городка содержали домашних оленей и охотились на дикого северного оленя. Для еды забивали, вероятно, преимущественно диких оленей. Охота на северного оленя в окрестностях городка была возможна круглый год.

Среди особей лося также имеются особи разного возраста (табл. 1). Возраст лося для интерпретации хозяйственной деятельности обитателей городка не несет никакой смысловой нагрузки. Все особи лося, зубы которых были проанализированы, погибли осенью или в первой половине зимы. Охота на лося в окрестностях городка была возможна круглый год. Охотятся на лося обычно с начала осени до конца марта. В эти периоды года лосей достаточно легко обнаружить. В начале осени происходит так называемая «охота на реву», в период гона у лося. В снежный период поиск лосей осуществляется по следам. Со сходом снега – весной и летом – обнаружить лосей довольно трудно и охота происходит на озерах или реках, куда лоси приходят, спасаясь от гнуса. В городке Монкысь урий все особи лося были добыты в осенне-зимний период. «Весенних» и «летних» особей лося нет.

Среди собак также присутствуют только особи, которые умерли в холодный период года (табл. 1). Собаки могли погибнуть на территории городка только в период присутствия здесь человека.

Время смерти индивидуумов человека, для которых удалось определить эти параметры, приходится тоже на холодный период года (ноябрь – декабрь) (табл. 2).

Следовательно, население жило на территории городка Монкысь урий преимущественно или исключительно в холодный период года: с сентября по февраль.

К таким же выводам приходят и другие исследователи при изучении видового состава промысловых видов (Приложение 4.2). Среди последних нет ни одного вида птиц, которых добывают в летний период. Кроме того, среди остатков животных не было найдено костей ни одной новорожденной или очень молодой особи. На функционирование городка осенью – в начале зимы указывает и В. И. Семенова [2005].

Таким образом, полученные в настоящем исследовании выводы не противоречат другим данным.

Литература

- Акаевский А. И. Анатомия северного оленя. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 330 с., ил.
- Балейшиц Р. Определение возраста лосей по слоистой структуре корневого цемента резцов и клыков // Зоологический журнал. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – Т. XLIX. – Вып. 5. – С. 778–780.
- Дицевич Б. Н., Дюба Г. П. Сезонный характер и возрастные особенности микроструктуры зубов восточносибирского лося // Регистрирующие структуры и определение возраста млекопитающих: Тез. докл. Всесоюзной конф. – М., 1984. – С. 14–15.
- Клевезаль Г. А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 285 с.
- Клевезаль Г. А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 283 с.
- Клевезаль Г. А., Соколов А. А. Ретроспективная оценка состояния популяции новоземельских северных оленей (*Rangifer tarandus*) в период проведения ядерных испытаний // Зоологический журнал. – М.: Изд-во АН СССР, 1999. – Т. 78. – № 1. – С. 102–111.
- Клевезаль Г. А., Шишилина Н. И., Пахомов М. М., Хохлов А. А. Идентификация сезона смерти человека по слоям в цементе зубов (эпоха бронзы) // Российская археология. – М.: Изд-во ИА РАН, 2006. – № 2. – С. 15–23.
- Кнорре Е. П., Шубин Г. Г. Определение возраста лося // Труды Печоро-Ильчского государственного заповедника. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1959. – Вып. VII. – С. 123 – 132.
- Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2005. – 164 с., ил.
- Смирнов В. С. Исследование динамики численности волка с использованием двух методов определения возраста // Анализ размерной и возрастной структуры популяций позвоночных. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. – С. 114–133.
- Херувимов В. Д., Орлов И. И. Определение возраста лосей (*Alces alces* L.) из южных областей Европейской части СССР // Зоологический журнал. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – Т. LVI. – Вып. 8. – С. 1229–1233.
- Bergerud A. T. Eruption of Permanent Premolars and Molars for Newfoundland Caribou // Journal of Wildlife Management. – USA: JWM, 1970. – Vol. 34. – No 4. – P. 962–963.
- Gasaway W. C., Harkness D. B., Rausch R. A. Accuracy of Moose Age Determinations from Incisor Cementum Layers // Journal of Wildlife Management. – USA: JWM, 1978. – Vol. 42. – No 3. – P. 558–563.

Lipsinic F. E., Paunovich E., Houston G. D., Robison S. F. Correlation of Age and Incremental Lines in Cementum of Human Teeth // Journal Forensic Sciences / AAFC. – USA: John Wiley & Sons Inc., 1986. – Vol. 31. – No 3. – P. 982–989.

McEwan E. H. Seasonal Annuli in the Cementum of the Teeth of Barren Ground Caribou // Canadian Journal of Zoology. – Canada: NRC Research Press, 1963. – Vol. 41. – P. 111–113.

Miller C. S., Dove S. B., Cottone J. A. Failure of Use of Cemental Annulations in Teeth to Determine the Age of Humans // Journal Forensic Sciences / AAFC. – USA: John Wiley & Sons Inc., 1988. – Vol. 33. – No 1. – P. 137–143.

Miller F. L. Eruption and Attrition of Mandibular Teeth in Barren-Cround Caribou // Journal of Wildlife Management. – USA: JWM, 1972. – Vol. 36. – No 2. – P. 606–619.

Miller F. L. Age Determination of Caribou by Annulations in Dental Cementum // Journal of Wildlife Management. – USA: JWM, 1974. – Vol. 38. – No 1. – P. 47–53.

Parker G. R., Maxwell J. W. Identification of Pups and Yearling Wolves by Dentine Width in the Canine // Arctic. – 1986. – Vol. 39. – No 2. – P. 180–181.

Reimers E., Nordby Ø. Relationship between Age and Tooth Cementum Layers in Norwegian Reindeer // Journal of Wildlife Management. – USA: JWM, 1968. – Vol. 32. – No 4. – P. 957–961.

Ronandsen C. M., Solberg E. J., Heim M., Holmstrøm F., Solem M. I., Sæther B. Accuracy and Repeatability of Moose (*Alces alces*) Age as Estimated from Dental Cement Layers // European Journal of Wildlife Research. – 2008. – V. 54. – P. 6–14.

Sergeant D. E., Pimlott D. H. Age Determination in Moose from Sectioned Incisor Teeth // Journal of Wildlife Management. – USA: JWM, 1959. – Vol. 23. – No 3. – P. 315–321.

Wedel V. L. Determination of Season at Death Using Dental Cementum Increment Analysis // Journal Forensic Sciences / AAFC. – USA: Wiley, 2007. – Vol. 52. – No. 6. – P. 1334–1337.

Wittwer-Backofen U., Gampe J., Vaupel J. W. Tooth Cementum Annulation for Age Estimation: Results From a Large Known-Age Validation Study // American Journal of Physical Anthropology. USA: John Wiley & Sons Inc., 2004. – Vol. 123. – P. 119–129.

Возраст и вероятное время смерти животных по материалам раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

№ п/п	Идентификатор	Год и место раскопок	Вид	Зуб	Возраст	Вероятное время смерти
1	2	3	4	5	6	7
2	750/152	2011 г., кв. Р/43 ОЖК, (скопление 1)	Северный олень	М1	2 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
3	750/153	2011 г., кв. Р/43, ОЖК, (скопление 1)	Северный олень	р4	3 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
4	750/263	2011 г., кв. И/40, южная периферия	Северный олень	р3	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
5	750/285	2011 г., кв. Щ/46, восточный склон	Северный олень	м1	2 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
6	750/287	2011 г., кв. И/39, южный склон	Северный олень	р2	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
7	750/374	2011 г., кв. А»/40, ОЖК, постройка 2.9.2	Северный олень	Р2-4	–	–
8	750/380	2011 г., кв. Ы/38, ОЖК	Северный олень	р3	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
9	750/479	2013 г., уч. Ж–П/32–38, ОЖК	Северный олень	м1	2 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
10	750/553	2013 г., уч. Ж–П/32–38, ОЖК	Северный олень	м2	1 год и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
11	750/634	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Северный олень	р3	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
12	750/635	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Северный олень	м1	1 год и 6–8 месяцев	Первая половина зимы
13	750/656	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Северный олень	р3	–	–
14	750/397	2012 г., кв. С/51, юго-восточный склон	Лось	М1	6 лет и 6–9 месяцев	Осень – начало зимы
15	750/428	2012 г., кв. П/45,	Лось	м1	1 год и 6–9 месяцев	Первая половина осени
16	750/631	2013 г., кв. А»/29, северо-западный склон	Лось	Р3	3 года и 9 месяцев	Начало зимы
17	750/640	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	М1	5 лет и 6–9 месяцев	Начало зимы
18	750/666	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	р2	6 лет и 6–8 месяцев	Осень
19	750/667	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	р2	5 лет и 6–7 месяцев	Осень
20	750/668	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	м3	6 лет и 6–8 месяцев	Осень
21	750/408	2012 г., кв. З’/54, юго-западная периферия	Собака	М1	От одного до двух лет	–
–	750/409	2012 г., кв. З’/54, юго-западная периферия	Собака	с1	От одного до двух лет	–
–	750/410	2012 г., кв. З’/54, юго-западная периферия	Собака	р	От одного до двух лет	–
22	750/451	2012 г., кв. Ю/31 ОЖК постройка 2.5(6)	Собака	р2	От одного до двух лет	–

23	750/471	2013 г., кв. Н/33, юго-восточный склон	Собака	p2	Около двух лет	Осень – начало зимы
24	750/472	2013 г., кв. П/34, юго-восточный склон	Собака	p4	4 года	Осень – начало зимы
25	750/502	2013 г., кв. П/34, юго-восточный склон	Собака	p2	4 года	Осень – начало зимы
26	750/629	2013 г., кв. А»/29, сев-западный склон	Собака	p	5–6 лет	Осень – начало зимы
27	750/655	2013 г., кв. В»/33, ОЖК	Собака	p3	4–5 лет	Осень – начало зимы

Таблица 2

**Возраст и вероятное время смерти людей по материалам
раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)**

№ п/п	Идентификатор	Год раскопок и местонахождение	Зуб	Возраст* (лет)	Вероятное время смерти
2	5222	1990 г. Погребение № 1а	m1	30–40	Осень – зима
3	5224	1990 г. Погребение № 1к	I2	30–35	Осень – зима
4	5225	1990 г. Погребение № 1л	m2	30–50	Осень – зима
5	5226	1990 г. Погребение № 1м	p2	30–50	Осень – зима
6	5228	1990 г. Погребение 2б	m2	35–45	–
7	5229	1990 г. Погребение 3	c	18–25	–
8	750/692	2013 г., кв. У/52, юго-восточный склон	П1	20–30	Осень – начало зимы
9	750/703	2013 г., кв. Т/51, юго-восточный склон	m2	20–30	Осень – начало зимы
10	750/708	2011 г. Погребение № 1	M2	18–30	–

Примечание: *по антропологическим данным

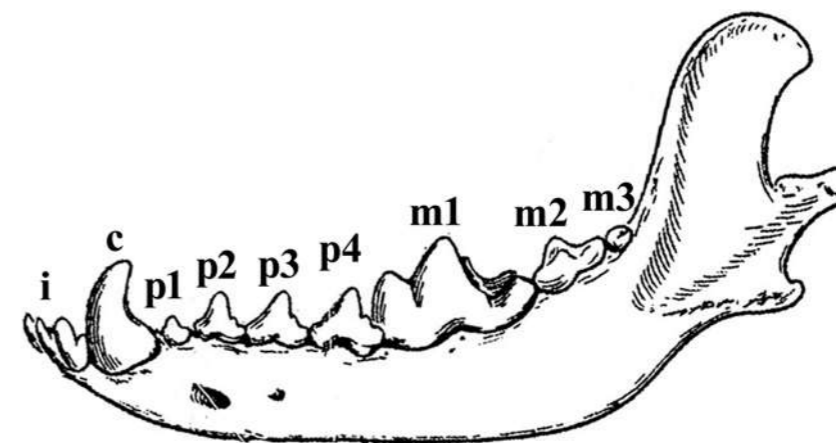

Рис. 1. Нижняя челюсть собаки:
i – резцы, c – клык, p – предкоренные зубы, m – коренные зубы

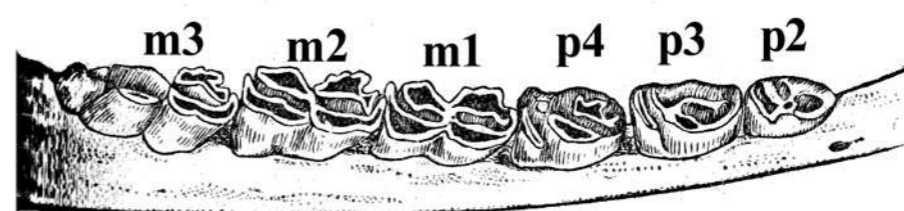

Рис. 2. Фрагмент нижней челюсти северного оленя.
Условные обозначения – на рис. 1

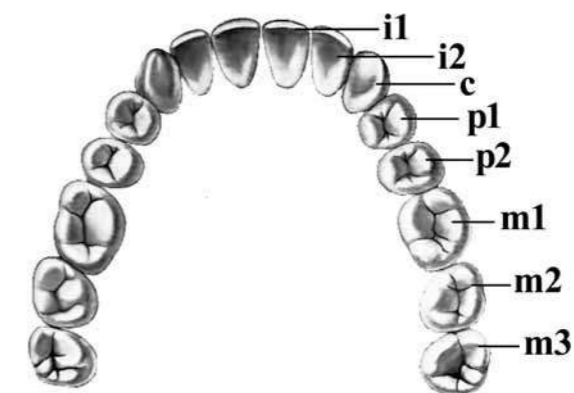

Рис. 3. Порядковые номера зубов человека.
Условные обозначения – на рис. 1

Таблица 1

Возраст и вероятное время смерти животных по материалам раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

№ п/п	Идентификатор	Год и место раскопок	Вид	Зуб	Возраст	Вероятное время смерти
1	2	3	4	5	6	7
2	750/152	2011 г., кв. Р/43 ОЖК, (скопление 1)	Северный олень	М1	2 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
3	750/153	2011 г., кв. Р/43, ОЖК, (скопление 1)	Северный олень	р4	3 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
4	750/263	2011 г., кв. И/40, южная периферия	Северный олень	р3	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
5	750/285	2011 г., кв. Щ/46, восточный склон	Северный олень	м1	2 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
6	750/287	2011 г., кв. И/39, южный склон	Северный олень	р2	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
7	750/374	2011 г., кв. А»/40, ОЖК, постройка 2.9.2	Северный олень	Р2-4	–	–
8	750/380	2011 г., кв. Ы/38, ОЖК	Северный олень	р3	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
9	750/479	2013 г., уч. Ж–П/32–38, ОЖК	Северный олень	м1	2 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
10	750/553	2013 г., уч. Ж–П/32–38, ОЖК	Северный олень	м2	1 год и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
11	750/634	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Северный олень	р3	4 года и 6–8 месяцев	Осень – начало зимы
12	750/635	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Северный олень	м1	1 год и 6–8 месяцев	Первая половина зимы
13	750/656	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Северный олень	р3	–	–
14	750/397	2012 г., кв. С/51, юго-восточный склон	Лось	М1	6 лет и 6–9 месяцев	Осень – начало зимы
15	750/428	2012 г., кв. П/45,	Лось	м1	1 год и 6–9 месяцев	Первая половина осени
16	750/631	2013 г., кв. А»/29, северо-западный склон	Лось	Р3	3 года и 9 месяцев	Начало зимы
17	750/640	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	М1	5 лет и 6–9 месяцев	Начало зимы
18	750/666	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	р2	6 лет и 6–8 месяцев	Осень
19	750/667	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	р2	5 лет и 6 – 7 месяцев	Осень
20	750/668	2013 г., уч. Б”–Д”/32–37, ОЖК	Лось	м3	6 лет и 6–8 месяцев	Осень
21	750/408	2012 г., кв. З’/54, юго-западная периферия	Собака	М1	От одного до двух лет	–
–	750/409	2012 г., кв. З’/54, юго-западная периферия	Собака	с1	От одного до двух лет	–
–	750/410	2012 г., кв. З’/54, юго-западная периферия	Собака	р	От одного до двух лет	–

Рис. 4. Аншлиф четвертого предкоренного зуба из нижней челюсти северного оленя (№750/153)¹.

Увеличение: 8×5. Дентин (внутренний слой зуба), цемент (наружный слой корня зуба). Стрелками показаны слои, соответствующие зонам замедления роста. Фото автора

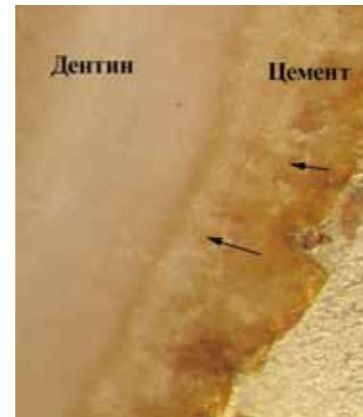

Рис. 5. Аншлиф первого коренного зуба из нижней челюсти северного оленя (№ 750/285)

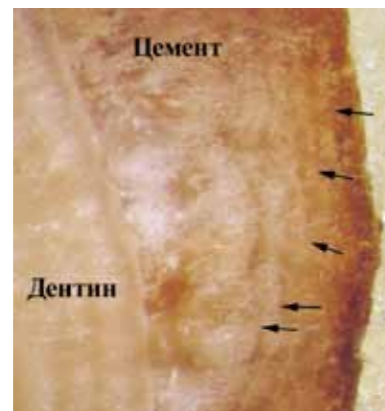

Рис.6. Аншлиф первого коренного зуба из верхней челюсти лося (№ 750/397)

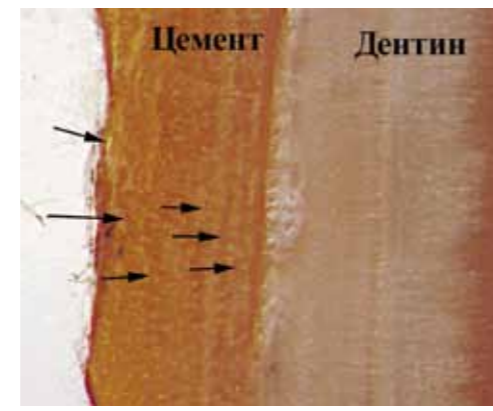

Рис. 7. Аншлиф первого коренного зуба из верхней челюсти лося (№ 750/640)

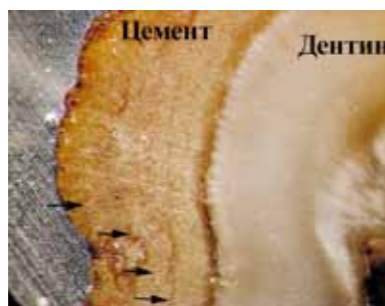

Рис. 8. Аншлиф второго предкоренного зуба из нижней челюсти лося (№ 750/667)

Рис. 9. Аншлиф четвертого предкоренного зуба из нижней челюсти собаки (№ 750/472)

¹ Здесь и далее: дентин (внутренний слой зуба); цемент (наружный слой корня зуба); увеличение: 8×5. Стрелками показаны слои, соответствующие зонам замедления роста. Фото автора

22	750/451	2012 г., кв. Ю/31 ОЖК постройка 2.5(6)	Собака	p2	От одного до двух лет	–
23	750/471	2013 г., кв. Н/33, юго-восточный склон	Собака	p2	Около двух лет	Осень – начало зимы
24	750/472	2013 г., кв. П/34, юго-восточный склон	Собака	p4	4 года	Осень – начало зимы
25	750/502	2013 г., кв. П/34, юго-восточный склон	Собака	p2	4 года	Осень – начало зимы
26	750/629	2013 г., кв. А»/29, сев-западный склон	Собака	p	5–6 лет	Осень – начало зимы
27	750/655	2013 г., кв. В»/33, ОЖК	Собака	p3	4–5 лет	Осень – начало зимы

Таблица 2

Возраст и вероятное время смерти людей по материалам раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)

№ п/п	Идентификатор	Год раскопок и местонахождение	Зуб	Возраст* (лет)	Вероятное время смерти
2	5222	1990 г. Погребение № 1а	m1	30–40	Осень – зима
3	5224	1990 г. Погребение № 1к	l2	30–35	Осень – зима
4	5225	1990 г. Погребение № 1л	m2	30–50	Осень – зима
5	5226	1990 г. Погребение № 1м	p2	30–50	Осень – зима
6	5228	1990 г. Погребение 2б	m2	35–45	–
7	5229	1990 г. Погребение 3	c	18–25	–
8	750/692	2013 г., кв. У/52, юго-восточный склон	l1	20–30	Осень – начало зимы
9	750/703	2013 г., кв. Т/51, юго-восточный склон	m2	20–30	Осень – начало зимы
10	750/708	2011 г. Погребение № 1	M2	18–30	–

Примечание: *по антропологическим данным

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.5

М. А. Кулькова

канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии
РГПУ им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург
e-mail: kulkova@mail.ru

Е. М. Нестеров

докт. пед. наук, канд. геол.-минерал. наук, профессор, заведующий кафедрой геологии и геоэкологии
РГПУ им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург
e-mail: nestem26@mail.ru

Л. А. Нестерова

канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры физической географии
РГПУ им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург
e-mail: l-nesterova@mail.ru

М. Ю. Синай

канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии
РГПУ им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург
e-mail: m-sinay@yandex.ru

Определение возраста органических образцов (дерево, кость) из раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий). 2011–2013 годы

В 2011–2013 гг. из раскопок городища Монкысь урий (Частухинский урий) были отобраны образцы костной ткани людей и животных, а также такие органические остатки, как древесина и уголь, для определения их возраста методом радиоуглеродного датирования. Радиоуглеродный возраст данных органических остатков был использован для верификации относительной хронологии этого памятника, установленной на основании сравнительно-типологического метода и хронологии из исторических (документальных) источников.

В последнее время при радиоуглеродном датировании костной ткани большое внимание стало уделяться так называемому «резервуарному эффекту», который появляется при употреблении в пищу морской и пресноводной пищи [Fischer et al., 2007]. В результате последнего в костные ткани человека или животного попадает более древний углерод из водных ресурсов, который приводит к существенному удревнению возраста образцов при датировании радиоуглеродным методом. В этой связи важным инструментом для установления характера диеты и коррекции результатов возраста является определение стабильных изотопов углерода. Соотношение стабильных изотопов углерода выражается $\delta^{13}\text{C}$ и определяется как относительное отклонение (в ‰) от соотношения $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ образца и стандарта (VPDB). Природные изменения в $\delta^{13}\text{C}$ варьируются в широких пределах, что делает его хорошим индикатором происхождения углерода. Растительные материалы из наземной и морской среды, например, отличаются по $\delta^{13}\text{C}$ на 7–10 ‰, так как наземные растения усваивают углерод из атмосферного CO_2 , в то время как морские растения усваивают растворенный бикарбонат. Эта разница сохраняется в наземных и морских пищевых цепях [Sveinbjörnsdóttir et al., 2010].

Как отмечают различные авторы [Sveinbjörnsdóttir et al., 2010; Fischer et al., 2007], в костях человека и животных, живущих во внутренних регионах, вдали от моря, значения $\delta^{13}\text{C}$ относятся к наземной трофической цепи. Обычные значения $\delta^{13}\text{C}$ для костной ткани (СЗ цикл метаболизма) около -21‰. Изотопные значения для организмов, развивающихся в воде, отличаются от наземных. Если в костном коллагене «наземной диеты»

значения $\delta^{13}\text{C}$ определяются как -21‰ , то в коллагене с «морским типом» диеты это значение увеличивается до -13‰ . Для пресноводного типа диеты эти значения могут быть как более позитивными, чем в наземных системах, так и более негативными. Для пресноводной рыбы (щука) были приведены значения -24‰ , для водоплавающей утки $-24,9\text{‰}$. Такими же значениями и немного ниже характеризуется наземная растительность (от -23 до -27‰) [Trimble, Macko, 1997]. Как отмечают эти авторы, значения $\delta^{13}\text{C}$ увеличиваются по трофической цепи на 2‰ [Arneborg et al., 1999]. Кроме того, ученые продемонстрировали использование $\delta^{13}\text{C}$ костного коллагена для реконструкции диеты. Они получили точные радиоуглеродные даты для костных остатков последних людей из колонии викингов в Гренландии, которые употребляли смешанную пищу морского и наземного происхождения. В своем исследовании Арнеборг и соавторы [Arneborg et al., 1999] определяли значение костного коллагена $\delta^{13}\text{C}$ -21‰ как 100% наземной диеты и $-12,5\text{‰}$ – для 100% морской диеты. В костях человека обнаруживаются большие вариации в ^{13}C ($-16,4\text{‰}$ до $-20,3\text{‰}$ VPDB), хотя большинство значений лежат в интервале от -18‰ до -20‰ . Собаки, которые были проанализированы, употребляли морскую пищу. Кости одной из них отличались особенно высоким показателем ^{13}C : около -16‰ . В то время как у лошадей отмечались значения ^{13}C на 1‰ ниже (-22‰), чем в образцах людей, питающихся наземной пищей.

Таким образом, предыдущие исследования показали, что $\delta^{13}\text{C}$ костного коллагена могут быть использованы для установления доли углерода в рационе, поступающем вместе с морским белком с достаточной степенью точности ($\pm 10\%$) [Tauber, 1981; Chisholm, Nelson, Schwarcz, 1982; Johansen et al., 1986; Lovell, Nelson, Schwarcz, 1986; Arneborg et al., 1999]. Кроме того, данные показали, что распределение $\delta^{13}\text{C}$ для одной группы населения может быть очень близким. Таким образом, был сделан вывод, что различие в $\delta^{13}\text{C}$ в коллагене человеческих костей из высоких широт (где растения с C4 формой фотосинтеза отсутствуют) должны отражать реальные различия в средней диете, которую использует индивидуальный тип за 4–20 лет, что позволяет коллагену за это время обновиться [Martin et al., 1998; Wild et al., 2000].

Для образцов костей из городища Монкысь урий (кости человека – 5 образцов, лося – 3 образца, собаки – 1 образец, бурого медведя – 1 образец) был установлен возраст методом радиоуглеродного датирования. Образцы также были проанализированы на содержание стабильных изотопов $\delta^{13}\text{C}$ для определения особенностей диеты и коррекции возраста. Для сравнения, были получены даты по дереву и углю, собранному на этом же памятнике.

Методика определения. Предварительно для радиоуглеродного анализа и для определения стабильных изотопов костные образцы были обработаны по двум методикам. Выделение коллагена проводилось по традиционной методике [Арсланов, 1987]. Костные образцы деминерализуются в 3% растворе соляной кислоты (HCl) при охлаждении до 0°C , затем промываются дистиллированной водой и заливаются на сутки 1% раствором щелочи (NaOH). Затем образец промывается дистиллированной водой, нагревается в слабокислом растворе соляной кислоты, при этом кость размягчается и растворяется. Раствор очищается от загрязнений путем центрифугирования. Осадок (коллаген) выпаривается и используется. Коллаген применялся для определения возраста традиционным методом с помощью получения бензола и измерений на жидкостном сцинтилляционном счетчике Quantulus-1220.

Для определения $\delta^{13}\text{C}$ костные образцы заливались 3% раствором соляной кислоты (HCl) на сутки, затем промывались в течение двух часов и высушивались в сушильном шкафу [Энговатова и др., 2012]. Образец растирался до состояния пудры и анализировался с помощью масс-спектрометра Nu-Instrument. Точность определения составляла $\delta^{13}\text{C} \pm 0,1\text{‰}$.

Результаты и обсуждение. Радиоуглеродные даты и содержание $\delta^{13}\text{C}$ для костных тканей представлены в таблицах 1, 2, 3. Калиброванный возраст для каждого из образцов показан на графиках (рис. 4.4.1–4.4.9).

Возраст костных остатков лосей (SPb_1064, 1065, 1066) определен 1618–1665 гг. н. э. с вероятностью (2σ). Один из образцов костной ткани человека (SPb_1318) имеет практически тот же возраст: 1615–1673 гг. н. э. Данные, полученные по костной ткани лосей, показывают, что в рационе питания этих животных преобладала наземная диета, состоявшая из травы и древесных растений ($\delta^{13}\text{C}$ = от -19 до -22VPDB).

Некоторые из образцов отличаются более древним возрастом. Древесина (SPb_1305) имеет возраст 1450–1632 гг. н. э. (2σ). Образцы костной ткани человека (SPb_1321) датируются 1553–1634 гг. н. э. (2σ). Такой же возраст получен для образцов древесины (SPb_1302, 1305, 1306) 1540–1635 гг. н. э. (2σ). Один образец костной ткани человека (SPb_1320) относится к более позднему времени: 1726–1814 гг. н. э. (2σ).

Ряд образцов имеет современный возраст, причем некоторые из образцов (SPb_1319, 1322, 1323, 1324, 1303, 1304) характеризуются повышенной радиоуглеродной активностью. Активность радиоуглерода в не-

которых из этих образцов превышает современный уровень в 1,5–3 раза. Один образец коллагена из кости бурого медведя (SPb_1324) имеет активность 326 Бк/кг, что превышает допустимые радиационные нормы.

По содержанию $\delta^{13}\text{C}$ в костных тканях человека можно отметить значения от -23 до $-24,4\text{‰}$. Такие значения могут характеризовать как растительный тип диеты, так и поступление в пищу пресноводных продуктов. Повышенные значения стабильных изотопов углерода также характерны для коллагена из костей собаки ($-24,55\text{‰}$). Это также может указывать, что в рационе данного животного большую долю занимала пресноводная рыбная пища. Содержание стабильных изотопов углерода в костях бурого медведя (-20‰) наоборот, свидетельствует о преобладании в рационе зверя растительной диеты.

Сравнение радиоуглеродного возраста костей человека с данными по другим материалам не обнаруживает сильных отклонений в сторону удреждения, несмотря на то что в рационе средневекового человека большую роль играла пресноводная рыба. Можно предположить, что это связано с материнскими породами (пески, супеси), которые развиты в долине реки, из которой была поймана рыба, и обеднены древними карбонатами. По этой причине в тканях пресноводных животных активность радиоуглерода соответствует его возрасту.

Другой проблемой является повышенная радиационная обстановка на данном участке. Это может служить объяснением того, что некоторые образцы имеют повышенный радиационный фон и датируются настоящим временем, хотя они были найдены в культурном слое в 10 м от остальных культурных объектов. По данным обзора «О состоянии окружающей природной среды Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 году», на территории округа зафиксировано 2 случая оставления радионуклидных источников при производстве геофизических исследований, вследствие обрыва радиоизотопных приборов. Всего было выявлено 203 скважины с оставленными в них источниками ионизирующего излучения. Возможно, это повлияло на высокие значения ^{14}C в некоторых образцах.

Литература

- Арсланов Х. А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 300 с.
- Обзор «О состоянии окружающей природной среды Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 году» / Правительство ХМАО – Югры, НПЦ «Мониторинг». – Ханты-Мансийск, 2001. – С. 161.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле: Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА РАН. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2012. – Вып. 228. – С. 96–114.
- Arneborg J., Heinemeier J., Lynnerup N., Nielsen H. L., Rud N., Sveinbjörnsdóttir A. E. Change of Diet of the Greenland Vikings Determined from Stable Carbon Isotope Analysis and ^{14}C Dating of Their Bones // Radiocarbon. – 1999. – N. 41 (2). P. 157–168.
- Chisholm B. S., Nelson D. E., Schwarcz H.P. Stable Carbon Isotope Ratios as a Measure of Marine Versus Terrestrial Protein in Ancient Diets // Science. – 1982. – N. 216 (4550). – P. 1131–1132.
- Fischer A., Olsen J., Richards M., Heinemeier J., Bennike P. Coast-Inland Mobility and Diet in the Danish Mesolithic and Neolithic: Evidence from Stable Isotope Value of Humans and Dogs // Journal of Archaeological Science. – 2007. – N. 34. – P. 2125–2150.
- Lovell N. C., Nelson D. E., Schwarcz H. P. Carbon Isotope Ratios in Paleodiet: Lack of Age or Sex Effect. – Archaeometry. – 1986. – N. 28(1). – P. 51–55.
- Martin R. B., Burr D. B., Sharkey N. A. Skeletal Tissue Mechanics. – Berlin: Springer, 1998. – P. 127–180 p.
- Sveinbjörnsdóttir A. E., Heinemeier J., Arneborg J., Lynnerup N., Ólafsson G., Zoëga G. Dietary Reconstruction and Reservoir Correction of ^{14}C Dates on Bones from Pagan and Early Christian Graves in Iceland // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52. – N. 2–3. – P. 682–696.
- Tauber H. ^{13}C Evidence for Dietary Habits of Prehistoric Man in Denmark // Nature. – 1981. – N. 292 (5821). – P. 332–333.
- Trimble C.C., Macko S. A. Stable Isotope Analysis of Human Remains: A Tool for Cave Archaeology // Journal of Cave and Karst Studies. – 1997. – N. 59(3). P. 137–142.
- Wild E. M., Arlamovsky K. A., Golser R., Kutschera W., Priller A., Puchegger S., Rom W., Steier P., Vycudilik W. ^{14}C Dating with the Bomb Peak: An Application to Forensic Medicine // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B. – 2000. N. 172 (1–4). – P. 944–950.

Таблица 1

**Образцы древесины из строений оборонительно-жилого комплекса (ОЖК)
городка Монкысь урий (исследования 2011–2013 гг.)**

№ обр.	№ лаб.	Название образца	Местонахождение	Возраст 14C (BP)	$\delta^{13}C$ (VPDB)	Возраст калиброванный (2 σ)
1-11	SPb-1303	стена (уголь)	Постройка № 1, уч. С-Т/37-38	108,3 pMC	-	современный
2-11	SPb-1302	стена (дерево)	ОЖК, уч. Р-Ф/43-44	356±30BP	-	1545–1634 гг. (48,7%)
3-12	SPb-1304	конструкция (уголь)	Постройка № 9, уч. Ю-Я/39-40	120,1 pMC	-	современный
4-13	SPb-1305	конструкция (дерево)	Постройка № 7 (8), уч. Г»/40-41	370±25BP	-	1558–1632 гг. (37,6%)
5-13	SPb-1306	фортификация (дерево)	ОЖК, уч. Е-Ж/33,	358±30BP	-	1540–1635 гг. (48,9%)

Таблица 2

**Образцы костей животных из культурного слоя
городка Монкысь урий (исследования 2011–2013 гг.)**

№ обр.	№ лаб.	Название образца	Местонахождение	Возраст 14C (BP)	$\delta^{13}C$ (VPDB)	Возраст калиброванный (2 σ)
1-13	SPb-1064	лось, череп (коллаген)	ОЖК, склон, уч. Л/32	251±35BP	$\delta^{13}C = -20\text{‰}$	1618–1682 гг. (47,5%)
2-13	SPb_1065	лось (коллаген)	ОЖК, стена, уч. Е»/34	222±25BP	$\delta^{13}C = -22\text{‰}$	1643–1682 гг. (41,4%)
3-13	SPb-1066	лось лопатка (коллаген)	Южная периферия, уч. Р/49	248±25BP	$\delta^{13}C = -19\text{‰}$	1632–1671 гг. (64,3%)
4-13	SPb-1324	медведь бурый (коллаген)	ОЖК, стена, уч. Г»/34	326 Бк/кг	$\delta^{13}C = -20\text{‰}$	современный
6-13	SPb-1323	собака (коллаген)	ОЖК, стена, уч. В»/34	189 pMC	$\delta^{13}C = -24,5\text{‰}$	современный

Таблица 3

**Образцы костей человека из культурного слоя погребения 1
городка Монкысь урий (исследования 2011–2013 гг.)**

№ обр.	№ лаб.	Название образца	Местонахождение	Возраст 14C (BP)	$\delta^{13}C$ (VPDB)	Калиброванный возраст (2 σ)
1. 7-14	SPb-1318	кость берцовая (коллаген)	Погр. 1, слой 1990 г. переотл.	265±25BP	$\delta^{13}C = -23\text{‰}$	1615–1673 гг. (43,3%)
2. 9-14	SPb-1319	кость берцовая (коллаген)	Погр. 1, слой 1990 г. переотл.	143 pMC	$\delta^{13}C = -23,2\text{‰}$	современный
3. 8-14	SPb-1322	Кость берцовая (коллаген)	Погр. 1, слой 1990 г. переотл.	159 pMC	$\delta^{13}C = -24,4\text{‰}$	современный
4. 10-14	SPb-1320	кость берцовая (коллаген)	Погр. 1, слой 1990 г. переотл.	195±25BP	$\delta^{13}C = -23\text{‰}$	1726–1814 гг. (50,3%)
5. 11-14	SPb-1321	Кость локтевая (коллаген)	Погр. 1, слой 1990 г. переотл.	360±25BP	$\delta^{13}C = -23,5\text{‰}$	1553–1634 гг. (45,5%)

Рис. 4.4.1. Диаграмма анализа образца № 2–11.
SPb-1302.
Стена (дерево) оборонительно-жилого
комплекса, уч. Р-Ф/43–44.
356±30BP

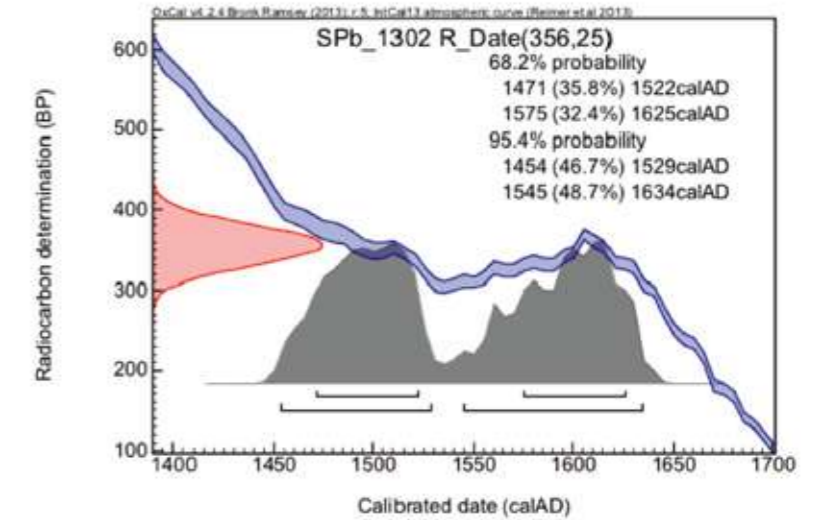

Рис. 4.4.2. Диаграмма анализа образца № 4–13.
SPb-1305.
Конструкция (дерево). Постройка № 7 (8),
уч. Г»/40–41.
370±25BP

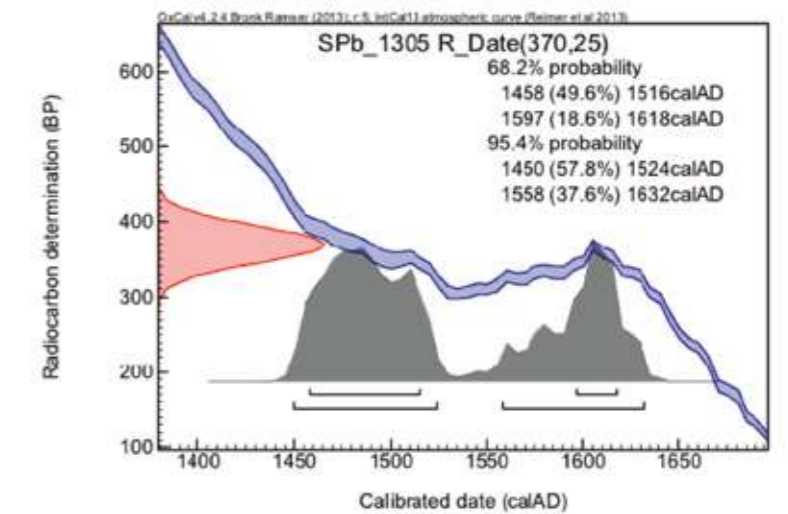
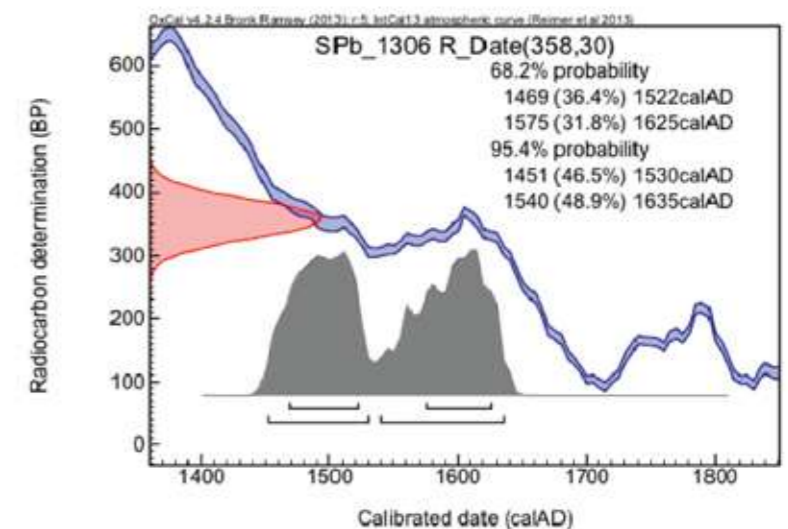

Рис. 4.4.3. Диаграмма анализа образца № 5–13.
SPb-1306.
Фортификации (дерево). Оборонительно-
жилой комплекс, уч. Е-Ж/33.
358±30BP

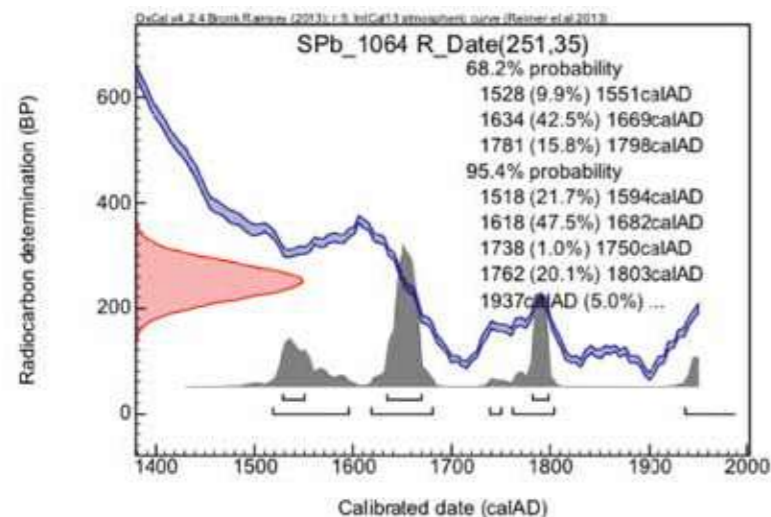

Рис. 4.4.4. Диаграмма анализа образца № 1-13.
SPb-1064.
Лось, череп (коллаген).
Оборонительно-жилой комплекс, склон, уч. Л/32.
251±35BP, $\delta C13 = -20 \text{ ‰}$

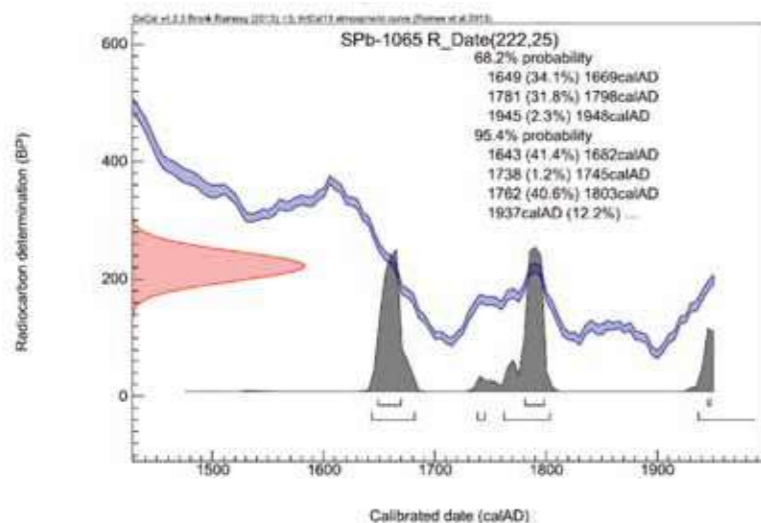

Рис. 4.4.5. Диаграмма анализа образца № 2-13.
SPb-1065.
Лось (коллаген).
Оборонительно-жилой комплекс, стена, уч. Е"/34.
222±25BP, $\delta C13 = -22 \text{ ‰}$

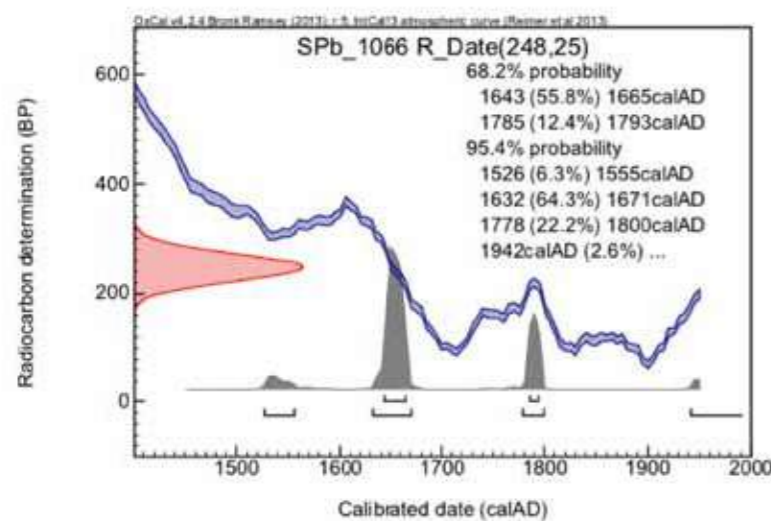

Рис. 4.4.6. Диаграмма анализа образца № 3-13.
SPb-1066.
Лось, лопатка (коллаген).
Южная периферия, уч. Р/49.
248±25BP, $\delta C13 = -19 \text{ ‰}$

Рис. 4.4.7. Диаграмма анализа образца № 1. 7-14.
SPb-1318.
Кость берцовая (коллаген). Погребение 1,
переотложенный слой 1990 г.
265±25BP, $\delta C13 = -23 \text{ ‰}$

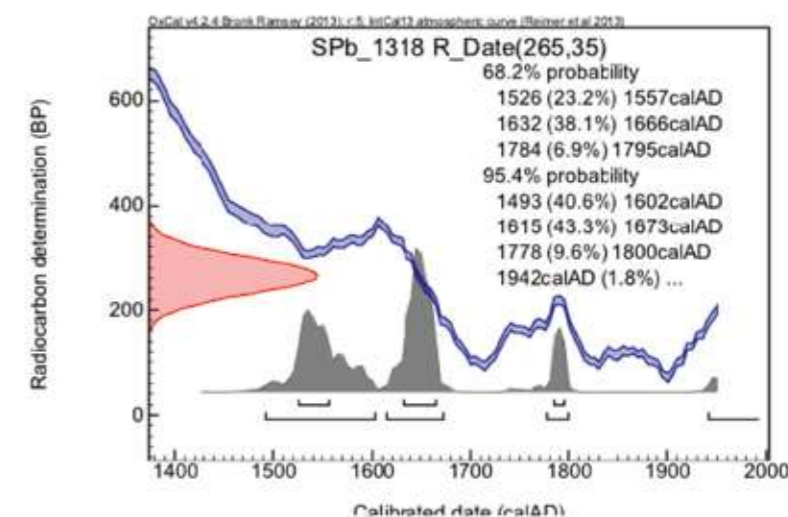

Рис. 4.4.8. Диаграмма анализа образца
№ 4.10-14. SPb-1320.
Кость берцовая (коллаген). Погребение 1,
переотложенный слой 1990 г.
195±25BP, $\delta C13 = -23 \text{ ‰}$. 1726-1814 гг. (50,3%)

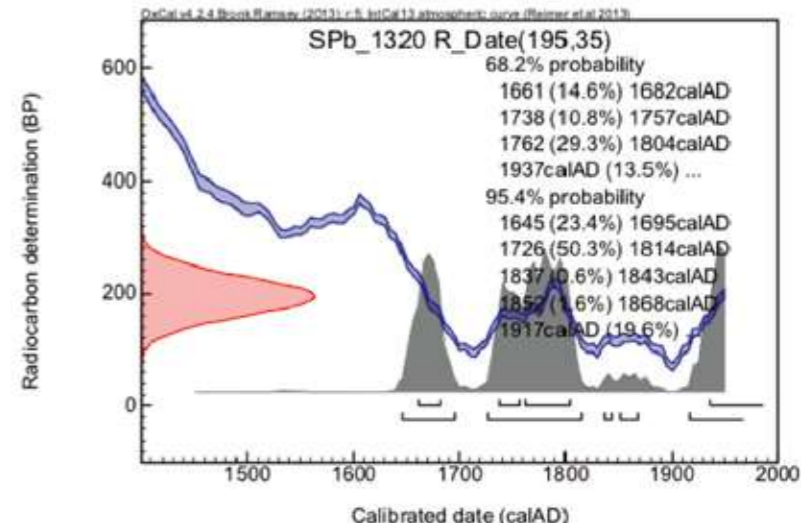
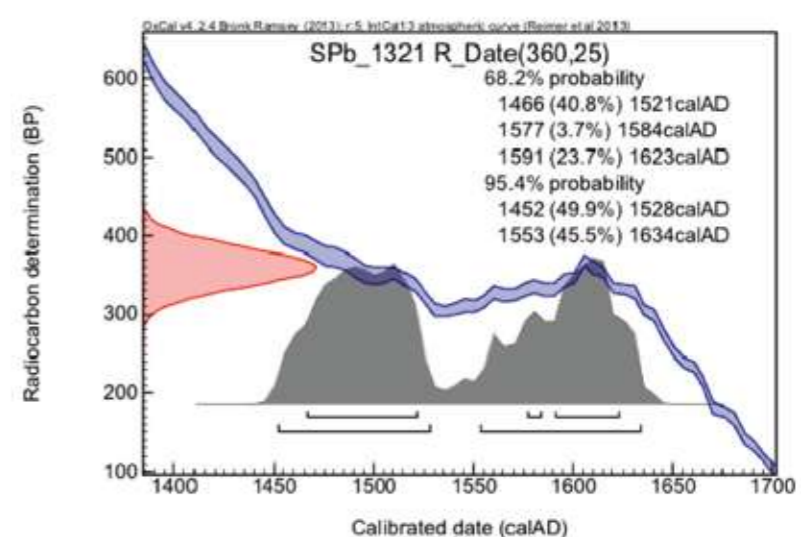

Рис. 4.4.9. Диаграмма анализа образца № 5.
11-14. SPb-1321.
Кость локтевая (коллаген). Погребение 1,
переотложенный слой 1990 г.
360±25BP, $\delta C13 = -23,5 \text{ ‰}$

Условные обозначения:
синий – калибровочная кривая IntCal13;
красный – интервал радиоуглеродного
возраста (BP);
серый – интервалы калиброванного возраста
в пределах (2 σ) с 95% вероятностью и (1 σ)
с 62% вероятностью

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАС	– Всероссийское археологическое совещание
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим
ЕТГМ	– Ежегодник Тобольского губернского музея
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗСО РГО	– Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИА РАН	– Институт археологии РАН (СССР)
ИАН	– Императорская Академия наук
ИАС	– Институт археологии Севера
ИАЭТ, ИАиЭ	– Институт археологии и этнографии
ИПОС	– Институт проблем освоения Севера
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
ИЭРиЖ	– Институт экологии растений и животных
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МФП	– многофункциональная площадка
МИИ СЗС	– Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
НГДУ	– Нефтегазодобывающее управление
НИР	– научно-исследовательская работа
НПО СА	– Научно-производственное объединение «Северная археология»
НПЦ	– научно-производственный центр
ОАН	– объект археологического наследия
ОИКН	– объект историко-культурного наследия
ОКН	– объект культурного наследия
ОмГУ	– Омский государственный университет
ПГПУ	– Пермский государственный педагогический университет
РАН	– Российская Академия наук
РГАВМФ	– Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГО	– Русское географическое общество
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СКМ	– Сургутский краеведческий музей
СЭ	– Советская этнография
ТГИАМЗ	– Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТППИ	– Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	– Томский государственный университет
ТИЭ	– Труды Института этнографии РАН (СССР)
ТМКП	– Тобольский музей, книга поступлений
ТФ ГАТО	– Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ТюмГУ	– Тюменский государственный университет
УАЭ	– Уральская археологическая экспедиция
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ	– Удмуртский институт истории языка и литературы (РАН)
УрГАХА	– Уральская государственная архитектурно-художественная академия
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
УрФУ	– Уральский федеральный университет
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЭО	– Этнографическое обозрение
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

КАРДАШ
Олег Викторович

Археолог, кандидат исторических наук. Древней историей народов Урала и севера Западной Сибири занимается с 1979 года. В 1991 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). В настоящее время – директор АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (город Новосибирск). В 2007 году защитил диссертацию по теме: «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка)». Научные интересы: этногенез и культура аборигенного населения Арктики и Севера Сибири. Наиболее значимые исследования – комплексное изучение археологических памятников аборигенного и русского населения XII–XVIII веков: городков Бухта Находка, Полуйского мысового, Надымского, города Пустозерск в арктических районах Крайнего Севера, а также городка Монкысь урий в западносибирской тайге. Автор и соавтор более 70 научных статей и 7 монографий, изданных в России и за рубежом.

KARDASH Oleg Victorovich

The archaeologist, candidate of historical sciences. He has conducted the study of ancient history of peoples of the Urals and the north of Western Siberia since 1979. In 1991 he graduated from the historical faculty of Ural State University (Yekaterinburg). At the present time – he is the director of autonomous noncommercial organization “Institute of Archaeology of the North” (Nefteyugansk). Researcher in Federal State-Funded Institution of Science “Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Novosibirsk). In 2007 he defended his thesis on the theme: “Culture of Aboriginal population of River Nadym basin of the end XVI - the first third of the XVIII century. (Based on the excavation of Nadym town)”. Research interests: ethnogenesis and culture of the aboriginal population of the Arctic and the North of Siberia. The most important study – a comprehensive study of archaeological sites of indigenous and Russian population in XII–XVIII centuries: the towns of Nakhodka, Bukhta Poluyskogo, Mysovoy, Nadymsky, city Pustozersk in arctic regions of the Far North, as well as the town of Monkys’ Uri in the West Siberian taiga. Author and co-author of over than 70 scientific articles and 7 monographs, published in Russia and abroad.

ВИЗГАЛОВ
Георгий Петрович

Археолог, кандидат исторических наук. Изучением древностей Урала и севера Западной Сибири занимается с 1978 года. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). В 2007 году защитил диссертацию по теме: «Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье: по материалам новых археологических исследований». В настоящее время – директор ООО «НПО “Северная археология-1”» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (город Новосибирск). Научные интересы: период освоения севера Сибири Московским государством и Российской империей. Наиболее значимые исследования: раскопки археологических памятников аборигенного и русского населения XVI–XVIII веков на Крайнем Севере – городов Берёзова, Мангазеи, Старотуруханска, Нижнеколымского острога, городка Монкысь урий, изучение и реконструкция исторического судна коч – памятника русского арктического мореплавания. Автор и соавтор более 40 научных статей и 5 монографий.

VIZGALOV Georgiy Petrovich

The archaeologist, candidate of historical sciences. He has been studying antiquities of the Urals and north of Western Siberia since 1978. In 1983 he graduated from the historical faculty of Ural State University (Sverdlovsk-Ekaterinburg city). In 2007 he defended his thesis on “Mangazeya - the first Russian city in the Siberian Arctic: based on new archaeological research.” At the present time – he is the director of “Scientific and Production Association” Northern archeology-1 “(Nefteyugansk), researcher in Federal State-Funded Institution of Science “Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Novosibirsk). Research interests: the period of development of the north of Siberia by Muscovy and the Russian Empire. The most important studies: the excavation of archaeological sites of indigenous and Russian population of XVI–XVIII centuries in the Far North – towns Beriozov, Mangazeya, Staroturuhan, Nizhnekolymsky Ostrog, town of Monkys’ Uri, the study and reconstruction of the historic vessel Koch – a monument of Russian Arctic navigation. Author and co-author of over than 40 scientific articles and 5 monographs.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

БОРЗУНОВ Виктор Александрович
BORZUNOV Viktor Aleksandrovich

Археолог, кандидат исторических наук. В 1973 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). С 1967 года участвует в археологических экспедициях в Крыму, на Урале и в Западной Сибири. С 1975 года работает в УрГУ. В 1985 году защитил диссертацию по теме: «Гамаюнская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков)». С 1991 года – ведущий научный сотрудник ПНИАЛ УрГУ (УрФУ). Научный редактор АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Основные направления научного исследования: погребальный обряд андроновской культурно-исторической общности эпохи бронзы, культура племен Зауралья конца бронзового – начала железного веков, древнейшие укрепления Севера Евразии (неолит – начало эпохи железа). Автор и соавтор более 150 статей и 5 монографий.

АВТОРЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЕРШИНИН Евгений Владимирович
VERSHININ Evgeniy Vladimirovich

Историк, кандидат исторических наук, доцент. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). В 1998 году защитил диссертацию по теме: «Воеводское управление Сибири (XVII век)». Сотрудник ООО «НПО “Северная археология-1”» (город Нефтеюганск). Научные интересы: период освоения севера Сибири Московским государством в XVII веке. Автор и соавтор более 40 научных статей и монографий.

ДВУРЕЧЕНСКИЙ Олег Викторович
DVURECHENSKIY Oleg Victorovich

Археолог, кандидат исторических наук. В 1993 году окончил исторический факультет Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина. Научный сотрудник отдела комплексных археологических исследований Государственного исторического музея (город Москва). Начальник военно-исторического отряда Верхне-Донской археологической экспедиции ГИМ. В 2008 году защитил диссертацию по теме: «Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII века)». Основной круг научных интересов: вооружение населения Древней Руси и Русского государства, военное дело народов Средней Азии периодов восточного эллинизма и раннего средневековья. Автор и соавтор более 30 научных статей, монографий и музейных каталогов, в том числе издания «Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле».

ТРАВКИН Сергей Николаевич
TRAVKIN Georgiy Nikolaevich

Историк, нумизмат, кандидат исторических наук. В 1996 году окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета имени В. И. Ленина. С 2001 года сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета имени А. С. Пушкина, доцент кафедры истории. В 2012 году защитил диссертацию по теме: «Юго-Восточная Европа в эпоху позднего средневековья по данным нумизматики». Автор и соавтор более 50 научных статей и одной монографии.

КОСИНЦЕВ Павел Андреевич
KOSINTSEVPavel Andreevich

Биолог, кандидат биологических наук. В 1983 году окончил биологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). Заведующий лабораторией палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (город Екатеринбург). В 1991 году защитил диссертацию по теме: «Крупные млекопитающие Урала в позднем плейстоцене и голоцене». Область научных интересов – млекопитающие Европы и Северной Азии в плейстоцене и голоцене; история хозяйства населения Северной Евразии от эпохи палеолита до нового времени; историческая экология и адаптация человека в условиях Севера.

Автор и соавтор более 400 научных работ, в том числе 12 монографий, изданных в России и за рубежом.

ЛОБАНОВА Татьяна Владимировна
LOBANOVA Tatyana Vladimirovna

Биолог. В 1986 году окончила биологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). Работала заместителем директора Свердловского зоопарка, заведующей секцией хищных животных. С 2001 года – сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (город Екатеринбург). Научные интересы: зооархеология, историческая экология. Исследования посвящены историко-экологическим аспектам изучения археологических памятников, реконструкции хозяйственной и промышленной деятельности человека в условиях Крайнего Севера, анализу состава, структуры и динамики фауны крупных млекопитающих севера Сибири в позднем голоцене. Автор и соавтор более 20 научных статей и одной монографии.

деятельности человека в условиях Крайнего Севера, анализу состава, структуры и динамики фауны крупных млекопитающих севера Сибири в позднем голоцене. Автор и соавтор более 20 научных статей и одной монографии.

БАЧУРА Ольга Петровна
BACHURA Olga Petrovna

Зоолог, кандидат биологических наук. В 1997 году окончила биологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). В 2006 году защитила диссертацию по теме: «Крупные млекопитающие Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене». Научный сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (город Екатеринбург). В составе комплексных экспедиций принимала участие в археозоологических исследованиях, направленных на реконструкцию хозяйственной (промышленной и животноводческой) деятельности средневекового населения Урало-Западно-

сибирского региона. Автор и соавтор более 40 научных работ.

АСЬКЕЕВ Игорь Васильевич
ASKEEV Igor Vasilievich

Биолог, эколог, кандидат биологических наук, доцент. В 1990 году окончил Казанский государственный университет. С 2009 года работает старшим научным сотрудником лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН Республики Татарстан (город Казань). В 1998 году защитил диссертацию по теме: «Орнитофауна агроландшафтов Республики Татарстан». Районы полевых исследований: Восточная Европа, Урал, Западная Сибирь. Область научных интересов: зооархеология, орнитология, ихтиология, фенология, фило-

география пресноводных рыб, историческая экология. Автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

РАЖЕВ Дмитрий Иванович
RAZHEV Dmitry Ivanovich

Антрополог, кандидат исторических наук. В 1992 году окончил биологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). В 2001 году защитил диссертацию по теме: «Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века». Ведущий научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (город Тюмень). Область научных интересов: биоантропология населения Западной Сибири с древности до нового времени. Автор и соавтор более 70 научных работ, в том числе 6 монографий, изданных в России и за рубежом.

ПОШЕХОНОВА Ольга Евгеньевна
POSHEKHONOVA Olga Evgenyevna

Антрополог, археолог. В 1998 году окончила исторический факультет Тюменского государственного университета. С 2001 года является научным сотрудником лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (город Тюмень). Полевые исследования посвящены изучению могильников и поселенческих памятников XVII–XIX веков бассейнов рек Пур и Таз. Научные интересы: формирование антропологического типа населения и генезис популяций Западной Сибири эпохи средневековья. Автор и соавтор более 40 научных работ.

СЛЕПЧЕНКО Сергей Михайлович
SLEPCHENKO Sergey Mikhailovich

Антрополог, врач-хирург. В 2007 году окончил лечебный факультет Омской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения РФ. Работал в практическом здравоохранении. В 2010 году прошел научную стажировку в НИИ и Музее антропологии имени Д. Н. Анучина МГУ имени М. В. Ломоносова. С 2013 года – младший научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (город Тюмень). Область научных интересов: палеопатология, палеоантропология, палеопаразитология, медицина древнего населения Западной Сибири. Автор и соавтор более 10 научных работ, изданных в России и за рубежом.

АЛЕКСЕЕВА Елена Алексеевна
ALEKSEEVA Elena Alekseevna

Антрополог, реконструктор. В 2008 году окончила художественно-графический факультет Тюменского государственного университета. С 2007 года – лаборант, а в настоящее время – младший научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (город Тюмень). Научные интересы: реконструкция внешности человека по его черепу. Прошла стажировки в ГБУЗ ДЗМ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» под руководством ведущего судебно-медицинского эксперта С. А. Никитина. Автор и соавтор более 10 научных работ.

КУЛЬКОВА Марианна Алексеевна
KULKOVA Marianna Alexeevna

Геохимик, кандидат геолого-минералогических наук, доцент. Окончила кафедру геохимии геологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. С 2001 по 2008 годы работала в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (город Санкт-Петербург). В 2005 году защитила диссертацию по теме: «Геохимическая индикация ландшафтно-палеоклиматических условий в голоцене регионов Двинско-Ловатского междуречья и Южной Сибири». С 2008 года – доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Заместитель директора Центра коллективного пользования «Геоэкология» по научным вопросам (город Санкт-Петербург). Специалист по радиоуглеродному датированию, геохимии окружающей среды, изотопной геохимии. Автор и соавтор более 150 научных статей и 3 монографий, изданных в России и за рубежом.

НЕСТЕРОВ Евгений Михайлович
NESTEROV Eugeny Mikhailovich

Геолог, доктор педагогических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего и среднего профессионального образования. В 1975 году окончил кафедру петрографии геологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Директор Центра коллективного пользования «Геоэкология» (город Санкт-Петербург). В 2004 году на базе факультета географии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена организовал лабораторию геохимии окружающей среды имени А. Е. Ферсмана. Автор более 300 публикаций.

НЕСТЕРОВА Лариса Анатольевна
NESTEROVA Larisa Anatolievna

Географ, кандидат географических наук, доцент. Окончила кафедру физической географии факультета географии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. В настоящее время – доцент этой кафедры. Преподаваемые дисциплины: физическая география России и мира, физическая география и ландшафты России. С 2010 года работает в области радиоуглеродного датирования. Специалист по химической пробоподготовке углеродсодержащих образцов и синтезу бензола для измерений на жидкостных сцинтилляционных счетчиках.

СИНАЙ Марина Юрьевна
SINAY Marina Yurievna

Геолог, кандидат геолого-минералогических наук, доцент. Окончила кафедру кристаллографии геологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. С 2010 года преподает на кафедре геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, в настоящее время – доцент этой кафедры. Область научных интересов: кристаллогенезис, экспериментальное моделирование природных процессов. Преподаваемые дисциплины: введение в минералогию, геология. С 2012 года работает в области изотопной геологии. Специалист по определению стабильных изотопов углерода, азота, кислорода в органических и карбонатных материалах. Автор более 35 публикаций.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

ГОРБУНОВА Марина Борисовна
GORBUNOVA Marina Borisovna

Эколог по образованию. В 1989 году окончила УГТУ–УПИ имени С. М. Кирова (город Екатеринбург). С 1995 года профессионально занимается графическим дизайном, с 2000 года – книжным дизайном и издательской деятельностью. Имеет более 100 оформленных и изданных книг – художественных, научных, научно-популярных и др. Победитель конкурсов в области графического и книжного дизайна с 1998 года. Работает как издатель с ООО «НПО “Северная археология-1”» (с 2006 года) и «Институтом археологии Севера» – с момента его образования. Сфера интересов – книги, художественная фотография, дизайн, рисунок.

ПОНОМАРЕВА Татьяна Михайловна
PONOMAREVA Tatiana Mihailovna

Историк, археолог. В 2004 году окончила исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Участник археологических экспедиций на севере Западной Сибири и в Европейской Арктике. Сфера интересов: средневековая история и археология. Автор и соавтор нескольких научных работ.

ВЛАДИМИРСКИЙ Михаил Юрьевич
VLADIMIRSKIY Mihail Yrievich

Историк, археолог, кандидат исторических наук. В 1996 году окончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. В 2000 году защитил диссертацию на тему: «Олигархическое движение в Аттике в V веке до н. э.». Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Участник археологических экспедиций на севере Западной Сибири и в Европейской Арктике. Сфера интересов: средневековая военная история. Автор и соавтор нескольких научных работ.

МАРАКУЛИН Василий Александрович
MARAKULIN Vasily Alexandrovich

Историк, археолог. В 2012 году окончил исторический факультет Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (город Екатеринбург). Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Участник археологических экспедиций на севере Западной Сибири и в Европейской Арктике. Сфера интересов – средневековая история.

СМИРНОВА (УСОЛКИНА) Мария Алексеевна
SMIRNOVA (USOLKINA) Mariy Alekseevna

Этнолог, археолог. В 2013 году окончила с отличием исторический факультет Московского государственного университета имени имени М. В. Ломоносова. Защитила квалификационную работу на тему: «Берестяные изделия из археологических памятников Нижнего Приобья как источник по этнокультурной истории (XVI–XVIII вв.)». Младший научный сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Участник археологических экспедиций на Севере Западной Сибири и в Европейской Арктике. Сфера интересов: этнология и материальная культура аборигенного населения Севера Сибири. Автор и соавтор нескольких научных работ.

ЛИПС Светлана Александровна
LIPS Svetlana Alexandrovna

Архитектор-реставратор, историк. В 2008 году окончила Уральскую государственную архитектурно-художественную академию (город Екатеринбург). Квалификационная работа: «Архитектурно-ландшафтная реконструкция парка по ул. Чкалова в г. Екатеринбурге». В 2014 году окончила исторический факультет Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Квалификационная работа: «Динамика архитектуры жилых построек аборигенного населения Западной Сибири в период от средневековья до нового времени». Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Сфера интересов: история архитектуры аборигенного населения Севера Сибири.

АЛЕКСЕЕВА Екатерина Анатольевна
ALEKSEEVA Ekaterina Anatolevna

Архитектор. В 2012 году окончила архитектурно-строительный факультет Южно-Уральского государственного университета (город Челябинск) и параллельно – Всероссийский заочный финансово-экономический институт. Квалификационная работа: «Реконструкция и реставрация Храма во имя Троицы Живоначальной в г. Кыштыме». Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Сфера интересов: история архитектуры, храмовое зодчество.

УТКИН Александр Александрович
UTKIN Alexandr Alexandrovich

Инженер-геодезист. В 2014 году окончил Уральский государственный горный университет (город Екатеринбург). С 2008 года – участник археологических экспедиций на Севере Западной Сибири, в Южной Сибири и Европейской части России. Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Сфера интересов: геодезия в полевых археологических исследованиях.

ЧУБИНСКИЙ Михаил Сергеевич
CHUBINSKIY Mihail Sergeevich

Инженер-геодезист. В 2010 году окончил Уральский государственный педагогический университет (город Екатеринбург). С 2008 года – участник археологических экспедиций на Севере Западной Сибири. Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Сфера интересов: полевые геодезические и археологические исследования.

ЮЛИН Алексей Борисович
YLIN Alecsey Borisovich

Инженер-конструктор. В 2000 году окончил теплоэнергетический факультет Уральского государственного технического университета – УПИ имени С. М. Кирова (город Екатеринбург). Работник ООО «Турбосистема» (город Екатеринбург), по совместительству – сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Выполняет чертежные работы и фотограмметрию. Сфера интересов: художественная фотография, IT-технологии.

ИВАСЬКО Василий Александрович
IVASKO Vasily Alexandrovich

Инженер, системный администратор. В 2010 году окончил Уральский государственный колледж имени И. И. Ползунова (город Екатеринбург). Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Сфера интересов: IT-технологии, полевые археологические исследования.

КУХТЕРИН Александр Сергеевич
KUNTERIN Alexander Sergeevich

Художник. В 1982 году окончил техническое училище № 7 (город Тюмень), получил диплом бурильщика 5 разряда и три года работал помощником бурильщика в Карской нефтеразведочной экспедиции (Ямальский район ЯНАО). С 1985 г. является художником-оформителем и художником-иллюстратором. Оформил около трехсот книг. В настоящее время – сотрудник ООО «НПО «Северная археология-1»» (город Нефтеюганск). Постоянный участник раскопок Мангазеи и исследований русских памятников освоения Арктики. Сфера интересов: полевые археологические исследования, изобразительное творчество.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН	
1.1. Географический ландшафт бассейна Большого Югана.....	24
1.2. История археологического изучения реки Большой Юган	26
1.3. Название памятника и городка	33
1.4. История археологического изучения городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)	36
ГЛАВА 2. ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ	
2.1. Терминология	63
2.2. Архитектура городка Монкысь урий и предшествующего поселения	65
2.2.1. Система расселения и региональные связи.....	65
2.2.2. Юрты Монкысь урий – предшественник городка	68
2.2.3. Общая планировочная структура и архитектура городка Монкысь урий	73
2.2.4. Оборонительно-жилой комплекс городка Монкысь урий.....	76
2.2.4.1. Планировочная структура	76
2.2.4.2. Оборонительные сооружения комплекса	78
2.2.4.3. Жилые строения оборонительно-жилого комплекса	83
2.2.4.4. Сооружения (ямы), связанные с функционированием оборонительно-жилого комплекса.....	93
2.2.5. Южная периферия городка: хозяйственно-производственная территория.....	98
2.2.6. Хронология городка Монкысь урий	100
2.2.7. Архитектура городка Монкысь урий: основные выводы	102
2.3. Вещевой комплекс городка Монкысь урий.....	186
2.3.1. Костюм: одежда, обувь, украшения.....	188
2.3.1.1. Нательные украшения (съёмные) – украшения тела человека	189
2.3.1.2. Универсальные украшения костюма (съёмные), шейно-нагрудные и поясные.....	196
2.3.1.3. Нашивные (накладные) металлические пластины (накладки)	207
2.3.2. Орудия охоты и рыболовства	211
2.3.2.1. Охотничье оружие и орудия охоты на животных	212
2.3.2.2. Орудия рыболовства	215
2.3.3. Предметы боевого вооружения и боеприпасы	218
2.3.3.1. Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: холодное оружие	218
2.3.3.2. Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: огнестрельное оружие	219
2.3.3.3. Предметы защитного вооружения.....	220
2.3.4. Орудия и инструменты.....	220
2.3.4.1. Универсальные орудия: железные ножи	221
2.3.4.2. Инструменты для обработки дерева и металла; мужские ремесла.....	223
2.3.4.3. Инструменты для обработки кожи и ткани; женские ремесла.....	228
2.3.5. Предметы быта и домашнего обихода	234
2.3.5.1. Посуда и кухонная утварь	234
2.3.6. Средства передвижения и упряжь	214
2.3.6.1. Наземный транспорт	214
2.3.6.2. Водный транспорт.....	246

2.3.7. Культовые и ритуальные предметы.....	247
2.4. Осада и оборона городка Монкысь урий.....	280
2.4.1. Документальные данные об осаде и штурме городка	280
2.4.2. Фольклорные данные об осаде и штурме городка	284
2.4.3. Археологические данные об осаде и штурме городка.....	292
ГЛАВА 3. РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДКЕ МОНКЫСЬ УРИЙ	
3.1. Погребальный комплекс: захоронения и человеческие останки.....	317
3.1.1. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1).....	317
3.1.2. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2).....	323
3.1.3. Индивидуумы XI–XV(?) (погребение № 3).....	325
3.1.4. Индивидуум XVI–XIX («погребение» № 4)	327
3.1.5. Индивидуум XX.....	328
3.1.6. Антропологическая (расово-генетическая) характеристика жителей городка	329
3.2. Поминальный обряд	346
3.2.1. Поминальная обрядность у обских утров	346
3.2.2. Типологическая систематизация наконечников стрел.....	347
3.2.3. Стрелы в ритуально-обрядовых комплексах.....	359
3.2.4. Костные останки животных в ритуально-обрядовых комплексах	363
3.2.5. Монеты в составе ритуального комплекса.....	370
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	386
SUMMARY	411
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	417
СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЯ	440
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	442

Том II

1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ РГАДА.....	8
2. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ.....	21
3. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	36
4. МАТЕРИАЛЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	94
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	193
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	192
СВЕДЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	205

CONTENT

Vol. I

INTRODUCTION	6
CHAPTER 1: The environment and archaeological study of Bolshoy Yugan river	
1.1. The geographical landscape of Bolshoy Yugan river basin	24
1.2. The history of archaeological study of the Bolshoy Yugan river	26
1.3. The name of the monument and the town.....	33
1.4. The history of archaeological study of the town of Monkys' Uri (settlement Chastuhinsky Uri).....	36
CHAPTER 2. Settlement complex of Monkys' Uri town	
2.1. Terminology.....	63
2.2. The architecture of the Monkys' Uri town and prior settlement	65
2.2.1. Settlement system and regional ties.....	65
2.2.2. Yurts of Monkys' Uri - the predecessor of the town.....	68
2.2.3. The total planning structure and architecture of the town of Monkys' Uri.....	73
2.2.4. Defensive and residential complex of the Monkys' Uri town	76
2.2.4.1. Defensive installations.....	76
2.2.4.2. Entrance to defensive and residential complex.....	78
2.2.4.3. Residential buildings of defensive-residential complex	83
2.2.4.4. Entrance (hole) related with defensive-residential complex	93
2.2.5. Soutern periphery of the town: economic-production territory	98
2.2.6. Chronology of the Monkys' Uri town	100
2.2.6. The architecture of the Monkys' Uri town: basic conclusions.....	102
2.3. Material culture of the Monkys' Uri town	186
2.3.1. Suit: clothes, shoes, jewelry.....	188
2.3.1.1. Worn close to the body decorations (removable) – decoration of the human body	189
2.3.1.2. Universal costume jewelry (removable), for neck, chest and waist.....	196
2.3.1.3. Sewn (overhead) metal plates (straps)	207
2.3.2. Hunting weapons and fishing gear	
2.3.2.1. Hunting weapons and instruments for hunting animals.....	212
2.3.2.2. Fishing gear	215
2.3.3. Objects of combat weapons and ammunition.....	218
2.3.3.1. Objects of offensive weapons and ammunition: edged weapon	218
2.3.3.2. Objects of offensive weapons and ammunition: firearms.....	219
2.3.3.3. Objects of armature	220
2.3.4. Tools and instruments	220
2.3.4.1. Universal tools: knives.....	221
2.3.4.2. Tools for wood and metal; male's crafts	223
2.3.4.3. Tools for leather working and textile processing; female's crafts	228
2.3.5. Household items and household goods	234
2.3.5.1. Cookware and kitchen utensils	240
2.3.6. Means of transport.....	214
2.3.6.1. Ground transportation	214

2.3.6.2. Water transport	246
2.3.7. Worship and ritual objects	247
2.4. The siege and defense of the Monkys' Uri town.....	280
2.4.1. Documentary evidence of the siege and storming of the	280
2.4.2. Folklore data about the siege and assault	284
2.4.3. Archaeological evidence of the siege and assault of the town.....	292

CHAPTER 3. Ritual complex at the Monkys' Uri town

3.1. Burial site: graves and human remains.....	317
3.1.1. Individuals I–VIII (burial № 1).....	317
3.1.2. Individuals IX–X (burial № 2).....	323
3.1.3. Individuals XI–XV(?) (burial № 3).....	325
3.1.4. Individuals XVI–XIX (burial № 4)	327
3.1.5. Individual XX	328
3.1.6. Anthropological (racial-genetic) characteristic of inhabitants of the town	329
3.2. Memorial rite	346
3.2.1. Funeral rites of the Ob Ugrians	346
3.2.2. Typological classification of arrowheads.....	347
3.2.3. Arrows in ritual complexes	359
3.2.4. Bone remains of animals in ritual and ceremonial complexes.....	363
3.2.5. Coins in the composition of the ritual complex.....	370
SUMMARY	386
LIST OF SOURCES AND LITERATURE	417
LIST OF ABBREVIATIONS	442

Vol. II

1. THE DOCUMENTARY SOURCES FROM THE FUNDS OF RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT DOCUMENTS (RSAAD)	8
2. FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC SOURCES	21
3. MATERIALS OF HISTORICAL RESEARCHES	36
4. MATERIALS OF NATURAL SCIENCES	94
LIST OF ABBREVIATIONS	192
INFORMATION ABOUT AUTHORS AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL STAFF.....	193
INFORMATION ABOUT ORGANIZATIONS.....	205

**ФГБУН «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ»
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИАЭТ СО РАН)**

Адрес: 630090, г. Новосибирск-90, пр. Ак. Лаврентьева, 17
E-mail: science@archaeology.nsc.ru, shunkov@archaeology.nsc.ru, iaet@yandex.ru
Официальный сайт: <http://www.archaeology.nsc.ru/>
Директор: Шуньков Михаил Васильевич. Тел. 8(383) 330-05-37
Научный руководитель института: Деревянко Анатолий Пантелеевич. Тел. +7 (383) 330-05-37
Референт директора: +7 (383) 330-05-37

В 1966 году среди научных учреждений новосибирского Академгородка появился Институт истории, филологии и философии, в котором под руководством А. П. Окладникова начало развиваться археологическое направление. В 1990 году ИИФиФ вместе с некоторыми другими гуманитарными учреждениями СО РАН был преобразован в сложный по структуре Объединенный институт истории, филологии и философии, который возглавил А. П. Деревянко. Это была своего рода научная конфедерация, частью которой стал Институт археологии и этнографии. В 2001 году ИАЭТ становится самостоятельным научным учреждением. Сегодня это один из крупнейших институтов гуманитарного профиля, занимающий лидирующие позиции среди мировых научных центров в области комплексного изучения древних и традиционных культур. Директор института – М. В. Шуньков. Основные направления деятельности ИАЭТ СО РАН: изучение начальных этапов истории и культуры человечества в Евразии, палеоэкология человека в плейстоцене и голоцене, исследование трансформации и развития археологических культур от эпохи камня до позднего средневековья Сибири. Важное место в работе института занимает изучение традиционных культур аборигенных народов Сибири, славянских этносов, а также этносоциальных и этнополитических процессов в современном обществе. Важнейшими принципами, определяющими стратегию современного научного поиска, являются междисциплинарный подход к разработке фундаментальных проблем археологии и этнографии и обширные международные контакты с научными центрами Европы, Азии и Америки. Ежегодно десятки археологических и этнографических экспедиций работают в различных реги-

онах Сибири и Дальнего Востока, в Дагестане, в ближнем (Узбекистан, Казахстан) и дальнем (Монголия, Черногория, Вьетнам, Иран) зарубежье. Среди научных сотрудников Института – два академика и член-корреспондент РАН, 26 докторов и 70 кандидатов наук. ИАЭТ СО РАН обладает современной уникальной научно-экспериментальной базой, позволяющей проводить междисциплинарные исследования. Помимо других научных и производственных подразделений в него входят ЦКП «Геохронологии кайнозоя», реставрационный центр, научно-исследовательский стационар «Денисова пещера», а также издательско-полиграфический центр, оснащенный современным оборудованием.

В Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурном музее под открытым небом собраны богатейшие археологические и этнографические коллекции, отражающие историю, культуру, духовный мир народов, населявших пространства Северной Азии на протяжении тысячелетий.

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

«СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск, промышленная зона Пионерная, ул. Сургутская, строение 18
Почтовый адрес: 628305, РФ, ХМАО – Югра, г. Нефтеюганск 5, а/я 398
E-mail: chistory@rambler.ru
Директор: Визгалов Георгий Петрович, 8 (3463) 23-49-56
Помощник директора: +7 (3463) 29-46-23

В 1968 году в УрГУ была создана хоздоговорная лаборатория. Освоение нефтегазовых месторождений Севера определило основное направление ее деятельности, и уральские археологи под руководством В. Ф. Генинга начали систематические исследования северных территорий Западной Сибири, и в частности Среднего Приобья. В 1991 году экспедиция под руководством Г. П. Визгалова, О. В. Кардаша и К. Г. Карачарова, выпускников Уральского государственного университета, провела широкомасштабные археологические исследования в Нефтеюганском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа. В 1992 году было создано специализированное муниципальное учреждение «Центр историко-культурного наследия» во главе с

Г. П. Визгаловым. В 2003 году центр реорганизован в ООО «НПО «Северная археология-1». Научно-исследовательский коллектив этой организации, в основном сложившийся в начале 1990-х годов, уже более 20 лет ведет систематическую работу по выявлению, изучению, сохранению и популяризации культурного наследия народов севера Евразии. Приоритетным направлением деятельности предприятия остается охранно-спасательная археология. География исследований в последние годы вышла за рамки не только Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО), но и соседнего Ямало-Ненецкого (ЯНАО). Важные и очень интересные работы были проведены в Заполярном районе Ненецкого автономного округа (НАО), на севере Красноярского края и в Якутии. Коллектив «Северной археологии» включает, кроме основного Нефтеюганского, Нижневартовское и Тюменское подразделения. В рабочую группу входят более 50 специалистов из разных областей (геодезические группы, архитекторы, зоологи, реставраторы и т. п.), что позволяет комплексно решать задачи по исследованию и сохранению памятников древней истории Севера. С недавнего времени организация является экспертной и реализует полномочия по Государственной историко-культурной экспертизе, связанные с археологическим наследием.

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА» (АНО ИАС)

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск, промзона Пионерная ул. Сургутская, строение 18
Почтовый адрес: 628309, РФ, ХМАО – Югра, г. Нефтеюганск, а/я 542
E-mail: archeonord@yandex.ru archeonord-buch@yandex.ru
Сайт: <http://www.archeonord.ru>
Директор: Кардаш Олег Викторович + 7 (3463) 29-46-25

Институт Археологии Севера был учрежден в 2010 году по инициативе Г. П. Визгалова и О. В. Кардаша как организация, объединяющая, координирующая и реализующая научно-исследовательский сектор работ, проводимых в течение ряда лет региональными научно-производственными организациями, осуществляющими свою деятельность в области изучения и сохранения историко-культурного наследия Крайнего Севера России. Организацию составляет небольшая группа специалистов, которая расширяется за счет создания творческих коллективов для реализации конкретных научных проектов.

Приоритетной областью научных и прикладных исследований сотрудников института является история коренного и пришлого населения севера Сибири и Европейского Северо-Востока эпохи средневековья и нового времени. Большинство этих изысканий осуществлялось при участии работников организаций-учредителей, в первую очередь, ООО «НПО «Северная археология-1»».

Комплексный характер работ во время полевых сезонов обеспечивается участием в археологических исследованиях представителей естественных наук, прежде всего биологов разных научных специализаций (зоологи, почвоведы, ботаники, специалисты по дендрохронологии), а также географов, представляющих различные академические и вузовские учреждения России.

Основными научно-производственными направлениями деятельности института являются работы по выявлению и стационарному изучению памятников археологии; мероприятия по сохранению объектов культурного наследия, включающие выявление и обоснование их границ, проектирование охранных зон памятников истории и культуры (достопримечательных мест); популяризация культурного наследия древних и современных народов Евразийского Севера. Итогом всех этих исследований является введение результатов полевых, лабораторных и теоретических изысканий в научный и общественный оборот посредством публикаций, научно-популярных фильмов, выставок и научных форумов.

Олег Викторович Кардаш
Георгий Петрович Визгалов

**ГОРОДОК МОНКЫСЬ УРИЙ:
к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках
(по результатам комплексного археологического исследования)
Том II**

серия «Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири»
Выпуск V

Научное издание

Автор идеи, руководитель научно-исследовательского коллектива – канд. ист. наук *О. В. Кардаш*
Научный редактор – канд. ист. наук *В. А. Борзунов*
Редактор-корректор – *М. А. Сидельникова*
Оформление, верстка – *М. Б. Горбунова*
Перевод – *Ю. Ю. Гольденберг*
Подготовка иллюстративного ряда – *Е. А. Алексеева, М. Б. Горбунова, С. А. Липс,
М. Л. Попадкин, Е. В. Шилинг*
Архитектурно-исторические реконструкции – *С. А. Липс*
Фотографии *О. В. Кардаша, Г. П. Визгалова, Т. М. Пономаревой, А. А. Уткина, В. А. Ивасько*
Живопись художника *А. С. Кухтерина*

Издательская группа Караван
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13, оф. 1327
тел.: +7 912 215-15-21, +7 912 652 3495
e-mail: bookcaravan@yandex.ru
www.caravanbook.ru

Подписано в печать 18.05.2015
Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.
Тираж 300 экз. Заказ № 368.

Отпечатано и переплетено в издательско-полиграфическом центре
Института археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирск. 630090, пр. Академика Лаврентьева, 17